

ЗОРАИДА КОРДОВА

РАЗЖИГАТЕЛЬНИЦА

Annotation

Меня зовут Рената Конвида.

Я прожила сотню украденных жизней.

Пришло время жить своей.

Рената Конвида была ещё совсем ребёнком, когда по приказу Королевского Правосудия её забрали в роскошный дворец в Андалусии. Будучи робари, обладательницей редчайшего и самого устрашающего дара среди всех представителей магической расы моря, Рената была способна красть воспоминания врагов короля. Она стала орудием Королевского Гнева и причиной смерти тысяч своих сородичей.

Теперь Рената — одна из шепчущих, шпионов, взбунтовавшихся против короны и помогающих оставшимся морякам сбежать из королевства, которое вынесло им смертный приговор. Шепчущие спасли Ренату из дворца много лет назад, но она не смогла избежать их недоверия и ненависти... как и справиться с воспоминаниями сотен душ, которые она «опустошила», пока жила во дворце.

Когда печально известный Кровавый Принц захватывает Деза, командира её подразделения, Рената готова пойти на всё, чтобы спасти того, чья любовь делает её жизнь среди шепчущих терпимой. Но попытка спасения проваливается и это означает, что Рената должна вернуться во дворец под прикрытием и завершить особо секретную миссию Деза. Сможет ли Рената убедить бывших захватчиков в своей верности, если жажда мести к жестокому и загадочному принцу сжигает её изнутри? На кону стоит её жизнь и судьба всех моряков.

Но возвращение во дворец пробуждает детские воспоминания, запертые глубоко внутри. По мере того, как Рената всё глубже погружается в политику королевского двора, она раскрывает секрет своего прошлого. Секрет, который может полностью изменить судьбу всего королевства и закончить войну, которая стоила ей всего.

•

Зораида Кордова

Разжигательница

Переведено специально для группы

~"*°†Мир фэнтези†•°*"~

<http://vk.com/club43447162>

Оригинальное название: Incendiary

Автор: Зораида Кордова / Zoraida Córdova

Серии: Корона пустоты (№ 1) / Hollow Crown #1

Перевод: Дарина Ларина

Редактор: Анна Веселова (главы 1–5)

КОРОЛЕВСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

ПРИКАЗ № 1

По приказу Руки Правосудия короля Фернандо, стражей храма Отца Миров, Присяжных Истины и Воинов Вечного Мира, гражданам Пуэрто-Леонеса запрещается предоставлять убежище мориа — беглецам, убийцам и предателям короны. Всякий, кому известно местонахождение носителей противоестественной магии, обязан сообщить стражам. Тем, кто повинуется, будет оказана милость.

Да будет исполнена воля короля.

Утверждено Верховным судьёй Мендесом

Королевство Пуэрто-Леонес

28-й год правления Его Величества короля Фернандо

305 г. Третьей Эры Андалусии

ПЕСНЬ РАСХИТИТЕЛЯ МОГИЛ

Могилу мориа я искал,

А как нашёл — так раскопал:

В ней два серебряных глаза,

Что проникнут в твой разум;

Три золотых пальца,
Чтоб ты в иллюзию оказался;
Одно сердце, красное как медь,
Чтоб лавине чувств ты мог велеть;
И четыре вены, что льются платиной,
Чтобы прошлое было утрачено.
Как много я раскопал,
Пока могилу мориа искал.

Пролог

317 г.

Той ночью Селеста Сан-Марина копала могилу.

Из-за сезонной засухи земля в Эсмеральдас затвердела, и каждый удар лопатой отзывался болью в её руках — мышцы конвульсивно дёргались, а кости ныли. Пот, смешанный с пылью, лил ручьём по обветренной загорелой коже. Но она продолжала копать.

Луна скрывалась за густыми беспросветными облаками. Единственным источником света была почти потухшая масляная лампа рядом с телом, наспех завёрнутым в простыни. Врезая остриё лопаты в землю снова и снова, стирая руки в кровь, она не смела остановиться, пока не выкопала яму достаточных размеров, чтобы похоронить тело. Затем она опустилась на колени рядом с ним.

— Ты заслуживал лучшего, Родриг, — дрожащим голосом сказала шпионка. Будь у неё возможность, она бы организовала настоящие похороны. Но в такие времена они могли рассчитывать только на безымянные могилы.

Она потянулась к его шее и обрезала кожаный шнурок, на котором висел камень альман — единственное наследие Родрига, — и спрятала неровный белый минерал во внутреннем кармане своей серой туники. Камень поместился рядом со склянкой, которая была у каждого мориа-шпиона в королевстве, прямо над её сердцем. Сколько ещё тайн ей придется похоронить, прежде чем она уйдёт на заслуженный отдых?

Той ночью об отдыхе и речи быть не могло. Селесте понадобились все её силы, чтобы перетащить тело в могилу и начать её закапывать.

Ещё один мориа мёртв. Ещё один мятежник погиб.

Конь, стоявший в тени, тихонько заржал и ударил копытом, когда Селеста подошла к нему, прихватив лопату и лампу. Нужно было

вернуться в деревню до рассвета. Она взобралась на коня и пришпорила его.

Ветер бил ей в лицо, копыта поднимали пыль, а высоко в небе сверкали звёзды.

Крепко держа поводья одной рукой, Селеста раз за разом проверяла камень Родрига в своем кармане. Все её надежды и будущее её народа было заключено в этом каменном осколке, добытом из ходов, глубоко простирающихся под горными хребтами королевства. Как и скалы Мемории, камень альман некогда был просто частью пейзажа. Теперь найти его стало сродни чуду. Когда-то его использовали для постройки храмов и статуй самой богини, а ремесленники из соседних земель изготавливали роскошные ювелирные изделия. Но для одарённых способностями Госпожи теней моря это был не просто камень. Его грани превратили окружающий мир в живое воспоминание. Добытые Родригом сведения стоили его смерти. Селеста должна была в это верить.

Она молилась Госпоже шепчущих, чтобы в этот день пришла помощь. Прошло ровно восемь дней с тех пор, как она отправила посыльного к шепчущим, и девять дней с того момента, как едва живой Родриг появился у неё на пороге с вестями настолько жуткими, что даже её закалённое страданиями сердце дрогнуло. Родриг выдержал почти месяц пыток Королевского Правосудия, а потом преодолел весь путь из столицы в одиночку. Одно это может свести с ума любого — и человек начнёт видеть то, чего нет на самом деле.

Но если это было правдой...

Худшей судьбы для королевства и быть не могло. Мир будет вынужден склониться перед Пуэрто-Леонесом. Селеста сильнее пришпорила лошадь, вцепившись в поводья и задержав дыхание.

Наконец, копыта лошади ступили на центральную грунтовую дорогу Эсмеральдаса. Деревня всё ещё спала, но Селеста пересекла площадь, осторожно обходя булыжники, стук копыт об которые мог бы разбудить местных жителей. Несмотря на непроглядную темноту, она не могла избавиться от ощущения, что за ней наблюдали.

Селеста спешила и увела коня в небольшую конюшню. Ей нужно было всего-навсего дойти до двери, чтобы оказаться в полной безопасности в доме приютивших её людей.

Она прокралась через ряды терновых кустов, отчаянно надеясь, что Эмилия не заснула в её ожидании. За все те годы, что Селеста была во главе шпионов у шепчущих, она называла своим домом разные места. Но ни одно из них не было таким гостеприимным, как дом Эмилии Сириано и её семьи. Они знали её как Селесту Порто — вдову и акушерку, присматривающую за домом. К её бессоннице уже привыкли, а других неприятностей она не создавала. Днём ей придётся объяснить, почему Родрига нельзя было похоронить на кладбище, а также почему у него не было семьи, которая хотела бы проститься с ним. Селеста и шепчущие были его единственной семьей.

Поворачивая ключ в задней двери, ведущей на кухню, Селеста замерла и прислушалась. Тишину нарушал лишь треск угасающего огня и шелест её шали. Она проскользнула внутрь дома. От алых углей в очаге исходил мягкий свет. Её кости молили об отдыхе, но скоро должны были проснуться Сириано. Ночи в Эсмеральдас обычно не были такими уж прохладными в это время года, но она искала любой предлог для того, чтобы разжечь огонь и занять свои руки простым делом. Огонь в очаге и свежее испечённая буханка хлеба были её дарами этому дому.

Пока Селеста грела у очага своё обветренное лицо, лёгкий запах дымка смешивался со сладким и пахнущим травой ветерком, задувающим в окно. Пламя поглотило растопку и схватило края сухих брёвен. В такие моменты было легко поверить, что она простая служанка с обычной жизнью. Но привыкшая все эти годы скрываться, она чувствовала, что нельзя расслабляться. Селеста уловила два запаха, которых не было при её уходе — масла для помазания и немых тел. Она помнила, что закрывала все окна и двери, прежде чем увезти Родрига.

Всё в ней напряглось.

— Селеста Сан-Марина, — раздался ясный резкий голос, когда разгоревшееся пламя осветило тёмные углы. Мужчина поднялся со стула с грацией хищника. — Я надеялся, что наши пути вновь пересекутся.

У Селесты перехватило дыхание. Хотя он был одет в помятую белую рубашку и коричневые брюки для верховой езды, его породистое лицо она узнала бы где угодно. Последний выживший сын короля Фернандо. У него было множество прозвищ, но никто никогда

не называл его по имени, как будто это могло каким-то образом призвать его сквозь время и пространство.

Князь Дорадо.

Кровавый Принц.

Бешеный Лев.

Братоубийца.

Едва он сделал шаг в направлении света, женщине показалось, что она увидела тень того ребёнка, которым он был, когда она жила во дворце — любознательный златовласый парнишка. Мальчик, который вырос и стократ превзошел своего отца по жестокости.

Она была почти единственной, кто когда-либо называл его просто Кастианом.

Прежде чем Селеста попыталась бежать, принц махнул рукой в перчатке, и из коридора выскочили два солдата. Один из них схватил мясистой рукой Селесту за горло. Второй загородил собой кухонную дверь.

— Давай не будем всё усложнять, — сказал Кастиан своим низким и ровным голосом, подходя все ближе. Он стянул тонкие кожаные перчатки, открывая руки, которые не могли принадлежать принцу. Мозолистые, со шрамами на костяшках, полученными за годы упорных тренировок и сражений. — Ты скажешь мне, где он, а я сделаю твою смерть быстрой и безболезненной.

— Жизнь под властью твоей семьи никогда не была ни быстрой, ни безболезненной, — охрипшим голосом медленно произнесла Селеста. Она тоже ждала того дня, когда вновь встретится с ним лицом к лицу. — Я бы не стала полагаться на то, что Бешеный Лев сдержит своё слово.

— Тебе ли говорить о доверии, после того, что совершила?

В кухне словно стало тесно от одного присутствия принца. Селеста ощущала его эмоции, витавшие в воздухе. Его гнев был для неё обжигающим горло ядом. Но женщина уже ожидала подобного, поэтому всё, что она могла сделать для мятежников — это выстоять и унести их секреты в могилу.

Пальцы солдата сжались на её горле, и она попыталась дышать из последних сил. Все мышцы и кости в теле болели от долгих часов работы лопатой и бессонных ночей с приезда Родрига. Её взгляд

метнулся к закрытой двери в спальню семьи Сириано. Что принц и его люди сделали с ними?

В голову закралась дикая мысль.

Возможно ли, что Сириано, которые наняли и приютили её, которые верили в мирное сосуществование всех жителей Пуэрто-Леонеса, предали её, стоило ей ступить за порог? Внутри всё скрутило, измученное сердце сжалось ещё сильнее. Она отчаянно хотела... нуждалась в воздухе.

Она отогнала от себя мысли о предательстве и сосредоточилась на альмане, который все еще лежал в её кармане. Они не должны были его найти. Селеста ударила солдата по рукам, расцарапав открытый участок кожи между рукавом и перчаткой. Ей приходилось напрягать зрение, чтобы видеть сквозь чёрные всполохи.

— Достаточно, — принц поднял руку, и солдат ослабил хватку. — Мёртвые не говорят.

— Мало ты знаешь о мёртвых, — прохрипела Селеста, опустившись на колени. Закашлявшись, она оперлась ладонями о холодный каменный пол. Ей нужно было время подумать, но принц не отличался терпением. Она не отрывала взгляд от огня, пытаясь сосредоточиться. Перед тем как Родриг скончался от полученных травм, она поклялась сделать всё возможное, чтобы передать его альман шепчущим. Они должны были уже добраться. Если только, прежде чем прийти сюда, принц уже не добрался до них.

Только сейчас шпионка осознала, что отдых ей не грозит. По крайней мере, не в этой жизни. Её стареющее тело было бесполезно в бою. Всё, что у неё было, — это стеклянный пузырёк в кармане и её магия.

С прищуром глянув на принца, она прокрутила широкое медное кольцо на среднем пальце, и тут же ощутила прилив магии, пульсирующей в венах. Металл, как и всегда, усилил её способность к внушению. Первобытные вибрации пронеслись по всему телу, проникая в воздух, уплотняя его настолько, что лоб солдата покрылся испариной. Её дар был стар как мир, такой же древний, как деревья, как металлы и минералы, которые усиливали ту энергию, что бежала по венам и жаждала высвободиться. Селеста быстро отыскивала слабые места в эмоциональном фоне. Стражники. Их страх перед ней было легко подчинить. Их мышцы сократились, окаменели, и они замерли

изваяниями. Но принц был вне досягаемости. Нужно было подобраться к нему поближе. Так близко, чтобы коснуться.

— Слава звёздам, что твоя дражайшая матушка не дожила до того, чтобы увидеть, кем ты стал.

Как она и хотела, принц подошёл поближе. Она усилила свою магию. Пот стекал по острым скулам принца, одну из которых рассекал шрам в форме полумесяца. Только тогда Селеста Сан-Марина посмотрела прямо в глаза принца Кастиана — синие-синие, как море, в честь которого его называли, — и встретила со своим самым страшным кошмаром.

— Не смей говорить о ней, — Он зажал ей рот своей ладонью.

Как только он коснулся её, Селеста больше не медлила. Магия переходила из её тела в его, словно порывы ветра курсировали между ними. Закрыв глаза, она искала эмоцию, за которую могла бы ухватиться — жалость, ненависть, злость. Если бы только она смогла схватить ту самую, которая сделала юного принца таким жестоким, она бы вырвала её с корнем.

Своими способностями персуари¹ она могла взять отголосок любой эмоции, жившей в другом человеке и вытащить на поверхность, усиливая его воздействие. Она знала все цвета человеческой души — сверкающую белую надежду, грязно-зелёную зависть, любовь цвета сочного граната. Но как ни пыталась сконцентрироваться на принце, она видела только невыразительный серый цвет.

Он отдёргнул руку от её лица, и женщина резко глотнула воздуха ртом, пытаясь восстановить дыхание. Её мысли металась. Все эмоции, чьи бы они ни были, имели цвет. Серый был только у тех, кто покидал этот мир, растворяясь в пустоте. Почему он был другим? Она никогда не слышала, чтобы магию мориа можно было блокировать. Магия вернулась к ней, и Селесте пришлось отпустить застывших стражников. Они рухнули на пол, но стоило их командиру взмахнуть рукой, мужчины заставили себя подняться и были снова наготове.

Принц злорадно улыбнулся.

— Неужели ты на самом деле думала, что я не обезопасил себя от твоей магии до нашей встречи?

— Что ты сделал с собой, Кастиан? — успела спросить Селеста перед тем, как грубые руки солдата схватили её за плечи и потащили к

маленькому деревянному столу у очага. Стражник толкнул её на стул и приготовился удерживать на месте.

— Это ты сделала со мной, — сказал он тихо, только для неё. Она задыхалась от его ярости. — Я так долго мечтал найти тебя.

— Ты не сможешь найти нас всех. Королевство Мемория восстанет вновь.

— Хватит с меня твоих уловок и лжи! — отчеканил он каждое слово. — Я знаю всё, что ты сделала.

— Ты явно не в состоянии знать всё, что я когда-либо делала, милый принц, — Селеста хотела подразнить его, чтобы мужчина понял, что она не боится ни его самого, ни смерти. — Что хочет его высочество от скромной беглянки? Или войска короля настолько истощены, что ему некого было отправить посреди ночи, кроме своего единственного ребёнка? Мне казалось, ты любишь, когда на казни много зрителей.

— Я ничего не люблю, — выкрикнул принц, его гнев полыхал как зажжённый фитиль. — Где он?

— Мёртв, — выплюнула она. — Родриг мёртв.

Кастиан зарычал от недовольства и наклонился к её лицу:

— Да не этот шпион. Дез. Мне нужен Дез.

Селеста стиснула зубы. В ту минуту её магия была бессильна. Она пережила мятеж восемь лет назад, тюремное заключение, десятилетия в бегах, скрываясь и собирая информацию по всему Пуэрто-Леонесу. Но принца Кастиана ей не пережить, она это знала. Но пока альман был в надёжном месте, она могла примириться с этим.

— Если ты знаешь всё, что я когда-либо делала, мой принц, то ты должен знать, что я никогда тебе этого не скажу.

В её сердце не было места сожалению. Была только цель, и каждый чудовищный поступок, что она когда-либо совершила во благо своего народа, она бы повторила вновь.

Принц Кастиан скрестил руки на груди. Легкая улыбка играла на его губах, когда боковая дверь тихо приоткрылась.

— Тогда, быть может, ты скажешь ей.

Кровь в жилах Селесты застыла, когда ещё один стражник вышел из кухни и привёл с собой молодую девушку. Ум разведчицы изо всех сил пытался принять зелёную бледность оливковой кожи девушки. Исхудавшая, она выглядела так, словно её досуха выпили пиявки.

Внезапно пришло осознание, и на глазах Селесты навернулись слёзы, которые, как ей казалось, уже давно высохли. Она знала эту девушку.

Люсия Самбрано, чтец мыслей из шепчущих, с сияющими карими глазами и звонким смехом, в который было сложно не влюбиться, — даже Родриг не устоял. Родриг, грязь с могилы которого была всё ещё под ногтями Селесты. Цепкий ум Люсии мог сравниться только с быстротой её ног — и то, и другое было полезно, когда она шпионила для Селесты в цитадели Кресценти. Селеста слышала, что Люсию пленили во время одной из вылазок, и после рассказов Родрига о том, что происходило в темницах, она опасалась худшего.

В тот момент она подумала, что самое страшное, что может случиться с мориа, — это медленная, мучительная смерть. Но теперь оказалось, что король нашёл вариант хуже смерти. Селеста не могла оторвать взгляд от Люсии. Глаза девушки были пустыми как дом, в котором погасли все огни. Её губы потрескались и покрылись белой плёнкой в уголках. Кости и вены Люсии были обтянуты тонкой кожей.

— Подойди ближе, Люсия, — приказал Кастиан.

Движения девушки, казалось, подчинялись голосу принца. Она сделала несколько медленных шагов. Её мёртвые глаза смотрели на огонь в очаге, что горел за спиной Селесты.

— Что ты с ней сделал? — спросила Селеста слабым голосом.

— То, что будет с каждым мориа, если ты не скажешь мне то, что я хочу знать.

Осознание пронзило всё её тело: *Родриг был прав. Родриг был прав. Родриг был прав.* Как теперь она сможет защитить альман? Кастиан был каким-то образом невосприимчив к её магии, но она могла попытаться направить все силы на стражников. А потом что? Она не смогла бы пройти мимо стражи на мосту без документов. Она должна была оставаться в доме, чтобы шепчущие смогли её найти — даже если бы её уже не было в живых.

— Таким будет твоё будущее, если ты не скажешь мне, где Дез, — Кастиан заговорил громче, в его голосе сквозило нетерпение.

На мгновение взгляд Селесты устремился к закрытой двери, где спали Сириано. Нет, любой бы уже проснулся. Они были мертвы. Или бросили её и ушли.

Теперь это не имело значения. Желудок Селесты сжался. У неё не было путей отступления, и осознание того, что ей предстояло сделать,

нахлынуло на неё. Женщина едва успела отвернуться, как её вырвало. Солдат выругался и встряхнул руку, но один взгляд на князя Дорадо, — и он продолжил крепко держать плечо Селесты другой рукой.

— Я не буду повторять свой вопрос, — Лицо принца в нескольких дюймах от неё перекошило от злости. — Я просто сожгу эту деревню дотла вместе с тобой.

Селеста знала, что у неё было только одно мгновение, чтобы осуществить задуманное. Ей нужно было лишь спрятать альман так, чтобы другой мориа смог его найти. Шпионы Иллана были умны, в любом случае, она помолится Госпоже теней, чтобы та направила их. После этого она будет бороться так долго, как сможет, но живой не дастся.

Несмотря на боль... несмотря на желчь, которая наполнила её рот и грозила застрять в горле, Селеста засмеялась.

Один миг, одна жизнь.

Она хотела бы быть более полезной для шепчущих.

Принц сжал её волосы в кулаке, оттаскивая от солдата.

— Ты смеёшься над тем, что тебя ждёт?

Селеста моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд, и уставилась на принца.

— Я смеюсь, потому что вам не победить. Мы пламя, которое никогда не погаснет.

И она ударила его лбом прямо в нос.

Он выпустил её и поднёс руку к лицу, по которому текла кровь.

Селеста освободилась и упала на пол, откатившись подальше. Её быстрые пальцы нашли спрятанную у сердца драгоценность. Стражник рванул к ней. Она схватила со стола масляную лампу и бросила в него. Стекло разбилось о его грудь и мужчина закричал, когда огонь охватил всю его одежду, мгновенно пропитавшуюся маслом.

Это была жуткая смерть, но её судьба будет иной. Она достала из кармана склянку и подняла повыше, чтобы принц увидел.

— Ты рехнулась! — вскрикнул он и тяжёлыми шагами стремительно двинулся к ней, чтобы остановить.

Селеста прошептала молитву Госпоже: *«Прости меня. Прости мне былое. Прими меня в конце пути».*

Она проглотила содержимое склянки и сунула в рот камень, который должна была защищать ценой жизни. Она чувствовала, как действовал яд, отравляющий её тело. Такой всепоглощающий холод она чувствовала лишь однажды, когда в детстве купалась в горных озёрах возле дома своей семьи. Закрывая глаза, Селеста могла видеть эту глубокую синюю воду, ощущать лёгкость, как от многочасового плавания, но она всё ещё могла слышать, как принц звал её по имени, как кричали стражники и трещало пламя в очаге.

На рассвете Селеста Сан-Марина устроила вторые похороны за ночь.

И пламя стало её могилой.

Глава 1

Со временем все горящие деревни начинают пахнуть одинаково.

С вершины холма я наблюдаю за тем, как огонь поглощает фермерскую деревню Эсмеральдас. Деревянные домики и глиняные крыши. Рулоны сена в море пожелтевшей травы. Спелые помидоры в огородах, кустарники тимьяна и лавровые деревья. Всё это типично для Пуэрто-Леонеса, но здесь, в восточной провинции королевства, огонь настиг ещё и ромашки.

Эти обманчиво горькие цветы с жёлтой сердцевинкой и белыми продолговатыми лепестками ценятся своими целебными свойствами не только в нашем королевстве, но и на землях по ту сторону Кастинианского моря, обеспечивая стабильный приток золота и продовольствия в этот крошечный уголок страны. В Эсмеральдас, где ромашка растёт так безудержно, что заполняет целые поля, её приятный аромат с лёгкостью перебивает едкий запах домотканой шерсти и тряпичных кукол, которые в спешке побросали бегущие от огня местные жители.

Но ничто не перебьёт запах горячей плоти.

— Матерь всего... — произношу я слова молитвы. Эти слова моря используют, когда кто-то переходит из этой жизни в следующую. Но я вспоминаю вспышки другого пламени, в ушах звучат отголоски тех беспомощных криков и воплей. В горле застрекает ком. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоиться, но слова так и не срываются с моих губ. И я молюсь мысленно: *«Матерь всего сущего, благослови эту душу на просторах неизвестности»*.

Я отворачиваюсь от огня и вижу тихо подошедшего ко мне Деза. Взгляд его медово-карих глаз охватывает картину, развернувшуюся перед нами. На его смуглой коже остались следы грязи, после того как мы пробирались через лес на северной границе Эсмеральдаса. Он проводит пальцами по густым чёрным прядям, быстро и коротко дыша в попытке восстановить самообладание. Мужчина тянется к мечу на бедре, словно ребёнок, который проверяет на месте ли его любимая игрушка.

— Я не понимаю, — говорит Дез.

Даже после всего пережитого нами, он ищет причину, почему плохие вещи случаются.

— А что здесь понимать? — звучит грубо, хотя моя злость направлена не на него. — Вместо шести дней мы уложились в четыре из чистого упрямства, но всё равно опоздали.

Мне хочется что-нибудь ударить. Я пинаю груды камней и тут же жалею об этом, когда вокруг нас поднимается пыль. Ветер меняет направление, отгоняя дым в другую сторону. Я крепко встаю на обе ноги, как будто твёрдая земля сможет успокоить бешеный стук моего сердца или надоедливый внутренний голос: *«Слишком поздно. Ты приходишь всегда слишком поздно»*.

— Судя по всему, деревня горит уже полдня. Мы бы ни за что не смогли добраться сюда вовремя. Но торговля с Эсмеральдас приносит много золота. С чего бы Королевскому Правосудию её поджигать?

Я ослабляю шарф на шее.

— Селеста сообщила, что находка Родрига переломит ход войны. Они просто не хотели, чтобы мы это получили.

— Может, ещё есть надежда, — Дез поворачивается к деревне у подножия холма, в его глазах сияет решительность.

«Или все надежды напрасны», — думаю я.

Я не похожа на Деза. Другие шепчущие не приходят ко мне, чтобы я произнесла воодушевляющую речь и подарила им надежду. Наверное, это к лучшему, что во главе нашего отряда он, а не я. Мне известны только две истины: во-первых, Королевское Правосудие не остановится ни перед чем, пока не уничтожит всех своих врагов, во-вторых, мы ведём войну, в которой не сможем победить. Но я продолжаю борьбу, наверняка потому, что это моя единственная

способность, или потому что альтернатива лишь смерть, а я не могу умереть, пока не расплачусь за все свои грехи.

— Думаешь, Селеста...

— Мертва, — отвечает Дез. Он не отрывает взгляда от деревни, вернее от того, что от неё осталось. На его скулах играют желваки, кожа загорела за время нашего путешествия под солнцем.

— Или в плену, — предполагаю я.

Он мотает головой.

— Селеста не далась бы им живой.

— Нам нужно знать наверняка.

Я достаю узкую подзорную трубу из кармана кожаного жилета, поворачиваюсь в сторону леса и вращаю линзу, пока не нахожу искомое.

Яркий свет загорается между деревьями и мигает дважды. И хотя мне не видно её лица, я знаю, что это Саида, которая вместе с остальной частью отряда ждёт нашего сигнала. Я достаю квадратное зеркало, чтобы послать ответный сигнал. Мне не нужно сообщать, что Эсмеральдас горит или что мы проделали весь этот путь зря. Они наверняка уже заметили дым. Сигнал означает только, что мы на месте.

— Иди к остальным. Чистильщики скоро будут здесь, — голос Деза смягчается. И вот передо мной уже не глава отряда, а мальчик, спасший меня восемь лет назад. Мой единственный настоящий друг. — Тебе не стоит этого видеть.

Он мягко проводит большим пальцем по моей ладони, и мне в очередной раз хочется найти покой в его объятиях, но я не позволяю себе этого. Неделю назад был налёт рядом с нашим местом встречи, и я была уверена, что нас схватят. Каким-то невероятным образом нам удалось втиснуться в ящик, предназначенный для перевозки кирпичей по морю, прижавшись друг к другу всем телом. Наш поцелуй тогда можно было бы назвать романтическим, если бы не ощущение, что нас навечно заточили в гроб.

Я складываю подзорную трубу и убираю её в карман.

— Нет.

— Нет? — приподняв бровь, он пытается составить грозное выражение лица. — Здесь нет воспоминаний, которые можно было бы украсть. Я могу закончить сам.

Я скрещиваю руки на груди и сокращаю расстояние между нами. Он на голову выше меня, и как глава отряда мог приказать мне. Я выдерживаю его взгляд и жду, когда он отведёт глаза первым.

Он уступает. Его взгляд опускается на мою шею, к шраму длиной с палец, который мне любезно оставил королевский стражник во время нашей прошлой вылазки. Руки Деза обхватывают мои плечи, и в сердце вспыхивает искра предвкушения. Я бы предпочла, чтобы он отдал приказ, а не беспокоился о моей безопасности.

Я отступаю на шаг, и на мгновение его лицо болезненно кривится.

— Я не могу вернуться к шепчущим с очередным провалом.

— Это не провал.

Во время нашей последней миссии отряду Рысь было поручено найти безопасный проход на покидающий королевство корабль для купеческой семьи, глава которой был казнён королем. Мы были почти на верфи, когда меня схватили. Я сделала всё правильно. У меня были правильно оформленные документы, я надела платье в цветочек, как порядочная девица. Мне нужно было только подправить воспоминания стражника так, чтобы он растерялся и выдал нам всю информацию по кораблям, входящим и выходящим из гавани Салинас.

Но что-то во мне ему не понравилось, и в следующее мгновение я уже держала меч в защитном жесте. Мы победили, и семья купца провела два месяца где-то в империи Лузо. Цена небольшая — десять швов и неделя в лазарете с воспалением. Но теперь мы не можем участвовать в подобных миссиях, потому что раскрыли свои лица. И число королевских стражников там удвоилось. Наши действия должны быть незаметными. Наши отряды должны действовать как тени. Мы спасли одну семью, но что будет с остальными? С теми, кто заперт в цитадели и живет в страхе, что их способности будут раскрыты? Даже если Дез прав и я не провальный элемент, моё участие в операциях это риск.

— Я должна быть той, кто найдёт альман и доставит его твоему отцу.

Он ухмыльнулся.

— А мне думалось, что из нас двоих именно я ищу славы.

— Мне не нужна слава, — горько усмехаюсь. — И даже похвала.

Ветер опять меняет направление, посылая дым в нашу сторону. В этот момент он похож на одно из украденных мною воспоминаний,

окутанный серой дымкой, одновременно такой близкий и такой далёкий.

— Тогда чего ты хочешь? — спрашивает он.

Моё сердце болезненно сжимается, потому что нет простого ответа. Уж кто-кто, а он должен это понимать. Но откуда ему знать, если даже в те моменты, когда я уверена в ответе, появляется новое желание, сильнее предыдущего? Я останавливаюсь на самом простом и честном ответе, который у меня есть.

— Прощения. Хочу, чтобы шепчущие знали, что я не предательница. А единственный способ это доказать — посадить как можно больше моря на следующий корабль в Лузо.

— Никто не считает тебя предательницей, — говорит Дез, отмахиваясь от моих переживаний лёгким движением руки. Эта отмашка ранит, хотя я знаю, что он искренне верит в сказанное. — Мой отец доверяет тебе. Я доверяю тебе. И пока отряд Рысь находится в моём подчинении, лишь это имеет значение.

— Не тяжело жить с таким сомнением, Дез?

— Справляюсь.

Я бы до сих пор убирала мусор, если бы Дез не попросил отца и других старейшин обучить меня мастерству разведчиков. Моя способность полезна в операциях по спасению моря, застрявших в Пуэрто-Леонесе, но никто из нашего вида не хочет иметь в своём отряде вора воспоминаний. И хотя моря проигрывали войну десятилетиями, главными виновными в поражении были именно робари. Нельзя доверять робари. Нельзя доверять мне.

Дез верит мне, несмотря на всё, что я натворила. Я бы доверила ему свою жизнь — уже доверяла не раз и доверю снова. Но Дезу всё даётся легко. Среди шепчущих он самый умный и отважный. А также самый безрассудный, но к этому все давно привыкли, ведь это и делает Деза самим собой. В моём же случае, какую бы смелость или сообразительность я не проявила, всё равно остаюсь для всех той девчонкой, что унесла тысячи жизней.

Я никогда не перестану пытаться доказать им, что представляю из себя нечто большее. И такие бедствия, как с Эсмеральдас, расшатывают ту слабую надежду, что я всё ещё лелею.

— Мы идём вместе. Я буду в порядке.

Он издаёт низкий стон и отворачивается. Я борюсь с желанием коснуться его руки. Мы оба знаем, что он не прогонит меня. *He сможет.* Дез проводит пальцами по волосам и развязывает узел шарфа на шее. Его тёмные брови сходятся вместе, но через мгновение он выдыхает.

— Иногда, Рен, я задаюсь вопросом, кто из нас персуари, ты или я. Мы встретимся в Рысьем лесу или...

— Или ты оставишь меня на растерзание чистильщикам за медлительность, — пытаюсь добавить веселья в голос, но моё сердце трепещет, а воспоминания рвутся на свободу. — Я знаю план, Дез.

Я начинаю разворачиваться, новая цель заставляет кровь бежать по венам быстрее. Но он хватает меня за запястье и тянет к себе.

— Нет. Или я пойду искать тебя и убью любого, кто попытается мне помешать.

Дез наклоняется, чтобы быстро и жёстко поцеловать меня. Его не волнует, что остальные могут увидеть нас через бинокль, но это волнует меня. Я с сожалением отталкиваю его, чувствуя тупую боль в груди. Мужчина улыбается, и у меня кружится голова от неуместной потребности быть ближе к нему.

— Найди альман, — приказывает он. Передо мной снова прежний Дез. *Глава моего отряда. Солдат. Мятежник.* — Селеста должна была встретить нас на площади. Я проверю, есть ли выжившие.

Я крепко сжимаю его руку, прежде чем отпустить.

— Пусть свет нашей Госпожи...

— ...ведёт нас вперёд, — заканчивает он.

Я направляю всё накопившееся в теле нервное напряжение в ноги. Затем прикрываю шарфом нижнюю часть лица, делаю последний глоток свежего воздуха и бегу вместе с ним по холму к пылающим улицам внизу. Для кого-то столь высокого и крепко сложенного, Дез бежит быстро. Но я быстрее и добегаю до площади первой. Я говорю себе не оглядываться и бежать дальше. Но всё равно поворачиваю голову назад и ловлю его взгляд.

Мы разделяемся. Я продвигаюсь дальше к тому, что осталось от Эсмеральдас. Пламя размером с дома не трещит — ревёт. Жар от раскалённых булыжников давит, вдоль дороги падают разваливающиеся дома, а у меня сводит зубы от звука трескающихся балок на крышах. Я молюсь в надежде, что его хозяева уже давно

покинули деревню и сейчас находятся в безопасности. Мои глаза уже слезятся от дыма.

На площади огонь поглотил всё, до чего только смог дотянуться, оставляя за собой лишь чёрные руины. Все следы на земле ведут на восток, где находится городок Агата. Эсмеральдас опустел. Это понятно по отвратительной тишине. Нетронутыми остались только собор и эшафот перед ним. Бог и пытки — то единственное, что дорого сердцу короля Пуэрто-Леонеса.

Есть что-то знакомое в этом белокаменном соборе, чьи витражи ласкают всполохи пламени. Хотя я никогда прежде не была в Эсмеральдас, никак не могу отделаться от впечатления, что некогда уже ходила по этой самой улице. Я отгоняю от себя эту мысль и подхожу к эшафоту. Иногда, если есть время, приговорённые мориа прячут послания или маленькие посылки там, куда бы люди короля и не подумали заглянуть, — а что может быть лучше места, куда приводят обвиняемых?

Альман сам по себе непримечательный. Но когда записывает воспоминание, он ярко сияет, словно наполненная звёздным светом драгоценность. До прихода к власти короля Фернандо, эти камни были повсюду, но теперь храмы осквернены, а шахты опустошены, поэтому любой нашедший камень мориа считается счастливым. При должной осторожности, Селеста должна была спрятать камень Родрига так, чтобы именно шепчущие нашли его.

— Что с тобой случилось, Селеста? — спрашиваю вслух, но в ответ звучит лишь треск огня, поэтому я продолжаю поиски.

Плаха вся в бороздах, десятки раз по ней ударяли топором. Дерево потемнело от пятен засохшей крови. Провожу рукой по плахе и радуюсь, что всегда ношу перчатки. При одной мысли о скатывающихся головах, болтающихся в петле телах или забитых до потери сознания людях в загонах, желудок скручивается, а ноги начинают дрожать. Моё тело реагирует на кровь и огонь одинаково. Именно поэтому я заставляю себя быть здесь.

Я подхожу к виселице. Эсмеральдас не такая уж большая деревня, зачем им столько разных приспособлений для казни? Опустившись на колени, я провожу рукой по деревянным доскам под петлёй в поисках тайника. Ничего. Я обхожу место казни по кругу, но найти удаётся лишь тонкий кожаный шнур с длинной полоской кожи, присохшей к

нему. Тошнота подкатывает к горлу. Я бросаю кнут прочь, но в этот момент странное чувство узнавания пронзает меня и яркое чужое воспоминание врывается в сознание.

Я закрываю глаза и тру виски. Уже несколько месяцев я не теряла контроль над воспоминаниями, что живут в моей голове. Безмолвный дым заполняет разум, затем рассеивается и показывает яркую картинку из украденного прошлого, которое я должна заново прожить, поскольку Серость снова проявила себя. Я вижу эту же улицу и площадь, но до пожара...

Мужчина поудобнее перехватывает недавно срубленное дерево, которое тащит по улице. Его плечи уже болят, но перчатки защищают от заноз. В своих грязных ботинках он топает по сероголубым булыжникам к центру деревни. Толпа собирается перед собором. Сегодня шестой день Альманара, поэтому его соседи несут ветки, сломанную мебель и деревья из леса. Они подкидывают ещё и ещё, пока деревянная гора не становится достаточно большой, чтобы никто не смог дотянуться до вершины. Из распахнутых дверей таверны звучит музыка. Поблизости ходят барабанистики, ударяя по натянутой шкуре в ритм праздничных песен. Под зажженные факелы танцуют парочки. Наконец, он нашёл лица, которые искал в толпе — жена и ребенок спешат к нему. Они помогают донести дерево до кострища — их подношение в честь праздника Альманара. Вместе они поют, танцуют и наблюдают за горящим костром.

Теперь я понимаю, почему Эсмеральдас казался мне знакомым. Каждое похищенное воспоминание является теперь частью меня самой. У меня ушли годы тренировок, чтобы научиться отталкивать их и держать взаперти внутри. Но иногда они находят выход. Слава звёздам, что всплывшее из глубин разума воспоминание было радостным — время сбора урожая, когда все собираются вместе, чтобы проводить уходящий год. Тем не менее мои руки дрожат, а по спине стекает пот. Я не хочу больше на это смотреть, поэтому пытаюсь выйти из Серости и затолкать воспоминание обратно во тьму, где ему и место. Мне говорили, что таково проклятие робари. Но проклятие или нет, я не могу позволить этим воспоминаниям помешать мне найти альман.

Дым разъедает глаза и острая боль пронзает виски. Несмотря на усталость, я заставляю себя встать. Здесь нет камня. *Если бы я была Селестой, куда бы бросилась бежать?*

А затем я слышу это. Одинокий голос пронзает воздух.

Сначала я думаю, что это ещё одно нежеланное воспоминание, вырвавшееся из Серости. Но затем звук становится таким же отчётливым, как звон колоколов в Священный день. Чей-то голос зовёт на помощь.

Кто-то не смог выбраться из Эсмеральдас.

Глава 2

Говорят, так было не всегда. Были времена, когда королевства Пуэрто-Леонес и Мемория жили в мире. И процветали. Даже когда Мемория пала под натиском семьи львов, был заключён договор. Существовал порядок. Мой народ не скрывал свои способности, мы не скрывали себя в страхе перед королём. Именно это мы рассказываем нашим детям. *Сказки*. Старейшины шепчущих рассказывают много сказок — так дни и ночи протекают быстрее. Но для большинства из нас мир никогда не переставал гореть.

Такой же пожар однажды изменил меня навсегда. Даже сейчас, восемь лет спустя, я помню тот огонь каждой клеточкой своего тела. Он был ярче нынешнего, ярче бесцветной Серости украденных мною воспоминаний. Сказанные Дезу слова о прощении были правдой, но в глубине души я знала, что всегда буду пытаться обогнать пламя, которое никогда не погаснет.

Я проглатываю пепел, который заполняет нос и рот, следуя по улице за отчаянным голосом. Пробираюсь через обломки, которые загораживают дорогу. Мой шарф постоянно норовит сползти. Дым застилает глаза, отчего я едва не попадаю под копыта скачущей лошади. В последний момент успеваю увернуться и падаю в грязь.

Рядом качается дверца пустой конюшни. А напротив стоит домик, откуда и доносятся крики. Пламя уже выжгло всё, что здесь находилось. И что-то мне подсказывает, очаг возгорания был именно здесь. Дверь слегка приоткрыта, на полу виднеются следы больших и маленьких ног, которые ведут в обоих направлениях. Кому могло понадобиться возвращаться в сгоревший дом? Я открываю дверь и жду

пару мгновений. Крыша уже провалилась. Белые стены выстояли, но покрылись копотью.

— Есть тут кто? — кричу я.

В ответ тишина. За обломками виден уцелевший коридор.
Надолго ли?

Я продолжаю звать, проходя через коридор в маленькую задымлённую кухню.

Делаю ещё один шаг и осматриваю комнату. Деревянный стол и грубо сколоченные стулья были перевёрнуты, а один из них вообще разбит в щепки. При следующем шаге под ногами хрустит разбитое стекло. Я различаю следы на полу, тёмные от грязи и чего-то жидкого... масло или кровь? Я присаживаюсь на корточки, касаюсь субстанции кончиками пальцев и подношу ко рту — не ошиблась, кровь и масло. Брезгливо сплёвываю. Похоже, здесь произошла серьёзная схватка.

— Ау! — повторяю я, но уже менее уверенно.

Моё внимание привлекает кухонная дверь, качающаяся на сквозняке. По коже пробегают мурашки. Я поворачиваюсь к камину: на полу лежит большой свёрток, вокруг него разбросаны осколки стекла.

Я отшатываюсь так резко, что падаю. Это не свёрток. Это тело.

Я закрываю глаза и задыхаюсь от собственных воспоминаний.
Ослепительно яркие оранжево-красные всполохи огня, как гигантская пасть дракона, пожирают всё на своём пути. Я бью кулаком по полу, и болевой шок возвращает меня в реальность.

Весь мой завтрак оказывается на полу, а на языке остаётся привкус желчи. Я вытираю лицо рукавом. Не этот человек кричал. Я дёргаю себя за волосы в опасении, что снова последовала за своими яркими воспоминаниями, как в тот раз, когда увидела тонущую женщину и нырнула за ней в озеро, а там никого не оказалось. Или как однажды всю неделю страдала бессонницей, потому что ясно видела в своей спальне играющих и поющих детей, которые не давали мне спать всю ночь. Всю жизнь мне приходится сосуществовать с призраками, которых я создала сама. Клянусь, моя способность однажды сведёт меня в могилу.

Я медленно поднимаюсь, опираясь на ладони и колени. Нужно выбираться отсюда. Мне необходимо добраться до места встречи

раньше, чем Дез отправится на мои поиски. Солнечный луч проникает в кухонное окно, освещая сверкающее стекло и что-то ещё, зажатое в руке погибшего. *Медное кольцо.*

Я подхожу ближе к трупам, стараясь дышать только ртом. Но от этого становится лишь хуже, поскольку я чувствую вкус смерти, которым пропитался воздух. Переворачивая тело, я уже догадываюсь, что это женщина. Моё сердце уже знает то, что глазам только предстоит увидеть. Её тело наполовину обуглилось. Я убираю тлеющие щепки с неповреждённой смуглой кожи. Её волосы покрылись сединой с возрастом, ярко-красная кровь запеклась на губах, а единственный карий глаз сейчас безжизненно открыт. Если бы я прошла мимо неё на деревенской площади, то увидела бы лишь обычную пожилую селянку в серо-чёрной домотканой одежде.

Но широкое медное кольцо, напротив, доказывает, что она была одной из нас, одной из мориа. Замысловатая гравировка указывает на её высокое положение среди старейшин шепчущих, а медь означает, что она персуари. В моей голове всплывает припев из жестокой песенки, которую любят напевать в школах и тавернах по всему королевству: *«одно сердце, красное как медь, чтоб лавине чувств ты мог велеть»*. При более близком рассмотрении я замечаю засохшую на подбородке зелёную слюну. Яд.

— Ох, Селеста, — шепчу я с болью в груди, затем складываю кольцо в карман, чтобы вернуть его старейшинам. Синие и фиолетовые синяки покрывают женские запястья, словно браслеты. Она явно боролась изо всех сил. В её руке я нахожу маленькую склянку с ядом — такая есть у каждого из нас.

Именно Селеста настояла, чтобы шепчущие не отворачивались от робари. Большинство старейшин отказывались обучать нас, но Селеста была другой. Я надеялась, что с её помощью тоже смогу измениться. За последнее десятилетие король вынудил всех мориа, мирно проживавших в Пуэрто-Леонесе, бежать из королевства. Селеста помогала оставшимся семьям и обучала молодое поколение использовать свои силы без вреда другим.

Я вывожу на её груди символ Госпожи, повторяя V-образную форму созвездий богини: *«Да упокоится твоя душа в Её вечной тени»*.

И добавляю шёпотом: *«Мне жаль»*.

Я должна обыскать её тело на наличие альмана. Уверена, Дез сделал бы это за считанные мгновения. Но Саида наверняка тоже поколебалась бы. Тем не менее таков наш долг. Поэтому я задерживаю дыхание и отвожу в сторону покрытый пеплом плащ.

— Мама! — раздаётся голос откуда-то из глубины дома. — Мама?

Голос ребёнка. Мне не слышалось. Кто-то всё же выжил. Знаю, в первую очередь мне нужно выполнить своё задание — найти альман, — но эта беспомощность в голосе режет по сердцу, вынуждая меня оставить Селесту и пойти в другую часть дома, где я нахожу ещё одну дверь. Она не заперта, но когда я пытаюсь толкнуть её, путь преграждает неизвестная тяжесть.

— Не двигайся! — кричу я приглушённым из-за шарфа голосом. — Я тебе помогу!

— Я не могу выйти! — всхлипывает ребёнок. — Дядя пытался меня вытащить, но я убежал от него и всё рухнуло...

— Просто оставайся на месте, — прошу я, осматривая проход.

Затем делаю несколько глубоких вдохов и со всей силы толкаю дверь, но она сдвигается лишь на пару дюймов. Я оглядываюсь по сторонам в поисках чего-нибудь, что могло бы мне помочь. Хватаю прислонённую к стене метлу и использую в качестве рычага. Я продолжаю толкать на пределе своих возможностей. Дюйм за дюймом дверь поддаётся и открывается достаточно широко, чтобы я могла проскользнуть в комнату.

При виде меня мальчик спрашивает в слезах:

— Кто вы?

Ему не больше пяти — максимум шесть. Большие карие глаза, потемневшая от дыма кожа и копна рыжих кудряшек. Тяжёлая деревянная балка пригвоздила мальчика к полу. В его руке зажата игрушка. За ней он побежал в комнату? Ему следовало бежать прочь из дома и никогда не оглядываться. Когда-то и я могла оказаться на его месте, лишившись родителей по вине Королевского Правосудия. Слава Матери, что он сам цел и невредим.

— Сейчас достанем тебя.

Я проверяю, чтобы шарф надёжно закрывал мне лицо. Хотя это всего лишь ребёнок, всё же будет лучше, если он не запомнит моего лица. В конце концов, я одна из шепчущих.

Мальчик начал кричать:

— Мама! Мама!

Я не представляла, как выгляжу в глазах ребёнка, пойманного в ловушку разваливающегося дома. Моё лицо и руки покрыты сажей, глаза обведены чёрной краской, а на бедрах висят кинжалы. Вдобавок ко всему, я тянусь к нему руками в чёрных кожаных перчатках. Я была примерно его возраста, когда меня похитили, хотя дворцовая стража была одета явно попримичнее.

— Пожалуйста, — умоляю я. — Прошу, не бойся меня. Я не причиню тебе вреда.

Мальчик не перестаёт кричать. В панике он начинает задыхаться и кашлять, потом на мгновение останавливается, чтобы набрать воздуха. И в эту короткую заминку я слышу, как воздух пронзает резкий металлический свист. Сигнал Эстебана — прибыли чистильщики.

Сквозь треск огня, ужасные всхлипы мальчика и оглушающие удары моего сердца слышится стук множества копыт по пересохшей земле. Я опускаю шарф, дыша быстро и отрывисто. Нам нужно выбираться... немедленно. Осторожно протягиваю руку, демонстрируя ребёнку свои мирные намерения.

— Не бойся.

Эти слова не имеют для него никакого смысла. Мне известно об этом лучше всех. Но ещё я знаю, что не могу бросить его здесь умирать. И у меня нет времени ждать, когда он успокоится.

Шум от копыт звучит всё ближе. Я хватаю мальчишку за запястье. Старейшины советовали мне не использовать силу без их указания. Они не верят, что я могу контролировать свою магию. Но у моей силы есть один побочный эффект, благодаря которому ребёнок оцепенеет на некоторое время, достаточное для того, чтобы я смогла унести его в безопасное место.

Мальчик кричит всё громче. Он продолжает звать маму, которая уже никогда не ответит. Удерживая его запястье одной рукой, я зубами стягиваю перчатку с другой, освобождая вспотевшую ладонь. Перчатка падает на пол в тот момент, когда отчаянный крик мальчика почти разрывает мои барабанные перепонки.

Я делаю то, что должна. То, чего боялась. То, за что Королевское Правосудие использовало меня и за что шепчущие до сих пор не доверяют. *Я краду воспоминания.*

Выпуклые шрамы на кончиках пальцев нагреваются и покалывают, словно я поднесла руку к огню, а от ладоней начинает исходить яркое свечение. Когда я прикасаюсь к другому человеку, моя сила прожигает себе путь сквозь чужой разум, пока не найдёт необходимое. Магия оставляет свежие шрамы на моих руках, когда я берусь за нечто столь зыбкое и непостоянное, как человеческая память. В детстве я кричала и плакала всякий раз, когда использовала свою силу.

Но теперь этот жар и боль помогают мне сосредоточиться на цели. Проникновение в чужой разум требует полного контроля и равновесия, а установление связи влечёт за собой множество опасностей. Если я отпущу слишком рано, если нас прервут, если заберу слишком много воспоминаний, то есть риск опустошить его разум полностью. Моя магия подбирается к самым свежим воспоминаниям. Я морально готовлюсь к последствиям от проникновения в детский разум.

Фрэнсис не может заснуть. Папа и мама отправили его спать, но он хочет дождаться тётю Селесту с её очередного путешествия. Затем он слышит шаги и лягз.

Шум доносится из кухни. Тётя Селеста вернулась! Фрэнсис скидывает покрывала. Босые ноги касаются холодного каменного пола. Может быть, она проведёт с ним время, рассказывая одну из своих историй о древних принцессах из давно исчезнувших королевств Мемории и Захары. Или о древних сверкающих храмах волшебного народа моря. В прошлый раз тётя Селеста приставила палец к губам и попросила пообещать, что он никому не расскажет об этом.

Он на цыпочках подходит к двери, поворачивает ручку и застывает. На кухне незнакомые люди. Больше всего на свете Фрэнсису хочется закричать, позвать родителей. Но страх в его сердце подсказывает, что нужно вести себя тихо.

Звук удара. Кто-то разбивает стекло и возникает огонь. Все кричат. Пламя охватывает одного из мужчин, он начинает бегать по комнате и размахивать руками.

Фрэнсис замечает тётю Селесту и хочет её позвать, но она оборачивается и делает нечто странное: пока стражники пытаются потушить огонь, она достаёт из кармана переливающийся камень размером с садовое яблоко и проглатывает его.

Тётя Селеста падает как марионетка, которой перерезали нитки. Когда она не встаёт, давно закипающий в груди крик, наконец, находит выход наружу:

— Нет!

Все стражники разом поворачиваются к нему. Фрэнсис хочет бежать, но его ноги словно стали свинцовыми.

— Схватить мальчишку, — отдаёт приказ мужчина, чьё лицо скрывают золотые пряди, а затем подходит к неподвижному телу Селесты. — Арестовать всю семью.

Пламя охватывает стены, пробираясь всё выше и выходя за пределами комнаты.

— Никто не должен знать, что я был здесь, — тихо произносит златовласый мужчина. — Пусть горит.

Фрэнсис пытается сбежать через окно, но огромная рука хватает его сзади за шею...

Вспышка белого света затмевает воспоминание мальчика. Что-то идёт не так. Виски пронзает боль и связь обрывается. Я будто падаю прямо с обрыва. Пытаюсь удержать нить, связывающую меня с разумом мальчика, но грохочущий топот ног чистильщиков не даёт сосредоточиться. Я отчаянно пытаюсь обуздать свою магию, чтобы спасти хоть часть чужой памяти. Но чем сильнее я цепляюсь, тем больше воспоминаний переходят ко мне, сменяя друг друга и мельтеша яркими красками, они исчезают из его разума и наводняют мой.

Меня потряхивает от шока, что заставляет окончательно разорвать связь. Я прилагаю все силы, чтобы оставаться в вертикальном положении, несмотря на тупую боль в висках. Единственная хорошая новость — мальчик по имени Фрэнсис уснул. Он больше не вспомнит, как умерла Селеста или как его схватил стражник. В последующие годы, после моего спасения шепчущими, я научилась разделять воспоминания. Увиденное останется со мной навеки, станет частью меня. Я забрала его воспоминания об игре в догонялки с другими детьми на зелёном холме. Об отце и Селесте, которые смеялись и готовили ужин. О матери, прикрепляющей глаза к тряпичной кукле. О нём самом, бегущем в комнату за своей любимой куклой, подальше от страшного солдата.

У меня нет времени, чтобы надеть перчатки. Я поднимаю деревянную балку, крикнув от напряжения, и отталкиваю в сторону.

Запихиваю куклу в его карман, подхватываю Фрэнсиса на руки и оглядываю комнату. Что случилось с его родителями, если он бежал сюда один? Кто у него остался в этом мире? Нам придётся взять его с собой, пока мы не доберёмся до ближайшего города. Саида сможет его успокоить, а Марго найдёт тех, кто согласится его приютить. Я выхожу из комнаты и иду на кухню, где лежит Селеста и находится альман. Теперь я точно знаю, где его искать.

Но прежде чем я успеваю сделать следующий шаг, внезапно распаивается дверь. Я отступаю назад, крепче прижимая Фрэнсиса к груди.

— Положи ребёнка на пол, — командует чистильщик, направляя свой меч на меня.

Глава 3

Я нарушила два основных правила шепчущих — не использовать силу на невинных и не попадаться. Меня охватывает паника, пока я пытаюсь найти выход из сложившейся ситуации. Я достаточно быстрая, чтобы убежать от стражника через главный вход, но не могу бросить Фрэнсиса и альман. А мне придётся либо бросить их обоих, либо остаться и вступить в бой. Но я не успеваю положить мальчика на пол, тот резко просыпается, выходя из оцепенения, и с визгом вырывается из моих рук.

— Теперь ты в безопасности, — мягко говорит ему стражник. На нём новенькая и опрятная форма, молодое лицо выражает доброжелательность. — Никто не причинит тебе вреда.

Моя кровь закипает. Я хорошо знаю, как это работает, насколько легко попасться в эту ловушку. Чистильщики олицетворяют собой мягкую ласку, после жестокой пощёчины короля. Они служат орудием для его показного милосердия — тушат огонь, спасают уцелевших, предлагают еду и безопасность. И вот уже все забыли, что изначально именно его люди сровняли деревню с землёй.

Я крепко держу Фрэнсиса за плечи. Он весь напрягся, но не пытается удрать. Похоже, стражник пугает его не меньше меня.

— Отпусти его, — требует стражник, но в его голосе нет твёрдости. Он переступает с ноги на ногу, по лицу стекает пот. — Дом окружён. Тебе не сбежать, тварь.

Я лишь усмехаюсь на его попытку оскорбить, но понимаю, что он прав. Как бы на моём месте поступил Дез? Оттолкнул бы ребёнка в сторону и схватился за меч. Кинжал на моём бедре — не самое лучшее оружие. Моя настоящая сила сосредоточена в руках — магия робари. Но этот стражник явно будет сопротивляться, и я могу навсегда повредить его разум. Восемь лет назад я пообещала себе, что больше никогда никого не опустошу. Я колеблюсь, а в голове звучат слова Деза. После нашего прошлого провала он сказал мне: *«Либо ты, либо они. Выбери тот вариант, который вернёт тебя ко мне»*.

Я хватаю мальчишку за горло и подношу кинжал к его грудной клетке.

— Ты не тронешь его, — произносит солдат.

Я с вызовом вздёргиваю подбородок.

— Уверен?

— У тебя глаза не убийцы.

Странно слышать подобные слова от солдата короля. Обо мне, шепчущей. *Изменнице. Робари*. Но его слова попадают прямо в цель.

Я колеблюсь, а стражник бросается вперёд. Он прав. Я бы не убила ребёнка... Но могу ранить солдата, чтобы спасти нас обоих. Я с силой отталкиваю Фрэнсиса и рассекаю кинжалом воздух. Стражник уклоняется от кончика лезвия.

— Беги! — кричит он мальчику.

Фрэнсису, которого я спасла. Фрэнсису, который смотрит на меня так, словно это я устроила пожар. Мальчик толкает кухонную дверь и выбегает на улицу. Вот так действуют король и его Правосудие. Выворачивают правду наизнанку, выставляя нас злодеями. Теми, кто стоит за всеми нападениями и сожжёнными городами, служа причиной страданий королевства. А я сыграла им на руку.

— Во имя Короля и Правосудия! — выкрикивает солдат, а я чувствую прикосновение клинка к своей ключице.

«Это было глупо, Рен», — прорычал бы мне Дез.

— Вы арестованы!

Солдат надавливает остриём своего меча сильнее. Я инстинктивно придвигаюсь к двери, но он точно не собирается отпускать меня. Клинок разрезает кожу. Холодный металл и горячая кровь. Я стискиваю зубы, чтобы не вскрикнуть. Не хочу доставлять ему такого удовольствия.

— Придут другие. Вы никогда не избавитесь от всех нас.

Хотя мужчина стоит позади меня, я знаю, что всё его тело напряжено. Чувствую это так же отчётливо, как меч у своего горла.

— Это мы ещё посмотрим.

«Выбирай тот вариант, который вернёт тебя ко мне».

Склянка с ядом лежит в кармане достаточно близко, чтобы я могла до неё дотянуться. Краткий миг боли вместо плена. Я думаю о Селесте, чьё тело лежит рядом. Ей хватило духу выпить яд. Для неё это было лучше повторного заточения. Может быть, я не так уж и безнадёжна. Ведь я очень сильно хочу жить. *«Но у меня не осталось выбора, Дез».*

Эта мысль срабатывает словно призыв — Дез появляется из дыма, как одно из моих воспоминаний. Он весь покрыт сажей и пеплом. Порыв ветра развеивает непослушные тёмные волосы, а в расплавленном золоте глаз сверкает безрассудство. Он замечает приставленный к моему горлу клинок, а также стекающую по груди кровь, поэтому вынимает свой меч из ножен и принимает убийственно спокойный вид.

— Отпусти её.

Но меч по-прежнему упирается мне в горло. Я подавляю переполняющее меня чувство облегчения. Ему не следовало идти за мной, и когда всё закончится, мне придётся ответить за все свои ошибки.

Горячая и липкая кровь вытекает из пореза, капая на пол. А пот попадает в открытую рану и жжёт. Я вижу, что в Дезе взял верх командир. Во-первых, я никак не могу ему помочь. Одно движение — и солдат вонзит клинок мне в горло. Во-вторых, Дез стоит слишком далеко и не сможет помешать.

Но Дез не простой солдат. Его густые чёрные брови сходятся на переносице, когда он обращается к своей магии. Мужчина прикасается к медной монетке, скрытой под одеждой, чтобы усилить свой дар убеждения.

Все боятся робари, поскольку мы можем опустошать разум. Но персуари способны уловить настроение и отголоски чувств, а затем использовать их, заставив другого потерять контроль и действовать на эмоциях.

Сила Деза разливается в воздухе, воздействуя на наше восприятие. Он может ухватить ваше намерение сделать добро, заставляя отдать все монеты первому встречному. Раскрыть всем вокруг ваши тайные желания. Убедить спрыгнуть со скалы, если у человека изначально был такой порыв.

Под натиском магии Деза, солдат застывает на месте. Его рука дрожит, отчего кончик лезвия царапает мою кожу, повторно задевая рану. Я не в силах сдержать крик боли, когда неприятное ощущение расплзается по моей шее и плечам. Дез подходит к нам почти вплотную. Я чувствую покалывание от его магии, словно по моей коже ползают невидимые жуки.

— Отпусти её. Сейчас же, — повторяет Дез.

Когда он использует свой дар, в его голосе появляется гипнотическое потустороннее звучание. Его магия выглядит естественной, как и всегда. Должно быть, он использовал готовность солдата подчиняться приказам. Только теперь команды поступают от моря. Солдат пытается сопротивляться действиям, которые не в силах контролировать. Его трясёт от внутренней борьбы, мужчина сопротивляется изо всех сил. Но Дез сильнее, поэтому ему приходится подчиниться приказу.

Освободившись, я отскакиваю от них в сторону и подхожу к телу Селесты. Я всё ещё должна достать альман. Кровь стекает по коже, но боль от пореза на шее не сравнится с жаром от новых шрамов на ладонях.

— Брось свой меч, — приказывает Дез.

Лицо солдата краснеет. Я видела, как легко подчиняются другие, но этот продолжает бороться, замерев на месте словно статуя. Вот почему нас боятся. Нашу силу не могут объяснить ни алхимики, ни священники. Это одновременно дар и проклятье.

— Зачем тебе ещё один меч, — бормочу я так тихо, чтобы только Дез смог услышать, присаживаясь рядом с телом Селесты.

— Может, и незачем, но мне так хочется, — Дез поднимает руку, и воздух нагревается вокруг стражника.

Солдат дёргается, его рука трясётся всё сильнее, пока он окончательно не уступает. Меч с лязгом падает на пол. Дез подбирает оружие и направляет окровавленное лезвие на солдата.

— Убей меня, тварь! Ну же! — выплёвывает стражник.

Дез не спеша обходит его и приставляет остриё меча к эмблеме семьи Фахардо, вышитой на форме чистильщика, — крылатому льву с копьём в зубах и пламенем вокруг.

— Это было бы слишком просто, — отмечает Дез с ухмылкой. — Я хочу, чтобы ты вернулся к своим и передал им, что мерзкий мориа пощадил твою жизнь. Скажи им, что шепчущие вернут себе свои земли, а вы больше никогда не сможете нам навредить.

— Король и Правосудие уничтожат тебя! Всех вас! — кричит солдат.

Пока всё его внимание обращено на Деза, я пользуюсь моментом и поворачиваю к себе лицо Селесты. Надавливаю пальцами на её горло, но ничего не чувствую. Я же видела в воспоминании Фрэнсиса, как она глотает камень!

Я надавливаю на её челюсть, заставляя приоткрыть рот, и замечаю в глубине горла мягкое белое свечение. У меня сводит живот от едкого запаха рвоты и обугленной кожи. Я закрываю глаза и пытаюсь достать камень, ощущая рукой её опухший язык. Да простит меня Матерь всего сущего. Я прерывисто выдыхаю и обхватываю пальцами альман, осторожно вытаскивая и кладя его в карман.

— Пойдём отсюда, Рен. До Каролины день пути.

Я киваю, хотя у нас нет никаких дел в той провинции. Стражник не выглядит таким наивным, чтобы купиться на эту уловку, даже под внушением Деза. Но он должен будет отчитаться начальству о произошедшем, во всех унижительных подробностях. Его руководство пошлёт королевских солдат на это бессмысленное задание, поэтому им придётся разделиться. Может, это даже даст нам время добраться до лагеря без происшествий.

— Жди снаружи и не двигайся, пока мы не уйдём, — приказывает Дез.

Действие магии прекратится, как только мы отойдём достаточно далеко. Но нам нужно спешить. Я бросаю быстрый взгляд на стражника. Покрасневшее лицо, слюна пузырится на искривлённых от злости губах. Эта встреча только усилила его ненависть к мориа. Но наша нынешняя задача — спастись самим.

Дез закидывает мою руку себе на плечо, а затем мы вместе покидаем дом, растворяясь на задымлённых улицах.

Глава 4

Мы с Дезом находим остальных членов отряда — Саиду, Марго и Эстебана — и уже впятером выдвигаемся на север. Впереди полдня пути по извилистым тропинкам Вердинского леса. Даже королевская стража не может быть повсюду одновременно, а из-за густых деревьев с громадными ветвистыми корнями, выступающими из-под земли, лес почти непроходим. Чистильщики наверняка не смогут проехать на лошадях.

Мы двигаемся целенаправленно, пробираясь через покрытые росой кустарники и следуя за лучами света, что смогли пробиться сквозь густые кроны деревьев. Мы не останавливаемся, пока не уходим на достаточно безопасное расстояние от Эсмеральдас. К тому моменту, как мы добираемся до берега реки Агуадульсе, ботинки уже отсыревают от наших вспотевших ног. Быстрое течение прозрачных вод радует взор. Мы сбрасываем свои вещи и оружие, чтобы удобно расположиться на берегу. Я снимаю запасные перчатки, набираю ледяную воду в ладони и начинаю жадно пить, пока пальцы не занемели от холода, а живот не свело от боли. Затем снимаю импровизированную повязку, которую Саида наложила на мою рану перед тем, как мы зашли в лес.

Саида, как и Дез, — персуари, но ещё она хороший целитель. В те времена, когда королевство Мемория было свободным и процветало, персуари часто становились лекарями, поскольку способны лечить недуги, поддерживая при этом спокойствие и безмятежность своих пациентов. Я сжимаю зубы, чтобы сдержать рвущийся из горла стон, пока промываю рану. Ледяная вода немного притупляет боль, но раз уж мы нашли место для ночёвки, придётся позволить Саиде зашить её.

— Мы разобьём лагерь здесь, между этими валунами, — решает Дез, осмотрев местность.

Корни деревьев возвышаются над землёй настолько высоко, что создаётся ощущение, будто могучие стволы вот-вот поднимутся и отправятся в путь. Это хорошее место в тени, как раз рядом с упавшим деревом, с помощью которого мы потом сможем перебраться через реку. Меч чистильщика всё ещё у Деза, но он и не думает очистить его от крови.

Эстебан хмуро смотрит на меня. Но к этому я уже привыкла.

— Меня беспокоят люди короля, — заявляет он, почёсывая свою неровную щетину, которую всё пытается отрастить. С его ровной смуглой кожей и полными губами, он бы выглядел более привлекательно, если бы побрился. Впрочем, его характер это не исправит. — Чистильщики предупредят пограничников на въезде в провинцию. Они усилят проверки или увеличат пошлины. Мы и так едва...

— Давай сначала переживём эту ночь, — Дез старается, чтобы его голос звучал бодро. — Не существует миссии без трудностей. Это даже к лучшему, мы не будем расслабляться.

Эстебан закрывает на секунду глаза, его густые чёрные ресницы отбрасывают тени на высокие скулы. Он пытается собраться, ведь спорить с Дезом задача не из лёгких. Эстебан, будучи на год младше меня, пришёл к шепчущим из цитадели Кресценти, где балом правят бесконечные празднества и веселье, а палящее солнце и высокие пальмы являются неотъемлемой частью повседневности. Он прочищает горло:

— Дез...

— Не сейчас, — в решительном голосе Деза слышится усталость. Он поднимается, осматривая свой отполированный меч и заставляя Эстебана едва заметно вздрогнуть. Саида держит голову опущенной, склонившись над своим набором для наложения швов.

— А когда? — Марго показывается из-за спины Деза, уперев руки в узкие бёдра. Она на четыре пальца ниже его, но в гневе словно становится выше. Под голубыми глазами Марго пролегают тёмные круги, а веснушчатое лицо покраснело от солнца и ветра. Она даже не пытается скрывать следы от ожогов, как обычно делают другие иллюзионари. Единственная вольность в её образе — пара крупных серёжек из чистого золота. И даже те она носит в качестве металлических проводников для усиления своей магии.

— Спокойно, Марго, — мягко говорит Саида, заранее предчувствуя бурю, которая вот-вот разразится.

Эстебан усмехается:

— Тут нечего обсуждать.

— То есть мы не будем говорить о том, что произошло в деревне? — возмущается Марго. — Или наша маленькая

разжигательница может делать всё, что ей вздумается, подвергая тем самым всех нас опасности?

Я вздрагиваю от её слов, и Саида успокаивающе прикасается к моему плечу. Злость закипает у меня под кожей, но я не буду нарываться на драку с Марго. Хотя бы пока рана не заживёт. Ноздри Деа раздуваются.

— Что ты хочешь услышать, Марго? Мы сделали всё возможное, чтобы добраться до Селесты поскорее. Хотя и опоздали, но еще не всё потеряно.

Её голубые глаза, холодные и бездушные, теперь смотрят на меня. А широкие губы кривятся в усмешке:

— Не всё потеряно?! Да мы даже не знали, вернётесь ли вы живыми. Но потом всё-таки явились: одна с ног до головы в крови, а другой с новой игрушкой. Не ты ли всё время предупреждал, что нельзя привлекать внимание? Показал бы чистильщикам тайный проход через горы, чего уж теперь?

Терпеть не могу, когда она так говорит, но я проглатываю все оскорбления, которые вертятся на языке, лишь бы не усугубить ситуацию.

— Хватит, — низкий и глубокий голос Деа эхом разносится над гладью воды.

Саида отматывает с катушки длинную чёрную нить и отрезает её быстрым движением карманного ножа. Марго недовольно поджимает губы. Эстебан откручивает крышку своей фляги. А я всё еще слышу, как поёт мама Фрэнсиса. Глаза жгут подступающие слёзы, поэтому я зажмуриваюсь, заталкивая очередное украденное воспоминание подальше в темноту, где ему и место.

— Я знаю, вы все устали, — Дез запускает пальцы в волосы, — но мы нашли альман, а до горной границы осталось совсем немного. Мы будем в безопасности, когда вернёмся в Анжелес.

— А потом что? — следующие слова она произносит едва слышно: — Десять месяцев уже прошло, как мы потеряли цитадель Риомар.

Услышав эти слова, Дез замирает вместе со всеми. Но Марго не останавливается даже после того, как при всех напомнила ему о самом крупном его поражении.

— Если мы потеряем больше территорий, если продолжим отступать, нас оттеснят до скал, а дальше — только в море. Мы можем позволить нашим людям бежать в другие страны, но тогда придётся забыть о безопасной и спокойной жизни.

— Я не хуже тебя знаю, как давно потерял Риомар, — произносит он с таким терпением, каким я никогда не могла похвастаться. — Я думаю об этом каждый день. Каждый день.

— Я не...

— Я знаю, что ты хотела сказать. Так слушай внимательно. Я сделаю всё возможное, чтобы выиграть войну. Но я не смогу сделать это в одиночку. Мне нужен каждый из вас. Весь отряд, — его золотистые глаза устремлены на Марго, которая выпрямляется, но не по стойке смирно, а с откровенным вызовом. — И Марго, если бы ты считала, что надежды нет, то давно бы уже от нас ушла.

Она вздёргивает подбородок и указывает пальцем на меня.

— Я остаюсь, чтобы убедиться, что она не предаст нас снова. Всякий раз, когда она участвует в миссиях, ты напрасно рискуешь своей жизнью.

Я привыкла к нападкам Марго даже больше, чем к подколам Эстебана, ведь она каждый раз указывает на мои ошибки. Всё то время, что мы провели вместе в пути, я отчетливо ощущала их неодобрение. Но сейчас всё по-другому. Когда Дез забрал меня из отряда мусорщиков в свой, Марго первая указала на мою медлительность, неуклюжесть и неспособность держать в руках меч. Я тренировалась днями и ночами, чтобы доказать насколько она неправа, но этого оказалось недостаточно. Иногда мне кажется, что она только и ждёт, когда я побегу назад к Правосудию. Я ненавижу тот факт, что мою суть можно описать в трёх словах. *Мусорщица. Воровка. Предательница.*

Дадут ли они мне шанс стать кем-то большим? Сегодня я собственной рукой вытащила волшебный камень из горла мёртвой женщины. У меня больше нет сил, чтобы бороться с Марго. Но за меня заступается Дез, вопреки моему желанию.

— Давай на чистоту, Марго, — Дез смотрит на всех с вызовом, побуждая их возразить. — Ты злишься, потому что я вернулся за Рен? Или потому что именно она спасла жизнь мальчику? Ведь это не ты была рядом, когда я вошёл в горящую деревню.

— Ты приказал нам оставаться на месте! — взрывается Эстебан. — Мы должны были пополнить запасы.

Дез обнажает зубы в невесёлой улыбке:

— Вот видите? У каждого была своя роль. Кроме того, мы все живы, а Рен раздобыла камень Селесты.

— И попалась, — ворчит Марго.

— Когда мы попадаемся, а это случается даже с лучшими из нас, мы продолжаем бороться до конца. Главное — выполнить миссию. Уничтожить Руку Правосудия. Восстановить наше королевство и территории наших предков. Разве не так?

— Так, — соглашается Эстебан.

— Отлично. Мы все живы и всё ещё вместе. К сожалению, Селесты Сан-Марина больше нет с нами, — Мы все киваем, и он выдерживает небольшую паузу, прежде чем продолжить: — Саида, зашьёшь рану Рен, пожалуйста?

— Сделаю, что смогу.

Игла и нить уже лежат на обрезке чистой ткани, а Саида моет руки с мылом в реке.

— Остальные помогают разбить лагерь, — инструктирует Дез, одновременно пытаясь поймать мой взгляд.

Но я не могу на него смотреть. Он ведь не понимает. *Не может понять.* Я не хочу, чтобы он заступался за меня. Это только усложняет мои отношения с остальными.

В небе над нами плывут тёмные тучи, дует прохладный ветерок. Может быть, богиня всё ещё присматривает за нами. Возможно, в этой отсрочке от жары и духоты проявляется её милосердие к мятежникам, вечно бегущим от свирепого короля.

Я сижу на клочке сухой травы, пока остальные обустривают место для костра. Саида отрезает ещё часть относительно чистой ткани, чтобы вытереть кровь вокруг моей раны.

Пытаюсь смотреть на её лицо и не обращать внимания на жжение, усиливающееся в плече. Глаза и волосы Саиды полночно-чёрные, а в левой ноздре сверкает крошечный алмазный гвоздик, тем самым ещё больше подчёркивая маленькую горбинку на носу. У неё светло-коричневая кожа, типичная для жителей песчаных пустынь Захары, а на груди целая россыпь родинок. Саида всегда слегка подкрашивает губы красным цветом — эта привычка осталась у неё ещё с тех

времён, когда она была певицей. Это было четыре года назад, сейчас ей почти девятнадцать. Она словно соловей среди шепчущих, поскольку по-прежнему любит напевать, когда занимается нашими ранами. Её голос даже немного отвлекает от боли. *Но лишь чуть-чуть.*

Она слегка надавливает на рану, отчего я болезненно морщусь и напрягаю плечо.

— Прости! Матерь всего сущего, у тебя глубокий порез, Рен, — комментирует она, не отрывая взгляда от своих проворных пальцев. Нервный смешок срывается с её губ. — Но ты это и сама знаешь.

— Теперь у меня будут парные шрамы по обе стороны шеи, — плаксиво тяну я. — Вселенная явно пытается меня обезглавить.

— Или Госпожа послала своих хранителей присматривать за тобой, — Саида зажигает спичку и подносит иглу к пламени.

Я хочу рассмеяться, но при взгляде на огонь у меня перехватывает дыхание и подкашливаются ноги. Это так нелепо, даже унижительно. Я разводила костёр в лесу, бежала по горячей деревне и смотрела, как пламя охватывает стражника в воспоминании Фрэнсиса... Но сейчас начинаю задыхаться из-за крошечного огонька.

— Рен?

Это опять происходит. Почему сейчас? Саида сжимает мои руки, пытаюсь вернуть к реальности. Но моё тело парализовано, а глаза застилает пелена боли. В итоге воспоминание, ранее надёжно запертое в Серости, вырывается наружу.

Дворец. Детские ладошки вцепились в подоконник. В оконном стекле я вижу своё отражение. Чёрное ночное небо рассекают красно-оранжевые всполохи рассвета. В моих покоях повсюду дым. Он проникает через дверные щели. Огонь! Это не рассвет, а огонь.

Голова идёт кругом. Я сажусь на землю и обхватываю колени руками, пытаюсь дышать ровно. Кто-то зовёт меня по имени, но звук доносится словно издалека, а воспоминание в своих ярчайших красках всё ещё стоит перед глазами.

Я ощущаю мягкое прикосновение к щеке. Дез. Мозолистая подушечка его большого пальца легонько поглаживает мою кожу. «Успокойся». Это слово обволакивает меня и проникает внутрь. Моё тело расслабляется, а мышцы отпускает напряжение, точно потянули за невидимую ниточку и распустили весь гобелен, сердцебиение снова замедляется, пока тёплая волна магии Деза заполняет всё моё

существо. Внезапно я отчаянно нуждаюсь в спокойствии и тишине. И вдруг мой разум проясняется. Серость отступает, а я захлопываю за ней дверь. Саида и Дез перенесли меня подальше от лагеря и разместили на мягкой траве. Неужели я настолько погрузилась в воспоминание, что даже не почувствовала этого?

С моих губ слетает ругательство, я с размаху бью Деза ладонью в грудь и сразу жалею об этом, поскольку боль пронзает мою раненую руку.

— Я же просила, чтобы ты не...

— Прости, — тихо, но твёрдо перебивает он. Видимо считает, что всё сделал правильно. — Саида не может накладывать швы, пока ты так трясешься.

— Вы там уже закончили? — спрашивает Марго, её голубые глаза прожигают Деза насквозь. — Нам нужна помощь со спальными мешками.

Затем её взгляд перемещается на меня, и верхняя губа изгибается в уже привычной презрительной усмешке. Я не уверена, что именно её расстроило: использование Дезом своего дара на другом шепчущем или наше близкое общение. Возможно, верны оба варианта. Но наверняка дело в том, что независимо от того, сколько я буду бежать, бороться или истекать кровью во имя шепчущих, само моё существование служит вечным напоминанием об утраченном.

Дез бормочет извинения и беззвучно отходит, чтобы подбросить поленья в костёр.

— Приступим, — призывает Саида, возвращаясь к своему набору для наложения швов. — Эстебан, будь добр, поделись своей флягой.

Эстебан, уже начавший готовить еду, хмурится.

— Да там уже наверняка занесена инфекция. Пустая трата хорошего пойла.

Дез сверлит Эстебана таким взглядом, который заставил бы даже самых отважных наложить в штаны.

— Только каплю, — ворчит он и передаёт флягу Саиде, глядя на меня с прищуром.

— Не обращай на него внимания, — шепчет мне на ухо Саида. — Это не так уж больно, хотя можешь прикусить свой кожаный ремень при необходимости.

— Мне кажется, у нас разные представления о боли, — шучу я. — Но я смогу выдержать.

Она хихикает, заметив мой пристальный взгляд на тонкую флягу с агуадзульсе. Хоть напиток и получается из стеблей сахарного тростника, широко распространённого в южной провинции, но в этом чистом ликёре нет ничего сладкого. Некогда Дез вылил его на открытый порез на моей ноге прямо перед тем, как вытащить оттуда толстый осколок стекла. После этого я не могла ходить неделями, а запах этого пойла ещё долго не давал мне покоя.

Саида ласково улыбается.

— Что произошло? Ты никогда раньше так не реагировала на огонь.

Саиде не нужно использовать свой дар персуари, чтобы повлиять на моё настроение. В ней есть нечто такое, что побуждает меня поделиться всеми своими секретами. Даже теми, которые я не решусь озвучить Дезу.

— Ой, да сущий пустяк. Просто вспомнила кое-что из детства.

Она удивлённо приподнимает свои густые брови.

— Так это же хорошо. Ты ничего не могла извлечь из Серости с тех пор, как тебя спасли из дворца, верно?

Я убираю волосы назад и смотрю на траву, пока Саида промывает рану и обтирает кожу вокруг.

— Мы с Илланом пытались вытащить что-нибудь из воспоминаний того времени, когда я была с Королевским Правосудием. Что-нибудь, что можно было использовать против них. Но у нас ничего не получилось. Он считает, что я отделила свои воспоминания, чтобы спасти свой разум. Создала Серость, чтобы хранить там все воспоминания того времени. Другие старейшины полагают, что Серость — это побочный эффект. Точнее, наказание тем робари, которые опустошают других людей. Видимо, я это заслужила.

— Не говори так, Рен, — Саида хмурится и прижимает сухую ткань к горлышку фляги. Я готовлюсь к тому, что сейчас будет жечь. — У каждого из нас есть тёмные пятна в прошлом. Богиня говорит, что мы все заслуживаем прощения.

— Я не заслужила прощения только потому, что забыла первые девять лет своей жизни.

— А как же всё то, что ты сделала с тех пор? — шепчет она и прикладывает ткань к ране.

Перед глазами появляются красные вспышки, и я едва успеваю подавить крик. Не хочу, чтобы Марго с Эстебаном слышали и снова сочли меня слабой.

— Сейчас постарайся не двигаться, — Саида ждёт, когда я возьму себя в руки, а затем вставляет нитку в иголку. Я закрываю глаза и задерживаю дыхание, когда тонкий металл пронзает кожу, а за ним следует шёлковая нить.

Моё дыхание прерывистое и тяжёлое. Ноющая боль пульсирует в висках. Нужно держать Серость под контролем. Старейшины считают, что там может храниться нечто такое, что поможет переломить всю ситуацию в противостоянии моря и короля. Но глубоко в душе я подозреваю, что занятия с Илланом не помогли, потому что я не хочу возвращения этих воспоминаний.

В отличие от других шепчущих, я провела часть детства во дворце, но не в качестве заключённой, а как гостя короля и Правосудия. Или скорее домашний зверёк. Десять лет назад Правосудие начало разыскивать детей с даром робари по всему королевству, чтобы использовать их как оружие. И хотя нас было мало — робари редкий, но не вымерший вид, — я не помню никого из них. Может быть, они были старше и смогли отказаться выполнять задания Правосудия, а затем были казнены за сопротивление. В отличие от меня. *Я исполняла приказы.*

Меня заметил судья Мендес. Он выделил для меня покои во дворце и приносил подносы с разными деликатесами на выбор. Утверждал, что моя способность забирать воспоминания самая могущественная из всех, что он когда-либо видел. Тогда я ещё не знала, что не могу возвращать их обратно. Или что могу украсть слишком много. Ведь когда я заканчивала — забирала все воспоминания до единого, — от человека оставалась одна лишь тень. *Оболочка. Пустышка.*

Я не знала, что была главным орудием Правосудия в первые месяцы Королевского Гнева, когда тысячи моря — включая моих родителей, как я потом узнала — были убиты за использование магии против короля и жителей Пуэрто-Леонеса.

— Вот так, — Саида заканчивает работу и напоследок наносит травяную мазь, которая охлаждает мою горящую кожу. Она улыбается, осматривая результат своих трудов. — Теперь ты должна продержаться до Анжелеса.

— Если мы доберёмся до туда, — бормочет Эстебан, выхватывая флягу из руки Саиды, прежде чем она успевает её убрать.

— Какой ты оптимист! В тебе настолько мало веры, что я смогу вернуть тебя домой? — в голосе Деза звучит веселье, но я слышу вызов, стоящий за этим вопросом.

— Тебе я доверяю свою жизнь, Дез. Но меня беспокоит, что последствия ошибки этой мусорщицы ещё нас нагонят, — Эстебан проводит рукой по своим жёстким вьющимся волосам.

— Так уж получилось, что эта мусорщица — единственная во всём Анжелесе, кто может прочесть камень альман, — произносит Дез со сталью в голосе, — Если только ты не открыл в себе неизвестные мне таланты.

— Если ты называешь проклятие талантом.

Я резко поднимаюсь и ухожу. Не из-за Эстебана, я уже свыклась с его издёвками, как со шрамами на ладонях. Я бросаю взгляд на Деза и уверена, что он последует за мной. Я иду вдоль реки, удаляясь от нашего лагеря, пока мы не оказываемся вне пределов слышимости. Фигура Деза маячит за спиной, он подстраивается под мой шаг.

— Эстебан перегнул палку, — говорит он, когда я окончательно останавливаюсь и поворачиваюсь к нему лицом. — Я с ним поговорю.

— Он всегда перегибает, — сухо отвечаю я. — Не хочу, чтобы ты с ним разговаривал. Я желаю, чтобы ты позволил мне самой разобраться с этим.

Дез озадаченно смотрит в небо.

— Позволь мне помочь тебе.

— Неужели ты не видишь, что это не помогает? — делаю глубокий вдох, потому что со всеми этими событиями в Эсмеральдас и рвущимися из Серости воспоминаниями, я чувствую себя слишком напряжённой. — Они не примут меня, если ты каждый раз будешь вставать на мою защиту.

— Ты всё ещё самый ценный человек в отряде. Во всём Анжелесе. Без тебя мы окажемся в беспросветной тьме.

— Ты не понимаешь, — качаю головой я. — Речь не о ценности моего дара.

Он улыбается. И от одного его взгляда мне хочется сделать что-нибудь безрассудное.

— Тогда объясни мне. Я не могу читать твои мысли, не то чтобы не пытался.

— Ты можешь изменить прошлое?

Он берёт меня за руку, и мне даже кажется, что я чувствую тепло его ладони сквозь мягкую кожу своих перчаток.

— Рен...

— Я серьёзно.

Его улыбка меркнет на мгновение.

— Ты всегда серьёзна, Рената. Уверен, ты уже родилась такой убийственно серьёзной.

— Ответственность за тысячи смертей может сделать девушку серьёзной.

— Ты не просто девушка, — опровергает он, поглаживая мои плечи. — Ты — тень. Сталь. Возмездие в ночи. Шепчущая из мятежных мориа.

Знаю, что он хочет сделать комплимент. В отрядах шепчущих ты хорош настолько, насколько хороша твоя способность. Но когда он говорит мне, что я шёпот смерти, а не простая девушка, мне в сердце будто вонзается стрела. Я смотрю в его глаза, желая, чтобы он был чуть менее безрассудным. Хотя тогда это был бы уже не Дез.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Нет, Рената, — вздыхает он. — Я не могу изменить прошлое. Если вспомнить отцовские сказки на ночь, то есть только один способ это сделать. С помощью клинка памяти.

Если я родилась серьёзной, то Дез — совершенно бесстыжим. Я смеюсь. Клинок памяти, ну надо же. Нож, настолько острый, что может срезать разом целые ряды воспоминаний, даже годы или вековые истории. Традиционная сказочка для детей мориа.

— Ты не можешь всё исправить, Дез. Но я могу.

Он грозит мне пальцем.

— Как любезно напомнила нам Марго, по моей вине мы потеряли нашу последнюю крепость. Я не смог одолеть Кровавого Принца. Если ей нужно направить на кого-то свой гнев, то пусть это буду я.

— Это не твоя вина, Дез. У нас не было союзников, а они превосходили численностью в десять раз.

Он отводит взгляд, но согласно кивает. Моё сердце сжимается от боли в его глазах. В тени вердинских деревьев я позволяю себе расслабиться, в его компании это не представляет сложности. На нём свободная рубашка без пояса. Я провожу рукой по чёрным прядям его волос, которые постоянно находятся в беспорядке. Мне больно двигать шеей, поэтому я встаю на толстый корень дерева, чтобы оказаться на одном уровне глаз с Дезом.

— Почему ты всегда подбадриваешь и поддерживаешь меня, но не позволяешь ответить тебе тем же? — хмыкает он и обнимает меня за талию.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я неожиданно его целую. Страх, весь день державший моё сердце в своих острых когтях, окончательно отступает. Дез такой сильный, крепкий и надёжный, точно окружающие нас гигантские деревья. Он отстраняется, чтобы перевести дыхание. Я кладу руку на мужскую грудь и ощущаю учащённое сердцебиение. Его кривая улыбка вызывает во мне странное трепещущее чувство.

— Не подумай, что жалуюсь, но чем я это заслужил?

— Я хотела сделать это с того самого момента, как мы ушли из Анжелеса, — шепчу я. — Спасибо тебе за сегодня. За то, что вернулся за мной.

— Я всегда вернусь за тобой.

Смелые слова, почти невыполнимое обещание. Мы живём не в том мире, где можно давать подобные клятвы. Но я решаю поверить ему. Мне хочется доверять ему.

Дез тянется к шее и развязывает чёрный кожаный шнурок с нанизанной на него медной монеткой. На одной стороне монеты изображён профиль женщины в лавровом венке, на другой — конкретная дата «299 год» в окаймлении трёх звезд. Сколько я его знаю, Дез никогда раньше не снимал эту монету. До меня не сразу доходит, что он предлагает её мне.

— Я не могу взять её, — качаю я головой.

— Не можешь? Или не хочешь?

— Это ведь подарок Иллана.

Дез держит монетку за края.

— И он получил её от моего деда, королевского кузнеца. Отчеканили ровно десять таких монет, а потом столица пала в результате осады мятежной группировки из бывшего матриархального королевства Тресорос, и всё производство остановилось. Отец говорит, что у короля Фернандо есть целая галерея трофеев, где находятся остальные девять монет в качестве напоминания о том, что некогда Пуэрто-Леонес был окружён вражескими землями: Меморией, Тресоросом, Сол-Абене, Захарой. Но им было суждено пасть перед львами побережья.

— Почему я никогда раньше не слышала об этом?

Есть десятки версий того, как правящая семья Фахардо из Пуэрто-Леонеса завоевала, или «объединила», континент. Но королевство Тресорос считалось их союзником. Я не знала, что там всё ещё остались мятежники, спустя больше века после того поражения. Будет ли наша борьба продолжаться спустя десятилетия? Дез возвращает меня в настоящее, заботливо заправив волосы за ухо. Его улыбка такая красивая, что невозможно смотреть слишком долго.

— Считай, тебе повезло, что ты пропустила эти нескончаемые бредни о древних временах. Но это не отменяет того факта, что я хочу отдать её тебе.

Я пожимаю здоровым плечом.

— Я ничего не могу надеть на шею.

— Просто храни в своём кармане. Или в ботинке. Главное, носи с собой, — он осторожно кладет монету на мою раскрытую ладонь и загибает пальцы. — Ты не сможешь ничего на неё купить, но это единственная семейная реликвия, которая у меня осталась.

— Всё больше причин, почему я не должна её принимать.

Он облизывает губы и вздыхает.

— Когда сегодня я понял, что ты ещё не покинула деревню, то сразу осознал, что есть вероятность никогда больше тебя не увидеть. Никогда не услышать, как ты кричишь на меня или поправляешь, если я неправ. Никогда не обнять тебя и не вернуться с тобой домой. Я не смог бы этого вынести, Рен. Скоро всё изменится, а я не знаю, сможем ли мы это пережить, поэтому я хочу, чтобы часть меня всегда была с тобой.

— Но мне нечего подарить тебе в ответ, Дез.

Эмоции переполняют меня. Я наклоняюсь к нему с закрытыми глазами, потому что если посмотрю на него — проиграю. Возьму эту несчастную монетку. Смягчусь, хотя должна быть твёрдой и непоколебимой. Он целует меня в щёку, и я сразу сдаюсь, открывая глаза.

— Ты доверяешь мне, хотя я знаю, насколько это тяжело для тебя.

Я знакома с ним уже давно и не думаю, что он когда-либо говорил настолько искренне. Дез никогда не скрывает своих чувств, но сейчас мне кажется, что он умалчивает о чём-то. Это наверняка касается миссии и камня альмана, может всё гораздо опаснее, чем мы раньше предполагали. Когда он смотрит на меня, я замечаю проблеск страха в его глазах. Дез, которого я знаю, ничего не боится. Но может быть, мне это только показалось. Возможно, сказывается волнение сегодняшнего дня или на него так падает тень закатного солнца.

— Обещаю, что буду хранить её, — я прижимаю медную монету к груди и ещё раз быстро целую Деза.

Со стороны нашего лагеря доносятся крики, они зовут Деза. Время прочитать камень и узнать, что же пыталась защитить Селеста Сан-Марина ценой своей жизни.

Глава 5

На закате мы собираемся у костра. Мне раньше не приходилось расшифровывать альман вне стен нашей крепости в Анжелесе. Обычно это делается в присутствии хотя бы двух старейшин и одного вентари. Из-за наших деяний в прошлом, остальные мориа не склонны верить робари на слово.

Эстебан, будучи вентари, легко может понять, когда я лгу. Он способен заглянуть в мой разум, словно в раскрытую книгу, чтобы узнать правду. Если когда-нибудь моим словам поверят без проверки читающих мысли вентари, это будет означать, что шепчущие простили меня.

Марго и Саида молча наблюдают по ту сторону костра, пока Дез расхаживает вокруг нас в своей медленной, хищной манере. Я достаю камень из кармана и кладу его на наш импровизированный стол. Мелькает мысль, что именно так может выглядеть упавшая звезда — белый кристалл, светящийся изнутри.

Я снимаю перчатку и протягиваю руку Эстебану. Перламутровые завитки шрамов ярко выделяются на моей оливковой коже.

Взгляд чёрных как оникс глаз Эстебана скользит по моему лицу:

— Готова?

На нём серебряный браслет — металлический проводник магии вентари. Эстебан как-то назвал свой браслет факелом, освещающим ему наиболее тёмные уголки человеческого сознания. Частицы металла содержатся в самой крови моря. Нам говорят, что это и есть ключ к нашим силам. Никогда не забуду истории Иллана, которые он рассказывал нам в детстве о Госпоже теней, доставшей из земных недр жилы драгоценных металлов и наполнившей их своей силой. Она вручила этот дар моря, чтобы мы защищали созданный ею мир. Это одна из легенд. Сложно защитить что-либо, когда ты только и делаешь, что скрываешься.

— Готова.

Я вздрагиваю, когда холод его магии проникает под мою кожу. Эстебан — единственный вентари, которому я когда-либо позволяла читать меня. Если не знать, чем он занимается, можно легко принять возникающее при этом давление за естественную головную боль. Лично у меня появляется ощущение, словно кто-то залез мне под кожу. Вторжение вызывает панический страх, когда я смотрю на Деза и вспоминаю о наших недавних поцелуях. Пытаюсь дышать глубже. Мне нужно очистить голову, чтобы мысли текли спокойно, как река в безветренный день. Эстебану незачем знать...

— Знать о чём, маленькая разжигательница? — ухмыляется Эстебан.

— О том, что ты заноза в заднице. Хотя ты и так это прекрасно знаешь, — я старательно вспоминаю один случай, когда Эстебан случайно упал в навозную кучу в Анжелесе, отчего на его лицо набегает тень.

— Я же тебе говорил, ты всегда можешь сопротивляться. Показывай мне лишь те воспоминания, которыми желаешь поделиться. Могла бы и попрактиковаться.

Если бы я попыталась, сразу навлекла бы на себя подозрения, чего он и добивается.

— Давай уже поскорее.

Я поднимаю альман на уровень глаз и концентрируюсь на источнике света, пульсирующем внутри камня, как бьющееся сердце. Никто, включая старейшин, не знает, почему только робари могут читать изображения, запечатлённые альманом. Сам по себе камень раньше считался священным, его использовали для возведения храмов и статуй Госпожи теней, божественной матери всех мориа. Когда Пуэрто-Леонес захватил Меморию, многие предания и записи были уничтожены, хотя старейшины пытались сохранить истории, передавая их из уст в уста. Но мы не всегда понимаем, где миф, а где реальность. Десять лет назад, Королевский Гнев разрушил все оставшиеся статуи и храмы до основания, превратив их в пыль. Обломки альмана, которые нам посчастливилось найти, теперь используются для передачи сообщений между шепчущими из разных провинций. Этот камень многое значит для меня.

Линии на моих ладонях загораются, как если бы я собиралась забрать воспоминание у человека. Но в отличие от вторжения в сознание людей, изображения в камне светятся ярким белым светом по краям и сами по себе настолько сияющие, словно их освещает солнце, независимо от того, где и когда происходило запечатлённое действие. Звук же приглушённый, как будто доносится через стекло. Лес вокруг меня исчезает, остаётся лишь тепло магии Эстебана. И последнее, что я слышу — скрип его пера.

— Только быстро, Родриг, — вполголоса произносит некто в чёрном плаще. — Забирай её и уходи. Смена караула в полночь. У тебя мало времени.

Затем незнакомец с усилием открывает тяжёлую деревянную дверь с рельефными стеклянными вставками. Родриг замечает своё отражение на неровной поверхности. Тёмно-коричневая кожа блестит от пота. Ему не подходит эта украденная форма дворцовой стражи: слишком фиолетовая, слишком узкая для его широких плеч. Он кивает человеку в плаще и спешит в подземелье.

Тускло освещённый узкий коридор. Горящие факелы бросают длинные тени на выдавшие виды каменные стены. С пористого потолка капает вода. Родриг уже тяжело дышит. Один поворот, потом другой. Вдруг совсем близко звучат голоса и звон металла. Мужчина поспешно прячется в углублении в стене. Мимо медленно проходит стражник.

Убедившись, что тот ушёл достаточно далеко, Родриг продолжает свой путь. Он проходит мимо камер с заключёнными. В некоторых находятся по десять человек, где-то по три, а в следующих только мыши скребутся среди кучки сена. Десятки глаз следят, как он идёт по коридору. Родриг избегает чужих взглядов, но замечает женщину, хмуро уставившуюся на него. Догадывается ли она, что форма краденная?

Он прочищает горло, а затем берётся за рукоятку украденного меча, считая секунды в голове и приходя к выводу, что времени остаётся всё меньше.

— Люсия? — зовёт он.

В конце коридора нет ни одного факела, Родриг берёт один со стены, чтобы немного осветить себе путь сквозь густую тьму. Он подносит огонь к решёткам, рассматривая угрюмые лица. Они щурятся от света, шипят потрескавшимися губами, недовольные его приходом. Затем он замечает её, сидящую в одиночестве по центру настолько большой камеры, что сама кажется на фоне маленьким ребёнком.

— Что они с тобой сделали? — шепчет он, пытаясь нащупать замок, но тот сильно заржавел, отчего открыть его почти невозможно. — Люсия, подойди ко мне.

Она резко вскидывает голову при звуке своего имени, но смотрит куда-то мимо Родрига и снова опускает взгляд. Девушка настолько худая, что он даже боится прикоснуться, когда она подходит к нему. Её тонкие словно веточки пальцы обхватывают железные прутья. Кожа у неё болезненно серая, а длинные волосы зачёсаны назад, как будто недавно кто-то попытался привести её в порядок.

— Сорока не могла дать мне больше времени.

Он чувствует стремительное приближение полуночи. Эхо голосов доносится с той стороны, откуда пришёл Родриг. Он бьёт мечом по замку со всей силы, до боли в мышцах, но железное творение Правосудия не поддаётся. Родриг берёт Люсию за руку. Его всхлипы эхом отражаются от стен. Время на исходе. Он прикасается пальцами к её виску:

— Люсия, пожалуйста, скажи хоть что-нибудь. Я не могу прочитать твои мысли. Они...

Она смотрит перед собой пустым взглядом. Серебряные вены проступают вокруг глаз и у основания шеи, как змеи на песке. Родриг отскакивает назад. Эти вены пульсируют и сверкают, прямо через кожу.

Меч выпадает у него из рук, с лязгом ударяясь о землю. Он не может прочитать её мысли, не видит ничего в разуме своей возлюбленной. Но хуже всего, он не видит и следа её собственной магии. Словно сама её суть — душа, искра — пропала.

— Какой сюрприз, — ровный глубокий голос звучит за его спиной. Родриг резко оборачивается, два стражника толкают его к стене, бьют кулаками в лицо, грудь и пах. Он падает на землю, сырую и холодную.

Над ним нависает третья фигура. Тени прорезают его угловатое лицо. Коротко стриженные седеющие волосы зачёсаны назад. Он откидывает назад полы своей тёмной мантии и опускается на одно колено рядом с Родригом.

— Что вы с ней сотворили? — Родриг сплёвывает кровь прямо ему в лицо, но тот даже не тянется вытереть свои острые скулы.

— То же, что сделаю с тобой. Я избавлю тебя от противоестественной магии. Вы никогда больше не сможете кому-либо навредить.

Родриг выбрасывает кулак вверх, но его останавливает стражник, придавливая к земле. Он поворачивается к Люсии — его жизни и возлюбленной, — которая по-прежнему остаётся безучастной. Не испытывая никакого страха, сочувствия или беспокойства.

— Делай со мной всё, что хочешь, — выплёвывает Родриг. — Голоса шепчущих никогда не умолкнут.

Мужчина встаёт, медленно поворачивая лицо к Люсии. Он поднимает палец, на котором сверкает золотой перстень с драгоценными камнями:

— Это в прошлом. Наступает новый рассвет для Пуэрто-Леонеса. Я хочу, чтобы ты ясно понимал, что будет дальше с вашим восстанием. Видишь ли, ты глубоко ошибаешься. Бегите хоть на край света, но с нашим новым оружием, мы всё равно найдём вас, — он сжимает пальцами челюсть Родрига. — Назови мне имя шпиона во

дворце, и я позволю тебе провести ещё один день с твоей драгоценной Люсией.

— Люсия! — мой голос обрывается, мне не хватает воздуха от шока. Я выдёргиваю свою руку из хватки Эстебана, лицо которого искажено страхом. Он даже не тянется за своей флягой с агуадутье, которую всегда держит при себе, чтобы перебить сильные головные боли — последствия применения дара.

— Что там было? — внезапно я замечаю рядом с собой Деза, который нежно убирает волосы с моих вспотевших висков и утешающе шепчет на ухо: — Рен. Что ты видела? Люсия жива?

— Дез, король... судья... Они как-то забрали... — я сама не уверена, что именно видела. Не знаю, как описать словами то, что пришлось пережить Родригу. Там присутствовал судья, а я не была готова увидеть его лицо.

— Эстебан... Рен... Вы должны всё рассказать.

Марго выхватывает бумагу, на которой писал Эстебан. Его почерк небрежный, будто он сильно торопился, пытаясь поспеть за ходом развития событий в воспоминании. Голубые глаза Марго расширяются, когда она быстро пробегает по строчкам, вырванным из моего сознания.

— Они нашли способ победить в этой войне, — сообщает Марго и сминает бумагу в своём кулаке, а потом снова разворачивает и разглаживает. Эти записи нужно будет показать старейшинам.

— Что ты имеешь в виду? — Саида забирает пергамент из трясущейся руки Марго.

Я всё ещё удерживаю альман в ладони. Свет в нём погас, теперь это обычный полупрозрачный белый минерал. Заурядный и пустой. Я вспоминаю странное лицо Люсии, покрытое сетью серебряных вен, так похожих на магические завитки, что горят на моих ладонях. Ещё и судья. Я не видела его, не слышала этот голос уже много лет. Мне хочется кричать. Прыгнуть в реку, чтобы течение унесло меня прочь. Не знаю, хватит ли мне сил на дальнейшее.

— Они могут забрать нашу магию, — затаив дыхание, произносит Саида. — Но каким образом?

Мы все смотрим на Деза. Сидим вокруг костра, как наверняка сидели ещё детьми, когда нам рассказывали страшилки. Но сейчас наши монстры реальны и мы не знаем, сможем ли их одолеть. Дез

берёт пергамент последним и читает, а затем переводит взгляд на кроны деревьев, сквозь которые виднеется белый свет луны. Он заметно взволнован, но не настолько поражён новостью, как все остальные.

— Ты знал!

— Да, — отвечает он, глядя мне в глаза.

Марго и Эстебан тихо матерятся, а Саида поджимает губы и пыхтит, раздувая ноздри. В моём сердце что-то леденеет.

— Я не мог вам сказать по приказу старейшин.

Марго со всей злости пинает ближайший мешок с вещами. Мой, разумеется.

— Ты просто обязан нам всё рассказать, Дез. Я думала, что информация от Родрига и Селесты сможет нам помочь. Вместо этого мы лишь узнали, что враги нашли способ покончить с нами.

— Да, Рука Правосудия создала оружие, способное забрать нашу магию, — признаётся Дез. — Мой отец узнал об этом четыре месяца назад.

— Четыре месяца?! — переспрашиваю я.

Дез поднимается и начинает ходить вокруг костра, не в силах скрыть свою нервозность.

— Ему сообщил об этом шпион по прозвищу Сорока. Я не знаю, кто он такой, мориа или нет. Отец никогда не раскрывает личности своих шпионов даже другим старейшинам, чтобы не подвергать их ещё большей опасности.

— И как эта Сорока узнала об оружии?

— За этим и послали Люсию, чтобы она выяснила подробности, — отвечает мне Дез, растирая лицо руками. Постепенно он всё больше отдаляется от нас, подчёркивая это отстранённым взглядом своих золотистых глаз. — Её поймали. Отправиться на поиски было личной инициативой Родрига и теперь мы знаем, что именно случилось. Мы надеялись узнать, что это за оружие, чтобы затем уничтожить его. Но тот факт, что оно не просто забирает магию... — он обрывает фразу, почти не дыша. — Нам такое не приснилось бы даже в страшном сне.

Мы с Марго спрашиваем одновременно:

— Откуда оно взялось?

— Что ещё оно может?

— Мы не знаем, как они это сделали, — Дез останавливается и скрещивает руки на груди. — Этот человек сказал Родригу, что они найдут нас везде. Видимо, оно способно отслеживать нашу магию. Передвигаться большими группами теперь небезопасно.

— И что тогда будет с семьями, которым мы помогаем тайно покинуть королевство через Лузо? — интересуется Саида.

— Нужно ускорить переправу, — заявляет он, постепенно возвращая себе решимость и снова встречая наши взгляды. — Нам всегда приходилось быть на шаг впереди Правосудия. Так будет и впредь.

Марго смотрит на огонь, в её глазах отражается пламя.

— Они могут забрать нашу магию, как ты забираешь воспоминания.

Наступает напряжённая тишина. Я не хотела проводить параллель, но Марго это сделала за меня. Как будто мало того, что она считает меня опасной и ненадёжной, так теперь ещё и ставит в один ряд с чем-то столь чудовищным? Я сжимаю кулаки.

— Ты не видела, что стало с Люсией. Она была в сознании и даже могла стоять. Но в её глазах больше не было жизни. Когда я опустошаю человека...

— Рен, тебе не нужно...

— Нужно. Когда я опустошаю человека, сразу стираю из разума все воспоминания. Тело всё ещё живо, но нанесённый мозгу ущерб необратим. Они погружаются в глубокий сон, после этого я их никогда не видела. Так что нет, это не то же самое, Марго.

— Но ты живёшь с этими воспоминаниями, — вмешивается Саида. — А куда делась магия Люсии, после изъятия? Что король намерен с ней делать?

— Забудьте о кораблях в Лузо, — решительно произносит Марго. — Предлагаю отправиться во дворец с первыми лучами солнца. Давайте покончим с этим. Проникнем внутрь и убьём короля, а затем прикончим Кровавого Принца. Дворец уже сгорел однажды, мы можем это повторить. Уверена, ты помнишь, Рената.

Перед моими глазами предстаёт задымлённая комната во дворце, когда я наблюдала из окна, как горела столица. Саида тянется и слегка сжимает моё колено. Всё во мне хочет убежать, закричать, покинуть это место и никогда больше не возвращаться. Но я пообещала себе, что

сделаю всё возможное, чтобы исправить совершённые ошибки. Я закрываю глаза и вижу мужчину, который угрожал Родригу. Когда-то я хорошо знала его. Когда-то я знала этот дворец.

Родриг выбрался из темницы и сумел оставить нам сообщение. Он умер ради этого. Селеста умерла ради этого. Целая деревня сгорела. В моей памяти всплывают слова того стражника из воспоминания мальчика.

— Марго права, — говорю я, удивляя этим всех, но особенно саму Марго. Она тут же хмурится, словно чувствует подвох. — Нам нужно отправляться как можно скорее. В воспоминании, которое я забрала у того мальчика, Фрэнсиса, один из стражников сказал, что никто не должен знать, что они были там. Почему они не казнили Селесту перед всеми на площади Эсмеральдас? Почему не использовали на ней своё оружие?

— Они наверняка скрывают его, — рассуждает Саида. — Кровавый Принц любит зрелища. Я предполагаю, что они ждут подходящего момента.

— Тогда тем более нужно действовать на опережение, — утверждает Марго.

— Они превосходят нас в численности, — возражает Дез.

— Как и всегда! — взмахивает руками Эстебан. — Забыл, как сам в Риомаре атаковал Братоубийцу в одиночку?

— И проиграл, — резко отвечает Дез. — Чёрный день для нас всех. Я больше не повторю этой ошибки. Наша миссия заключалась в том, чтобы забрать альман и выяснить, о чём таком важном узнала Селеста, что рискнула выдать себя. Теперь мы знаем, что оружие может отслеживать магию моря. Уничтожить это оружие — наша первостепенная задача, но мы должны действовать умнее, чем король и Правосудие. Второго шанса не будет. Представьте себе, мне тоже тяжело возвращаться в Анжелес, но мы не можем позволить себе проиграть. Слишком многое поставлено на карту. Вы мне верите?

— Да, — без колебаний отвечает Марго, а мы присоединяемся.

Хмурая гримаса не покидает лицо Деза. Не думаю, что кто-либо из нас сумеет уснуть сегодня ночью.

— Тогда решено. На рассвете выдвигаемся в Анжелес.

***

С каждой пройденной лигой мы всё больше погружаемся в разные стадии отрицания.

Отрицаем, что проиграли войну с королём Фернандо и его Правосудием. Отрицаем, что каждый из нас рискует разделить судьбу Люсии. Для большинства худшее, что король мог бы сделать — бросить нас в темницу и пытаться. Но это было раньше. Теперь стоит только подумать, что мы можем лишиться своей магии — самой нашей сути... Это невысказано. Однако увиденные мной воспоминания твердят об обратном. Неужели они уже сейчас используют это оружие, чтобы выследить нас? По дороге перед моими глазами всплывает лицо судьи Мендеса. Его острые скулы, тщательно зализанные чёрные с проседью волосы, а также подмечающие каждую деталь серые глаза. В моей памяти много слепых пятен, но я никогда не смогу забыть *его*. Человека, который был для меня одновременно захватчиком и отцом.

Я отстаю от остальных, пытаюсь взять себя в руки. Моё сердце бьётся слишком часто, дыхание прерывистое. Дез находится далеко впереди, ведёт за собой остальных. С прошедшей ночи он молчит или отделяется односложными ответами, но по-прежнему шагает с уверенностью генерала. Иногда я смотрю на него — на его фигуру, осанку, походку, — и понимаю, почему мы так охотно следуем за ним, прислушиваемся к каждому слову. Даже если внутренне не согласны с ним.

Моё сердце последует за ним куда угодно. Особенно в такие тяжёлые времена.

— Может, это просто ловушка, — предполагает Марго, пока мы идём по пыльной дороге Виа-де-Сантос, — способ выманить нас из Меморийских гор. Король держит при себе нескольких мориа, используя их в качестве оружия, разве нет? Лицемерная тварь.

Она говорит о Руке мориа. Правитель держит при себе четырёх из нас, по одному с каждым видом дара, как коллекцию для осуществления собственных целей, не прекращая при этом убивать и пытаться остальных толпами. Но четыре мориа стоят за королевским тронном как символ его победы над нами.

— Я видел всё то же, что и наша маленькая разжигательница, — влезает Эстебан, низко опустив голову и обхватив лямки своего вещевого мешка. — Камень Родрига был хорошо спрятан, а Правосудие не ожидало, что он сумеет сбежать.

Я замедляю шаг, душа устала не меньше ног. Пересечение реки вброд этим утром привело к тому, что дорогу мы продолжаем с сырыми ногами. Мы не можем остановиться, пока не пройдем последнюю заставу на границе, где заканчивается Пуэрто-Леонес и начинаются горы Мемории — единственное, что осталось от некогда великого королевства. Армия Пуэрто-Леонеса не может пересечь местность ни пешком, ни на лошадях, но мы знаем тайную тропу. К тому же, это бесплодная земля. Здесь одни скалы, которые не представляют никакого интереса для короля. Я не говорю этого вслух, но подозреваю, что король не пробился сюда, потому что не особо того желал. Он уже забрал всё, что представляло для него какую-либо ценность.

Проходя по этим пустынным дорогам, я невольно размышляю над тем, что от некогда сильного государства остались одни лишь призраки. Я прожила в Анжелесе восемь лет. Именно столько прошло с восстания шепчущих. Их попытка покушения на короля Фернандо провалилась. Но им удалось спасти своих похищенных детей.

Интересно, как долго Правосудие работало над созданием оружия? Стал ли Риомар последней каплей? Или начало было положено намного раньше, когда я ещё жила во дворце? Может я смогу узнать точнее, если попытаюсь заглянуть в Серость. А вдруг у меня не получится удержать все воспоминания под контролем? Бесчисленные картинки, звуки и эмоции наложатся на мои собственные ощущения. Не уверена, что смогу вынести подобное.

— Иллан найдет выход, — изрекает Саида после продолжительной паузы. Девушка старается держаться поближе ко мне, но даже она теряется в мыслях. В её словах нет уверенности, будто она саму себя ещё не убедила.

Дорога в Анжелес кажется бесконечно долгой. На нашем пути попались два убежища, которые смогли бы укрыть шепчущих, но даже те закрыли перед нами свои двери, поэтому пришлось идти дальше по этой изнуряющей жаре. Мы маскируемся под набожных паломников, чтобы быстро передвигаться в дневное время. Прячем оружие подальше от глаз сборщиков, требующих пошлину с каждого встречного. Все одеты в колючие чёрные одежды и носят ольховые чётки на шее — символ Отца миров.

Горы Мемории представляют собой тёмный зубчатый силуэт на линии горизонта, а Виа-де-Сантос — пустынную извилистую дорогу, которая ведёт нас к ним. Паломники и жители королевства останавливаются перед горой у священных источников, чьи водоёмы и водопады, как гласят предания, берут начало в том самом месте, где появился Отец миров. Мы ждём до наступления темноты и проскальзываем мимо сборщиков пошлин, опьяневших от наживы и вина.

Сколько бы шагов мы ни сделали, горы ближе не становятся. После нескольких часов под палящим солнцем по моей шее стекает пот, задевая зашитую рану. Я едва переношу тяжесть своего мешка, даже после того как Дез забрал себе часть моего груза. Но сильнее боли только страх перед тем, что я увидела в воспоминании. А также угроза, прозвучавшая из уст судьи Мендеса: *«Мы всё равно найдём вас»*.

Мы подходим к горному хребту. Но здесь полно других путников с Виа-де-Сантос. Группа пастухов косо поглядывает на нас. Их головы покрыты белыми шарфами, которые защищают от солнца и пыли. Кровь стучит у меня в ушах, перекрывая хруст гравия под нашими ботинками. Саида быстро выкрикивает благословение Отцу всего сущего. Её мелодичный голос и улыбка обезоруживают их. Пастухи невнятно отвечают и возвращаются к своим делам. Наш отряд продолжает свой путь в напряжённом молчании.

Мы решаем остановиться, когда солнце уже нависает над горами, а небо окрашивают кроваво-красные всполохи заката. Вокруг нет ничего, кроме бесплодной земли, жёлтой травы и дороги.

— Ты слышишь Иллана? — спрашивает Марго у Эстебана. Её приятный хрипловатый голос звучит странно в жутковатой тишине безлюдной местности, где слышен лишь шелест сухой травы вдоль дороги.

— Я пытаюсь, но мы всё ещё слишком далеко.

Иллан помогал Эстебану отточить дар вентари: используя серебро, чтобы усилить действие и расширить диапазон связи настолько, чтобы они могли обмениваться мыслями даже на расстоянии. Эстебан прокручивает свой серебряный браслет на запястье и почёсывает за ухом.

— Попробуй ещё раз, — настаивает Дез, скидывая с плеч мешок с вещами. — Он должен узнать о том, что увидела Рен.

Эстебан растирает свою широкую переносицу и поднимает ладонь, чтобы мы замолчали, затем откидывает капюшон плаща и расстёгивает застёжку у горла, как будто она душит его. И вдруг напрягается. Я понимаю, что магия Эстебана действует, когда он неподвижно замирает с закрытыми глазами и наклонив голову, словно пытается прислушаться к шёпоту, доносящемуся с далёкой горы.

— Это он, — сообщает Эстебан, его карие глаза устремлены вдаль. — Твой отец.

Эстебан отходит от нас подальше, чтобы в тишине сосредоточиться на потоке мыслей Иллана. Интересно, на что это похоже: слышать голоса, заглядывать в чужой разум, а потом также спокойно покидать его.

— Вы уверены? — спрашивает Эстебан. Его взгляд направлен мимо нас, на линию горизонта. Иногда, находясь в глубоком трансе, он начинает озвучивать свои мысли, поэтому это немного походит на разговор с призраком. — Но... да-да, конечно.

Судя по тому, как он хмурит брови, инструкции Иллана явно пришлись ему не по душе. Эстебан глубоко вздыхает и прижимает ладони к лицу, чтобы унять мигрень, которая сопутствует использованию данной магии.

— Ну же, говори, — командует Дез.

Эстебан пристально смотрит на нас. С его лица сошли все краски.

— Мы не идём домой.

— Что? — выпаливаю я.

— Иллан приказал не возвращаться. Разбить лагерь в Рысьем лесу, — сообщает Эстебан, морщась от сильной головной боли. — Отряды Ястреб и Лис, а также сам совет старейшин встретятся с нами там через два дня.

— Старейшины? — ахает Саида.

Все сомнения по поводу того, что новости об оружии могут оказаться ловушкой, резко отпали. Старейшины никогда не покидают безопасные руины в горах. Они хранят историю и традиции королевства Мемория. Зачем им рисковать сейчас?

— Возможно нам лучше встретиться в столице? — предлагает Марго.

Эстебан качает головой, его губы сжаты в тонкую линию.

— Старейшины слышали, что Королевское Правосудие нападает на цитадели и деревни близ горного прохода. Разошлась молва о мятежниках, поджёгших Эсмеральдас.

— Ложь, — выплёвывает Саида.

— Это всё твоя вина, маленькая разжигательница, — тихо ворчит Марго рядом со мной.

— Западное направление — лучший вариант. Я хорошо знаю Рысий лес, — уверяет Дез. — Я назвал наш отряд в честь него. Богиня улыбается нам.

Глаза Марго заново вспыхивают от этих указаний. Тем временем Дез разминает затёкшие плечи и вновь поднимает свои вещи. Я сжимаю в кулаке подаренную им монетку, но не могу избавиться от ощущения, что Дез едва сдерживается. Уходя на запад, в сторону поля с сухой травой и прочь с Виа-де-Сантос, он оглядывается назад, на лице сияет знакомая улыбка.

— Пошли, мятежники. Не жилось вам в мире, ну так получайте войну.

Глава 6

Глубокой ночью в тени деревьев холодный ветер пронизывает до костей. Напряжённая тишина царит над нашим лагерем. Мы расстилаем спальные мешки вокруг костра, чтобы было теплее, и делим меж собой остатки хлеба и сухого солёного мяса. Саида заваривает травяной чай из ирвены. Два дня. Ещё два дня нам предстоит скрываться в Рысьем лесу, пока к нам не придут. Столько всего может произойти за это время. Марго отправилась разведать обстановку и вернулась с вестями, что соседние города Саградатерра и Алеха пострадали от королевских набегов. Чистильщики распространили плакаты о розыске меня и Деза за награду.

Два дня, чтобы не попасться.

Два дня, чтобы вновь и вновь прокручивать в голове всё, что я сделала не так в Эсмеральдас.

Если бы я нашла камень раньше. Если бы я вынесла мальчика до того, как пришёл чистильщик. Если бы я контролировала свой дар лучше. Если бы я хорошо владела кинжалом или хотя бы вовремя увернулась...

Если бы, если бы, если бы.

Иногда я задаюсь вопросом, может ли человек утонуть в своих сожалениях.

Вспоминая Селесту, то, как я доставала камень-альман из её рта, я близка к тому, чтобы выдать обратно всё то, что съела ранее. Но я не смею — еды и так мало. Кто знает, сумеем ли мы добыть что-нибудь завтра. Я пью больше воды, чтобы отогнать тошноту.

— Как твоя голова? — спрашивает Саида Эстебана.

— Уже лучше. Раньше это было похоже на удары кувалдой, теперь скорее как правый хук Деза... Много правых хуков, — он делает большой глоток из своей фляги. Взгляд тёмных глаз направлен вверх. За кронами деревьев не видно звёзд, но в их ветвях, стволах, корнях обитает много разных тварей. Эстебан предлагает флягу Саиде, та отказывается.

— В скором времени ты сможешь видеть сквозь расстояния, — говорит Марго, отщипывая кусочки хлеба пальцами. Она запивает водой из бурдюка, широко улыбаясь Эстебану, — будешь передавать сообщения, как посыльный.

— Я вам не почтовый голубь, — с уязвлённой гордостью говорит Эстебан.

Саида и Дез фыркают от смеха. Я отламываю кусок жёсткого козьего сыра и кусаю его. Мне хочется рассказать Эстебану, что когда он использует свой дар и общается с Илланом на расстоянии, это выглядит так, будто он разговаривает с призраком. Не уверена, что он воспримет это с тем же юмором. Мне трудно участвовать в их разговорах, поэтому я молчу. Пью. Ем. Здесь так жарко, что у нас скоро закончится вода, и мы будем пытаться вытрясти хоть каплю на наши пересохшие языки.

— Нам нужно пополнить запасы воды, — говорит Дез, снимая свой кожаный жилет и развязывая шнуровку рубашки. На миссиях, бывало, мы видели друг друга в разной степени раздетости, но сейчас я всё равно отвожу взгляд. — Я расставляю ловушки вокруг лагеря.

— На стражников или на завтрак? — спрашивает Марго.

— На всё сразу, — улыбается нахально.

— Не уверена, что стражники будут вкусными, — говорит Саида, морща нос.

— Надеюсь, отряд Ястреб принесёт нам банку маринованных перцев, — мечтательно произносит Эстебан.

— Костас съест их ещё в пути, — говорю я. Костас, один из самых молодых шепчущих, известен тем, что съедает всё в поле своего зрения. Только Саида хихикает на мои слова, Дез сочувственно улыбается.

— Эстебан, Марго, сходите за водой?

— Я могу сходить, — поднимаюсь, стряхивая с себя пыль.

— Ты ранена, Рен. Пусть сходят другие, — говорит Дез. Не хочу, чтобы он смотрел на меня таким взглядом — будто бы я хрупкая и вот-вот сломаюсь. Стоит напомнить ему, что я тень в ночи и как там ещё он называл...

Марго тихонько ворчит про мои привилегии, но вместе с Эстебаном берёт пустые бурдюки. Он зажигает масляную лампу, и они вдвоём исчезают в темноте. Реку несложно найти по шуму течения, и земля сегодня в лесу более проходима, чем была вчера.

Пока Дез берёт железные ловушки и уходит в лес, Саида и я счищаем пыль и грязь с вещей. Не только наших личных. Жизнь с шепчущими сильно отличается от времени, что я провела во дворце. Я научилась делиться, даже если совсем не хотелось. Я поняла, что если убираться в комнатах и чистить оружие вместе, то можно управиться быстрее. Нас учили быть одной семьёй, неважно, чья кровь течёт по венам. Но часть меня так и не смогла вписаться. И, выливая грязную воду, я задумываюсь, зачем я продолжаю пытаться.

Я умываю лицо и чищу зубы пастой из песка, которая предотвращает гниение дёсен и плохой запах изо рта. Вода ледяная, но я растираю полотенцем руки до красноты. Иногда мне кажется, что я никогда не буду чистой. Распутываю волосы из тугой косы, сразу исчезает натяжение, и я чувствую облегчение в висках.

— Если не можешь расслабиться, присоединяйся, — предлагает Саида.

Она сидит у костра и медитирует, чтобы держать эмоции под контролем. Старейшины призывают всех мория заниматься медитацией, но я терпеть не могу проводить столько времени наедине со своими мыслями. Её руки свободно свисают по бокам, пальцы зарылись в землю, как будто она черпает из неё силы.

Я мотаю головой, а потом понимаю, что она сидит с закрытыми глазами.

— Как-нибудь в другой раз.

Тихий свист из-за деревьев извещает нас о возвращении Деза. Волна облегчения проходит по мышцам в плечах, и я выдыхаю, когда вижу его. Шнуровка его рубашки распушена до груди. Он ухмыляется, когда замечает мой взгляд, затем кивает и осматривает лагерь.

— Эстебан и Марго ещё не вернулись? — задумчиво спрашивает он.

Саида открывает один глаз, лениво улыбаясь, как кошка:

— Дай им погулять.

— Как я могу? — Дез подмигивает мне. — Вдруг они вернуться счастливыми.

Он подходит к краю лагеря, прислоняется к дереву, как часовой, и вбивает в землю у своих ног украденный меч. Он мне говорил когда-то, что Рысий лес — это его любимое место. Листья здесь вечнозелёные, а кора настолько толстая, что удерживает жидкости и может быть полна сладкого сока. Давным-давно здесь было много рысей, но на них так часто охотились, что уже десять лет здесь не видели ни одной. Поэтому Дез и решил назвать наш отряд Рысь.

Костёр потрескивает и искрится, согревая кожу после захода солнца. Я думаю о том, как Дез проводил большим пальцем по моей щеке, о лёгком изгибе его губ, о золотых крапинках в его глазах. Когда я замечаю, что Дез смотрит на меня, что-то во мне хочет выпрыгнуть вперёд. Я отвожу взгляд в сторону и занимаю руки, заворачивая вяленое мясо в вощёную бумагу, закупоривая оливковое масло, подбрасывая веток в огонь. Я смотрю куда угодно, но только не на него, потому что знаю, что человек не может принадлежать другому человеку... Я должна знать это лучше, чем кто либо ещё. И всё же, когда Дез так смотрит на меня, мне хочется верить, что он может быть моим.

Неожиданно Саида наклоняется к моему уху. Её медитация уже закончена.

— Нам стоит переименовать отряд в Белку. Вместо орехов наш командир собирает мечи и кинжалы.

Я, честно, пытаюсь сдержаться, но всё равно смеюсь.

— Не думаю, что нашему командиру понравилось бы сравнение с мохнатым грызуном.

— Он бы позволил тебе называть его как угодно, и ты это знаешь, — в её голосе заговорщические нотки, — Хочешь, проверим?

Я мягко толкаю её, но движение отдаёт болью в моих напряжённых руках.

— Будь серьёзней, Саида.

Она смеётся в ответ, так звонко и заразительно.

— Над чем смеётесь? — спрашивает Марго.

Они с Эстебаном скидывают раздутые от воды бурдюки в кучу и устраиваются на ночь. Губы Марго слегка припухли, и рубашка Эстебана надета наизнанку.

— Просто вспоминали жизнь в Анжелесе, — Саида старается удержать уголки губ на месте.

— Скоро мы вернём земли Мемории и тебе не придётся вспоминать, — с пылом произносит Марго, и мы уже забываем про нашу глупую болтовню до этого.

— Если мы доживём, — добавляет Эстебан.

— Сколько оптимизма! — говорит Дез, — Ну-ка поведай нам, Марго, улыбается ли он, хотя бы когда вы целуетесь?

Эстебан хватает плоский камень и бросает в Деза, который даже не дёргается, пока камень пролетает мимо. Я подтягиваю колени к груди, но сбежать от этого разговора можно разве что в лес.

Марго наклоняется ко мне через спальный мешок:

— Ну-ка поведай нам, Рен, затыкается ли Дез, хотя бы когда вы целуетесь?

Я чувствую жар в области груди. Бросаю взгляд на Деза, а тот счастлив быть в центре внимания. Может, Марго задумала какую-то злую шутку и усыпляет бдительность или у неё, правда, очень хорошее настроение, но мне кажется, что она впервые так по-доброму ко мне обратилась.

— Дез никогда в жизни не умолкает, — отвечаю, подражая её шутливому тону.

Он удивлённо моргает, и все взрываются от смеха. Это лучше, чем думать о том, что происходит во дворце, или что там за оружие, или что произойдёт, если король и Правосудие будут использовать его повсюду, от густонаселённых цитаделей до крошечных деревушек. А

что если уже? Что если они подожгли Эсмеральдас из-за этого? Что если уже слишком поздно?

Меня выводит из размышлений заявление Марго, что по возвращении в развалины Анжелеса она съест весь сахарный хлеб, что там есть. В этот раз Эстебан не вставляет никаких пессимистичных условий. Вместо этого он предлагает мне свою флягу. Я ненавижу запах агуадульсе, но всё равно делаю большой глоток. Сначала на языке она такая холодная, будто со льдом. А потом горит в горле, оставляя цветочное послевкусие. Я передаю флягу дальше по кругу, даже Саида отпивает немного.

Разговор сворачивает на тему детства, кто по чему скучает. И алкоголь, застревая в горле, горчит ещё сильнее. Дез достаёт из своих вещей любимую пару игральные кости. Он и Марго по очереди бросают их, делая ставки на свои карманные ножи, обувные стельки и монетки песо. Эстебан не играет, потому что не любит проигрывать. Но мы наблюдаем за игрой, бодем за своих чемпионов и разделяем это краткое мгновение веселья.

Я думаю о магии, с которой мы все родились. Это то, что нас объединяет и определяет мория в мире, где земли наших предков больше нам не принадлежат. Когда Мемория была насильно включена в состав Пуэрто-Леонеса, семьи мория расселились по всему королевству. Мы должны были стать леонесцами, но из-за магии мы всегда живём обособленно. Иллан говорит, что некоторое время удавалось поддерживать мир. Эстебан с семьёй переехали в южные тропики Кресченти. Семья Саиды никогда не покидала родной Захары. Родные Марго занимались рыболовством в Риомаре. Дез и я родились недалеко от столицы. Я ведь не могу скучать по месту, где меня предали, верно?

— Вас когда-нибудь страшила мысль о том, что будет, когда война закончится? — спрашивает Эстебан, лёжа на спине. Его длинные пальцы отбивают ритм на животе. — Вот мы выиграем, а оружие попадёт в неправильные руки? К кому-то хуже, чем король Фернандо. Что если мы отрубим голову льва, а это ничего не изменит?

Марго закатывает глаза, а Саида отвечает:

— Можно нам немного помечтать, а, Эстебан?

Губы растягиваются в печальной улыбке, он ничего не отвечает. Я хочу признаться, что разделяю его страхи, но решаю оставить это при

себе.

— Расскажи ещё, Саида, о чём ты мечтаешь, — говорит Дез, подмигивая ей. — Не обо мне ли?

Эстебан хмурится, а Марго чуть ли не давится агуадутьсе. Саида запрокидывает голову назад и оглушительно смеётся:

— Конечно, о тебе! А сколько песен я посвятила...

Дез тут же оживляется, хотя никто и не купился на слова Саиды.

— Спой нам, Саида!

Мы все её уговариваем, и она уступает. Есть одна дорогая сердцу Саиды вещь, с которой она никогда не расстанется, — её маленькая гитара. Из красного дерева с золотой росписью, уже потёртой от времени. Саида проверяет звучание, крутит колки, чтобы натянуть струны. Когда она начинает петь о потерянной любви, мы все замолкаем. Эта песня может быть о ком угодно: о друзьях, о родителях, о братьях и сёстрах или же о супругах. Её бархатный альт обволакивает моё сердце и сдавливает его. Слезы текут по лицу Эстебана, он медленно закрывает глаза и погружается в сон, и Марго за ним.

— Это было так красиво... Спасибо, Саида, — говорю я.

Она заворачивает гитару в красную ткань и помещает в кожаный чехол, переворачивается на бок и шепчет:

— Буона нокче.

Я желаю спокойной ночи в ответ, но ясно ощущаю на себе взгляд Деза сквозь огонь, пока забираюсь в свой спальный мешок. Мне не спится, такое часто бывает. Когда костёр уже почти потухает, оставляя только красные раскалённые угли, к серенадам ночных птиц и насекомых присоединяется чей-то храп. Я беру масляную лампу и иду к реке.

***

— Мне счастье это за дезертирство, Рен? — дразнящий голос Деза раздаётся за спиной.

Я оборачиваюсь, но не вижу ничего, кроме деревьев. Силуэты мха, свисающего с искривлённых веток деревьев, движутся, напоминая мне призраков. Это не Дез. И всё же... Я чувствую, что он здесь. Не знаю как, но чувствую. Даже в толпе я бы нашла его из тысячи.

— Ты знаешь, что нет, — отвечаю я. Прислушиваюсь к ощущениям. Кажется, я замечаю лёгкое движение в темноте. Моя масляная лампа мало что освещает, едва ли больше светлячка. Металлическая ручка скрипит. Когда я делаю шаг, под моими ногами шелестят опавшие листья и камни.

— Думал, что научил тебя быть незаметнее, — его голос доносится откуда-то из зарослей ольхи. — А ты мёртвого разбудишь своим топотом.

— Это не топот, это сердце так громко стучит, — я жду мгновение и делаю выпад, собираясь схватить его за руку, но ловлю только воздух.

— Поделись со мной, что тебя тревожит, Рен.

— Не могу.

Я чувствую, как он перемещается во тьме, лёгкое дуновение колышет мои волосы. Запах дыма, пропитавшего кожаную одежду. Дез прямо за мной, но я не оборачиваюсь. Он обнимает меня. Сердце подскакивает как от удара молнией, и падает куда-то вниз, когда я чувствую его тепло своей спиной. Каждый раз как в первый — искра, прожигающая меня насквозь.

— Может, из тебя не такой уж хороший учитель, как ты думаешь, если тебя угораздило заснуть на посту.

— Я думал с закрытыми глазами, — его приглушённый смех затихает, и он отпускает меня. Холодок пробегает по моей коже там, где только что были его руки. — А ещё есть ловушки, забыла?

Только сейчас я замечаю, что под его рукой какой-то свёрток.

— Что это?

— Я подумал, ты можешь замёрзнуть, — его пальцы переплетаются с моими. Желание побыть одной борется с потребностью быть рядом с Дезом.

При мерцающем свете лампы я разглядываю его острый подбородок и недельную щетину, с которой он выглядит старше, чем есть. Печать тревоги выступает на его лбу, и на мгновение, я увидела его таким, каким он может однажды стать. Великим человеком. Уважаемым лидером. Всеобщим любимцем. Моим.

Его улыбка меркнет, и тяжесть того, что ждёт нас впереди, повисает между нами.

— Так куда ты пошла? — шепчет он, шагая так близко, что я чувствую тепло, исходящее от него.

Я продолжаю идти вдоль реки, зная, что если где-то здесь его ловушки, он предупредит.

— Ты знаешь, что мне не спится. Думала, ты уже привык.

— Тебе всегда есть чем меня удивить, Рен, — по-мальчишески улыбается он, — Сегодня, например. Впервые за время нашего путешествия я не переживал, что ты, Марго и Эстебан не вцепитесь друг другу в глотки.

Я смеюсь, и где-то рядом мне отвечает чириканьем птица.

— Они боятся. В страхе люди делают то, что обычно бы делать не стали. Например, распивать алкоголь с тем, кого презирают.

— Или уходить из лагеря на ночную прогулку? — предполагает он.

Мы останавливаемся на ровном участке травы. Река сверкает серебром в свете полумесяца, пробивая себе путь через скалистый лес. Я ставлю лампу на небольшой валун, тут же Дез стелит шерстяное одеяло. Мы садимся рядом, лицом к бегущей реке.

— Я знаю эти леса лучше любого королевского стражника, — говорю. — Даже лучше тебя.

Он берёт мою руку в перчатке.

— Ты никогда мне этого не рассказывала.

— Я родилась неподалёку отсюда. Уже много лет прошло, но думаю, что смогу найти дорогу домой. Если он там ещё стоит.

Он вздыхает, его глаза полны сочувствия.

— Мне так жаль. Могу представить, как тебе было тяжело, когда мы говорили о наших родителях.

Что я помню о своих? Знаю, что отец любил охотиться в Рысьем лесу. Я плохо помню его лицо, но когда я смотрю в зеркало, то вспоминаю голос, который сказал мне: «Знаешь, ты так похожа на него». Не уверена, был ли это голос моей матери или чей-то ещё.

— Могу я тебе признаться кое в чём ужасном?

Он садится так, чтобы видеть моё лицо, и ждёт, когда я продолжу. Часть меня хочет взять свои слова обратно, потому что не хочется произносить этого вслух.

— Когда я слышу, что кто-то говорит о своих родителях... Первый человек, который приходит мне на ум, это судья Мендес.

Дез отводит взгляд, сильно нахмурившись, но в его голосе звучит мягкость:

— Этот человек забрал у тебя твой дом. Он использовал тебя...

— ...как орудие, — я беру его лицо в свои руки. — Да, я знаю. И благодарю богиню каждый день за то, что шепчущие пришли за мной. Кем бы я была, если осталась во дворце? Монстром. Убийцей.

— Ты бы всё ещё была Ренатой Конвида, — он целует меня в уголок губ и отстраняется, чтобы посмотреть, как румянец заливает мои щёки, даже в темноте. — Ты бы всё ещё была моей Рен.

— Я не могу этого знать. Но я знаю, что он связан с тем оружием. И я не могу встретиться с ним опять, или я не знаю что сделаю.

Моё сердце пускается вскачь, когда Дез притягивает меня ближе к себе. Он весь такой тёплый.

— Тебе и не придётся. Обещаю. Я сам убью его. Ради тебя. За всё то, что он сделал. Я покончу с Рукой Правосудия.

Я не хочу, чтобы Дез ступал на тропу мести. Да и даже если судья Мендес умрёт, один из его приближённых займёт его место.

— Это не то, что я хочу от тебя, — я убираю прядку с его лица. Может, это потому, что мы выросли вместе и боролись рука об руку, и я его знаю лучше, чему саму себя, но я чувствую, что за его словами есть что-то ещё. Это ощущение появилось, ещё когда нам приказали уйти в лес. В его обещании убить Мендеса столько решимости, сколько не было в других наших миссиях. Словно он знает что-то, чего не знаем мы. — Ты что-то скрываешь с тех пор, как мы посмотрели камень-альман.

— Да. То, что ты увидела в камне-альмане... — начинает он, как вдруг замолкает, проводя пальцами по волосам, прежде чем продолжить. — Это оружие обладает силой, которая ставит под угрозу всех мория. Отец просто не мог поверить, что король способен создать такое. Чёрт возьми, я тоже не хотел в это верить. Как долго они над ним работали? На скольких мория его проверили? Каждый раз, когда я думаю об этом, я мечтаю сжечь столицу дотла ещё раз.

Наступившее молчание тянется меж нами как паутина. Впереди шумит течение реки, над головой поют ночные птицы, а внутри меня глухо стучит сердце — всё как будто соревнуется за право быть услышанным.

— Как много ты о нём знаешь? На самом деле.

Дез напряжённо выдыхает, и я впервые в жизни вижу в его глазах неподдельный страх.

— Начиналось это всё как идея «лекарства», ну, они так это называли. Способ лишить магии, чтобы взять нас под контроль.

«Лекарство»... Нас решили вылечить от магии. Лекарство от души.

— Если мы сумеем проникнуть во дворец, как мы узнаем, что искать?

Он поворачивает голову к тропинке, ведущей к нашему лагерю. Он избегает моего взгляда, и я знаю: если он что-то для себя решил, то даже я не смогу это изменить. Но это не значит, что я перестану пытаться.

— У меня есть план. Король и Кровавый Принц ничего не заподозрят.

В его голосе звучит яд каждый раз при упоминании принца. Жестокость королевской не знает границ, даже по отношению друг к другу. Король Фернандо узурпировал трон своего отца. Принц Кастиан, говорят, утопил своего младшего брата в реке, протекающей за дворцом. Его мать, королева Пенелопа, была так безутешна, что умерла от разрыва сердца. Годы идут, историю тысячу раз переписали, изменили, исказили, вывернули наизнанку, преувеличили и оправдали. Но одно остаётся неизменным: веками, пока Фахардо были у власти, королевство Пуэрто-Леонес росло, крепло, богатело, но никогда не знало покоя.

Я беру руки Деза в свои. Я хочу сказать ему, что тоже чувствую бессилие, что мы ещё найдём способ одолеть всех врагов, но слова не выходят изо рта. Из недр моего встревоженного разума всплывает воспоминание. Нежные руки скользят по обнажённому мужскому торсу. Он смотрит в глаза с выражением, которое я не могу описать словами. Я резко вдыхаю и отталкиваю руками украденное воспоминание и Деза вместе с ним.

— Что такое? — спрашивает он.

Я медленно поднимаюсь на ноги и делаю пару шагов к реке. Сердце бешено бьётся в груди. Мне нужно взять свой разум под контроль. Почему воспоминания так и норовят вылезти? Если так будет и дальше, история с Эсмеральдас повторится опять и опять. Этого нельзя допустить.

— Я обуза, Дез. Я не могу отправиться на миссию.

Он смотрит так, будто я его ударила.

— Рен...

— Если бы я хотя бы могла сражаться, но я ранена. Из-за меня ты будешь в опасности.

— Тебе не нужно будет сражаться, — он сжимает мои плечи. Его взгляд скользит с меня на тёмную воду. Почему он не может сказать это, глядя в глаза? — Но твой дар робари нам пригодится.

— С моей магией что-то не так, Дез.

— Ты не можешь вечно винить себя в том, что случилось с мальчиком. Любой из нас бы пошёл в тот дом, чтобы спасти его.

Я качаю головой и усмехаюсь. Слова сами вырываются со злостью:

— Можешь ли ты честно сказать мне, что кто-либо из них расстроится, если это оружие будет использовано против меня?

— Ты из-за этого расстроилась?

— Да, — я не могла разобраться в своих чувствах всё это время, но стоило мне сказать это вслух, и больше я не могу выкинуть эту мысль из головы.

— Никогда так не говори, — его голос становится резким. — Даже не думай об этом.

Но разве Дез может понять? Откуда ему знать, каково это, когда тебя проклинают на каждом шагу? Видеть ужас в глазах людей, когда они понимают, что перед ними стоит та, из-за кого они потеряли отца, похоронили сестру, лишились дитя?

Деза любят все шепчущие. Сын Иллана, лидера мятежа против короля Фернандо. Именно Дез осмелился бросить вызов принцу Кастиану в Риомаре. Мы потеряли цитадель, но Дез и Марго взорвали свои запасы и помогли мория сбежать из цитадели на похищенных судах. Именно Дез защищает своих людей каждую минуту своей жизни.

Я вырываюсь из его захвата. Мне нужно... просто куда-нибудь уйти, куда угодно.

— Стой, — выпаливает он, его тон смягчается. — Останься со мной, Рен.

Моё тело предаёт меня, я остаиваюсь. Мои глаза жжёт от непролитых слёз. Страх пробирает меня до костей от неизвестности,

от жестокости грядущей миссии. Но самое мучительное чувство из-за Деза, из-за того, что я хочу остаться. Дез никогда бы не использовал свой дар персуари, чтобы повлиять на меня. Это считается преступлением среди мория. Я бы почувствовала. Эта магия ощущается как тепло по коже, а его голос звучит как звон колоколов.

Эта потребность быть рядом с ним и забыть обо всём остальном естественная, это просто он и я. Он слишком открытый в своих чувствах, а я закрываюсь, потому что глубоко внутри знаю, что не заслуживаю такое счастье. От одного его вида мои мысли меняют направление; его голос похож на якорь, который тянет меня вниз. Время от времени я думаю, за тем ли я с шепчущими, что хочу восстановить королевство Мемория и обрести покой. Или ради него.

Наверное, в итоге одно без другого невозможно.

— Знаю, у тебя есть сомнения по поводу твоего дара, — продолжает он тихо, будто бы опасается, что я могу испугаться и убежать в лес, — но я в тебе не сомневаюсь. Я знаю, что мы победим в этой войне, Рен.

— Не знаю, создана ли я для борьбы, как ты, — говорю эти слова, и как будто оковы спадают с моего сердца, — Иногда я думаю, что мой удел — быть использованной.

Он делает два шага ко мне, приобнимает за плечи, стараясь не задеть повязку на ране. Я замираю от прикосновения. Его ладони скользят по моим рукам, а я не могу оторвать взгляд от бескрайнего золота его глаз.

— Рената, — он произносит без всякой эмоций. Ни намёка на мольбу, страсть или ярость. Просто моё имя, как последнее желание. — Ты самый сильный человек, которого я знаю. И я тебе это докажу.

Его ладони перемещаются на мои запястья, к самому краю перчаток, и внезапно моё сердце становится таким же диким и необузданным, как течение реки, пока он ждёт моего согласия.

Медленно я киваю.

Он стягивает перчатки одну за другой.

Инстинктивно я сжимаю пальцы в кулаки, пытаюсь скрыть шрамы. Шрамы, которые я получила с каждым украденным воспоминанием. Шрамы-свидетельства моих преступлений. Он раскрывает мои ладони и соединяет со своими. Его кисти рук вдвое

больше моих, на них тоже есть шрамы — но не от магии, а от стали. Я закрываю глаза и пытаюсь запомнить каждую неровную черту на его ладонях. Он сокращает расстояние между нами, становится так близко, что мне достаточно поднять голову, чтобы мои губы оказались напротив его. Он наклоняется к уху, обжигая дыханием. Одну из моих рук он подносит к своему лицу. К виску.

— Забери воспоминание.

Я резко распахиваю глаза.

— Я, конечно, знала, что ты безрассуден...

— Безрассудство — моё второе имя, — игриво отвечает он.

Мне не хватает дыхания, я шепчу отрывисто, мои слова звучат как стаккато:

— Говорю же, что-то не так с моей магией. Я слишком давно не занималась с Илланом.

— Тогда позволь мне помочь, — всё веселье из голоса тут же исчезает, вместо него появляется нечто хрупкое, уязвимое. — Я доверяю тебе. Я знаю тебя.

— Дез...

— Не только тебе кошмары мешают спать, — он проводит пальцем по моей скуле. — Пожалуйста.

Интересно, он слышит, как бьётся моё сердце? А может, в этом всё и дело? Он мне так сильно нравится, и я так боюсь сделать ему больно. Если я прикоснусь к нему, и потеряю контроль над магией. Если наврежу ему. Если разорву связь слишком рано. Если заберу все воспоминания. Если он забудет всё обо мне. Так много «если» затопили моё сознание. Но я не хочу отдаляться от него. Прижимаюсь крепче и касаюсь кончиками пальцев его висков.

— Будет больно, — предупреждаю. — В процессе и после.

Я чувствую, как он вздрагивает.

— Я знаю.

Неровные шрамы на подушечках пальцев нагреваются, как будто внутри разгорается пламя. Дез никогда раньше не видел, как я использую магию, только последствия. Его глаза расширяются при виде моих ладоней, оттого, как они светятся. Больше всего меня пугает выражение, которое появилось на его лице. Не страх, а изумление.

Никто прежде так на меня не смотрел.

— Как это работает? — спрашивает он. — Они все отправятся в Серость?

Я качаю головой.

— Серость — моё творение. Мне так кажется. Я никогда не общалась с другим робари достаточно долго, чтобы сравнить впечатления. Но большинство моих воспоминаний до девяти лет закрыты там.

— Почему до девяти?

— Столько мне было, когда шепчущие сожгли старый дворец. Когда я встретила тебя, — я кладу руку на его сердце и улыбаюсь, когда чувствую, как часто оно бьётся. — Это воспоминание не было заперто в Серости. Оно всегда со мной.

Складка на его лбу становится глубже, но он крепче прижимает меня к себе, и в его голосе слышится просьба:

— Сделай это.

И я делаю.

Он вдыхает сквозь зубы от боли, когда его кожа плавится под моими светящимися пальцами. Вторжение. Я разбиваю все барьеры на пути к его прошлому, но Дез позволяет мне это, и я погружаюсь в живое воспоминание, которое он мне предлагает.

Здесь даже море охвачено пламенем.

Корабли рушатся и уходят под тёмную воду.

В соборах бьют в колокола.

Тела раскиданы по серым каменным улицам, их кровь стекает в расщелины между булыжниками, как реки, впадающие в океан.

Он знает, что его здесь быть не должно. Шепчущие отступают, Риомар потерян. Но осталось кое-что, что ему нужно сделать.

Дез спотыкается о чей-то труп. Их невозможно опознать по отдельным кускам. Он ищет знакомые лица. Кто-то зовёт его по имени — сдавленный крик человека, пытающегося удержать свои внутренности от выпадения. Генерал Альмонте. Человек, который научил его держать меч. Теперь седая борода Альмонте испачкана кровью. Он закрывает глаза, и покидает этот мир.

Дез поднимает глаза к потемневшему небу, но крик застревает в горле. Всё вокруг него оцепенело. Флаг Пуэрто-Леонеса, фиолетовый с золотом, с гербом Фахардо на нём возвышается над дворцом. На одном из балконов он замечает принца Кастиана, который наблюдает сверху

за тем, как Риомар погружается в хаос. Люди грабят мертвецов, как стервятники, хватая драгоценности, оружие, доспехи мория. Оскверняют тела. Принц взирает на это с торжеством. Гнев и ненависть закипают внутри Деза, побуждают его мчаться со всех ног. Он карабкается по рельефным стенам дворца, его руки запачканы грязью с кровью и потом. Он всё ещё должен кое-что сделать, чтобы покончить со всем этим.

Убить принца. Убить принца. Убить принца.

Дез забирается на балкон, прямо к Братоубийце.

Длинные золотые волосы принца Кастиана спутанными прядями свисают у его лица. На высоких скулах темнеет синяк, как на испорченном фрукте. Его полные губы приоткрыты и измазаны в крови. На нём всё ещё кольчуга, хотя уже прошло несколько часов с того момента, как мория — то, что осталось от них, — сдали цитадель.

Его голубые глаза светятся яростью, когда он понимает, что стоит не один. Но он не спешит звать на помощь стражу. Напротив, принц вынимает из ножен свой меч и движется навстречу.

— Беги домой, мальчик, — сплёвывает в сторону и следит своими холодными глазами за приближающейся фигурой Деза. Он устал и ранен. Должно быть, поэтому он даёт Дезу шанс уйти. — Ты так жаждешь смерти?

— Да, — говорит Дез, задыхаясь от гнева. — Твоей.

Принц Кастиан первым замахивается мечом, и Дез поднимает свой, чтобы отбить удар. Лязг металла заглушается колокольным звоном. Треском огня. Воплями умирающих внизу. Пьяными возгласами празднующих победу.

Каждый взмах бьёт по Дезу, сотрясает всё его тело. Принц оказался сильнее, чем выглядит на своих военных парадах. Он двигается быстро, словно предугадывает каждое движение противника. Руки Деза уже устали, но он не обращает внимания на жжение в мышцах, ручьи пота и крови, стекающих по телу. Ему удаётся ранить принца, разрезая кожу на щеке. Кастиан шипит. Для принца, он слишком привычный к пролитию своей крови.

С моря раздаётся грохот, один из кораблей взрывается. Это отвлекает принца, и Дез налетает на него, вложив все силы, что у него остались. Они врезаются в перила балкона. Меч Кастиана летит вниз. Сражение. Огонь. Крики. Пение. Где-то там — казалось бы, в такую-то

ночь — кто-то поёт. Дез жадно вдыхает нагретый воздух. Кровь как раскалённое железо наполняет его рот, пока он дышит. Он не может дать принцу уйти, но и не может сбросить того с балкона, не полетев вслед за ним. Но разве не за этим он проделал весь этот путь?

Кастиан бьёт лбом в лицо Деза. Нос разрывается от боли. Он мотает головой, но звёзды на небе и огни города вращаются перед ним. Он слишком слаб, чтобы призвать свою магию, и пока он медлит, принц набирается сил. Кулаками он бьёт наотмашь по лицу Деза, как матрос в кабаке. Он ударяет Деза коленом в грудь. Руки Деза слишком скользкие от крови, пота и грязи, его меч выскользывает из пальцев. Перед глазами тёмные пятна. Дез падает. Не получается вздохнуть. Плитка на балконе тоже скользкая. С неба падают первые капли дождя. Воздух сгустился перед грозой. Дез пытается перевернуться на живот.

— Лучше бы ты пошёл домой, — говорит Кастиан, его голос слышится как будто издалека.

«Я и так дома», — думает Дез, но у него не получается сделать вдох.

Воздух едва продирается через его горло. Он подползает к мечу, сжимает его рукоятку и, шатаясь, поднимается на ноги. Кастиан рычит. Дез бросается на него и бьёт прямо в цель. Глаза Кастиана вспыхивают от удивления. Клинок Деза пробил слабое место в доспехах принца, точно под нагрудником, в то время как резкая боль пронзила его бок.

Они, как отражение в зеркале, одновременно падают на колени. Дез хватается принца за горло, и тот делает то же самое. Они истекут кровью и задохнутся, оба уйдут на тот свет, но не остановятся. Он должен убить принца.

— Рен, — еле выдыхает Дез.

Хватка Кастиана соскальзывает, но он хватается подвеску с медью на шее Деза, и кожаный шнурок рвётся. В его глазах растерянность смешивается с гневом, когда он смотрит на Деза. Что бы ни увидел принц, он колеблется. Впервые Дез видит страх на его лице.

— Андрес! — доносится знакомый голос.

— Отец? — взывает Дез.

Мне не хватает воздуха, пока я убираю руки с висков Деза, а воспоминание растворяется в темноте. Я добираюсь до одеяла, тяжело дыша. Дез переворачивается на спину, и мы оба, затаив дыхание, смотрим на небо. Рана на шее пульсирует с резкой болью.

— Ты была права, — стонет он. — Это больно.

Я поворачиваюсь к нему и кладу руку на грудь, чтобы почувствовать биение его сердца.

— Я не знала, что ты ещё возвращался. Ты чуть не умер!

— Не умер же. Никто не знает, — он кладёт руку поверх моей, гладит большим пальцем новые шрамы, прогоняя ноющую боль, — только мой отец и его ученик, Хави. Когда они заметили, что я покинул караван, то вернулись за мной. Князь Дорадо всё-таки позвал своих стражников, и мы едва унесли оттуда ноги.

— Хвала Госпоже, — напряжение от всех ушибов и ран, полученных в этом бою, передалось мне. Я всё ещё чувствую его беспомощность, его страх, что сейчас он умрёт и последним, что он увидит, будет лицо человека, которого он ненавидит.

— В тот день мы потеряли последнюю крепость королевства Мемория.

— Мемория пала полвека назад, Дез.

— Я знаю, — тихо говорит он, в его голосе звучит сожаление, — Часть меня надеялась, что наши союзники придут на помощь, чтобы остановить Пуэрто-Леонес от захвата власти над всем континентом. Но никто не пришёл. Мы сражались одни.

— Почему ты выбрал это воспоминание?

— Ты боишься вновь встретиться с судьёй Мендесом. А меня ужасает мысль, что я буду недостаточно силён, чтобы сделать то, что должен. Что я опять проиграю, как в тот день. Мне хотелось, чтобы ты знала это.

— Ты назвал моё имя.

— Я хотел вернуться к тебе.

Я сминаю пальцами его рубашку и обнимаю его. Я не могу сдержать улыбку — ничто в мире не сможет, — когда он отталкивается от земли и наклоняется надо мной, опираясь на предплечья. Меня охватывает трепет. Его пальцы проводят по моему лицу, убирая прядку волос с шеи. Могла ли моя потребность в нём возрасти оттого, что я забрала частицу его самого, которую не смогу вернуть назад? Я закрываю глаза и слышу, как Дез из воспоминания зовёт меня по имени, и как потом появляется Иллан, чтобы спасти своего сына. Ужас на лице Кастиана, когда он понимает, что к Дезу пришла подмога.

— Андрес?

Мне нравится, как его настоящее имя ощущается на губах.

— Только отец зовёт меня так, — фыркает он и проводит носом по изгибу моей шеи, но останавливается, чтобы добавить. — Не говори никому.

— Почему?

Он отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Оно мне не подходит.

Я провожу рукой по его щетине. Помню, как ещё пару лет назад она совсем не росла. Его мягкие губы скользят по моим костяшкам. Такие тёплые и влажные губы, как роса на моей коже. Моя левая рука вздрагивает, и Дез берёт её в свою ладонь. Я разжимаю кулак, как цветок раскрывает лепестки солнцу. Он целует моё запястье. И ладонь. Завитки шрамов и подушечки пальцев. Трепет внутри усиливается, почти невыносимо.

Он возвращается к моим губам, целует их и отстраняется. Я вспоминаю первый раз, как я его поцеловала в роще близ развалин Анжелеса два года назад. Мы целовались тайно, в мгновения, когда думали, что умрём, и потому что всё-таки выживали. Он целовал меня под дождём, когда я убежала. Я целовала его, когда решила остаться. Огонь переплавил наши жизни вместе. Иногда мне страшно от мысли, что это пламя никогда меня не покидало.

Я прогибаюсь в спине, отвечая на поцелуй Деза со всей яростью, которую держала в себе. Не знаю, куда именно я хочу положить свои руки. Просто хочу коснуться каждой клеточки его тела. Я поднимаю край его рубашки и провожу пальцами по неровному шраму у рёбер, куда его ударил Кровавый Принц. Он вдыхает от неожиданности, мышцы напрягаются от моего прикосновения, но продолжает меня целовать и давление его тела над моим показывает, как сильно он меня хочет. Я расстёгиваю пуговицу на его брюках, и он отскакивает, шепча моё имя.

Лишившись его, даже на мгновение, я чувствую боль. На его лице та же кривая улыбка. Я приподнимаю его рубашку, он стягивает её через голову и отбрасывает в сторону. Прохладный ветер треплет его тёмные волосы.

— Нам нужно возвращаться, — говорит он, не дыша.

— Нам нужно остаться.

Я снимаю свою рубашку. Он подносит руку к пострадавшей стороне моей шеи.

— Боюсь сделать тебе больно.

— Так не делай. Хоть раз в жизни я хочу поцеловать тебя не будучи на волоске от смерти.

— Разве мы не всегда висим на волоске?

— Ты понял, что я имею в виду.

— Всё будет. Я хочу сделать этот мир лучше для тебя. Для всех нас.

— А пока что, — говорю я, расстёгивая медные пуговицы своих штанов, — у нас есть этот лес и мы сами.

Он закрывает глаза и издаёт стон, который я никогда прежде от него не слышала. В свете полумесяца я рассматриваю мышцы его спины, пока он целует обнажённую кожу моего живота, перекрёстные шрамы, полученные в бою, где мы сражались бок о бок. Раньше я ненавидела эти следы на моей коже, но теперь благодаря им я чувствую себя частью шепчущих, частью Деза. Его пальцы проводят по краю моих штанов и стягивают их вниз. Его ладони сжимают мои бёдра, и я хватаю ртом воздух — как же приятны такие прикосновения от него.

— Я люблю тебя, Рената, — говорил он, месяц сияет над его головой как нимб. — Хочу, чтобы ты это знала.

Я знаю это. Думаю, что знала это уже давно. Мне хочется свалить всё на стресс от встречи с врагами или от сомнения в том, выживем ли мы, чтобы увидеться вновь. Люди поглощают друг друга, когда их охватывает страх, правда? Но я знаю, что всё происходящее сейчас, — реально.

«Я тоже люблю тебя», — хочу сказать, но не могу. Оковы на моём сердце не дают. Я тянусь к его рукам. Хочу, чтобы он вновь поднялся ко мне и я смогла вернуть его поцелуи, которыми он с таким благоговением осыпает меня. Мои пальцы зарываются в его тёмные кудри. На его лице такая порочная ухмылка, когда он целует меня под коленом.

— Андрес, — шепчу я.

Я могу мало знать об этом мире, погружённом в хаос. Но я знаю наверняка кое-что, что раньше не могла облечь в слова. Я люблю мужчину передо мной и сделаю что угодно, чтобы защитить его.

Встречусь с прошлым, если потребуется. Когда Дез отводит моё колено в сторону, я уверена, что нас связывает нечто большее, чем кровь и смерть. «Мы» также неминуемо, как рассвет.

Глава 7

Дез засыпает, устроившись на моей груди. Его рубашка и брюки, свёрнутые, лежат под моей головой вместо подушки. Я перебираю пальцами его мягкие чёрные кудри. Он постанывает и бормочет во сне. Интересно, что ему снится. Я чувствую себя легко и свободно, но всё равно не могу заснуть. Было ли это безрассудством? Нет, мы выпили травяной настой, который принимают все шпионы нашего уровня, если не хотят беременности. Но теперь я гадаю, что будет дальше. Когда ты делишься с кем-то своими страхами, всё меняется. Сегодня, в течение дня, придут другие отряды и мы должны будем вести себя как солдаты. Только так мы сможем вместе пережить всё это и сделать мир лучше.

«Я доверяю тебе», — сказал он мне. С тех пор как мы покинули Эсмеральдас, он ведёт себя несколько иначе. Не могу сказать, что именно изменилось. Может, я проецирую на него свои переживания?

Тянусь за медной монеткой, которую он мне дал. Влюблённость, подарки — Дез и раньше не обделял меня вниманием, но этой ночью, казалось, он пытается прожить годы любви за несколько часов. Возможно, в глубине души он не верит, что мы переживём нападение на столицу.

Эта мысль вертится в моей голове, пока монетка крутится между пальцев. Я думаю о том, как принц сорвал её с шеи Деза. Мурашки пробегают по коже рук, когда в памяти всплывает холод клинка принца. Дез едва не погиб, они чудом сбежали из дворца, но он успел забрать эту монетку — семейную реликвию. Я провожу пальцем по рельефному рисунку. Кем была эта женщина, чей профиль отчеканен на одной из сторон? Ведь на монетах Пуэрто-Леонеса изображаются только мужчины из семьи Фахардо.

Я не надеваю монету на шею. Это было бы чем-то вроде обещания, которое мы не должны давать до поры до времени. Возвращаю монету в карман и пытаюсь заснуть.

Несмотря на спокойствие леса перед рассветом, умеренность течения бегущей реки и ровное биение его сердца, Дез спит

беспокойно. Он вновь стонет, переворачиваясь от меня на спину. Свет раннего утра смягчает его черты, но когда я кладу ладонь ему на грудь, то чувствую, как напрягаются его мышцы, как сильно стучит сердце. Он пойман в ловушку кошмара.

В Анжелесе часто можно услышать по ночам всхлипы новобранцев, которые вновь и вновь переживают во снах события, полные ужаса и скорби. Монастыри, которые мы превратили в крепости, продуваются насквозь, и звуки разносятся ветром по длинным коридорам. Время от времени я прислушиваюсь к ним в ночи, и на утро жду, что исстрадавшиеся мориа придут с просьбой забрать воспоминания, преследующие их. Нередко я делаю это из чувства долга или потому что хочу нравиться людям, которым помогаю. Возможно, если я украду воспоминания, в создании которых отчасти моя вина, то тем самым исправлю то, что натворила в прошлом. А может, если я заполню мысли воспоминаниями сотен незнакомцев, то сумею просто забыть о причинённом мной ущербе. Но легче не становится, поэтому всё чаще я отказываюсь, и они уходят, проклиная меня.

Трясу Деза, чтобы пробудить его от тревожного сна. Он бормочет что-то невнятное и затем мычит. Мне знакомо это ужасное чувство — быть пойманным в ловушку собственного разума. В такие моменты кажется, что ты задыхаешься изнутри.

«Я знаю тебя. Я доверяю тебе».

Провожу пальцами по его лицу, такому родному, что мне не нужен солнечный свет, чтобы видеть его, — я и так помню каждую чёрточку. Мне хочется успокоить Деза так же, как одно его присутствие успокаивает меня. Я прикасаюсь пальцами к его вискам.

Связь устанавливается мгновенно. Так всегда бывает, если человек не в сознании. Волна эмоций ударяет меня в грудь из-за того, когда я оказываюсь в чужом разуме. Возникает ослепляющий свет, покалывание распространяется от кончиков пальцев к голове.

Но я нахожу не отдельное воспоминание, а смесь из них. Комбинацию, повторяющуюся снова и снова.

Пятилетний Дез играет с большой чёрной гончей, а та лижет ему лицо. Он падает в траву, и они оба воют, как дикие звери.

***

Дез на кухне Сан-Кристовала за спиной повара Хелены тайком крадёт апельсин. Сладкий сок стекает по его подбородку.

***

Дез, уже постарше, осматривает портовый город Риомар. Его внимание сосредоточено на фиолетово-золотом флаге Пуэрто-Леонеса, развевающимся на корабельной мачте.

***

Дез подходит к девушке, полирующей свои кинжалы. Она поднимает один из них, чтобы посмотреть на свету, и замечает Деза в отражении. Оборачивается, улыбаясь ему, и его сердце начинает биться чаще. Её карие глаза светятся чем-то тёплым и родным.

Осторожно разрываю связь между нами и ложусь спиной на колючее шерстяное одеяло. Мне нужна передышка, чтобы осмыслить воспоминания, которые я только что забрала. Через секунду понимаю... Дезу снилась я.

Я та девушка с тёплыми карими глазами. Девушка, улыбнувшаяся, заметив его. Ему снилась я. Мои волосы тогда были короче, потому что их обрезали два года назад. Пытаюсь вспомнить тот момент, когда я полировала свои кинжалы, но не могу найти его в своей памяти. Почему из всех наших совместных мгновений он выбрал именно это? Мои собственные воспоминания всегда тяжелее, болезненнее достать.

Да что со мной такое, если мне проще обратиться к прошлому незнакомца, чем к своему собственному?

Чувствуя, как равномерно вздымается и опускается его грудная клетка, я позволяю себе провалиться в сон. Прикрываю глаза на одно блаженное мгновение, как вдруг предрассветную тишину разрывает пронзительный вопль.

Дез тут же подскакивает, через секунду мы оба на ногах. Он осматривается, как будто забыл, где находится. Я кидаю ему одежду и нащупываю шнуровку своих ботинок. Крик доносится со стороны нашего лагеря. Яоткрываю рот, чтобы заговорить, но Дез прикладывает палец к своим губам.

Моя рука тянется к бедру, где обычно висит кинжал. Дез мотает головой. Мы думаем об одном и том же — всё наше оружие осталось у костра.

Дез и я бежим на место, кровь пульсирует в венах как бурное течение реки. Мы петляем по лесу, пока не добираемся до лагеря, прячась среди толстых деревьев, хотя сложно подобраться незаметно, когда на земле так много сухих веток. Мы решаем остановиться за мшистым курганом, где огромный упавший ствол рядом с лагерем становится барьером для наблюдения.

Незнакомый молодой парень лежит в грязи, его стопа вся в крови. Похоже, его бросили здесь, когда он попался в одну из ловушек Деза. Прищурившись, он замечает нас и открывает рот, чтобы закричать, но Дез вырубает его прицельным ударом в лицо раньше. Парень, потеряв сознание, падает на бок.

Дез сигнализирует мне, чтобы со своей раной я оставалась в укрытии. Мы продолжаем действовать тихо и прислушиваемся. Незнакомые голоса отдают приказы, которые я не могу расслышать. Это Саида только что кричала? Не слышу звуков схватки. Если они закричат, то они всё ещё живы. Если же нет...

Выглядываю из-под упавшего дерева, опираясь пальцами о землю.

Мы должны были быть на страже.

Мы должны были быть здесь.

С моей позиции видны три королевских стражника, а перед ними стоят на коленях Марго, Саида и Эстебан, их руки связаны за спиной. Глаза Саиды закрыты, губы Эстебана шевелятся, будто в молитве, Марго плюёт на кожаные ботинки ближайшего солдата.

Стражники вытягиваются по струнке, когда в лагере появляется четвёртый человек. Из-за множества украденных воспоминаний лица незнакомцев часто вызывают во мне отклик, будто я их уже где-то встречала.

Но этого человека я узнаю сразу.

Воспоминание Деза ещё свежо в моей памяти, оно плавает на поверхности.

Я стремительно опускаюсь вниз и наклоняюсь к уху Деза, выдавливая одно слово: «Кастриан», и возвращаюсь на свою позицию.

Хотя я видела лицо принца только в украденных воспоминаниях, эти ярко-голубые глаза, насмешливая ухмылка и жёсткая линия подбородка не дают его спутать ни с кем другим. Его длинные золотые волосы львиной гривой лежат на плечах. На нём не такие тяжёлые

доспехи, как на его людях, а кожаная одежда, окрашенная в тёмно-красный цвет, похожа на кровоточащую рану. Принц носит кожаные перчатки, поверх них в свете утреннего солнца сверкает золотой кастет с шипами, когда он поднимает руку и указывает в сторону реки.

— Разыщите их, — звучит приказ. — Он не мог далеко уйти.

Двое солдат склоняют головы перед ним и бегут к реке.

Дез тянет край моей рубашки, чтобы я опустилась. Мы прислоняемся спинами к грязному кургану, он сжимает мою ладонь.

— Я отвлеку их, — шепчет он. — Освободи остальных.

Хватаю его за запястье.

— Нет! Ты безоружен.

Он поворачивается ко мне с хитрой улыбкой, и на секунду меня посещает глупая мысль, что он останется. Что мы вместе придумаем хороший план. Но я знаю, что этого не будет.

— Это ненадолго.

Его ухмылка исчезает, когда он проводит по моим волосам и притягивает меня к себе. Его губы находят мои, стремительно сминая и слегка раскрывая. Я целую его в ответ, но всё заканчивается так быстро, что я забываю, как дышать.

— Дез...

— Доверься мне, — отрывисто шепчет он, после чего забирает меч у солдата, валяющегося без сознания, и пропадает, растворяется в лесу, словно тень.

Я бросаю ещё один взгляд через лежащее дерево и вижу, как Дез крадётся по лесу, тихий, как рысь.

Кастиан останавливается напротив Саиды. Я не вижу его губ из-за волос, но даже отсюда слышу, как он громко спрашивает:

— Где Дез?

Ошибка оставшегося стражника заключается в том, что он встал слишком близко к дереву. Он молод — похоже, новобранец. Дез выходит из тени позади него. С трудом сглатываю, готовясь в любой момент выскочить из укрытия и побежать к лагерю, где лежит наше оружие. Нужно освободить остальных.

Я слышу противный, булькающий звук лезвия, разрезающего глотку стражника. Солдат пытается что-то прокричать, несмотря на реки крови, стекающей по его подбородку и шее. Он дёргает мечом и шумно падает на землю.

Кастиан оборачивается, замечая Деза, и я понимаю, что пора. Сейчас у меня есть один-единственный шанс спасти наш отряд. Взбираюсь на курган, скатываюсь вниз по грязи и приземляюсь с глухим ударом обуви о землю. Заставляю себя не смотреть на схватку Кастиана и Деза, не думать о том, что в прошлую их встречу Дез еле выбрался живым. Они оба стали старше на ещё один год сражений и тренировок.

Хватаю свой кинжал, второй убираю за пояс.

Саида первая замечает меня, её глаза цвета ночи блестят облегчением. На таком расстоянии я вижу новый синяк, темнеющий на её щеке. Тянусь кинжалом к верёвкам, связывающим её руки, но отвлекаюсь на низкий, высокомерный голос.

— А вот и он, — дразнит принц, — спаситель Риомара!

Дез не успевает ответить, когда Кастиан взмахивает мечом — эффектным клинком с золотой рукояткой, переливающейся изумрудами и рубинами, — рядом с ухом Деза. Тот уклоняется от удара и, захватив внимание Кастиана, старается увести его подальше от нас.

Сдавленный стон раздаётся за моей спиной. Марго прожигает меня своими блестящими глазами — ждёт, когда я к ним вернусь. Я судорожно выдыхаю и разрезаю верёвки вокруг запястий и лодыжек Саиды. Освободившись, она достаёт крохотный ножик из чёрных волос и наклоняется к Марго, пока я помогаю Эстебану.

— Быстрее! — шипит Эстебан.

Мои пальцы неповоротливы, мозг ещё не осознал реальность происходящего. Что Кастиан здесь, и с ним сражается Дез. Их мечи звенят от ударов, как колокола в полдень, и воспоминание Деза об их прошлой встрече стоит перед моими глазами. Он бьётся без страха того дня, не помня, как клинок Кастиана пробил его бок. От этого движения Деза кажутся увереннее, а меня переполняет отчаяние.

Верёвки Эстебана спадают, я помогаю ему встать. Саида также освобождает Марго, и они бегут за своим оружием. Вдруг слышу, как приближается топот солдатских сапог.

— Лорд-командующий! Они убегают! — кричат стражники.

Я поднимаю свой кинжал на солдат, вернувшихся с неудачных поисков Деза. Они замечают перерезанное горло молодого стражника и бросаются в атаку.

Мне удаётся увернуться от солдата, замахнувшегося на меня. Рукой закрываю лицо, и остриё его меча разрезает кожу на предплечье. Жгучая боль пронзает моё тело, я вскрикиваю и теряю равновесие, отшатываясь назад, чтобы не дать клинку отрубить всю руку. Эстебан наносит удар стражнику, напавшему на меня, повреждая его ухо.

Я отталкиваюсь от земли и поднимаюсь на ноги. Порез глубже, чем кажется, но заставляю себя терпеть боль и гнилой запах увядающих цветов вокруг нас. Я должна помочь Эстебану, вот только мой взгляд всё время возвращается к Дезу. Кровь из ран стекает по его рукам.

«Доверься мне».

— Рен! — кричит Эстебан. Он держит два кинжала крест-накрест перед своим лицом, пытаюсь выстоять под давлением меча стражника.

Мир вокруг расплывается, когда я бросаюсь вперёд и вонзаю клинки в лодыжки солдата. Его ноги подкашивает, и часть меня жаждет победы. Тело горит от азарта битвы, которого я никогда раньше не испытывала.

Саида и Марго пригвоздили своего противника к земле и пытаются связать. Он не сопротивляется, в его глазах застыло мечтательное выражение. Саида внушила ему желание сдаться, возможно, сыграв на добрых побуждениях его сердца. Я напоминаю себе, что у короля и Правосудия не бывает благих порывов, и заставляю себя отвернуться. Мне хватает смелости улыбнуться и взять руку, протянутую Эстебаном, чтобы мы могли добраться до Деза. В это мгновение мне кажется, что мы ещё можем победить.

Но Кастиан выбивает из руки Деза украденный меч и движется быстрее, чем я успеваю моргнуть, намереваясь пронзить его горло насквозь.

Дез переводит взгляд с меча туда, где стою я, а потом куда-то за моё плечо.

Я понимаю, что мы окружены, до того, как успеваю обернуться. Солдаты, одетые в королевские цвета — фиолетовый с золотом, — приближаются к нам со всех сторон. Где они скрывались? Почему мы раньше их не заметили? Они видели, как мы с Дезом скрываемся за курганом? Они играли с нами, прежде чем раскрыть своё присутствие? Может, они использовали оружие Правосудия?

К каждому из нас приближается по стражнику. Я узнаю того парня, которого мы оставили валяться в грязи без сознания, — под его глазом наливаются синяк, и он прихрамывает. Саида берёт меня за руку, словно напоминая, что не стоит бросаться вперёд, не подумав.

— Бросайте своё оружие, — спокойно приказывает Кастиан, и самодовольно бросает Дезу: — А ты стой.

Он направляется в нашу сторону, мы вчетвером беспомощно стоим в одной линии. Воспоминание Деза так свежо в моей голове, что мне кажется, я вижу сразу двух Кастианов. Вот Кровавый Принц яростно сжимает горло Деза. А вот Кастиан подходит к нам с торжествующей улыбкой.

Третий Кастиан, как гром среди ясного неба, высвечивается в моей памяти: Эсмеральдас, Селеста, воспоминания мальчика о незнакомцах, поджёгших его дом. Тот же самый голос, что только что приказал Дезу оставаться на месте, как собаке, сказал тогда: «Никто не должен узнать, что я был здесь». Это не похоже на него — принц Кастиан известен своей любовью к пышным процессиям, к пустой видимости того, как он проезжает деревни и цитадели, якобы защищая мирное население от угрозы шепчущих.

Кастиан выглядит и звучит точно так же, как в воспоминаниях, но кое-что отличается — он лучится чрезмерной самоуверенностью человека, который уже знает, что победил.

— Слава Отцу, ты совсем не изменился, — обращается Кастиан к Дезу, проводя пальцем по шраму в форме полумесяца на своей скуле. — Прошёл год с нашей последней встречи, а ты всё ещё ищешь смерти.

Эта непосредственность в его голосе совсем не вписывается в окружающую обстановку, где наш отряд стоит посреди леса, пока наши жизни висят на волоске. Всё в нём вызывает ненависть во мне. Я хочу вытащить каждое воспоминание из его головы, до последнего. Странные голубые глаза Братоубийцы останавливаются на мне, он хмурится, словно я плюнула в его еду, и потом переводит взгляд на остальных.

— Отпусти их, — рычит Дез. Его руки сжаты в кулаки, кровь растекается по рукавам рубашки, как лепестки цветка. Я дёргаюсь вперёд, но Эстебан удерживает меня за запястье.

— Дез! — выкрикивает Марго, и солдат, стоящий за ней, дёргает её назад за волосы.

Саида подкидывает свой тонкий нож, и Марго его ловит, тут же вонзая в глаз солдата. От его вопля разлетаются птицы. Один из стражников помогает ему подняться.

Дез отвлекается на Марго и слишком поздно замечает солдата, которого здесь не было до этого. Это тот самый, что чуть не лишил меня головы в Эсмеральдас. Он вонзает два кинжала один за другим: в шею и в сердце. Глаза Деза расширяются, из новых ран льётся кровь.

— Ты забрал мой меч, — мстительно припоминает стражник.

— Стой! — Кастиан пытается удержать лицо, но в жестоких голубых глазах вспыхивает беспокойство. Принц сжимает руку в кулак, шипы на его костяшках угрожающе сверкают. — Он мне нужен живым.

Положение меняется: солдаты встают на защиту своего принца, в то время как мы держим оружие наготове.

— Это просто обычные мусорщики, отпусти их, — кричит Дез, сплёвывая кровь под ноги и раскидывая руки в стороны. — Тебе нужен я. Так возьми же.

Порез на лице Кастиана, пересекающий его прямой королевский нос, кровоточит. Надеюсь, ему больно. Улыбаясь, он смотрит на нас, потом на Деза:

— С чего бы мне их отпускать?

Дез ловит подходящий момент и бьёт затылком прямо в лицо солдата за своей спиной. Молодой стражник падает, прижав ладони к носу, и не поднимается. Быстрее, чем кто-либо успевает понять, Дез выхватывает из кармана склянку. В ней яд из цветков оланеды, что растёт на вершинах Меморийских гор. Его вывел один из наших алхимиков, пока искал лекарство от чумы, охватившей континент много лет назад. Вместо этого его открытие вызывает смерть, быструю и безболезненную.

— Дез... — зову я.

Он не смотрит на меня.

Кастиан поднимает руку, приказывая своим людям остановиться. Его челюсть сильно сжата. Мне мерещится, или это страх в глазах принца? Дез больше не помнит, как Кристиан чуть его не убил, но

помню я, так ярко и живо, что мне требуются все силы, что только остались, чтобы сдержать крик, рвущийся из груди.

Рот Кастиана кривится:

— Ты не посмеешь.

— Их жизни за мою, — говорит Дез так уверенно и решительно, что отпадают любые сомнения. — Я сын старейшины. Лидер шепчущих. Тебе нужен я.

— Ты переоцениваешь собственную значимость.

— Зачем же ты тогда меня разыскивал? Шпион мёртв. Селеста мертва. Хотя это ты и так знаешь. Я нужен тебе живым, чтобы ты мог мне отомстить за то, что я подпортил тебе личико.

Слова Деза стучат в моей голове: «Доверься мне».

Он это имел в виду?

Мне хочется верить, что Дез не умрёт от яда. Это не постыдная смерть, но если даже он выбирает этот путь, значит, для всех остальных не остаётся ни шанса, ни надежды. Он зажимает склянку меж зубов. Достаточно сжать челюсти и разбить стекло — яд подействует ещё до того, как осколки попадут в горло.

Кастиан всё крепче сжимает кулаки. Я представляю, как он наносит удар этими острыми шипами Дезу в челюсть.

— Рен, — шепчет позади меня Эстебан, — что нам делать?

Я могу сделать только одно. Быстро стягиваю перчатки и бросаюсь туда, где стоит принц. Достаточно коснуться его одним пальцем, и я вырву его воспоминания одно за другим, и он будет всё равно что мёртв. Пуст во всех отношениях.

— Нет! — ревет Эстебан, и я торможу в растерянности.

Внезапно я застываю на месте, словно корни вырвались из-под земли и обвилились вокруг моих лодыжек. Мои кости отяжелели, рот онемел, язык распух, я не могу вымолвить ни слова. Бесполезно. Вокруг меня воздух рябит от магии Деза. Он удерживает меня.

Через секунду я понимаю, что «Нет!» Эстебана было обращено не ко мне, а к тому, что собирался сделать Дез. Видимо, он прочитал мысли Деза слишком поздно.

— На меня это не подействует, — заявляет принц, но всё ещё отшагивает назад от моих вытянутых пальцев.

— Прекрати! — возмущается Марго. Лицо Саиды краснеет от прикладываемых усилий.

Их тоже держит на месте магия Деза. Слезы застилают мои глаза, сквозь расплывчатое изображение я вижу, как стражники ждут дальнейших указаний. А Кастиан... Одно красно-золотое пятно. Я моргаю, и всё ещё вижу в его глазах обеспокоенность тем, что его приз может скончаться раньше, чем будет возможность измучить его. Яд по-прежнему зажат между губ Деза. Я закрываю глаза и вспоминаю, как эти губы целовали мою кожу, улыбались, ухмылялись, смеялись, жили.

Как он может так поступать?

Принц встаёт между нами, его хищный взгляд мечется от меня к Дезу, пока он обдумывает что-то.

— Я согласен.

— Поклянись, — требует Дез, не отводя склянку ото рта. — Поклянись, что мой отряд свободно покинет лес, и никто из твоих людей не причинит им вреда.

— Я не даю клятв мерзавцам-мориа, — отвечает Кровавый Принц. Он оценивает взглядом каждого из нас, задерживаясь на шрамах на моих руках. — Сюда придут другие?

Дез сжимает зубы и нехотя отвечает:

— Да.

Мы все молчим, застывшие в разной степени недовольства. Я опять пытаюсь пробиться через магию Деза, но тело словно больше мне не принадлежит.

«Я тебя никогда не прощу», — всплывают непрошенные слова. Это мои, или снова вырываются чужие воспоминания?

— «Вы никогда не избавитесь от всех нас», так вы говорите? — Кастиан подходит ближе ко мне. Его тёмные брови нахмурены, загорелая кожа испачкана грязью, под которой видны ушибы и шрамы. Синева его глаз зеленеет у зрачков. Как бы я хотела их выцарапать. Видимо, он замечает мою ненависть, потому что разрывает взгляд и идёт к Марго. — Вы, четверо, скажете шепчущим отступить. Либо это восстание заканчивается, либо ваш принц мятежников будет убит безо всякого суда. Я жду вашей полной капитуляции три ночи, или он будет казнён на четвёртый день. Надеюсь, мы поняли друг друга?

— Они не могут тебе ответить, — говорит Дез.

— Тогда ответь за них, — раздражённо требует принц.

Не отрывая тяжёлого и безжизненного взгляда золотых глаз от Кастиана, Дез кивает. Эта обречённость в голосе так ему не

свойственна, что я начинаю с ужасом подозревать самозванца.

— Они сделают, как ты говоришь. Помни, что я сказал.

Один из солдат выбивает склянку из руки Деза и хватается за запястья, пока другой пинает его сзади по коленям, и они вместе связывают его руки. И всё это время Дез не сопротивляется. Он дышит часто и тяжело, и я не отрываю от него глаз. Я не могу поднять и пальца, когда они достают холщовый мешок, чтобы надеть ему на голову. Его взгляд прикован ко мне.

Я ненавижу этот рассвет. Я ненавижу то, что Дез не пускает меня к себе.

— Помни, что я сказал. Помни...

Конец его фразы обрывается, когда стражники закрывают его голову грязным мешком для зерна.

— Но... — решается заговорить стражник. Он весь вспотел и выглядит так, будто его сейчас вырвет прямо на сапоги принца. — Но, мой лорд, король Фернандо и судья Мендес... дали иные указания. Никого не оставлять в живых.

Сначала кажется, что Кастиан вовсе не слышал, что стражник в двух шагах от него что-то сказал. А через мгновение в мясистую щёку солдата прилетает кулак с острым кастетом.

— Ты служишь мне или судье Мендесу? — спрашивает Кастиан, но не ждёт ответа. — Я сдержу слово и отпущу этих мятежников. Или слово принца для тебя пустой звук?

Стражник прижимает руку к разбитому лицу и мычит, что всё понял.

Я хочу кричать. Я хочу драться. Я хочу умереть.

Но не могу даже пошевелиться. Как Дез это сделал? Как он сумел так использовать мои чувства? Я отказываюсь верить, что какая-то часть меня не хотела его спасти. Слезы беззвучно текут по моему лицу. Мне остаётся только смотреть, как Кастиан и его стражники уводят Деза прочь, оставляя нас четверых — Саиду, Эстебана, Марго и меня — стоять как живые статуи, пока лес плавно пробуждается ото сна на рассвете. Неминуемо.

В конце концов, Дез оказывается так далеко, что магия нас отпускает. Без её поддержки я пошатываюсь. Голова кружится.

Деза больше нет.

Жжение распространяется по всему телу, словно жидкое пламя течёт по моим венам. Я чувствовала этот огонь в разгаре схватки.

Деза больше нет.

Запах гнили. Увядающие цветы. Но ведь сейчас не сезон. Я внезапно понимаю, что не только азарт битвы прожигает меня изнутри.

Я начинаю падать на землю, но Саида успевает подхватить. Моя рука тяжёлая, будто некий мёртвый груз тянет меня вниз. Мои ресницы дрожат, и прежде чем я успеваю погрузиться во тьму, слышу над собой голос Саиды:

— Яд.

Глава 8

Когда я открываю глаза, вокруг по-прежнему темнота. Понимаю, что нахожусь в палатке. Рядом стоит почти догоревшая лампа. Мои ресницы задевают мягкую ткань — это явно не то пыльное одеяло, которое я таскала с собой всю неделю. Швы у основания шеи натягиваются от малейшего движения, и на тонкой коже ощущаются как оковы. Взываю от боли, вспомнив, что было перед тем, как я потеряла сознание. Голос Деза звенит в моей голове.

«Помни».

— Дез... — я сажусь и моргаю, привыкая к свету.

Саида кладёт руки мне на грудь, и моё дыхание тут же замедляется под действием магии персуари, теплом разливающейся по телу. Саида всегда описывала свою силу как цвета, которыми окрашены человеческие эмоции. Интересно, какого цвета сейчас мои чувства.

— Прекрати, — прошу я, и она останавливается.

Я пытаюсь встать. И пошатываюсь от головокружения.

Саида мягко давит мне на плечи, заставляя лечь обратно.

— Пожалуйста, Рен, тебе лучше не двигаться.

— Где Дез?

Она молчит пару секунд, делая глубокий вдох, словно пытаюсь сдержать слёзы:

— Ты же знаешь: его здесь нет.

— Мне не нужна магия, — мне нужен Дез, но я не могу сказать это вслух, даже своей подруге. — Что случилось?

Саида колеблется.

— Тебя ранили отравленным клинком. Алакран — яд скорпиона, — и кровавые розы, судя по запаху. Иллан говорит, что тебе лучше пока не вставать.

— Иллан здесь? — продолжаю сидеть. — И другие отряды? Они готовятся к контрнаступлению?

Тени деревьев танцуют на стенах палатки. Звуки природы те же, что и прошлой ночью, когда Дез и я... Мы всё ещё в Рысьем лесу.

Через плечо Саиды замечаю Эстебана. Он не смотрит на меня с презрением, как раньше, но его руки скрещены на груди, и он держится на расстоянии. Он сбрил свою недобороду, и теперь его смуглое лицо стало гладким.

— Здесь весь совет, Рената, — тихо произносит он.

Рената. Эстебан никогда не называет меня по имени. «Разжигательница». «Мусорщица». Да даже «Эй, ты», но только не по имени.

— Я что, умираю? — спрашиваю Саиду.

Она качает головой и улыбается, и всё же глаза остаются печальными:

— Иллан вывел почти весь яд, но ничего не смог поделать с кошмарами.

Вновь закрываю глаза и чувствую этот запах, словно кто-то держит припарку прямо перед моим носом. Живот скручивает. Я умираю с голоду, и в то же время меня тошнит. Не помню кошмаров. Это всё Серость и воспоминания, которые я недавно забрала, — они всегда здесь, в сознании я или без. В редкие ночи, когда мне «снятся сны», это на самом деле воспоминания из чужих жизней.

— Меня будто стадо быков затоптало, — я провожу языком по зубам и дёснам, онемение ещё не прошло до конца. — Как долго я спала?

— Почти два дня.

Голос князя Дорадо звенит в ушах: «Либо это восстание заканчивается, либо ваш принц мятежников будет убит безо всякого суда. Я жду вашей полной капитуляции три ночи, или он будет казнён на четвёртый день».

— Два дня? — в груди всё сжимается. Кровь стучит в ушах, и думать не получается. Опираюсь на кулаки, чтобы вновь попытаться

встать и размять затёкшие мышцы ног. — Они уже организовали операцию по спасению Деза из дворца? Мы не можем сдать, но и ждать его суда нельзя. Оправдательных приговоров там не бывает.

Эстебан хмурится сильнее, а Саида смотрит вниз на свои колени, крутя на пальце медное кольцо.

— Нам приказано ждать, — тихо отвечает она.

— Ждать чего? — вскрикиваю я. Она вздрагивает, но не повышает голос в ответ. Саида никогда не орёт: она как тёплый и мягкий свет, тогда как я резкая тень. Как там назвал меня Дез? *Возмездие в ночи*. — Мы должны его спасти. Дез бы сделал это ради нас.

Кто-то поднимает край палатки, опираясь на трость с серебряной рукояткой.

— Капитуляции не будет, — голос Иллана режет, как самый острый клинок. Старейшина заходит внутрь, его белоснежные волосы почти касаются верха палатки. Чёрные суровые брови, как у Деза, сводятся вместе при виде нас. Его трость зарывается в землю, ладонь сильно сжимает голову серебряной лисы на рукоятке. Символ Матери всего сущего — полумесяц, окружённый дугой из звёзд, — переливается на рубахе, на правом плече. Все старейшины носят этот знак.

Иллан де Мартин, старейшина и лидер мятежа шепчущих, самый сильный вентари из ныне живущих.

Он глубоко вдыхает, будто втягивая в себя все силы из окружающей обстановки.

— Как и операции по спасению, — добавляет он.

— Но...

Иллан скидывает руку, его рукав скользит вниз:

— Тот, кто меня слушается, может сразу выйти из отряда и навсегда забыть про возвращение в убежища шепчущих.

Я стараюсь подавить волну гнева, разливающуюся по венам.

— Он же ваш сын.

Наступившая тишина в палатке оглушает. Саида и Эстебан всячески избегают встречаться со мной глазами, а я сверлю взглядом Иллана. Старейшина никогда не был мягкотелым, но всегда поступал справедливо. Это бессмыслица какая-то. Он ведь посылал шепчущих и на более опасные миссии. Как, например, когда мы проникли в цитадель Кресценти, чтобы найти потомков одной из старейших

знатных семей Мемории. Или когда мы с Дезом явились на бал-маскарад в поместье одного лорда, пока два отряда обчищали его припасы.

— Мне нужно поговорить с Ренатой, оставьте нас, — командует Иллан, не сводя с меня глаз. Я хмурюсь в ответ, пока Саида и Эстебан поспешно покидают палатку, будто только этого и ждали.

— Я не понимаю, — произношу, стоит только ткани палатки опуститься после их ухода.

— А что здесь понимать? — спрашивает Иллан. — Моим родителям пришлось наблюдать, как их королевство захватывает нечестивец-король. Я смотрел, как остатки независимых территорий покоряет его сын и разрывает их на клочки. Капитуляция исключена.

— Но Дез...

— Мы в разгаре величайшей борьбы, важнейшего этапа нашего восстания, — отвечает Иллан, — Не просто борьбы за территорию, но за само наше выживание. Я пришёл не обсуждать Деза. Приказ останется неизменным. Никто из наших людей не пойдёт за ним или будет немедленно разжалован. Это ясно?

Я хочу послушаться. Хочу дать отпор. Но мне некуда пойти, поэтому я отворачиваю голову, а он продолжает говорить:

— Что мне нужно от тебя, Рената, так это информация о дворце.

У меня во рту пересыхает. Я знаю, что моя ценность для шепчущих заключается в воспоминаниях, запертых в Серости. Именно поэтому Иллан лично занимался со мной все эти годы, пытаюсь разблокировать их, но безуспешно. Зачем я буду нужна, если откажусь вспоминать место, которое не видела с детства?

— Нет. Я не буду пытаться извлечь что-либо из Серости, пока вы не пошлёте за Дезом, — плевать, что мои слова звучат как объявление войны. — Это всё, что имеет значение.

— Мне напомнить, кто вытащил тебя оттуда? — голос Иллана холоден, но не зол, хотя у него есть все основания для этого — я никогда не обращалась к нему так дерзко. Сомневаюсь, что хоть кто-то за всю его жизнь говорил с ним таким тоном.

Не могу смотреть ему в глаза, но семена гнева прорастают внутри, как виноградная лоза, и обвивают моё горло, норовя задушить.

— Не нужно, я никогда не забывала.

Хотя, по правде говоря, я вижу это иначе, чем Иллан. Да, он возглавил то самое нападение на дворец, известное как Восстание Шепчущих, в ходе которого они не сумели убить короля, но им удалось забрать похищенных детей. Иллан дал мне крышу над головой — место, которое я смогла назвать домом. Но не его лицо я вижу, когда вспоминаю ту ночь. Закрывая глаза, возвращаясь в те последние мои часы во дворце, я вижу темноволосого мальчика, появившегося в тайном проходе моих покоев и протянувшего мне руку, чтобы провести по задымлённым коридорам в безопасное место. Я вспоминаю *Деза*.

Иллан довольно кивает.

— Правление короля Фернандо должно подойти к концу до того, как нас всех уничтожат. Я надеюсь на твоё содействие больше, чем на кого-либо ещё. Не забывай о цели, Рената. Покончить с властью семьи Фахардо, восстановить храмы моря, вернуть захваченные земли. Оружие может нам помешать.

Я помню о цели. Но в голове раздаётся крик *Деза*, перед тем как враги увели его из леса. «*Помни...*»

Иллан тяжело вздыхает.

— Кто будет жить на этих землях? Кто будет молиться в этих храмах? Если мы не спасём моря, то кто мы тогда? Ты уже знаешь, что выяснила Селеста. Наша первостепенная задача — уничтожить оружие, созданное Правосудием.

— Тогда нам тем более нужно в столицу! — кричу я, теряя терпение от чувства бессилия. — И пока мы там, мы можем спасти *Деза*. Мы можем...

— *Деза* не нужно спасать, — раздражённо отвечает Иллан, а затем бросает быстрый взгляд на вход в палатку и понижает голос: — Я говорю тебе это только потому, что не хочу, чтобы план сорвался из-за твоих опрометчивых действий. *Дез* сейчас именно там, где он должен быть.

Непонимающе смотрю на него. Холодок пробегает по моей коже.

— Что?

Иллан садится рядом со мной на койку, положив трость на колени.

— Когда до нас дошли слухи о том, что Королевское Правосудие создало оружие, способное забрать нашу магию, мы с Селестой отправили нашего лучшего шпиона на встречу с осведомителем.

— Люсию?

Мрачно кивает.

— В записке она сообщила, что судьи называют это оружие лекарством.

От одной мысли накатывает тошнота. *Лекарство от нас*. От нашего существования.

— Что это?

— Мы не знаем. Напиток? Безделушка? Люсия узнала, упаси Госпожа её душу. Мы собирались подождать, пока наш осведомитель не соберёт больше сведений во дворце. Но Родриг отправился за Люсией. Ну, ты знаешь, что с ним стало.

— И какое это всё имеет отношение к аресту Деза?

Я вновь думаю о той ночи на берегу. Его пугала мысль отправиться во дворец, но не по тем причинам, о которых я думала. Он не говорил нам всей правды.

— Мой осведомитель опасался, что его едва не раскрыли. Кто-то во дворце подозревает его. Без наших шпионов мы не можем узнать, где именно во дворце хранится оружие. Нам было нужно, чтобы кто-то проник внутрь. Мой шпион подстроил всё так, чтобы дозор нашёл Деза. Он должен быть покинуть лагерь тем утром, но, по всей видимости, принц перехватил сообщение. Так или иначе, Дез сейчас там, где и должен быть.

Дез с самого начала планировал оставить меня тем утром. *Он бы хоть попрощался?* Жалкая, отвратительная мысль, но я не могу прогнать её из головы. Меня бесит то, что у меня даже злиться на него не получается, ведь он рискует своей жизнью ради всех нас.

— И как Дез это сделает, находясь в темнице?

— Как мы проникнем во дворец? Мы это уже делали. Это лучшая возможность. Я дал сыну код, который поможет ему освободиться из заключения. Принц, как я понял, дал нам три ночи? Когда они пойдут за Дезом на рассвете, чтобы казнить, его там уже не будет. Он найдёт так называемое лекарство и уничтожит его. И поэтому, моя девочка, никакой операции по спасению не требуется.

«Помни, что я сказал». «Доверься мне». Дез планировал это с самого начала. Злость, сжигавшая меня изнутри, сменяется беспокойством. Столько всего могло пойти не так...

— Почему вы мне это рассказываете? Вы не доверяли мне прежде, так почему сейчас?

— Я знаю о... — лицо Иллана не выдаёт никаких эмоций, пока он подбирает подходящее слово, — связи, которая всегда была между вами. Я рассказываю тебе об этом сейчас, потому что не хочу, чтобы твой бездумный поступок поставил план под угрозу. Никто, кроме моего сына и других старейшин, не в курсе. Дез использует код, чтобы освободиться, проскользнуть во дворец и разыскать оружие.

На мгновение я позволяю себе вспомнить, как выглядят темницы во дворце в Андалусии, хотя воспоминание это расплывчато, туманно и затемнено детским страхом. Мне никогда не нравилось спускаться за судьёй Мендесом к заключённым. Но я помню, что у каждого отсека на двери был металлический блок цилиндрической формы толщиной с пергаментный свиток. Стандартные кодовые замки имеют четыре колеса с буквами, которые вращаются как шестерёнки в часах. У Мендеса был изготовленный на заказ замок на десять букв-ключей, которые он часто менял, если вдруг у меня появлялась возможность запомнить код. Хотя я даже не думала о том, чтобы сбежать. Тогда ещё нет.

— И что за код?

— Отдыхай, Рената. Полагаю, Дез вернётся завтра вечером, ещё до того, как палач сядет точить лезвие. А пока мне нужны люди, чтобы организовать безопасную переправку группы мориа в Лузо, — Иллан смотрит рассеянно, натирая большим пальцем набалдашник. — И когда оружие будет уничтожено, это выиграет нам ещё время, чтобы жить и продолжать борьбу.

Иллан и Дез затеяли опасную игру, но если кому она и по плечу, так это Дезу. Когда нам было двенадцать, его поймал сборщик пошлин около гор. Я побежала за помощью, но когда мы вернулись, Дез уже выбрался на свободу. Мне вспоминается тот пыл, с которым он бился с принцем Кастианом в Риомаре. Я знаю, что он ко мне вернётся. Дез может выбраться из любой напасти.

— Получается, вам не нужна от меня информация о дворце?

Лицо Иллана темнеет, будто он только сейчас вспоминает о чём-то. И жалеет об этом.

— Как только Дез вернётся с миссии, нам предстоит вновь ворваться во дворец, чтобы спасти узников из темниц.

Медленно киваю.

— Сделаю всё, что смогу.

После того, как Иллан уходит, мой живот опять скручивает, но вернувшаяся Саида заверяет, что это всего лишь остатки яда, уже не представляющие угрозу. Но пока я смотрю, как темнеет небо над Кастинианским морем — было небесно-голубым, а становится сливовым, — постепенно начинаю сомневаться, что дело в яде. Не могу избавиться от жуткого подозрения, зарождающегося внутри.

«Андрес», — повторяю его имя у себя в голове. И то, как он попросил: «Не говори никому».

Очередная бессонная ночь. В моей голове вихрь мыслей: Дез, план Иллана, механизм замка, четыре буквы-ключа, четыре буквы, которые стражники меняют каждую ночь.

Странное чувство, словно что-то сжимается у меня в животе.

«Просто нервы», — твержу себе.

Лёжа в темноте, я вспоминаю хорошие знаки — забота Саиды, обещание в каждом поцелуе Деза, спасение моей жизни Эстебаном. Крохотная надежда загорается где-то вдалеке, но она реальна и похожа на светлячка в моём сердце. Я держусь за этот слабый огонёк. Он появляется и угасает, но это уже много значит для меня.

Четыре буквы. Дез знал их. Он должен был их запомнить.

Скидываю с себя все покрывала. Слишком жарко. И слишком холодно в эту беспокойную ночь.

Серость заполняет мой разум, как тучи в пасмурную погоду. Мои виски ноют. Я пытаюсь затолкнуть воспоминания назад. Подумать о чём-нибудь другом. Последние воспоминания о ночи с Дезом помогают. Как его губы оставляют дорожку поцелуев вдоль моей шеи. Как полыхает огонь в его глазах в свете луны. Как он даёт обещание под покровом ночи. Как я наблюдаю за его беспокойным сном, а потом забираю себе его кошмары, коснувшись пальцами висков.

Хотя это были и не кошмары вовсе, просто череда воспоминаний, беспорядочных картинок, которые не были связаны между собой...

Или были?

Четыре слова.

Дез играет с гончей.

Дез ест апельсин.

Дез видит флаг.

Дез ищет меня.

Шестерёнки в моей голове вращаются, как колёса в кодовом замке. Четыре буквы.

Гончая. Апельсин. Флаг. Рен.

Мнемонический приём, чтобы запомнить код: Г. А. Ф. Р.

Я подскакиваю на месте, голова раскалывается, всё перед глазами расплывается...

Мнемонический приём, чтобы запомнить код, который теперь знаю я и больше не помнит Дез. Потому что я украла его воспоминания, пока он спал.

Потому что я позволила себе прикоснуться к нему. Потому что я искренне считала, что моя любовь не позволит ему навредить.

Дез не знает код, чтобы освободиться.

Его знаю я.

Мне стоило подумать дважды. Моя сила способна только разрушать и ничего больше. Я всегда буду причинять боль тем, кого люблю. «Не вздумай полюбить робари — потеряешь себя», — так говорят среди мориа, и я всё больше убеждаюсь, что это правда.

Отбрасываю одеяло в истерике. В лагере стоит тишина, все спят.

Паника охватывает меня с головы до пят... Никогда такого не испытывала. Мышцы так дрожат, что мне нужно оставаться полностью неподвижной, чтобы не затрястись. Тщательно слежу за дыханием. Вдох. Выдох. Вдох-выдох-вдох-выдох-вдох-выдох. Надо взять себя в руки и осмыслить ситуацию. Может, я ошибаюсь, и воспоминания, которые я забрала, значили что-то другое.

Но ещё один голос шепчет внутри меня, и правдивость его слов обволакивает мою грудь, сдавливая до боли, не давая дышать.

Если я украла код из памяти Деза, он не сможет освободиться. Если Дез не сумеет выбраться, он не найдёт оружие. И что потом? Он будем в темнице в день казни. Через два дня. До столицы день пути. Времени слишком мало. В памяти всплывает белоснежный оскал принца, когда они сцепились с Дезом. Кошачью грацию его движений. Его жажду крови и зрелищ. То, как он ударил собственного солдата за неверный вопрос. И его слова: «Я не даю клятв мориа».

Я должна признаться Иллану в том, что натворила. Но когда я выкарабкиваюсь из постели, морщась от боли в плече, внезапно понимаю, что если расскажу Иллану, то он созовёт совет, чтобы

принять решение. Они будут спорить, голосовать... Все эти процедуры займут много времени. Времени, которого у Деза нет.

Я должна сама пойти к Дезу... Неважно, что решат Иллан или другие старейшины.

Неважно, что я никогда не смогу вернуться к шепчущим из-за очередного своего предательства. *Что я наделала?..*

Руки дрожат, пока я надеваю ножны с мечом на пояс и влезая в ботинки. Воздух уже светлеет, ночь сменяется утром, когда я подкрадываюсь к лошадям с тихим шёпотом, чтобы не напугать их. Дез умрёт послезавтра, и это будет моя вина. Эта мысль душит меня, ослепляет. Я должна взять себя в руки. Должна добраться до него. Я делаю вдох, выдох и седлаю коня.

«Я доверяю тебе, Рен», — говорил он. Зря.

Никогда не доверяй робари.

Все мысли улечиваются из моей головы, когда конь набирает скорость. Я не чувствую ничего, кроме темноты внутри и глухо пульсирующей в голове правды. Он умрёт, и это я обрекла его. Это будет полностью моя вина.

Если я не успею.

Глава 9

Мне было тринадцать, когда я впервые попыталась сбежать из убежища шепчущих в цитадели Салинас. Я тогда украли коня, как, собственно, и в этот раз. Шепчущие очень ценят лошадей, но меня это мало волновало. Другие дети на занятиях придумывали мне обидные, порой жестокие клички, когда рядом не было ни Деза, ни Иллана. Учителя закрывали на это глаза. Мои родители умерли, а я просто не могла там оставаться. Поэтому я седлала коня, как сумела, и покинула то место. Я уехала далеко и заблудилась в скалах Хуры, но меня спас Дез.

Теперь моя очередь вернуть ему долг.

Я еду.

Я продолжаю ехать. Я уже стёрла в кровь ладони и внутреннюю поверхность бёдер. Стук копыт грохочет по дороге, на которой меня не должно было быть, потому что она ведёт прямо в Андалусию, столицу Пуэрто-Леонеса. Голова раскалывается, и порой мне мерещится то, чего нет. Люди появляются на обочине дороги, как призраки, а потом

исчезают, растворяются, уплывают в Серость. Знакомые пейзажи вызывают воспоминания из самых глубин моего разума, заставляют вспоминать людей, которые жили в этой местности, ходили по этой самой дороге. Последние несколько дней выдались такими напряжёнными, что хранилище в моей голове треснуло. Иронично: Иллан-то думал, что взломать Серость получится путём терпения и медитации. Надо было ему раньше сказать, что требовалось всего-то, чтобы что-то внутри меня сломалось так, что, вероятно, никогда не восстановится вновь. Так случится, если я не успею добраться до Деза.

Его голос звучит в моей голове: «Знаю, тебе страшно. Мне тоже».

За все эти годы Иллан ни разу не посылал меня на миссии в Андалусию. Я готовлюсь увидеть высокие башни местных построек и дворцов, сверкающий на солнце, — жемчужину Пуэрто-Леонеса.

Я всем сердцем ненавижу ту девочку из прошлого, которой я была когда-то. Лучше бы она сгорела в том пожаре. Но в глубине души подозреваю: истинная причина держаться подальше от столицы заключалась в страхе, что та девочка всё ещё там, ждёт меня, бездушная и разрушительная.

«Знаю, тебе страшно. Мне тоже».

— Я в ужасе, Дез, — шепчу я навстречу ветру.

Звуки мне тоже мерещатся. Громкий стук доносится с востока, когда небо окрашивается кроваво-алыми красками утреннего солнца. Я оглядываюсь назад, и впервые за несколько часов моё сердце переполняется чувствами, будто гигантская волна накрывает с головой. Потому что они здесь.

Я не одна.

На вершине холма натягиваю поводья, чтобы остановить коня. Жеребец отходит в сторону, ударом копыта поднимая пыль с дороги, ведущей к небольшому городку перед столицей.

Две лошади подходят ко мне с обеих сторон, выстраиваясь в один ряд. Эстебан и Марго на одной кобыле, Саида — на другой.

— Что вы здесь делаете? — первой задаю вопрос.

На Марго широкополая шляпа, отбрасывающая тень на её бледно-голубые глаза. Эстебан сидит за её спиной, держа поводья. Его нижнюю половину лица скрывает красный шарф.

— То же, что и ты, — отвечает Марго осипшим голосом. Похоже, она плакала. Я понимаю это по грязным полосам на белой коже её

лица. — Ты должна была прийти к нам.

— Не было времени, — я тяжело дышу, пытаюсь справиться с переполняющими эмоциями. *Я не одна.* — Не думала, что вы за мной пойдёте.

— Это моя вина, — извиняется Марго. Ей тяжело признать это? — Старейшины ошибаются. Это *нужно* сделать, так будет правильно.

— Он бы никогда нас не бросил, — добавляет Саида, убирая с лица шарф цвета индиго.

Вообще-то он именно это и сделал. Там, в лесу. Но они не знают о плане Иллана. Они не знают, что я украла воспоминания Деза, что из-за меня он не сможет освободиться. Мой язык словно бы распухает от страха раскрыть эту правду, поэтому я молчу.

Вместо этого мы смотрим с вершины холма на зловещий знак внизу.

По обе стороны главной дороги, ведущей в Андалусию, стоят колья. Десятки, сотни кольев на расстоянии метра друг от друга. Отрубленные головы захваченных моря и других невинных, выставленные напоказ наряду с грабителями, изменниками и убийцами. Их лица перекошены, плоть гниёт. Ближайшая к нам голова наполовину съедена жуками размером с монету, вылезающими из глазницы на своих шести лапках.

Запах гнили ударяет мне в нос, конь становится на дыбы, словно желая дать задний ход. Я натягиваю поводья. В нём моя отвага, и я во что бы то ни стало проеду на нём по этой дороге смерти.

Мы все одновременно делаем молитвенный жест, моля Госпожу защитить нас, после чего я щёлкаю языком и веду нас по широкой дороге. Мы вынуждены замедлиться, чтобы не привлекать к себе внимание.

Мы едем часами, понукая похищенных лошадей вперёд без передышки. Окружающий пейзаж меняется от Рысьего леса к цветущим лугам на границе реки Агуадульсе. Но Андалусия — это оазис посреди засушливой долины. Я поглаживаю ладонью бок своего коня. Столица — грязный город, так что мы не будем выделяться в своей дорожной одежде, запачкавшейся от пыли и пота. Марго прячет свой кулон под тунику. Она никому не говорит, откуда у неё эта подвеска с золотой морской звездой, но куда бы мы ни направились, её

украшение всегда с ней. Эстебан и Саида тоже прячут с глаз все металлические предметы. У меня нет ничего для усиления дара. Металл робари — платина — столь редок, что я его никогда даже не видела. Хотя мне даёт покоя вопрос: если бы я где-нибудь нашла кусочек платины, *позволили бы шепчущие мне его оставить?*

У нас не получится сойти за набожных паломников, поэтому мы прикидываемся молодыми крестьянами, решившими попытать удачу в шумном, суетливом, кишасщем крысами городе, о котором все говорят.

Дворец находится в самом центре всего этого — сердце столицы, к которому ведут все улицы-артерии и переулки-вены. Собор Правосудия и эшафот находятся за дворцом, соединённые сетью подземных туннелей вместе с канализационной системой.

Я помню, как Дез стоял у подножия тайной лестницы, пока город горел вокруг нас. Я поверила ему в ту самую секунду, как впервые увидела. Но когда он отвёл меня к Иллану и другим шепчущим, ждущим вместе с остальными детьми-мориа, которых смогли спасти, я стала кричать и вырываться. Помню, как вцепилась в прутья железных ворот. Кто тогда разжал мой кулак, Иллан или Селеста?.. Моё сердцебиение учащается, и к горлу подкатывает тошнота. Я наклоняюсь в сторону, чтобы опустошить желудок от того немного, что там было.

— Я так полагаю, плана у тебя нет? — спрашивает Эстебан. Возвращаясь в седло, я вижу, что он протягивает мне свой платок. Мелочь, но на мои глаза набегают слёзы признательности, пока я вытираю рот.

— Дез в темнице. Я могу раздобыть код от замка, но сначала нужно как-то туда попасть.

— Как ты узнаешь код? — спрашивает Саида.

— Украду воспоминание стражника, — лгу я.

Медленно мы добираемся до последнего холма. Мои мышцы ноют от долгой поездки, и порез, оставшийся от отравленного меча, покалывает. Та Рен, которая жила в этом городе, была розовощёкой сладкоежкой, избалованной и наивной. Даже на таком расстоянии мои нервы скручиваются в узел, мелькает мысль развернуться и поехать назад, потому что я всё ещё слишком наивна, если думаю, что могу спасти его; если всерьёз верю, что я как-то изменилась.

— Я в столице первый раз, — нервно признаётся Эстебан. Он тянется в карман куртки и извлекает небольшую подзорную трубу.

— Смотри внимательнее, — сухо советует Марго. — Это может быть и последний раз.

Я ожидаю, что Эстебан пошутит в ответ или, в самом крайнем случае, улыбнётся, но вместо этого он прищипривает лошадь и едет вперёд нас с Саидой.

Проехать в городе сложнее, чем я ожидала в такое раннее утро. Торговцы везут телеги с фруктами и овощами. Мимо проходит тучная женщина с четырьмя маленькими детьми в расшатанной коляске и пятым, машущим мне ладошкой, на горе из картошки. Но есть и молодые деревенские девчушки в простых платьях, идущие рука об руку, собираясь весь день провести у рыночных прилавков. Группа мальчишек, принарядившись в Святой День, едут в повозке с родителями. Ах, точно. Сегодня же Святой день. Правосудие не проводит казни в этот праздник, потому что всем полагается чествовать Отца миров.

Я прищиприваю коня и ускоряюсь. Андалусия маячит впереди. Сияющий дворец, возвышающийся над всеми остальными постройкам, как самоцвет среди камней. Даже изгородь, окружающая его, тянется ввысь, выше железных ворот, изогнутых, как плющ.

Чтобы попасть туда, нам нужно пройти рыночную площадь, где каменные здания замысловатыми шпилями достают до неба. Ряды домов более состоятельного населения находятся по ту сторону города. Они украшены аккуратными рядами цветных стёкол, и хотя я слишком далеко, чтобы их увидеть, я знаю, что на них запечатлены изображения Отца миров и его творений.

По мере того, как мы приближаемся к колоннам на въезде в город, я думаю о лучшем пути до дворца. Здесь, рядом с шумным рынком и зданием суда, есть различные постройки, которые занимают большей частью пять-шесть этажей и размещаются вокруг собора. Чем ближе дома к собору, тем они уже и выше, словно кривые зубы.

С краю есть ряд столбов для лошадей, поскольку дальше на них не проехать — мощёные улочки петляют, как в лабиринте, и переполнены людьми. Эти дороги предназначены для пеших путников вроде тех деревенских девчонок с медными монетками в карманах. Эстебан уже привязывает лошадь к столбу, та сразу склоняется к

корыту с водой. Он делает вид, что не знает меня, как всегда было в Анжелесе.

— Сними перчатки, — бормочет Марго себе под нос, останавливаясь за моей спиной. — Они тебя сразу выдадут в такую жару.

Я делаю, как она говорит, и сжимаю руки в кулаки, чувствуя себя обнажённой при свете дня.

— Держись ближе ко мне, — шепчет Марго. Она берёт меня за руку, и я напрягаюсь всем телом. От неё исходит тепло — так действует её магия иллюзионари. И когда я смотрю вниз, то в груди поднимается благоговейный трепет, и я не могу оторвать взгляда от своих ладоней. Это не белые мягкие ручки знатной девушки, но и больше не изуродованные шрамами руки робари.

— Спасибо. За это и за то, что помогаете мне.

— Я делаю это ради Деза, не ради тебя. Хотя, признаюсь, я была удивлена.

— Почему? — я слишком устала, чтобы смеяться, получается только хмыкнуть.

— На занятиях ты всегда казалась мне любимицей Иллана. Ни за что бы не подумала, что ты его ослушаешься.

— Это не моя вина, что я его самая умная ученица.

— *Послушание* не то же самое, что ум, — ухмыляется Марго. Я понимаю, что она создала иллюзию не ради меня, а чтобы мои руки не заметили стражники, сменяющие пост.

В своей форме из тёмно-сиреневой и коричневой кожи они похожи на тех солдат в лесу. Одного из которых Марго ослепила, а другого убил Дез.

Мы проходим врата в город молча. Эстебан и Саида держатся вдали от нас, чтобы не привлечь внимание к нашей группе, но мы остаёмся в поле зрения друг друга.

Столица создаёт ощущение, будто ты плывёшь по морю. Всюду крики, волнения. Громкие голоса подзывают прохожих: один называет специальную цену на ярко-зелёные томатильо, другой предлагает попробовать солёные, вонючие сыры, третий рассказывает, как вино в его бочках было доставлено из южных провинций королевства. В то же время состоятельные дамы прогуливаются в сапогах на высоких каблуках, хлопоча о том, чтобы не запачкать свои прекрасные

шёлковые платья грязью с улиц, заполнившей каждый тёмный уголок, каждую расщелину между булыжниками.

В какой-то момент ребёнок ростом мне по колено проползает мимо меня, я смотрю вниз и замечаю руку, залезшую в мой карман.

— Эй! — кричу я, но прежде чем успеваю что-либо сделать, девчонка убегает прочь, растворяясь в толпе.

— Учится, видимо, — шепчет Эстебан, подходя ко мне. — Ясно же по нашему виду, что у нас ничего нет.

— Учится? — переспрашиваю я.

Эстебан суёт руки в карманы, посылая приветливую улыбку, как будто мы двое друзей, встретившиеся на рынке.

— Если ты ещё маленький и неопытный ребёнок, то ты сначала попытаешь удачу с теми, кто выглядит так же бедно, как и ты. Потому что, даже если тебя заметят, можешь быть уверена: им будет нечем заплатить страже цитадели за помощь в поимке вора.

Я смотрю на него удивлённо.

— Откуда ты это знаешь?

— Я был лучшим карманником в Кресценти, — говорит он, улыбаясь белыми зубами на фоне смуглой кожи. Не помню, когда в последний раз он улыбался мне так часто. — Местные привыкли отводить взгляд от нищих и даже не замечали, когда их самих обворовывали подчистую.

— Не знала, что ты вырос на улице.

— Мы вообще много чего не знаем друг о друге, — Эстебан берёт с прилавка спелый персик и кидает монетку торговцу. Сладкий аромат фрукта смешивается с запахами жареной свинины, готовой для послеобеденной толпы, чёрных кофейных бобов, обжаренных в большом металлическом контейнере, и канализационной воды, бегущей вдоль улиц.

— Как мы пройдём дворцовые ворота? — спрашивает Марго, незаметно подошедшая ко мне. Она достаёт свой платок, чтобы вытереть пот с лица.

Саида и Эстебан подходят к торговцу кофе. Она держит его за локоть, чтобы выглядеть как парочка, и покупает две кружки. Я не упускаю из внимания то, как хмурится Эстебан, опустошая свой кошель с деньгами.

Я беру Марго за руку и направляюсь к собору. Здесь так много людей, пришедших на религиозные обряды Святого Дня, что не пробиться. Листовки разлетаются на ветру и засоряют дороги, в них пишут всё: от новостей о свадьбах до приказов Правосудия.

— Есть проход, ведущий из собора в подземелья.

Позади меня Саида рассматривает своё отражение в ручном зеркальце с прилавка, поворачивая его в разные стороны, пока Эстебан держит две кружки дымящегося кофе. Простому обывателю она покажется избалованной деревенской девчонкой, хотя даже пыльная одежда не скрывает её красоты. Однако её чёрные глаза смотрят не на своё отражение, а на улочку позади. Опуская зеркальце, она наклоняется к бородатому торговцу.

— А куда все идут? — сладким голосом спрашивает Саида, хлопая чёрными ресницами.

— К эшафоту, — отвечает торговец, косясь на Саиду, которая тут же напрягается. Мы с Марго обмениваемся встревоженными взглядами. — Такой милашке, как ты, не стоит смотреть на это. Можешь подождать здесь, пока толпа не рассосётся.

Он хлопает по своему колену и похотливо ухмыляется.

Саида кладёт зеркальце обратно на прилавок так резко, что разбивает его, и быстро уходит, пока торговец не успел среагировать. Я хватаю её за руку, и мы смешиваемся с толпой людей, наводнившей рынок. Пока торговец пытается в этом хаосе разыскать стражника, мы исчезаем.

— Эшафот, — бормочу я, внезапно останавливаясь. Прижимаю руки к животу, чтобы они не тряслись так сильно. Где-то рядом в куче мусора копошатся крысы, и в воздухе распространяется запах мочи.

— Но ведь... — начинает Марго, но не заканчивает то, о чём мы все подумали. Казнь была назначена на завтра, не сегодня.

Саида мрачнеет, её взгляд падает на шелестящий пергамент под ногами. Она поднимает листовку, нижняя часть которой промокла в грязной воде.

Я вырываю пергамент из её рук, весь в пятнах и грязи. На нём грубый набросок мужчины с демоническими глазами и длинными клыками, подписанный сверху: «Князь Дорадо казнит морийскую тварь».

Бегло просматривая рисунок, я понимаю, что люди собираются на казнь, и они кричат имя. Все слова смешались, отказываясь складываться в предложения, потому что толпа скандирует раз за разом: *Дез де Мартин*.

«Андрес де Мартин», — мысленно произношу его настоящее имя.

Я сминаю листовку в руке — всё равно уже все увидели. Мои блоки вот-вот треснут — каждое воспоминание, как нож, пробивает себе путь наружу. *«Доверься мне»*.

— В Святой День не бывает казней, — отказывается верить Марго. — У нас должен был быть ещё день!

— Они знали, что мы ни за что не сдадимся. Даже ради Деза, — рассуждает Саида.

Эстебан давится воздухом.

— Подумайте, какая толпа! Все, кто придёт сегодня. Каждый, от крестьянина до лорда, явится на религиозные обряды и увидит казнь лидера шепчущих. Что может быть зрелищнее?

Они собираются убить Деза. Осознание этого ощущается как тот удар в бок на балконе. Я в отчаянии, мне нужно больше воздуха, но никак не могу сделать вдох. Кастиан убьёт его, потому что Дез не смог выбраться из темницы. Кастиан убьёт его, потому что я ukrала ключ Деза к спасению.

Вдалеке трубят горны, и теперь мы стараемся не расходиться, пока поток людей движется по узкой улочке к площади перед собором, где находится эшафот. Одни несут корзины с гнилыми овощами и фруктами, которые даже крысы есть не стали. Другие держат в руках стеклянные бутылки со святой водой, освящённой самим королевским священником. Всё, что можно было бы бросить, они тащат с собой.

— Это ничего не значит, — затаив дыхание, говорю я. — Мне плевать, даже если нужно будет стащить Деза прямо с этого помоста и своими руками задушить палача, я это сделаю.

Эстебан сжимает кулаки.

— Ты оглянись. Мы никак не прорвёмся сквозь толпу.

— Необязательно идти через толпу, — говорит Саида и смотрит на стену в конце улицы, там тупик. Я вижу то же, что и она. Металлическая водосточная труба. — Не можем по улицам, так побежим по крышам.

В тени переулка мы хватаемся за перекладины по обе стороны трубы, по которой стекает вода с крыши постройки, и взбираемся наверх. Народ так взволнован предстоящей казнью одного из шепчущих, что никому и в голову не приходит поднять глаза.

Я взбираюсь на крышу, иду по краю. Голова слегка кружится, когда я смотрю на происходящее внизу. Тёмная масса, собравшаяся перед собором, похожа на улей. Их так много, что перемещаться по толпе невозможно. Торговцы убирают свои товары подальше по мере того, как люди заполняют всё свободное пространство рыночной площади. Как будто они чувствуют запах крови в воздухе, гнев исходит от столь огромной толпы.

С нашей позиции видно всё. Ряд веревок с петлями качается на ветру, но моё внимание привлекает большая деревянная плаха в самом центре, где судья натачивает затупившийся меч палача.

От этой картины всё внутри застывает, и дыхание перехватывает.

Они собираются обезглавить его.

— Нужно подобраться ближе, — мой голос напряжён, я стараюсь перекричать шум столицы. Разбегаюсь и перепрыгиваю расстояние в полметра между крышами. Раздаётся плеск под ногами, мои ботинки прилипают к этой грязи. Под палящим солнцем она нагревается, и от неё исходит пар. На следующей крыше поверхность такая скользкая, что я не могу удержаться, меня успевают схватить за руку Саида и вытянуть вперёд. Отсюда лучше видно плаху.

— Подождите, — окликает Марго, показывая на деревянную сторожевую башню за нами, с которой стражники наблюдают за толпой. — Дальше нельзя.

Толпа оживает, шумит, улюлюкает, когда горны трубят, знаменуя прибытие принца. Голуби взлетают с улиц в поисках мест повыше. Три дня прошло со встречи с Кровавым Принцем. На нём больше не те перепачканные доспехи, что были в лесу.

Принц едет верхом на коне. Его золотой венец со сверкающими каплями-рубинами переливается в лучах солнца, создавая вокруг него ореол, словно он ангел смерти. Его парадный тёмно-красный наряд прекрасно сидит на его мощной фигуре.

Люди уступают ему дорогу к эшафоту. Его боевой конь прогуливается рысью, в одну сторону, в другую, и затем князь Дорадо посылает толпе обезоруживающую улыбку. Улыбку, которая говорит,

что он знает то, чего не знает никто другой. Что он солгал. Нарушил своё обещание. Много ли стоит слово принца? Когда он заменяет меч палача своим собственным, украшенным драгоценными камнями, толпа взрывается от восторга.

Отвращение к разыгрываемой сцене скручивает мой живот. Во рту привкус желчи смешивается с вонью рынка, но мне нужно держаться.

— Пора, — командую я, повышая голос, и оборачиваюсь к Марго. — Можешь накрыть меня плащом и создать что-нибудь для отвлечения внимания?

Её глаза стекленеют от слёз, глубокая линия прорезает лоб.

— Рената Конвида, я не настолько сильна.

— Ты должна, — чуть ли не плачу я.

В толпе начинается какое-то волнение, все перешёптываются друг с другом, и мы сразу же переводим внимание на то, что творится внизу. Люди мечутся, как море в шторм, толкая, пихая друг друга, пытаюсь получше рассмотреть, что происходит. И вдруг всё стихает, когда выводят Деза.

Даже отсюда я вижу, что он ранен. Он едва может сам стоять на ногах. Несмотря на это, я чувствую облегчение при виде его, живого. Он жив, а значит, ещё есть надежда.

Стражник, который ведёт его, больше похож на огра, чем на человека, с лысой головой и смуглой кожей, покрытой шрамами и татуировками. Мясистой рукой он держит Деза за шею, показывая толпе, и заводит на помост.

Я не хочу на это смотреть. Дез бы не хотел, чтобы я это видела. Он не дал бы мне увидеть его в таком положении — на коленях перед тем, кого он ненавидит больше всего. Но я продолжаю смотреть, чтобы распалить этот яростный огонь в груди.

Его толкают вперёд, и королевский священник, прихрамывая, взбирается на помост. В его руках золотая чаша, и он начинает церемонию благословения принца, его меча и жадного до зрелищ народа, окружившего эшафот, как стервятники.

Время ещё есть... Я должна сделать это. Сейчас.

Бросаюсь вперёд, оставляя позади отряд и то, что они кричат мне вслед. К тому времени, как я оказываюсь на следующей крыше, все их мольбы и уговоры становятся далёким эхом. Это моя миссия, не их.

Я бегу от одного края крыши к другому и прыгаю на следующую. Чем ближе к центру столицы, тем плотнее друг к другу стоят дома. Страх падения сжимает моё сердце, грозит парализовать тело, но страх потерять Деза сильнее всех остальных чувств, мыслей, всей меня.

Церемония благословения подходит к концу, священник звенит колокольчиком в руке, горны трубят, толпа ликует. Звук пугает голубей, нацелившихся на гнилую еду в корзинах. Люди размахивают маленькими фиолетово-золотыми флагами Пуэрто-Леонеса — будто Дез не родился на этой самой земле, как и все они...

Мне нужно пересечь ещё шесть крыш, чтобы оказаться достаточно близко к эшафоту. Я вынимаю нож из рукава и бросаю его в ближайшего стражника, попадая прямо тому в плечо. Он падает на колени.

Внезапно раздаётся крик, и настроение толпы сменяется. Но я не могу позволить себе остановиться и посмотреть, что происходит. Звук горнов призывает к тишине, но толпа, напротив, шумит всё сильнее.

Я прыгаю на следующую крышу, и боль от неудачного приземления ударяет в позвоночник. А затем я слышу, как раздаётся чей-то вопль:

— Пожар!

Запнувшись от неожиданности, я оглядываюсь назад.

С той самой крыши, где остался мой отряд, поднимается облако дыма, чёрные змеи закручиваются вокруг друг друга. Дым начинает окутывать соседние крыши. Выглядит это так, словно горит весь город.

Улыбаюсь. Дым просто закручивается на месте, а тёмная туча тянется к крыше, на которой стою сейчас я, но не чувствуется никакого жара, ни запаха пепла, ни треска пламени.

Это иллюзия. Всё внутри словно перевернулось. Магия иллюзионари. Это сделала Марго.

Беспорядки внизу усиливаются.

— Пожар! Город горит!

Я продолжаю прыгать с крыши на крышу, злость подстёгивает меня изнутри. Сколько раз Правосудие поджигало деревни по всему королевству? Сколько людей они сожгли, чтобы посеять страх в сердцах других? Эти люди ничего не знают об огне. Не знают, как на самом деле он ощущается.

Соборные колокола бьют в тревоге. Я хватаю узкие кирпичи, железные трубки и всё, что попадает под руку, и швыряю в толпу, усиливая творящийся хаос.

А потом разбегаюсь и прыгаю на следующую крышу, стараясь, чтобы меня не заметили.

«Я доверяю тебе», — звенит в ушах его голос.

«Не стоило», — мысленно отвечаю я, оказавшись на шестом доме, и смотрю на помост. Принц Кастиан кричит что-то толпе, указывая пальцем на стоящих рядом стражников.

А рядом Дез, ухмыляется... Он знает, что дым не настоящий.

Моё сердце подскакивает на секунду, а потом я понимаю, что даже если спущусь на площадь, мне придётся пробивать себе дорогу через людей.

Открываю дверцу, позволяющую проникнуть в дом, спускаюсь по лестнице на два этажа вниз. Из спальни доносятся женские крики. Ещё несколько женщин, в одном белье и на каблуках, стоят в коридоре с длинными сигарами между пухлых алых губ.

Я пинком открываю дверь, и дневной свет ослепляет после полумрака борделя. Бегу через площадь, поднимая руки, чтобы защитить лицо, петляя среди людей, несущихся прочь от эшафота. Десятки леонесских флагов валяются под ногами вместе с испорченной едой, которую собирались бросать в безжизненное тело Деза. Я поскользываюсь на коже, пока пытаюсь пробиться через море ног и локтей.

Я хорошо вижу его сейчас.

Железные цепи удерживают Деза, но он всё равно пытается подняться, натягивая оковы. Он всегда был бойцом, и никогда не прекратит свою борьбу. Стражник пинает его в спину, заставляя вновь встать на колени у деревянной плахи.

«Не отводи взгляд», — приказываю сама себе.

Крупный мужик врезается в меня, едва не сбивая с ног. Я удерживаюсь, схватившись за волосы какой-то женщины. Она вопит и царапается, я чувствую кровь на щеке от её ногтей и всем весом наваливаюсь на неё, толкая на землю.

Какое-то фиолетовое пятно хватает мой рукав — стражник своими грязными руками тянет меня вниз. Но тут я замечаю, что с ним что-то не так: его рот широко раскрыт, пока он падает на колени, а

потом лицом вперёд. Тонкий нож торчит из его спины, на рукоятке сверкает вырезанная роза. Нож Саиды. *Я не одна.*

Ещё один звон колокола, и я разворачиваюсь.

Дез видит меня. Знаю, что видит. Он зажмуривается, затем вновь открывает свои глаза и смотрит так, будто перед ним мираж. Я хочу, чтобы он знал, что я настоящая.

— Андрес!

Один его глаз распух, но другой останавливается на моём лице. Его пересохшие, кровоточащие губы шевелятся. Они шепчут: «Рен».

Уклоняясь и уворачиваясь, я перескакиваю через падающие тела. Принц Кастиан взмахивает своим мечом. Я хватаю клинок со своего бедра и зажимаю плоское лезвие между зубами, всем телом бросаюсь вперёд. Кончики пальцев хватают край помоста, я задираю левую ногу, чтобы забраться.

Дез закрывает глаза.

Чьи-то грубые руки хватают меня за шею. Мой кинжал падает, я бью локтем назад, боль пронзает рану на шее.

«Опоздала. Ты всегда опаздываешь».

Я ору во всё горло, мой голос срывается на хрип, пока принц Кастиан поднимает окровавленный меч в воздух, пока что-то катится по эшафоту, пока колокол звенит в последний раз...

Глава 10

Принц Кастиан крепче сжимает рукоятку своего меча. Пот градом течёт по его лицу, склонённому над телом, падающим к его ногам.

Телом Деза.

Я закрываю глаза, потому что не могу больше смотреть. Не могу двигаться. Не могу дышать. Земля подо мной шатается. Падая, яставляю руку вперёд и распахиваю глаза. Боль пронзает мою ладонь, когда острый гравий разрезает кожу. Это помогает сосредоточиться на Кастиане.

Медленно-медленно принц — Бешеный Лев — поднимает глаза и обращает внимание на огонь, распространяющийся по площади. Горожане вопят, толкают друг друга. Королевская стража собирается на площади и окружает эшафот. Несмотря на всю эту суматоху, затуманенный взгляд Кастиана останавливается на мне. Он же не мог заметить меня среди всех людей, мечущихся, как в разворошённом

муравейнике, ведь правда? Но тем не менее он делает шаг ко мне, ступая в лужу крови.

Мои плечи сжимают чьи-то руки. Нет, он смотрит не на меня. Видимо, обратил внимание на стражника, который сейчас пытается связать руки за моей спиной. На минуту я позволяю стражнику начать меня арестовывать.

Интересно, узнал ли меня принц. Он вздёргивает подбородок. В солнечном свете кажется, будто он светится изнутри. «Князь Дорадо казнит морийскую тварь». Его глаза сияют ярче, чем в прошлый раз, как два кристально чистых озера. В это мгновение он кажется безмятежным.

Мои веки пронзает боль, какое-то воспоминание пытается выбраться из Серости. *Прошу, не сейчас.* Ненависть сжигает меня от одного взгляда на него... Его золотой венец украшен огромными рубинами, тёмными, как брызги крови на его лице.

Хочу лишить его этой безмятежности. Хочу лишить его жизни. *Уничтожить.*

— Я убью тебя, — мой голос удивительно спокоен в эпицентре бури. Я достаточно близко к помосту, так что если мне удастся вырваться из рук стражника, то я смогу напасть на принца. Стражник сдавливая мои запястья своими грубыми руками.

Но не успеваю я что-либо предпринять, как по ту сторону площади происходит взрыв. Волна ужаса разносится эхом со всех сторон сразу, и я понимаю, что надо пользоваться моментом. Бью локтем стражника в живот, он кряхтит мне в ухо и пытается перехватить меня. Мои ладони скользят по его вспотевшей коже, я толкаю его всем своим весом и выскальзываю из хватки, как рыба. Вытянув руки, падаю на землю и со всей силы пинаю его.

Не знаю, куда именно, но я бью его ботинком, переворачиваюсь и поднимаюсь рядом с эшафотом. Запаханные кровью края помоста сейчас прямо перед моими глазами.

Принца Кастиана здесь уже нет.

— Нет, — моё дыхание перехватывает. — НЕТ!

Краем глаза я замечаю прядку чёрных волос.

Знаю, что нужно посмотреть. Я должна посмотреть. Он заслуживает того, чтобы я посмотрела.

Но я не могу.

В ушах пульсирует кровь, наряду с криками людей и звоном колоколов. Нечто резкое вскрывает мой разум. Голос призрака что-то шепчет, сердце колотится в груди, все цвета становятся ещё ярче, а потом растворяются в Серости.

Маленькие пухлые ладошки прижаты к окну. Город горит.

Я вырываюсь из Серости и перевожу взгляд на Деца.

Самый сильный человек, которого я когда-либо знала, разрублен на две части. Капли крови стекают с отрезанной шеи. В ней белая кость, кровяные сосуды, мягкие мышцы — всё, что делает нас смертными. Уязвимыми. Неважно, кто мы такие, нас всех можно сломать.

Я тянусь. Тянусь к прядям его мокрых чёрных вьющихся волос.

Что-то во мне раскалывается на две части, как будто меня разрубили пополам. Мои пальцы цепляются за единственную ниточку в воздухе, и руки падают. Я опираюсь ладонями на деревянный помост, потому что сама стоять больше не могу. Руки скользят, мой крик царапает горло, как острые когти.

Моих плеч касаются сильные руки, но это не стражник.

— Вот ты где, — выпаливает Саида, не дыша. — Нам нужно уходить. Сейчас же.

— Нет, — в моём голосе беспомощность, потерянности, пустота. — Я должна убить Кастиана. Я должна...

— Тсс, — торопливо перебивает Саида. — Так ты убьёшь не его, а всех нас.

Она рывком ставит меня на ноги, я сопротивляюсь, но она сильнее, чем кажется. Или я слишком устала бороться. Больше не могу. Горло жжёт, но сил кричать не осталось.

Мы перемещаемся быстро, скрываясь в переулках и сворачивая на узкие улицы. Она наполовину несёт меня, наполовину тащит к зданию, от которого пахнет рыбой и брёвнами для розжига.

Передо мной всё расплывается из-за Серости, словно тучи застилают глаза.

Маленькая девочка указывает на небо. Там звездопад. Кто-то берёт её на руки и целует в щёку.

Картинка уносится обратно в Серость и сменяется другой.

Детские пальчики берут с подноса шоколад, украшенный сахарными шариками.

— Рен! Возвращайся в реальность. Я не могу... Не могу тащить тебя всю дорогу, — чёрная подводка Саиды потекла от пота и слёз.

Я бью кулаком в ближайшую стену, и боль в костяшках помогает собраться с мыслями. Помогает выбраться из Серости.

Саида ведёт меня вниз по лестнице в маленькое помещение без окон и закрывает за собой дверь.

Вдоль стен рядами стоят ящики с картофелем, банки с оливками и маринованной рыбой. Саида отодвигает стеллаж, на котором я замечаю только несколько мешков с мукой. За ним оказывается дверь, потайная комната.

— Где мы? — спрашиваю её и замечаю, что дрожу.

Марго лежит на горе мешков риса, с тканью на глазах. Эстебан сидит на каменном полу, прислонившись головой к кирпичной стене, и поворачивается, заметив, что мы пришли.

— Рен? — подскакивает он ко мне. — Ты как, в порядке?

Ну, вроде бы он спросил именно это. Его губы шевелятся, а голос звучит как пропадающее эхо.

Кто-то щёлкает пальцами перед моими глазами.

Внезапно Саида хватается за плечи — осторожно, с заботой. Её пальцы пробегаются по изгибу моей пропотевшей спины. Её магия наполняет моё тело, как холодный бальзам при ожоге.

Дез сидит под деревом в Сан-Кристовале. Он срезает кожицу ярко-красного яблока карманным ножом. Есть что-то в его улыбке, обращённой ко мне...

***

Дез возвращается с одиночной миссии. Перед тем, как пойти отчитаться своему отцу, он находит меня в моей маленькой комнатке.

— Я кое-что тебе принёс, — он достаёт коробку конфет...

***

Дез находит меня в темноте и придвигает ближе к себе, и ещё ближе.

— Останься ещё немного, Рен.

— Хватит, — умоляю Саиду. Чувство, которое она ухватила, застрекает в моём горле. Я бы назвала его, но не могу. Своей силой она вытасила воспоминания, которые я не хочу видеть. — Пожалуйста, хватит.

Саида отсаживается, вытирая ладони о штаны.

— Прости, я хотела найти в тебе счастье.

Я поворачиваю голову к ней. Она вся расплывается, словно я смотрю на неё сквозь тонкую ткань погребального савана.

Медленно оседаю на раскладную койку на полу. Мне больно чувствовать металлический привкус во рту.

— Даже я не знала, что ты это найдёшь.

***

Проснувшись, я подскакиваю и тянусь за мечом.

— И что, по-твоему, ты делаешь? — спрашивает Марго, уперев руки в бёдра. Я не могу долго смотреть на её покрасневшие опухшие глаза, потому что они отражают мои собственные.

Все трое одеты в похожие вещи, где-то позаимствованные. Простые узкие штаны и белые блузы, как у слуг, приносящих еду. У моих ног лежит свёрток.

— Где мы?

— В пансионе моей бабули, — отвечает Эстебан.

— У тебя есть бабушка? — он говорил, что у него есть семья, но я думала, что он имел в виду кого-нибудь вроде троюродного брата. Многие из нас потеряли всех своих близких, и слово «бабуля» звучит как-то непривычно. Я никогда не видела своей. Пытаюсь представить, как кто-то заботится об Эстебанае, и во мне появляется желание, которого никогда раньше не было. — Я думала, ты из Кресценти.

— Моя семья уехала оттуда после Королевского Гнева, — поясняет Эстебан, откусывая заусенец, — Я присоединился к шепчущим, а бабуля перебралась сюда помогать старейшинам. Она одна из ольвидадос.

На его смуглой коже едва заметен синяк на щеке и два пятна на предплечье: кто-то схватил его и не хотел отпускать.

— Из *забытых*? — я вспоминаю истории об ольвидадос — тех, кто родился в семьях моря, но чьи способности так и не проявились. Много веков назад в королевстве Мемория жрецы и жрицы стали называть их «ольвидадос» — *забытые Госпожой Теней*.

— Семья бабули не отказалась от неё из-за того, что у неё не было магии, — объясняет Эстебан. — В цитадели Кресценти рождённый моря остаётся моря, если в сердце хранит верность Госпоже. Мы расстались после Королевского Гнева, но она нашла Иллана и

предложила стать его глазами и ушами в столице. Одной из, по крайней мере.

Марго важно кивает:

— Мы не раскрываем личности своих шпионов, кроме как...

Её голос дрожит и ей не обязательно договаривать: «...кроме как в особых случаях». Смерть Деза к таким относится.

— Нас здесь быть не должно, — говорю я.

— Она принесла нам чистую одежду и еду на ночь. Вот здесь есть вода, чтобы умыться, — заботливо показывает Саида, словно пытаюсь не испугать дикое животное.

Потолок скрипит под ногами постояльцев, а на улицах стоит тишина. Мне нужно выйти из этих покрытых мхом стен. *И найти его.*

— Ешь, — небрежно бросает Эстебан, избегая моего взгляда. — Бабуля принесла нам поесть, не вздумай отказываться.

— Я благодарна ей, — мой голос звучит так, будто песок застрял в зубах.

— По тебе не скажешь.

— Я только что видела, как обезглавили нашего лидера, — выпаливаю я. — Уж извини, что мне кусок в горло не лезет, Эстебан.

Марго пинает мешок риса за собой.

— Прекрати делать вид, что только ты переживала за Деза.

Саида встаёт в центр этой затхлой комнаты. Её мягкие чёрные локоны свободно лежат на плечах, из всех нас она самая спокойная. Каково это — постоянно держать эмоции под контролем? Может ли дар персуари заглушать её скорбь? А мою? Может она забрать мои эмоции, как я забираю воспоминания?

— Нам всем больно. И каждый справляется с болью по-своему. Но кричать друг на друга — не выход. Он бы этого не хотел.

Я смотрю на холодный пол под ногами, жду, когда сердце успокоится. Я единственная, кто может пойти дальше. Знаю, никто из них не поймёт, даже Саида, но Дез был для меня всем, а я его убила.

— Мы не можем здесь оставаться, — говорю, завязывая шнурки на ботинках. У меня всё болит от пальцев рук до пальцев ног. У меня всё болит так сильно, что если я не буду двигаться, то могу больше и не встать.

— В Анжелес пока нельзя — Чистильщики по всему городу, — слова Марго пропитаны злостью.

— Я не собираюсь назад. Мне нужно во дворец. Чтобы убить принца.

— Мы едва выбрались оттуда живыми, — Марго делает шаг ко мне, словно бросает вызов. — Они разыскивают нас. До сих пор. Они знают, что шепчущие пришли сюда за Дезом.

Я смеюсь, хоть это и жестоко.

— Мы пришли не за Дезом. Мы... Я всё испортила, и Дез умер.

Все трое обмениваются виноватыми взглядами.

— Понимаю, тебе больно, — мягко говорит Саида. — Но сейчас нельзя действовать необдуманно. Нужно подождать. Съездить сначала в Анжелес.

— Иллан сказал нам не возвращаться.

— Он простит нас, я уверена. Мы можем помочь с переправкой в эмперию Лузо, сейчас это будет проще — большая часть стражи созвана в столицу. Мы выдержим наказание Иллана.

— А смерть Деза оставим безнаказанной?! — вставая, я морщусь — ещё десяток ушибов дали о себе знать.

— Мы нужны шепчущим.

— Для чего? Всё кончено.

— Ты сама себя слышишь? — спрашивает Марго. — Думаешь, этого хотел Дез? Такую Ренату Конвида? Восстание не умрёт вместе с ним.

— Тогда тем более надо остаться, — чуть ли не ору. Я знаю, чего он хотел. Дез всегда ходил с душой нараспашку, — чтобы выполнить миссию.

— Это было решение Иллана, — Саида пытается успокоить меня. — Он отдал приказ.

Но её слова совсем, совсем не успокаивают. Дез умер не потому, что я была слишком медленной. Он умер, потому что я украла ключ к его свободе.

Я не могу вернуться к мориа. Мне не место среди них. В детстве я хотела угодить своим похитителям во дворце, в итоге из-за меня погибли сотни, тысячи людей, а ещё сотня стали пустышками. Но мне и не место во дворце. Нигде нет места для меня.

Глубоко в душе я знаю, что есть только один правильный путь. Я должна сделать всё, чтобы смерть Деза не была напрасной. Каким-то

образом мне нужно проникнуть во дворец и закончить то, что он начал.

— Мы даже похоронить его не можем, — мой голос дрогнул на этих словах, я делаю несколько глубоких вдохов, чтобы взять себя в руки. Закрывая глаза, я представляю, как тянусь рукой, чтобы провести по его чёрным волосам. Колеблюсь. Я даже не могу заставить себя прикоснуться к нему. Я просто трусиха.

Все трое молчат и просто смотрят на меня с жалостью в глазах. Кроме Марго — в её взгляде, как мне кажется, читается презрение.

— Мы вообще-то тоже по нему скорбим, — её пронзительные глаза похожи на сапфиры в этом освещении.

Стараясь не обращать на них внимания, я наливаю себе стакан воды из металлического кувшина в углу. В моём желудке пусто, но я не могу заставить себя откусить немного хлеба.

— У нас есть два дня, — Эстебан окидывает взглядом комнату. — Столько готова нам дать бабуля, а потом надо будет возвращаться в Анжелес.

Мы вроде как один отряд, но между нами нет единства. Мы всего лишь горстка осколков, которые пытаются склеиться в один сосуд просто потому, что больше никуда не подходят. Это не причина держаться вместе.

— Будьте осторожны в пути, — добавляю после паузы. — Никому не доверяйте, даже нашим союзникам. Нигде не останавливайтесь, никуда не сворачивайте, пока не доберётесь до Анжелеса.

Саида хмурится.

— Ты серьёзно не собираешься с нами?

Мотаю головой. Это моя ноша, и я должна нести её в одиночку. Если мы будем группой, судья Мендес заподозрит, что что-то не так. План складывается в моей голове, один шаг за другим, что должно случиться, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время. Судья Мендес — вот мой способ добраться до оружия и до Кастиана. Но Саида так просто не отстанет, надо дать ей причину.

— Вы же не думаете, что меня примут назад с распростёртыми объятьями? После всего, что я сделала? Вы сами это сказали, Марго, Эстебан... Меня с самого начала не должно было быть на этой миссии. Лучше бы я осталась перебирать мусор, где мне самое место.

Не знала, что Марго может выглядеть настолько угрюмо.

— Я не должна была так говорить. Извини.

— Всё кончено, — выпаливаю я. — Даже вы трое с трудом терпели меня в лучшие времена. А теперь, когда из-за меня...

— Это не твоя... — снова пытается возразить Саида.

— Не говори того, о чём не знаешь, — перебиваю я, не обращая внимания на выражение, промелькнувшее на её лице. Мои слова её явно задели. Я пристально смотрю ей в глаза, чтобы она не отводила взгляд. — Без Деза, мне не за чем с вами оставаться.

— Ты так не считаешь на самом деле, — не унимается Саида.

Марго скрещивает руки на груди, длинные пшеничные кудри спадают ей на спину.

— Нет, она именно так и считает.

— Ну да, — соглашается Эстебан, — со своим показным нытьём ты будешь обузой для нас всех.

Я сжимаю рукоять меча и уже делаю шаг к нему, как вдруг кто-то стучит в дверь.

Мы все подскакиваем на месте, становясь в боевые стойки. Высокая широкоплечая женщина приоткрывает дверь и просовывает голову. Её волосы спрятаны под платком, на чёрной коже следы муки.

— Ба? — Эстебан шагает к ней, на лице появляется облегчение.

— Мимо дома постоянно ходит дозор, — быстро сообщает бабушка Эстебана, заламывая руки. — Они арестовывают всех подряд, каждого, кто на волосок покажется из дома.

— Вы должны уйти, — говорю остальным. — Сейчас, пока ещё не поздно. Вам нельзя попадаться.

Саида сжимает мои плечи.

— Пожалуйста, Рен, не делай этого.

Я чувствую холод чужого проникновения в мой разум, словно кто-то подсматривает.

— Вон из моей головы, Эстебан!

— Прости, оно само, — бормочет он. — Вы все слишком громко думаете.

— Что ты задумала, Рен?

— Задумала покончить жизнь самоубийством, — отвечает Эстебан. — Ты не можешь всерьёз планировать вернуться во дворец в одиночку. Они будут готовы к контраступлению.

— Если я не попаду во дворец, они применят своё тайное оружие.

— Ты этого не знаешь, — перебивает Марго. — Нам надо подумать. И составить план.

— Да как хотите, — говорю я. — Стройте ваши собственные планы, но я-то знаю, как поступит Мендес. В конце концов, я одна из них.

Они все отводят глаза. Их смутило, что я сказала вслух то, о чём они все думали?

— Ладно. Представим, что ты сумела найти оружие, — раздражённо говорит Марго. — Как ты оттуда выберешься?

— Она и не собирается оттуда выбираться, — отвечает Саида.

Меня бесит, что в её голосе столько боли из-за меня, но это самый простой путь. Если я вернусь, Иллан прочтает в моих мыслях правду о том, что я натворила. Он увидит, как я уничтожила единственный шанс Деза на спасение. И они будут правы, обвинив во всём меня, осудив за преступление против всех нас. Если же я останусь, моя смерть послужит для всеобщего блага.

— Эстебан прав, я буду вам обузой. Есть только один способ для меня принести пользу шепчущим. Уходите, сейчас.

— Девочка права, — поддерживает бабушка Эстебана, нервно сминая свой фартук в узел. — Чистильщики с минуты на минуту будут здесь. Мой мальчик...

Она целует Эстебана в щёку — в этом жесте столько нежности, что я отвожу взгляд. Была ли так нежна ко мне моя мать? Конечно, была, но...

— Рен, — зовёт Саида.

— Сейчас лучшая возможность уйти. Не упустите шанс.

Наступает тишина, только где-то в углу течёт тонкая струйка воды. В конце концов, Саида кивает. Ничего не говоря, они подбираются к двери, их оружие тихонько звякает, когда они выходят. Я поднимаю глаза к низким балкам под потолком, пытаюсь сдержать слёзы.

С глухим звуком дверь закрывается за ними, и опять становится тихо. В полной тишине у меня в груди всё сжимается. Кто бы мог подумать, что я так мне так сильно будет их не хватать, но никогда не признаюсь в этом вслух.

— Они ушли, — возвратившись, сообщает бабушка Эстебана, голосом, похожим на всплеск холодной воды. Саида и Марго называли

её Лидией.

— Мы должны действовать быстро, — говорю я, выходя из секретной комнаты в складское помещение. На стене висит моток верёвки, и я его хватаю. — Вы должны меня связать. Скажите стражникам, что поймали на воровстве.

Лидия изучает меня своими карими глазами. На её лице много морщин, как у человека, который некогда часто смеялся. Теперь она не улыбается, лицо как каменная маска, взгляд опускается на верёвку в моих руках.

— Внучок рассказал мне про Деза, — тихо произносит она. — У тебя ещё есть выбор. Я знаю, каково это потерять любимого человека, но нельзя терять вместе с ним себя.

Я бы хотела сказать ей, что не потеряла его, что она совсем ничего не знает обо мне, но даже в таком настроении не хочу с ней спорить. Она приютила нас и накормила, проявила доброту, хотя не была обязана. Я смотрю на неё и думаю о своих бабушках и дедушках, которых никогда не видела. Они бы рискнули ради меня всем, зная о моём даре? Живы ли они ещё?

Лидия, похоже, не знает всей ситуации, так что я молча протягиваю к ней свои руки без перчаток. Теперь, когда иллюзия Марго сошла на нет, мои шрамы снова видны.

— Я потеряла себя задолго до того, как встретила Андреса.

— Робари, — в её голосе нет ни страха, ни гнева, только жалость. Она произносит «робари» так, словно это просто слово, а я просто девушка, и там, за пределами этого склада, ничего нет. — Моя мать частенько говорила, что одни одарены слишком сильно, в то время как другие — недостаточно.

Наша магия сейчас вообще не кажется *даром*, но я не говорю ей этого.

— Зачем вам всё это? Вы могли бы жить обычной жизнью.

— Я буду жить обычной жизнью, когда мой внук снова сможет быть рядом со мной. Может, я даже доживу до правнуков, — она проводит ладонью по моей щеке. — Возьми немного моей надежды, дитя.

Часть меня хочет отпрянуть от её прикосновения. Зная, что ждёт впереди, я не могу позволить себе размякнуть. Её глаза изучают моё лицо, возможно, в поисках слабости. Что-то, что заставит меня

остаться. Но ничего такого нет. Вырвано с корнем. Она не может ничего сказать или сделать, чтобы я изменила своё решение, и она это понимает.

Лидия берёт верёвку, а я сажусь в углу её склада, позволяя связать свои руки и лодыжки.

— Да благословит тебя Мать всего сущего, — говорит она, перед тем как вернуться на кухню, — поскольку ты не ведаешь, что встретишь на пути.

Я жду, прислушиваясь к каждому звуку, что доносятся через щель под дверью... Там ходят постояльцы пансиона и работники, занятые обеденными приготовлениями, которые, к счастью для них самих, даже не подозревают о том, что происходит здесь. Весь мир так далёк от меня, что я не могу даже представить себя его частью.

Затем кто-то стучит кулаком в дверь, голоса замолкают, Лидия плачет, быстрые шаги приближаются сюда.

Дверь распахивается.

— Она здесь, — сообщает Лидия дрожащим голосом. — Я услышала шум внизу. Поймала, когда она пыталась украсть еду. Она одна из них. Только взгляните на её руки.

Стражники осматривают меня с опаской, прежде чем вновь повернуться к Лидии.

— Вы оказали бесценную услугу всему королевству.

— Уверен, что она одна из них? — шепчет один стражник другому.

— Неважно, — он достаёт из нагрудного кармана бархатный мешочек, из которого забирает две большие монеты, а остальные швыряет на пол. — Бросьте её к остальным. Мы своё дело сделали.

Я бы хотела, чтобы Лидия не смотрела на меня, но чувствую её взгляд на себе, пока стражники заводят мне руки за спину и надевают кандалы, а потом выводят из дома. Пока меня волокут по узкой улочке, их доспехи звякают на ходу, как связка ключей.

Я не сопротивляюсь, когда они подводят меня к повозке для заключённых, стоящей в конце улицы. Меня шатает, словно уносит течением, и отчасти кажется, что я наблюдаю за собой со стороны. Когда мы останавливаемся и стражник открывает дверцу повозки, где уже находится чересчур много людей, в нос ударяет мерзкий смрад из всех жидкостей организма. Я не могу зажать нос рукой и потому

поворачиваю голову к плечу, но это не помогает. Воняет слишком сильно.

В повозке две скамьи по обе стороны. Комфортно могут разместиться человек восемь. Но стражники каким-то образом запихнули сюда человек пятнадцать узников. Нога скользит по грязному полу, когда стражник заталкивает меня внутрь и закрывает дверцу. Всё погружается во тьму.

— Я не один из них! — доносится крик молодого парня из глубины повозки, затем слышится глухой стук — похоже, он стучит кулаками по стенам. — Мой отец торговец! Дайте мне отправить гонца к герцогу Сол-Абене. Он сразу всё уладит!

— Из какого ты отряда? — чей-то голос спрашивает меня. — Это правда, что шепчущие здесь, чтобы снова поднять восстание против Правосудия?

— Нет никакого восстания, — отвечает злой, резкий голос.

— Я слышал, что они нас вылечат, — спрашивает слабый голос, как будто здесь не человек, а привидение. — Наконец-то, у них есть лекарство.

Лекарство? Сердце ухает вниз. Оружие. О нём знает больше людей, чем мы думали. Я хочу спросить, где он это услышал, но из-за этого зловония не решаюсь открыть рот.

Пока лошади тянут повозку по неровной дороге, я чувствую каждый булыжник под колёсами и начинаю дрожать. Может быть, я поступила слишком поспешно. Страх растёкся по моим венам. Я в ужасе от того, что мне предстоит вернуться туда, где всё началось. Дворец Андалусии, с собором позади, обителью Королевского Правосудия. Дом принца Кастиана и столица королевства.

Мы подъезжаем к пункту назначения, и я вновь слышу знакомый скрип открывающихся железных ворот. Я так глубоко погружаюсь в свой страх, что он становится частью меня, но не парализует, а распалает огонь внутри.

К тому же, я больше не та семилетка, которую они похитили в лесу. Восемь лет я училась у сильнейших моря в мире. Училась у Деза. Восемь лет я искала, за что стоит бороться.

«Я знаю тебя. Я доверяю тебе».

То была его последняя ошибка.

Теперь я готова.

И я буду готова завтра. И послезавтра. И на следующий день. У меня будет план, и на этот раз я не подведу.

Я думаю о судьбе Мендесе. Он не удержится и придёт, как только услышит от стражников о робари... Уже чувствую, как сжимаю его череп в своих руках. Но сначала надо найти оружие.

Смерть Деца будет отмщена. В конце концов, я дала обещание Кастиану и намереваюсь его сдержать.

Глава 11

Все узники затихают в темноте повозки, которую шатает от тяжести нашего веса, как судно в шторм. Я смотрю вниз и пытаюсь различить звуки столицы глубокой ночью. Цокот копыт по булыжникам, пьяные тосты в таверне, смех стражников рядом с нами, крик о помощи где-то вдалеке, на который никто не отзовется.

Женщина в возрасте, рыдавшая до этого, похоже, выплакала все слёзы и просто трясётся рядом со мной. В битком набитой повозке я чувствую, как дрожат её плечи, задевая меня. Состояние её кожи говорит о её знатности. Что же она такого сделала, что её схватили чистильщики?

Пытаясь создать больше пространства вокруг себя, я хватаю цепь, сцепленную с моими кандалами, и дёргаю её, стараясь не думать о какой-то липкой гадости, покрывающей цепь. Мой локоть ударяется обо что-то мягкое.

— Смотри, куда дёргаешь, — рычит глубокий мужской голос в шаге от меня. Луч света от газовых ламп с дворцового дворика освещает его угловатое лицо, всё в синяках и кровоподтёках. Его дыхание воняет прокисшим ликёром.

Я вытягиваю руки вдоль тела и стараюсь не дышать носом. Запахи пота и мочи смешиваются с летним влажным воздухом, к которому постепенно добавляется вонь гниющей еды, когда мы проезжаем мимо кухонь. И за всем этим зловонием есть ещё что-то сладкое. Что-то не вписывающееся в это место. Мы уже должны быть рядом с узкой улицей, соединяющей собор и дворец.

Мои лёгкие требуют чистый воздух, а сердце жаждет света. Я пытаюсь представить, будто бы я вновь оказалась в Анжелесе, в своей маленькой сквозной комнатке в монастыре Сан-Кристобаля со скрипучими деревянными половицами, узким, но высоким окном,

через которое проникает солнечный свет и будит меня. Я никогда больше не увижу эту комнатку, не пройду по широким коридорам и не засяду в библиотеке в ворохе пергамента со всем тем, что старейшины сказали нам прочитать. «Учите нашу историю, пока Кровавый Король её не переписал», — внушали они. Я никогда не спущусь с башни, чтобы встретиться с Дезом у водопада, и не разобью коленки при падении в тренировочном бою. Больше никогда...

Я приняла решение, но дрожь проходит по всему телу, потому что я никогда не думала, что мне придётся вновь вернуться во дворец. Рисую в голове маленькую себя, которая за ручку ходила здесь с судьёй Мендесом. Тряпичная кукла в дофиникийском кружеве и атласных перчатках.

Повозка останавливается. В цилиндрическом замке поворачивается ключ, и в мерцающем свете мы видим двух стражников. Первый ухмыляется своими редкими зубами и потягивается — кривляние в каждом движении, словно он дразнит нас тем, что может свободно двигаться. Готова спорить, он обожает причинять боль другим. Я уже видела этот взгляд раньше. Он был в глазах Кастиана, когда они сражались с Дезом в Риомаре или когда он врезал кулаком с кастетом своему собственному стражнику.

Меня выдёргивают из повозки вместе с остальными узниками, и тогда я узнаю этот запах: ладан. Едва ли он может перебить всю вонь столицы и подземелий. На мгновение я перестаю что-либо видеть, только чувствую ровное биение своего сердца и прислушиваюсь к окружающим звукам.

Я обещала себе, что никогда сюда не вернусь. Если бы мой старый наставник видел меня сейчас... Что бы он сказал? Мендесу не знакомо сострадание, но он никогда не был жесток ко мне. Прикажет ли он убить меня на месте или сковать мне руки, чтобы снова использовать мой дар? Если бы я сумела пробраться во дворец, он бы ни за что не поверил, что я сама захотела вернуться. Нет, этот обман должен начаться иначе.

Мои ладони зудят от предвкушения, что скоро предстоит использовать дар. Лицо Кастиана заполняет большую часть моих мыслей наяву, затуманивает всё. Хуже всех остальных воспоминаний и Серости. Обещание опустошить разум принца, оставив одну бессознательную оболочку, волнует и ужасает меня. Я стану монстром,

которого боялась. Королевство будет оплакивать своего принца, а мне придётся жить с воспоминаниями убийцы Деза. Ну, по крайней мере, жить с ними я буду недолго.

Стены блоков моего разума темнеют. Глаза застилает тень. Я не вижу иного выхода.

«Ты не просто девушка. Ты возмездие в ночи».

Вот чем я должна стать ради Деза.

Врата темницы расположены в низине, связывающей дворец и собор — две основные властные структуры королевства. Чистильщики передают нас двум стражникам, поставленным у входа, хотя я знаю, что внутри их ещё больше. Раздаётся металлический скрежет, когда один из них поворачивает ключ, и врата поднимаются, как пасть гигантского морского монстра, целиком заглатывающего свою жертву.

Пора.

Я смотрю на стражников. Второй глядит в сторону, где из повозки выводят следующую группу заключённых. Интуиция подсказывает мне, что он тот, кто мне нужен. Делая шаг к нему, я отмечаю его молодость, тёмную кожу и комплекцию потомка тресориан, прямо как у Эстебана. Черты его лица мягкие, тонкие. Возможно, он не смог откупиться от призыва, как богатые торговцы и лорды из его провинции, и поэтому теперь он здесь, ведёт нас к нашим камерам. Или, может быть, я просто придумываю эту невинность в его больших карих глазах, потому что хочу этого, а на самом деле её там и в помине нет.

Он берёт цепь, тянущуюся к моим кандалам, и дёргает вперёд, к открытым вратам, ведущим в тёмный тоннель, но я хватаю его за руки. Его взгляд резко перемещается к завиткам, которыми покрыты мои ладони, и он весь напрягается, глаза широко распахиваются, как будто я уже начала забирать его воспоминания.

— Пусти! Отпусти меня! — вскрикивает он. Напуганный мальчишка, весь сжавшийся от малейшего моего прикосновения.

— Я должна увидеть судью Мендеса, — говорю ему, проводя большими пальцами по его запястьям. Близость ко мне вот-вот доведёт его до истерики, потому что он хорошо представляет, что я могу с ним сделать, если захочу. Я всегда ненавидела эту реакцию, но сейчас рассчитываю на неё. — Мне здесь не место.

За моей спиной усиливается волнение. Я оборачиваюсь, когда старший стражник со спутанными сальными тёмно-русыми волосами и длинным шрамом, пересекающим его рот, расталкивает в сторону остальных заключённых, чтобы добраться до нас. Он хватает меня за волосы и дёргает. Его оливковая кожа покрыта десятками мелких шрамов. Я удивлена, что они призвали на военную службу человека, пережившего чуму.

— В чём дело, Габо? Что за задержка?

Габо вырывает свои ладони из моей хватки.

— Она говорит, что хочет видеть судью, сержант.

Сержант поднимает широкую бровь, изучая меня.

— Так не терпится оказаться на суде?

Вздёрнув подбородок, я собираюсь со всеми силами, что у меня есть, чтобы мой голос звучал уверенно:

— Передайте судье Мендесу, что Рената Конвида вернулась в лоно церкви.

Стражники молчат, обдумывая мои слова. Габо выглядит по-настоящему испуганным. Никто — даже коренной леонесец без капли магии в крови — не будет по доброй воле искать встречи с судьёй Мендесом. Отмечаю про себя, что его имя всё ещё внушает страх — возможно, даже сильнее, чем раньше.

— Может, стоит связаться с судьёй? — шепчет Габо сержанту. — Вы только посмотрите на её руки. Эти шрамы. Мендес сказал отправлять ему всех робари при первом подозре...

— Я знаю, что он сказал, — перебивает офицер, — но я подчиняюсь приказам принца, не Мендеса. Она идёт внутрь вместе с остальными.

Что-то в его словах цепляет моё внимание. Означает ли это, что он сообщит не судье, а принцу? Может ли всё оказаться так просто? Я встречу Кастиана в темнице. Что, если... Мои мысли сменяются слишком быстро, я пытаюсь составить новый план, на случай, если сразу столкнусь лицом к лицу с Кастианом. Смогу ли я остановить себя и не забрать все его воспоминания? Эта мысль вызывает у меня усмешку.

— Чего смешного? — спрашивает офицер.

У Правосудия есть множество путей узнать о каждом слове, произнесённом о нём. Его глаза и уши повсюду в этом королевстве. Я

знаю, что случается, когда его приказами пренебрегают. Габо дрожит, отводя взгляд. Нет. Мендес всё-таки мой лучший вариант.

— Я просто представила, как вас накажет судья Мендес, когда узнает.

***

Факелов здесь мало, и они расположены далеко друг от друга, освещая грязные каменные стены подземелий. Вода стекает из трещин и щелей, создавая лужицы. Я теряю счёт пройденным шагам. Туннель сужается по мере продвижения, стены становятся всё ближе. Если бы я могла вытянуть руки, мне пришлось бы согнуть локти. Если бы я побежала по этому коридору вперёд, то наткнулась бы на столь узкое место, что только ребёнок смог бы пройти. Судья, который создал этот лабиринт десять лет назад, часто выпускал узников. Хотел поиграть. Посмотреть, как далеко они смогут убежать, прежде чем заблудятся во мраке бесконечных развилок и поймут, что проще было оставаться в заточении. Нет способа лучше сломить чей-либо дух, чем дать ложную надежду на свободу.

Чем глубже мы погружаемся в недра подземелий, тем больше я понимаю, что если мне суждено однажды потеряться в чужих воспоминаниях, то мой разум будет таким же серым и пустым, как это место.

Кого-то дальше в ряду за мной тошнит, и потом несколько выкриков стражников разделяют нас по камерам. Они немногим больше клеток и никогда не предназначались для долгосрочного содержания заключённых, но сейчас их используют именно так. Унизительные вёдра для человеческих отходов в каждом углу и набитые сеном койки, рвущиеся по швам. Стражники заполняют камеру за камерой, но оставляют меня в стороне. Мой желудок связывается в узел от ожидания, я всё ещё надеюсь, что потом меня отведут к Мендесу.

Но затем мы подходим к тяжёлой деревянной двери с железными шипами и единственным окошком, через которое передают еду. Одиночная камера.

Я сажусь на пол, холод и влага просачиваются через мою рубашку. Подняв глаза к потолку, замечаю тёмное пятно, которое, кажется, становится всё больше. Но здесь везде темно, кроме

прямоугольного окошка на двери. Дверные петли скрипят, и замок возвращается на место.

Я гадаю, сколько времени человек может провести здесь, прежде чем о нём забудут, а потом найдут мёртвым. Капелька воды падает на мой лоб. Ну, я надеюсь, что это вода. Вдалеке слышится эхо шагов. Интересно, может ли Габо пойти против своего офицера? Мысль вызывает горькую усмешку. Какая наивность.

Я прижимаю колени к груди. Хорошо хоть мне оставили одежду. Зловоние вызывает воспоминание из моего детства: когда я жила во дворце, под опекой судьи Мендеса, мои комнаты были украшены голубым шифоном и белым кружевом, привезённым из королевства Дофиника, к востоку от Кастинианского моря, — вечного союзника Пуэрто-Леонеса. Два десятка кукол с натуральными волосами были выстроены в ряд на полках, и широкие двери вели на мой личный балкон. Фарфоровые чашки, стоявшие буквально повсюду в моих покоях, всегда были заполнены высушенными лепестками роз, чтобы замаскировать запах с улиц в дни публичных казней. Только в прошлом году король запретил законом казнь через сожжение. Я смутно помню маленький домик в лесу, в котором жила с родителями до всего этого. Остались лишь туманные воспоминания семилетней девочки, такие блёклые, что, может, даже никогда и не существовали.

Тогда я ещё не знала, что была первой из Руки Мориа — четырёх ручных мориа короля. Магия мориа, порабощённая короной, используется для исполнения приказов и как символ могущества и власти короля, а также как угроза тем землям известного мира, которые он не сумел завоевать.

Я дёргаю плечами, выходя из Серости. Я не могу вернуться в то время, но если проживу достаточно долго, чтобы воплотить свой план, то постепенно вернусь к тому же положению. А пока я позволяю себе вспомнить то хорошее, что было в моей жизни... Как Саида пела народные песни. Как Дез ухмылялся перед боем. Я достаю из кармана его подарок, перекатываю монету на пальцах — маленький трюк, которому меня научил Дез, когда мы были детьми. У него всегда хорошо получались фокусы, требующие ловкости рук.

Станный шум раздаётся в моей одиночной камере, и я роняю монетку.

Подскакиваю на ноги. Здесь нет ничего, кроме моего сбившегося дыхания. Я ощупываю холодный каменный пол, нахожу монету и убираю её в карман.

Звук повторяется. И на этот раз я распознаю дыхание, которое кто-то пытается удержать. Мои глаза, привыкая к темноте, замечают тень в углу, которая решается выйти к слабому свету в центре камеры.

Я не одна.

Глава 12

— Кто здесь? — спрашивает мужчина, ощупывая пальцами пространство перед собой.

Влага капает с потолка — такой звук, словно бы рука шлёпает по водной глади. Воздух со свистом просачивается через тонкую щель в двери.

Я сижу так, что до меня не дотянуться.

Дыхание мужчины неровное. Что легко объяснить: воздуха здесь немногим больше света. В этой затхлой камере пахнет гнилью и всеми выделениями организма. Что сложнее объяснить, так это то, как выступают кости под его кожей. Хотя слабый свет факела показывает металлический проём в двери, достаточно широкий, чтобы подавать еду, мне становится очевидно, что этого давно никто не делал. Как они могли оставить его здесь? Это кажется даже более бесчеловечным, чем публичные пытки и казни, которыми славится Правосудие.

Правление Фахардо должно подойти к концу.

— Я не причиню вам вреда, — обещаю я. Гнев угас в моём голосе, сменившись усталым хрипом.

Его взгляд направлен в мою сторону, но на левом глазу виднеется толстая плёнка, как у яйца под скорлупой. Скрюченными пальцами он тянется ко мне.

— Можно мне?.. Так проще.

Не знаю, почему меня это так удивило, но я, правда, не ожидала. Он вентари. Они часто теряют зрение с возрастом. Все наши способности постепенно сказываются на теле, каждый дар по-своему. Магия пересиливает ту часть, что делает нас смертными. У иллюзионари остаются и никогда не сходят кровоподтёки, у персуари часто случаются приступы и различные проблемы с сердцем, у робари... У меня есть Серость и шрамы на ладонях, но не знаю, как у

других. Может, в старости мы теряем свои воспоминания и становимся в итоге такими же пустышками, как наши жертвы. Вряд ли я когда-нибудь это узнаю.

Я подползаю ближе и позволяю ему коснуться моих висков. Его магия жжёт мою кожу, я чувствую давление, которое прокладывает путь к моему разуму, как будто кто-то залез под кожу. И почти сразу же вентари отпускает меня.

— Ты шепчущая, — произносит он, его пальцы дрожат. — Мы все здесь кончаем. Все из нас.

— Я не шепчущая. Больше нет.

Он трёт ладони друг о друга, пытаюсь согреться. Его одежда грязная, порванная и тонкая, как старый пергамент. Его бледные тонкие руки покрыты веснушками. Я гадаю, кем он был, перед тем как попасть в тюрьму.

Снимаю свою куртку и накрываю его плечи. Странное онемение охватило мой разум.

— Рената, — бормочет он, поворачивая лицо на звук моего голоса. — Я слышал о тебе. Ещё до того, как прочитал твои мысли.

Холодок пробегает по коже. Меня не было во дворце уже восемь лет. Он ведь не мог быть здесь всё это время, правда?

— Кто вы? Как вы узнали обо мне?

— Я работал во дворце ещё до чумы, — приступ кашля скручивает его. Он кладёт ладонь на свою грудь, и я вижу, с каким трудом она поднимается и опускается.

— Я не знала, что мориа работали на короля, — признаюсь ему. Это место может свести с ума.

Он улыбается, на его зубах чёрно-зелёные пятна.

— Мы когда-то входили в его совет. Ещё до создания Руки Правосудия. Тогда Пуэрто-Леонес воевал с эмперио Лузо. Народ не поддерживал участие в этой войне, но даже приближённые к королю не могли повлиять.

У меня всплывает нечёткое воспоминание, как один из старейшин говорил, что Лузо всегда было одним из главнейших союзников мориа. Вот только где они были, когда пал Риомар? Я пытаюсь воскресить в памяти уроки леонесской истории.

— Но войну остановила только вспышка чумы.

— Ну, хотя бы этому тебя научили, — каждый вдох даётся ему с болью.

— Вы не ушли из дворца?

Он качает головой.

— Не мог. Король Фернандо держал меня при себе как посла Мемории. Я посылал шепчущим сообщения, пока меня не поймали и не заточили два года назад, — он тяжело кашляет.

— Это вас зовут Сорока? — спрашиваю я, вспомнив про человека, который предупредил Иллана о существовании оружия.

— Нет, — хрипло отвечает он. — Осведомителя Иллана не знаю даже я.

— Что они сделали с вами?

— Некоторое время я был в тюрьме Соледада, — его костлявые пальцы проводят по плечу. — Когда я не раскрыл Фернандо безопасный проход через горы, он бросил меня сюда. Стражник срезал мой знак Матери всего сущего вместе с кожей и ковырялся в ране своими грязными пальцами.

Я думаю о полумесяце и дуге из десятиконечных звёзд, образующих знак Матери всего сущего. Старейшинам наносят его на кожу, когда они достигают наивысшего ранга среди мориа. Я помню, как лицо Иллана озарилось надеждой, перед тем как он рассказал мне план с Дезом. Знает ли он, что этот мужчина всё ещё здесь?

Сжав его ладонь, я спрашиваю:

— Как вас зовёт Госпожа?

Улыбка сходит с его морщинистого лица. Он моргает, и из его глаз текут слёзы.

— Госпожа давно забыла обо мне. Но когда-то... Меня звали Лозар.

Он отворачивается и кашляет кровью.

Я так зла. Я злюсь на Иллана и шепчущих за то, что никогда не рассказывали нам об этом человеке. Злюсь на Деза за то, что строил планы за моей спиной, а сам просил доверять ему. Злюсь на небеса, землю и солнце. Злюсь на то, что это чувство есть и переполняет меня, выходя из-под контроля.

— Всё в порядке, Рената, — голос Лозара прерывает мои мысли, охваченные яростью. Я узнаю это ощущение в своей голове. Он читает мои мысли... Даже в его нынешнем состоянии его дар силен. Это

магия помогает ему оставаться в живых, несмотря на всю жестокость, которую он испытал?

— Оно того стоило? — не знаю, что побуждает меня задать этот вопрос. — Вас бросили здесь и забыли. Шепчущие, Иллан...

— Я знал, на что иду, становясь шпионом и покидая двор, — спокойно отвечает Лозар. — И я бы отдал следующую жизнь ради этой цели с той же готовностью. Как я и сказал тому мальчику, время скоро придёт. Смотри.

Он оттягивает вниз порванный ворот своей рубахи и показывает ужасную рану. Никогда не видела такой прежде. Даже для Правосудия это слишком.

— Вы в одиночной камере. Какой ещё мальчик?

— Они не видят меня, когда открывают двери. Они забыли, что я здесь уже месяц. Одиночной камеру считают они, — в моей голове начинается глухой гул, заполняющий собой всё пространство. — Мальчик, за которого ты пришла отомстить. Он был здесь. А потом его забрали. Андрес.

Я отхожу от Лозара и вцепляюсь в свой живот. Упираюсь ладонями в пол, холодная волна ужаса проходит через меня. Дез был здесь. *Ну разумеется.* Они затолкали его в одну из самых защищённых камер. *Разумеется,* меня привели сюда же, но слишком поздно.

Я поднимаюсь и бегу к двери. Если я просуну руку в прямоугольный проём, то смогу дотянуться до замка. Стали бы они тратить время на то, чтобы поменять код при всех этих беспорядках?

— Я могу вывести вас отсюда.

Лозар хрипло усмехается. Как он ещё может смеяться?

— Я не смог найти выход из туннелей, не говоря уж о том, чтобы добраться до убежища.

Моё дыхание становится тяжёлым. Я не дам ему умереть. Он пережил слишком много и слишком долго страдал, чтобы так это оставить. Но если я уйду, то потеряю эту возможность восстановить своё положение при судье Мендесе. Я не смогу отомстить. Мои глаза горят, и я моргаю, чтобы остановить горячие слёзы, которые грозят вот-вот пролиться.

— Я могу вывести вас отсюда и привести к шепчущим.

— Я умираю, Рената, — Лозар долго кашляет. — Он тоже хотел мне помочь.

Я бы сделала что угодно, чтобы вновь услышать голос Деза.

Ничего не говоря, Лозар сжимает мою левую руку, на которой нет порезов и крови, и прижимает к своему виску. Сияние с моих израненных подушечек пальцев освещает его бледное, иссушенное лицо. Когда кто-то отдаёт воспоминание добровольно, магия гудит по моим венам, картинки легко найти, всё равно что сорвать спелый фрукт с низкой ветки.

Всё чёрное, как одна сплошная ночь.

Щелчок замка разрывает тишину унылой камеры. Ноги шаркают по коридору. Они ведут ещё одного узника. Лозар отползает к дальней стене и пытается с ней слиться. Он прожил всю свою сознательную жизнь невидимым для остальных.

Дверь открывается, скрежет металла тонет в воплях и ударах кулаков. Тела врезаются в каменные стены. Со своего угла у него хороший обзор на дверь, хотя его зрение и затуманено, словно он смотрит через рельефное стекло. Два человека: один узник в оковах, другой — стражник, скрытый в тени.

— Не имеешь права! — орёт заключённый. Его голос охрип, словно он кричал весь день.

Узник хватается солдата за ворот. Лозар гадает, знает ли кто, что он ещё здесь.

Он вздрагивает, когда заключённого пинают в живот и толкают на пол.

— У меня есть все права, — выплёвывает его захватчик в ответ. Слабое мерцание факела освещает маленькую деревянную коробочку в его руках. — Я должен сделать то, что никто другой не станет.

Лозар не отрывает взгляда от икатулки, украшенной золотой гравировкой по всей поверхности. Он знает, что там внутри. Знает ценность этого.

— Лжец, — заключённый встаёт на колени и скалится. — Ты чудовище. Убери это от меня.

— Ты увидишь свет довольно скоро, — произносит второй и захлопывает за собой дверь.

Молодой парень стремительно бросается вслед, налетая на дверь, бьёт кулаками по ней, словно представляя на её месте своего захватчика. Но он истощён и быстро устаёт, падая у ног Лозара. Его

тело вздрагивает от каждого вдоха. На его запястье медный браслет. Он что-то яростно бормочет.

— *Как зовёт тебя Госпожа?* — спрашивает Лозар.

Мальчик резко поворачивает голову на звук его голоса. Но его удивление проходит, когда Лозар приближается.

— *Андрес. Не беспокойтесь, мы выберемся отсюда.*

Я отдёргиваю пальцы от его висков, разрывая связь, выжигающую новые линии на моих ладонях. Это самое тяжёлое воспоминание, которое мне приходилось прерывать. Услышать голос Деза ещё раз... Меня всю трясёт. «*Мы выберемся отсюда*».

— Дез, — бормочу я, вновь погружаясь в ту скорбь, что чувствовала после казни.

— Дез? — на секунду теряется Лозар, пытаюсь вспомнить тот момент, когда Дез представился, но его уже нет в его голове. — Так зовут того мальчика?

— Звали, — тихо поправляю я.

«Ты увидишь свет довольно скоро», — сказал принц Дезу. Это был Кастиан, это он привёл Деза в камеру в воспоминании Лозара. Это он держал в руках деревянную шкатулку, при виде которой даже Дез вздрогнул, и это был его голос, приговоривший Деза к смерти. И хотя я не видела его лица, я точно знаю, что это был он, как знаю ненависть, высеченную на моём сердце. Я слышала его голос в Эсмеральдас. В воспоминании Деза о Риомаре. Кастиан был в доме Селесты. «Никто не должен знать, что я был здесь», — сказал он тогда. Я не понимала, почему его волновало, видел ли его кто. И тут я вспоминаю о том, что увидела в камне-альмане: Люсию с остекленевшими глазами и странно сверкающими венами, её безжизненную оболочку, всё ещё способную двигаться, хотя её лишили магии. Кастиан хотел сломать Деза. Он дразнил его, что использует оружие, перед тем как казнить. Когда он собирается применить эту мерзость в следующий раз?

Я лично преподнесла принцу на блюдечке всё, чего он хотел.

Бью кулаком в дверь.

Я чувствую боль, будто ногти вонзились в мою руку. Кровь течёт по моим пальцам. Я смотрю в окошко на двери, огонь факела трещит напротив камеры. Мне надо выбраться отсюда.

Несколько дней назад я хотела повысить свой ранг среди шепчущих. Хотела помочь мирным мориа попасть в безопасные земли,

пока мы ведём молчаливую войну здесь. Теперь я хочу убить принца Кастиана, я должна убить его. Больше всего на свете я хочу увидеть своё отражение в этих бездушных голубых глазах. Застать его врасплох. Сравняться с ним в жестокости.

— Ты не можешь этого сделать. Пока нет, — хрипит Лозар.

— Что? — это ощущение вернулось... Глухой гул в моей голове. Я была так поглощена своими мыслями, что не заметила, как Лозар читал их.

— Ты не можешь убить принца... пока... — он не даёт мне возразить, поднимая палец в воздух. — Пока не узнаешь, где он хранит оружие.

Я нарезаю круги по маленькой камере. Кастиан ни за что не скажет мне сам. Мне придётся вырвать каждое воспоминание из его головы, пока я не открою все его секреты.

— Как часто стража вас проверяет?

— До того, как они забыли, что я здесь? — слабо спрашивает Лозар. — Раз в неделю, может, реже.

У меня нет недели. Если я вырвусь из камеры сейчас, то стражники схватят меня задолго до того, как я найду Кастиана. Если я останусь здесь до моего так называемого суда, он может увезти оружие прежде, чем я до него доберусь.

— Ты знаешь, что нужно делать. Ты должна остаться ради чего-то большего, чем твоя месть.

Я думаю об Эстебани и Марго. Они никогда не доверяли мне. Не хотели видеть в своём отряде. Не верили, что я действую ради общего блага. Когда ты один так долго, ты забываешь, каково это полагаться на других, каково иметь кого-то, кто полагается на тебя. Я не знаю, как быть чем-то большим, чем просто собой. Когда я нашла Селесту мёртвой, я знала, что всё изменится, но не думала, что так быстро. Дез был моей надеждой. Надеждой всех шепчущих. И своего отца тоже.

Остаться ради большего.

Как я могу быть способна на большее, если мой дар только забирает? Я только сейчас осознаю, что моя магия — это единственное, что будет со мной до конца.

Мы долго ничего не говорим. Лозар прикладывает столько усилий, чтобы дышать, что я боюсь, он умрёт до того, как сможет

сказать что-либо ещё. Внезапно он произносит, как будто только что это осознал:

— Ты одна из похищенных детей-мориа.

— Была.

— С этим оружием... Что помешает королю и Правосудию повторить свои преступления?

— Для этого я здесь.

— Но твоё намерение недостаточно сильно из-за твоей жажды мести.

Он кашляет, кровь стекает на его подбородок из уголка губ.

— Он говорил о тебе, Рената. Когда он не смог сбежать, он всё ещё вспоминал твоё имя. Ты должна остаться ради большего.

Я закрываю глаза, чувствуя, как подкатывают слёзы. Проглатываю чувство вины, делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Его слова как якорь для меня, помогают выбраться из зыбучих песков моей злости.

— Я могу тебе помочь, — внезапно произносит Лозар.

Закрыв глаза, я мысленно представляю, как прижимаю пальцы к вискам принца Кастиана. Вижу, как гаснет искра его жизни. Вижу, как я забираю деревянную шкатулку и уничтожаю мерзкое оружие, хранящееся внутри. Я предвкушаю этот момент, мой последний, который даст шепчущим шанс продолжить борьбу.

— Как?

Лозар сгибается пополам жутким образом, как будто сейчас выкашляет свои лёгкие. Он вот-вот умрёт в этой камере, и никто даже не заметит. Мои глаза наполняются слезами, я вытираю их и хватаюсь за прутья решётки на узком окне.

— Прояви милосердие.

Медленно я поворачиваюсь на этих словах. Смотрю, как он ещё больше кашляет кровью. Его глаза поднимаются на звук моего дыхания. Его протянутая рука дрожит, и его всего трясёт. Я заставляю себя не отводить взгляд.

Милосердие.

— Вы не можете просить меня об этом.

Я не очень хорошо знаю этого человека, но я знаю, что небо голубое, что трава зелёная и что я не могу забрать его жизнь.

— Они забыли обо мне. Что, если они придут за тобой и найдут меня? Правосудие любит наблюдать за чужими страданиями. Они

применят на мне своё оружие. *Милосердие, Рената.*

Под моей кожей словно вылупляются тысячи паучков. Мои лёгкие сжались, не давая вдыхать воздух с запахами крови и слизи, которыми он кашляет.

Милосердие.

Какое милое слово для убийства.

Мне хочется отвернуться, позвать стражу, но я прекрасно знаю, что даже если они откликнутся, то и пальцем не пошевелят, чтобы помочь Лозару. Правосудие знает десятки способов поддерживать в теле жизнь, чтобы продлить муки. Я не могу спасти этого человека. И не могу отказать ему в этом.

Милосердие для Лозара. Я бы отдала ему всё милосердие, что только есть во мне, чтобы ни капли не оставить ни принцу, ни самой себе. Мои руки трясутся, ноги не держат.

— Сначала вы должны сделать что-то для меня, — говорю ему.

В темнице, не знаю как, но становится ещё темнее. Он берёт мою руку, и я снова чувствую его присутствие в своих мыслях:

— Тебе нужно завоевать доверие Правосудия. Начни с этого.

— Я не могу допустить, чтобы судья Мендес использовал мою силу. Если поможете мне с этим, я проявлю к вам милосердие.

Лозар кивает.

— Я слишком слаб. Но Дез... Он оставил здесь оружие. Не смог найти его, когда за ним пришли.

Я подползаю к углу, где был Лозар, когда я его впервые заметила. Ощупываю пол, кажется, целую вечность, прежде чем натыкаюсь на что-то острое. Стискиваю в руке небольшой кинжал. Ещё до того, как подношу его к тусклому свету, я узнаю клинок, который Дез прятал в сапоге. Его рукоять — грубая деревяшка без какого-либо орнамента. Но это был его первый кинжал, который он сам сделал. Даже если бы он его нашёл, чем бы ему это помогло против стольких стражников?

— Должен быть иной путь, — говорю я.

— От меня уже ничего не осталось, Рената. Не разделяй мою судьбу.

Я обхватываю руками его тело.

Чувствую, как бьётся его сердце. Он выдыхает, расслабляясь в моих объятьях. Когда я впервые попала к шепчущим в крепость в Анжелесе, мне было невыносимо присутствие других детей, и потому

я работала на кухне. Дез научил меня охотиться на дичь: кроликов, индеек, оленей. Повар научил меня скручивать им шеи. В конечном счёте, мы все такие же хрупкие, как наша добыча.

Я слышу, как что-то гремит в коридоре, в камеру проникает сквозняк, и я понимаю, что стражники скорее бросят этого человека чахнуть в одиночестве, чем проявят каплю милосердия.

Милосердие.

Дез научил меня песням шепчущих. С ним и Саидой мы напевали их, возвращаясь с многодневной охоты плечом к плечу по высокой траве меморийских гор.

И теперь я тихонько пою Лозару, чья судьба навсегда переплелась с моей в этих подземельях так, как я и представить себе не могла. Он поёт вместе со мной охрипшим голосом. Последний клич мятежника.

— Милосердие, — шепчу я.

До моих ушей доносится хруст его костей. Я вспоминаю первый раз, когда свернула шею зайцу своими руками.

Ноющая боль терзает моё сердце, пока не остаётся только мой голос и только моё сердцебиение.

***

Я не замечаю людей, собравшихся у двери камеры, пока не раздаётся щелчок замка. Голос, который я так давно не слышала, зовёт меня по имени.

Выпускаю Лозара из рук, его тело падает на пол. «Никто тебя не похоронит, но я буду помнить о тебе, пока мои воспоминания со мной», — мысленно обещаю ему.

— Что, во имя Отца?.. — сержант врывается внутрь, ступая в лужу грязи. Факел освещает тёмное пространство, его шокированный взгляд скользит по мёртвому телу посреди камеры.

Какое зрелище пред ними предстало... Моя левая рука по локоть в крови — через несколько секунд после смерти Лозара я схватила кинжал и проткнула свою ладонь. Один из старейшин — лекарь, который однажды вёл у нас занятия, — показал, куда нужно бить, чтобы убить безболезненно, куда — чтобы было много крови, куда — чтобы ранить, но не покалечить. Не все же из нас чудовища.

Стражник поднимает обмякшую руку Лозара. Кинжал, который я в неё вложила, выпадает с лёгким стуком. Это всё тот же стражник в годах с шрамами на лице, оставшимися после чумы. Тот самый,

который отправил меня сюда. Он хватается меня за рубашку и встряхивает. Боль вспыхивает в новом порезе и в старой ране на шее. Кровь стекает по моей груди — видимо, швы разошлись.

— Стой, идиот! — вмешивается знакомый голос.

Судья Мендес проходит в камеру, за ним по пятам Габо. Добротные кожаные туфли судьи ступают по луже крови, смешанной с грязью камеры. Он никогда не боялся испачкаться. От одного его вида моё сердце подскакивает. Его серые глаза отмечают тело Лозара, кинжал, моё состояние. Его рука вытянута, будто стена между мной и офицером. Потом, словно опомнившись, он вновь делает лицо непроницаемым.

— Дядюшка, — хныкаю я.

Возраст отпечатался на нём серебряными нитями в его короткой бороде и густых чёрных волосах. Он похудел с того времени, как был молодым врачом, но он не болезненно худой. Его черты точно были высечены в камне и заострились со временем, чтобы показать его силу. Его лицо резкое, как грани алмаза. В моём сердце будто ведётся война из-за человека, которого я презираю. Того, кто пользовался моим даром в обмен на конфеты. Человека, который читал мне сказки на ночь, а потом подписывал смертный приговор моей семье и многим другим. Почему я ничего не помню о своих родителях, но стоит ему появиться, и плотина внутри меня рушится? Воспоминания о нём всплывают из Серости, принимая причудливые очертания, как чернила в воде.

Я замечаю мгновение, когда его черты смягчаются. Он видит меня, как будто впервые, как в тот день, когда меня к нему привели стражники, схватившие меня в лесу у моего дома. Маленькую девочку-мориа в грубых самодельных перчатках.

— Рената, — от его голоса моё тело тяжелеет, ноги становятся каменными. Я прикладываю все усилия, чтобы не отвести глаза от его пронзительного взгляда, — это правда ты?

— Да, — мой голос глухой, словно невидимая рука сжимает горло. — Я... Мне жаль... Он пытался меня убить.

— Рената, — в том, как он произносит моё имя, есть что-то острое, режущее. Мне не стоило искать с ним встречи. Я ошиблась, решив, что он будет счастлив увидеть меня. Он ведь знает, где я была все эти годы. Знает, что мне нельзя доверять. Он берёт мою

окровавленную руку, и я напрягаюсь, чтобы не отдернуть. Его большой палец проводит по пятнышку у основания моего большого пальца. Дез однажды целовал меня в этом месте. — Помнишь, что я сказал тебе в нашу последнюю встречу?

В тот день, когда шепчущие ворвались во дворец и сожгли столицу. В тот день, когда я впервые встретила Деза, и он спас меня из этой золотой клетки. В тот день, когда я в последний раз видела Мендеса и клялась, что больше никогда не увижу.

— Вы сказали... — я проглатываю удушливый крик, рвущийся из горла. — Вы сказали, что никому меня не отдадите.

Моё тело деревенеет, когда он резко поднимает руки, но не чтобы ударить, а чтобы обнять.

— Ты вернулась ко мне, — выдыхает судья Мендес. Он обхватывает моё лицо ладонями и рассматривает с разных углов, как будто я лошадь на продажу. Но потом я замечаю, как его глаза останавливаются на заметной россыпи веснушек вдоль моей челюсти. Он пытается найти хоть один признак того, что я самозванка, двойник. Его пальцы проводят по шрамам на моих ладонях, раз за разом, словно он пытается запомнить их рисунок. Это мне показалось в темноте или в его глазах стоят слёзы? — Поверить не могу.

Моё горло сжимается, но я нахожу в себе смелость лгать, причём лгать складно.

— У шепчущих переворот. У меня появилась возможность вырваться из убежища. Я добралась до столицы, но мне некуда было пойти. Мне пришлось воровать... Я не ела несколько дней... Меня поймали и привели сюда.

Я вздрагиваю, когда он крепче сжимает мою раненную ладонь. Он всё ещё давит пальцем на один из порезов, не отпуская. Он резко переводит взгляд на стражников, замерших в тени.

— Ваша честь... Она убила заключённого... — говорит старший стражник.

— Он был вентари, — поясняю я и опять вздрагиваю от жгучей боли в ладони. — Он прочитал в моих мыслях, что я сбежала от шепчущих и попытался убить меня.

— Вы оставили этому человеку оружие? — голос Мендеса холоднее, чем сквозняк из щели в двери.

— Мы не знали, что он здесь, — нервно оправдывается сержант. — Камера была пустой...

Стражник замолкает, стоит судье поднять указательный палец. Мендес возвращает своё внимание ко мне, и его резкие черты вновь смягчаются.

— Моя Рената, — его голос звучит... довольно? Он крепко обнимает меня за плечо одной рукой. Я позволяю себе расслабиться рядом с ним. Облегчение, благодарность, податливость. Я всхлипываю по-настоящему. Я предаю всё, что люблю, потому что мой надломленный разум помнит, как безопасно было когда-то рядом с этим человеком.

Мендес ведёт меня через темноту. Мы переступаем тело Лозара. Я убила его, и мы проходим через него, как будто он просто лужа на рыночной площади.

— Уберитесь здесь, — судья Мендес взмахивает рукой, и стражники торопливо закрывают камеру.

— Да, Ваша честь, — Габо кланяется.

— Вы правильно поступили, сообщив мне, Габо. Её должны были доставить ко мне при первой возможности, — глаза судьи Мендеса резко переходят на офицера. — Вы же, сержант Ибез, напротив... Я разочарован в вас. Я расцениваю это как отказ следовать моим указаниям.

— Ваша королевская справедливость, пожалуйста! — взмолился сержант в панике. — Я счёл её слова за ложь. Как вы говорите на проповедях, они все шарлатаны. Обманщики...

Его глаза распахиваются, едва не вылезая из орбит.

«Обманщики». Это последнее слово, что он успевает сказать, перед тем как Габо вонзает кинжал в его открытое горло.

Я подавляю крик, а Мендес сжимает моё плечо ещё крепче.

— Идём, дорогая. Теперь ты со мной, в безопасности.

Глава 13

Не стоило мне теряться в лесу. Сейчас, когда судья Мендес обнимает меня одной рукой, мне требуется вся сила воли, чтобы оставаться спокойной. Серость не желает угомониться, выпуская воспоминания, как пыль из открытой гробницы. Они такие чёткие и яркие, точно вихрь красок, всякий раз, когда просачиваются из

Серости. Впервые я не выпадаю из реальности, но воспоминание тем не менее здесь, прокручивается в моей голове.

Когда я была маленькой, рядом с нашим домом стоял алтарь, посвящённый Госпоже шепчущих в её короне из звёзд и с луной у ног. Тогда я ещё ничего не знала о богине или о людях, которых она одарила магией, наполнявшей землю. Я знала только, что у меня есть сила, которую я не умела контролировать. Свет, возникавший из-под моих подушечек пальцев, вызывал у меня восхищённое изумление. У меня ещё не было шрамов от ожогов от украденных воспоминаний, потому что мои родители не разрешали снимать перчатки вне дома. Моя мать была персуари, а отец — иллюзионари. Помню, как мать своей магией наполняла меня теплом, когда я пугалась темноты. Помню, как отец играл с тенями на стене, превращая их в иллюстрации к его сказкам на ночь. Вот эту самую магию король и Правосудие обвинили в самой опустошительной чуме в истории.

В тот день, когда я потерялась, я с трудом натянула на себя шерстяные перчатки и пошла за отцом в лес. Цветы на нашем алтаре завяли, и мне поручили собрать новые.

— Будь крайне осторожна, Нати, — предупредил отец. Ни у кого я не встречала таких добрых глаз, как у него, даже когда он старался быть строгим. Теперь, позволив себе вспомнить этот день, я замечаю, что он тоже был напуган. — Не уходи далеко.

Но у меня вылетело это из головы. Я нашла место, полное диких цветущих газаний. Меня привлекли их оранжевые сердцевины и жёлтые лепестки среди однообразного леса, и я пошла за ними через открытую поляну. Никогда прежде я не уходила так далеко от дома и не выходила из леса. Я развернулась назад, чтобы позвать родителей, но наткнулась на солдат в королевской тёмно-фиолетовой с золотым форме.

— Ты потерялась, малышка? — спросила женщина, подходя ближе. Мне нельзя было разговаривать с незнакомцами, но я до сих пор не могу забыть тот страх, который охватил меня тогда. Я кивнула и рассказала солдатам, где именно я жила и как выглядел мой дом.

Но они не отвели меня домой. Они привезли меня во дворец, заверяя, что там ждут мои родители.

Меня передали няне. Она отмыла мои волосы и переодела в новое платье, перед тем как представить судье Мендесу. Меня посадили в

этот самый стул, на котором я сижу сейчас, с кожаной обивкой и высокой спинкой — намного выше моей головы.

Мендес всегда мне улыбался. Его терпение было особенно примечательно, потому что я только и делала, что плакала и звала родителей первое время. Он присылал вишнёвые пирожные со свежим кремом, апельсины в карамели и мёд из клевера. Он говорил, что я увижу своих родителей, если сделаю всё, что он скажет.

Безымянные солдаты привели в комнату мужчину с повязкой на глазах, кляпом во рту и связанными руками. Я опять заплакала, но Мендес теперь знал, что может успокоить меня вкусностями. Дома моя мать жарила картошку с розмарином и выжимала сок из того, что мы сами вырастили. Мы ели мясо раз в месяц, если в лесу было достаточно кроликов для охоты. Я никогда не видела прежде и не пробовала таких чудесных сладостей, какие были во дворце.

— У этого человека, — начал Мендес, — есть секрет. Ты когда-нибудь видела снег, Рен?

Мне хотелось поправить его. Мой отец звал меня Нати. Так было привычнее, приятнее, это было моё имя. Всё остальное мне не нравилось, казалось не подходящим, как будто принадлежало совершенно другому человеку. Но я бы не стала поправлять этого человека. Было в его серых глазах что-то такое, что заставило меня остановиться. И вместо этого я кивнула, отвечая на его вопрос.

— Тебе нужно просто узнать секрет этого человека. Он скрывает кое-что очень важное для меня в месте, где много снега.

— Я не умею, — ответила я. Это было правдой. Я никогда раньше не использовала свой дар. Моя мать объясняла как-то раз, что я одарена магией памяти. Но только Госпожа шепчущих знает секреты всех на свете, а свой дар я должна держать в тайне.

Не могу вспомнить как, но я всё же сделала это. Прикоснулась тогда ещё невредимыми пальцами к вискам связанного человека и извлекла воспоминание о цитадели Невадас, расположенной в одноимённых горах. Я описала небольшие деревянные домики с трубами на крышах, из которых выходил чёрный дым, и мужчин, несущих брёвна через глубокие сугробы в хижину, полную мечей и прочего оружия.

Ещё до того как я закончила, Мендес крикнул:

— Цитадель Невадас. Отправьте туда отряд, немедленно.

Сейчас, прислоняясь к спинке знакомого стула, я рассматриваю стену за Мендесом. На ней висит карта королевства Пуэрто-Леонес. Она понемногу изменяется каждый год, стирая провинции. К западу от столицы есть горная система — единственное место в стране, где бывает снег. Три года назад меня послали в цитадель Невадас на разведку.

От неё остались одни руины, и я не помнила почему, но теперь знаю, что всё из-за украденного мной воспоминания. Я тогда ещё не знала, что это были территории королевства Тресорос, население которых не признавало договор между их бывшей страной и Пуэрто-Леонесом.

На карте тоже больше нет цитадели, хотя горы чётко обозначены и раскрашены белым цветом.

Кабинет судьи не изменился за последние десять лет, разве что у двери стоит другой стражник, а в тёмных волосах Мендеса появилась седина. Его острые скулы слегка покраснели, словно он только вернулся из какого-то солнечного места. Хотя ему сейчас должно быть чуть больше сорока, на его лице нет морщин, свойственных тем, кто часто улыбается.

Мендес берёт белую тряпку, мочит её в кувшине и протирает стол. У жидкости едкий запах лимонных и апельсиновых корок. Когда стол уже сияет от чистоты, судья проводит рукой по деревянной поверхности, на которой размещены аккуратные ряды металлических инструментов, маленькие ножи, прозрачные склянки болотного цвета, фарфоровая чаша с шариками хлопка, длинные тонкие иглы и чёрная нить.

До того как Мендес возглавил Королевское Правосудие, взяв на себя ответственность за мир и порядок в Пуэрто-Леонесе, он был военным врачом в королевской армии. Отчасти поэтому он знает, как причинить наибольший вред телу и какими инструментами можно вызвать сильнейшую боль. Из выдвижного ящика он достаёт пару чистых перчаток из телячьей кожи и надевает их.

Всё было бы намного проще, будь я персуари, умеющей влиять на эмоции, или вентари, способной узнать, о чём он думает.

— Давай, Рената, — его глаза цвета грозового неба останавливаются на моём лице, молча изучая мои черты в поисках малейшего признака обмана. — Дай мне руку, пожалуйста.

Передо мной лежит кинжал Деза. Я подумываю схватить его и вонзить в проступающую вену на внешней стороне его ладони. Этот дикий, внезапный порыв пропадает так же быстро, как и появился. Протягивая свою ладонь самому могущественному человеку в королевстве, не считая короля и принца, я склоняю голову от стыда, который слишком, слишком настоящий.

На моих костяшках кровавое месиво из разорванной кожи. Глубокий порез с уже запёкшейся кровью. Я не могу сдержаться и вздрагиваю, прикусив язык, когда Мендес раскрывает мои пальцы, чтобы посмотреть на рану.

— Боишься? — спрашивает он. Эти серые глаза ничего не упускают. Он не стал бы тем, кто он есть, если бы верил во всё, что ему говорят. Он сидит неподвижно, но гнев, который он сорвал на стражнике — мёртвом стражнике — сменился осторожной подозрительностью. Только дурак бы не боялся.

Часть меня не верит, что он навредит мне. Ведь от живой меня больше пользы.

— Да, — говорю я.

Его щека дёргается.

— Мне следует полагать, мятежники настроили тебя против меня.

— Они пытались, — мой голос скрипучий, это возвращение к прошлому похоже на нож в горле. — Шепчущие держали меня при себе. Я была слишком ценной, чтобы убить. Слишком опасной, чтобы доверять. Они...

Я обрываю себя на полуслове, позволяя ярости говорить самой за себя. В этих словах нет лжи и есть проблеск злости, от которого меня бросает в дрожь. Я не простила Мендеса за то, что он использовал меня как орудие, но и не простила шепчущих, делавших то же самое.

— Не двигайся, — предупреждает он. — Это остановит любую инфекцию, которую ты могла подхватить в том мерзком рассаднике болезней. Хотя надо будет понаблюдать. Мне не нравится, как покраснела кожа. Слава Отцу миров, он не задел сухожилия.

— Слава Отцу миров, — эхом повторяю я.

После чего все мои мысли вытесняет боль, когда он льёт лекарство на мою открытую рану. Оно так сильно жжёт, что я, боюсь, могу потерять сознание.

— Не говори мне, что с мятежниками ты растеряла всю свою отвагу.

Я хмурюсь, потрясённая его словами.

— Что вы хотите этим сказать?

Его тёмные ресницы отбрасывают длинные тени на скулах. Меньше всего я ожидала улыбку на его лице, высеченном из мрамора.

— Когда тебе было восемь, я не разрешил тебе поехать с другими придворными детьми в поместье Тресорос. Ты собрала вещи и решила вылезти из окна. На полпути ты сорвалась, сломала руку, — он находит острый пинцет и указывает на бледные шрамы на моём правом предплечье. — Заработала десять швов и неделями не могла использовать магию. Но пока я тебя зашивал и даже когда вправлял плечо на место, ты ни разу не вздрогнула. Не заплакала. В твоих глазах не было слёз, а сейчас есть.

Я пытаюсь сглотнуть, промочить язык слюной, но во рту всё сухо. Я не помню этого, но то, как он осторожно, тщательно извлекает занозы из ладони, заставляет меня ему поверить.

— Боль сказывается на каждом, — говорю я.

Он издаёт неясный звук. Я пользуюсь моментом рассмотреть его.

Серые глаза, седеющие волосы, седеющая борода. Он как будто весь покрыт солью из срединных долин. Его прикосновение мягкое, он держит мою руку так, словно склеивает вместе осколки прекрасного андалусийского стекла. Закончив с занозами, он откладывает пинцет, вновь промывает рану жгучим лекарством и переворачивает мою ладонь. Порез протягивается от основания пальцев к началу запястья, красный по краям, но без белых или зелёных следов инфекции. Он вздыхает, будто бы облегчённо, прежде чем вдеть нить в иголку. Подносит острый кончик к свече, горящей на столе.

— Расскажи мне, моя милая Рен, как ты сбежала?

Без предупреждения, он прокалывает кожу иглой, нить скользит следом. Моё сердце болезненно стучит. Я прикусываю язык. Он хочет, чтобы я вновь стала той бесстрашной девчонкой? Я знать её не хочу. Но если это поможет подобраться к оружию и Кастиану, то придётся.

— Сын Иллана, — решаюсь рассказать. Я чувствую комок в горле и делаю паузу, чтобы тщательней подобрать слова моей лжи. — Его пленение отвлекло мятежников.

— Я был удивлён, когда узнал, что Иллан не сдастся ради своего сына, — признаётся Мендес. — Но эти твари не ценят жизнь так, как мы.

Он реально забывает, что я тоже мориа? Неужели я была такой послушной предательницей, что он включает меня в это чудовищное «мы»?

Моё горло болит от напряжения. На мгновение я вспоминаю, как Дез целовал меня вдоль челюсти, по изгибу шеи, вниз к ключице. Смущённая, я пытаюсь сосредоточиться на карте за спиной Мендеса. На севере королевства есть пустое место, там, где должны быть Меморийские горы. Неужели это так просто, стереть память о месте? Просто перерисовать линии и оставить слепые пятна на карте?

От следующего стежка моё тело немеет. Гордился бы мной Дез? Я даже не вздрогнула в этот раз.

— Они распадаются. У меня был шанс. Я знала, что другого не будет. Они не пускают меня на встречи, но у меня есть уши. Да и никто не боялся, что я сбегу.

В одном из его серых глаз есть зелёные крапинки. Они всегда там были?

— Почему это?

— Наверное, — отвечаю я, — потому что мне было некуда пойти.

Это была не совсем ложь. Правда имеет свойство меняться в зависимости от того, кто её рассказывает.

Он крепко держит мою ладонь. Я смотрю в его орлиные глаза, пытающиеся рассмотреть меня насквозь, найти обман.

— Ты могла вернуться ко мне.

— Если бы я могла, то уже была бы с вами. Но сколько себя помню, со мной всегда был кто-то из шепчущих, — Дез почти не отходил от меня, когда мы были детьми. Даже когда я заблудилась в руинах Сан-Кристовале, со мной всегда кто-то был, наблюдая. Я смотрю на ладонь, которую Мендес сжимает так сильно, что останутся следы. — Мне больно.

Он сразу же отпускает, тяжело дыша, будто бы сам удивлён своим проявлением эмоций. Тяжело смотреть на него под таким ракурсом. Ещё хуже полагать, что он на самом деле переживает за меня.

— Немного осталось, — успокаивает он. Пока судья делает стежок за стежком, я вспоминаю время, когда мы с ним гуляли по

дворцовым садам, закрытым для всех, кроме Королевского Правосудия, и он разрешал мне читать под огромными ветвистыми искривлёнными деревьями, покрытыми леонесским мхом и бледными цветами косечи. Когда дул ветер, их розовые лепестки сыпались на меня, а потом перед сном я выпутывала их из своих кос. Я мыла руки в розовой воде с золотой пудрой, как и все девочки при дворе, чтобы очистить кожу от грязи и повреждений. Только мне это не помогало. Я вся состою из шрамов и, боюсь, никогда не смогу стать чем-то большим.

Наконец, Мендес опускает иглу, и стирает излишки пузырящейся крови.

— Шрам останется.

— И прекрасно впишется с другими. Спасибо, дядюшка, — я стараюсь ещё больше смягчить голос. — То есть я хотела сказать: *Ваша честь*.

— Ты должна понять, Рен, — он держит мою ладонь, как бутон розы без стебля, что распадётся на лепестки без поддержки. — Теперь, когда ты здесь, будет назначена аудиенция с королём. Ты будешь под моим покровительством, но тебе придётся проявить себя самой.

Я быстро киваю.

— Ради этого я вернулась. Вы не представляете, как одиноко мне было.

Он не отвечает, но я вижу, как решительно сдвинуты его брови. Я помню это его молчание, означающее, что он строит планы — он *вечно* строит планы. Чего мне будет стоить завоевать его доверие?

Его взгляд переносится к двери. Размашистым шагом кто-то входит в кабинет, прерывисто дыша, словно мчался сюда со всех ног. Я оборачиваюсь и вижу молодого парня в чёрно-красной мантии судьи — звание, которое присваивается всем в Руке Правосудия, кто метит на место Мендеса после его смерти. У него жидкие тёмно-русые волосы, как крылья воробья, и румяное лицо. Его карие глаза распахиваются, когда он замечает меня. Едва не запинаясь о полы мантии, слишком длинной для его среднего роста, он двигается напрямиком к нам.

— Это оно? — спрашивает он. Блеяние овец приятнее его голоса. — Настоящее робари для Руки Мориа? Наконец-то король Фернандо будет нами доволен.

Он не знает, что я его слышу? Я напрягаюсь всем телом. Мне хочется врезать ему за то, что называет меня «оно».

— Алессандро! — перебивает его судья Мендес. Его внешнее спокойствие дало трещину. И я понимаю, что, может быть, настоящая причина того, что он так счастлив меня видеть, заключается в возможности угодить королю. — Не припоминаю, чтобы вызывал тебя.

Молодой судья отшагивает назад, бормоча извинения. Пресмыкается всё сильнее и сильнее. То, как он унижается, вызывает мурашки по моей коже. Но разве я делаю не то же самое? Пытаюсь вернуть расположение человека, который разрушил мою жизнь?

— Мои глубочайшие извинения, — тараторит Алессандро со скоростью света. Мендес выглядит удивлённым, что парень всё ещё что-то говорит, даже после того, как он поднял руку, как король, призывающий своего подданного замолчать. — Я в вашем полном распоряжении. В своё оправдание должен сказать, что я крайне обрадован тем, что наша миссия продвигается дальше. Я только и думаю...

— ...о благе королевства, — перебиваю его.

— Как смеет оно говорить за меня?! — Алессандро чуть ли не отскакивает от места, где сижу я.

Мендес переводит взгляд на меня, лицо озаряет довольная улыбка.

Я хочу ответить: «Оно смеет даже больше. Оно может вырвать все воспоминания из твоей головы, оставив только дрожащую оболочку». Но девочка, которой я должна быть, так бы не сказала. Я проглатываю этот ответ и жду, когда заговорит судья Мендес.

— Её зовут Рената Конвида, — представляет он меня.

— Та, которую похитили шепчущие? — Алессандро кривит лицо, втягивая шею. Его глаза мечутся между Мендесом и мной, как будто только сейчас до него доходит, что ему не стоило говорить так свободно. Если между королем и Правосудием разлад, возможно, я смогу обернуть это себе на пользу.

— Она вернулась к нам, Алессандро, — сообщает Мендес, возвращая себе каменное спокойствие, — и я бы хотел поговорить с ней наедине.

— Ваша честь... Вам не стоит оставаться наедине с подобным существом.

Я глубоко вдыхаю, чтобы подавить злость, пульсирующую во мне.

— Как видишь, — отмечает судья, — она не в том состоянии, чтобы навредить мне.

— Я бы не посмела.

Этот взгляд свысока прямо-таки кричит о том, что Алессандро мне не верит. Он приглаживает свои волосы, и я замечаю обручальное кольцо на его руке — простое деревянное колечко. Никто из Руки Справедливости не носит металлы, ассоциируемые с мориа.

Он кланяется ещё раз.

— Я вернусь с новостями.

— Закрой за собой дверь, — говорит ему Мендес.

— Молодым судьям теперь разрешают жениться? — спрашиваю, как только Алессандро уходит.

Судья Мендес вновь садится, возвращаясь к своим инструментам на столе. Он берёт повязку.

— Король, в своей бесконечной мудрости, постановил, что будущее поколение леонессцев должно быть верным короне. И где же больше всего верных людей, поклявшихся защищать королевство от врагов?

А кто защитит короля *от меня*?

Разворачивая полосу ткани, Мендес наматывает её на мою ладонь и запястье. Когда он вновь раскрывает мои пальцы из кулака, возникает смутное ощущение, что из меня получается хорошая марионетка. Голос Марго так и звучит в голове: «Послушание не то же самое, что ум». Пока я здесь, у меня должно быть и то, и другое.

— Вот так, — произносит судья. — Уже гораздо лучше.

Он снимает свои запачканные кровью перчатки и заворачивает их в кусок ткани, которым займётся слуга, убирающийся в кабинете. Мендес достаёт из ящика стола конфету и протягивает мне: *стеллита*. Он часто давал мне их раньше.

Я нервно вдыхаю, сжимая конфету в ладони. Уголки моих губ дёргаются от желания улыбнуться. Решаю, что это будет уместно.

— Я не ела их уже...

— ...восемь лет.

— Спасибо, — говорю я и беру конфету в рот. Она жевательная, прилипает к зубам. Челюсть болит, потому что я давно уже ничего не ела. Сахар быстро тает на языке. Но внезапно я понимаю свою

опробитость и сразу напрягаюсь. Что, если она была отравлена? Я продолжаю жевать, чтобы дать себе время подумать. Я нужна ему, чтобы представить робари королю, который был недоволен судьёй Мендесом. Он бы не стал. Думаю, я всё правильно сделала. Так я показала ему своё доверие, кинувшись есть у него с рук и радуясь, как сокровищу, казалось бы, такой мелочи, полученной от него. Но всё же мне следует быть осторожнее.

Мендес ждёт, когда я проглочу конфету, перед тем как заглянуть в другой ящик и достать тёмный свёрток. Когда он берётся за металлическую манжету, я понимаю, что это перчатка.

Прошло уже много лет с тех пор, как я носила вещи, изготовленные им самим, но я, не задумываясь, протягиваю ему здоровую руку. Как будто мои мышцы помнят каждую его команду, и это ощущается так, словно собственное тело меня предаёт. Перчатки, конфета, история о том, как я сломала руку. Мы возвращаемся к прошлому — в то время, когда он мне доверял. Мне нужно его доверие, чтобы проникнуть во дворец.

Он надевает перчатку на мою руку. Кожа мягкая, удобная, не давит и не натирает мои шрамы от ожогов. Он застёгивает железный браслет. *Симпатичные оковы.*

— Пока так, а когда заживёт другая рука, ты сможешь носить обе, — он звонит в колокольчик, и через мгновение в кабинет вбегает мальчик, одетый в солнечно-жёлтую форму пажа судьи.

— Отведи её в бывшие покои леди Нурии, — приказывает Мендес. — Служанки уже должны быть там. Когда отведёшь её, дай знать Леонардо, что для него есть работа: пусть отодвинет все дела перед представлением королю.

Мой желудок сворачивается в узел при мысли, что мне придётся предстать перед королём и принцем. Возможно, если начать сейчас, то я смогу себя контролировать, когда увижу его. «Останься ради большего», — просил меня Лозар. Похоже, я дала слишком много обещаний мёртвым.

Паж кивает и направляется к двери, и я встаю, готовая пойти за ним. Ошеломлённая не только из-за событий последнего дня и раны, слегка пульсирующей под повязкой, но и от надежды.

Что-то тяжёлое опускается на моё плечо. Рука Мендеса сжимает один раз, и его голос звучит почти по-семейному:

— Я рад, что ты вернулась, Рената. Всё будет так, словно ты и не покидала дворец.

И когда я следую за пажом по просторному залу, то думаю о том, что именно этого больше всего и боюсь.

***

Но я ошиблась. Некоторые вещи — например, огромный мозаичный рисунок с грифонами на полу — остались прежними, но не всё. Залы кажутся меньше. Когда ты проводишь почти десять лет, ночуя под открытым небом или в сквозных помещениях крепости моря в Анжелесе, места вроде этого ощущаются тесными, душными. Это как надеть старую одежду и обнаружить, что она больше не по размеру. Золотая лепнина и залы, полные скульптур и витражей, выполненных лучшими мастерами города Хаспе. Король Фернандо гордится тем, что окружает себя всей роскошью Пуэрто-Леонеса. Он позволяет ввозить в королевство только шёлк и фиолетовый краситель, найденный в королевстве Дофиника, а также бананы, которые лучше всего растут в эмпирео Лузо по ту сторону моря.

Меня ведут по залам, украшенным вазами и гобеленами в ярко-зелёных и синих тонах. Мы поднимаемся по каменным ступеням, от которых сильно пахнет ладаном, и ступаем на мост — крытый переход — с арочными колоннами из сверкающей плитки в старозахаринском стиле. Когда мальчик сворачивает вниз к длинному коридору, у меня возникает смутное впечатление, что я помню это место. Моё внимание главным образом цепляет простая деревянная дверь. Мурашки пробегают по коже, я замедляю шаг. Ржавые петли и пыльная замочная скважина говорят о том, что это заброшенное место.

Но я никогда не забывала эту дверь.

И точно знаю, что находится за ней.

Я помню это так хорошо, что почти ощущаю пыль на книжных полках и мягкость бархата стульев, выстроенных в ряд в этой маленькой библиотеке. Я берусь за дверную ручку, но она закрыта.

— Нам нужно дальше, мисс, — голос пажа повышается на октаву, и я понимаю, что всё это время, задержав дыхание, смотрела на закрытую дверь библиотеки. Выдохнув, продолжаю идти за мальчиком.

Как только мы добираемся до двери на другом конце зала, мальчик коротко кланяется и спешно возвращается в направлении,

откуда мы пришли. Я захожу внутрь. Комната прохладная из-за каменных стен. Покои, в которые меня привели, вызывают ощущение, что я хожу в чужом теле, словно меня здесь даже нет. Может быть, так чувствуют себя люди, когда я забираю их воспоминания.

Лампы украшают комоды и стол. Комната выполнена в тонах розового вина с белоснежными вставками. Портьеры из парчи скрывают ночное небо, а белая ткань балдахина окружает самую большую кровать, на которой я когда-либо спала.

Три служанки, о которых говорил судья Мендес, ждут меня в умывальной комнате, стоя рядом с фарфоровой ванной, где уже набрана вода, на поверхности которой плавают лепестки роз. Моя перевязанная рука почти бесполезна, и я позволяю служанкам раздеть меня перед тем, как отпустить их.

— Нам приказано отмыть вас, — возражает одна из них.

— Или *попытаться*, — бормочет себе под нос другая.

Никто из них не хочет находиться рядом с обнажённой робари, даже с перчаткой на одной руке и повязкой — на другой. Слишком опасно. Давно ли они видели других робари? И что случилось с той, которую я должна заменить?

— Прочь, — раздражённо бросаю я, сощурившись на них.

Одна из них взвизгивает, словно я набросилась на неё, но все трое покидают комнату, и хотя именно этого я и хотела, осадочек всё равно остался.

После их ухода я погружаюсь в воду по плечи, и тепло окутывает моё тело. Мгновения чистого блаженства. И вдруг я слышу щелчок замка снаружи покоев. Заперли. А чего я ожидала?

Мои руки дрожат, и я глубже погружаюсь в воду. Я так давно не принимала полноценной ванны. Последний раз был на горячих источниках в Тресоросе пять месяцев назад. Горячая вода — это роскошь. Всё что угодно — роскошь, когда ты в бегах. И тем не менее, я лежу в ванной, погружаясь в тёплую воду, как моё сердце погружено в жажду мести. Вихрь слов и картинок вращается в моей голове.

Холодные голубые глаза Кастриана. Магия Люсии, вырванная из её тела. Лекарство. Кастриан. Дез. Хруст костей Лозара. Мальчик среди дыма. Пара игральных кубиков и детский смех. Огонь.

Огонь.

Огонь.

Всегда огонь.

Резко сажусь, вода выплёскивается за края ванны на пол. Пламя в моём разуме горит яркими, насыщенными красками.

Я прибегаю к технике, которой учил меня Иллан, чтобы очистить разум. Это вентари легко не думать ни о чём с их даром заглядывать в чужие головы. Намного сложнее, когда твою голову переполняют тысячи украденных воспоминаний. Ни целебные травы, ни прогулки в одиночестве, ни поход к волшебному роднику — ничего не помогало пробить Серость в моей голове.

Но по правде говоря, я никогда и не хотела, чтобы эти воспоминания вышли наружу. Каждая пустышка, которую я создала, ощущалась как живая душа внутри меня. Если бы мой разум размножился столько раз... Он бы перестал работать. Ужасные головные боли мучили меня, я едва могла находиться в сознании. У похитителей памяти чужое прошлое так навязчиво, что приходится задвигать собственные воспоминания. Вот что, по мнению Иллана, привело к появлению Серости. Мой разум создал подобную штуку, и вся моя жизнь оказалась там, оставив пробелы в моём прошлом. Находиться в этом месте всё равно что расшатывать нечто и так ненадёжное. Мои виски болят, отзываясь на кошмары последних дней и ночей.

— Пожалуйста, хватит, — рыдаю я. — Оставьте меня в покое!

Ухожу с головой под воду, но это не останавливает воспоминания о пламени...

Мне девять лет, и спустя два года во дворце я стала настоящей юной леди. Я согреваю спину у небольшого огня в камине библиотеки, присев на длинный диван у окна, тянущегося до потолка. Если выгляну, то увижу всю цитадель Андалусию. Столица освещена огнями извилистых улиц, с резкими поворотами и множеством переулков, прямо как дворцовый лабиринт. Правосудие и король любят лабиринты, поэтому я решила, что тоже люблю их.

Уже поздно, и остальных детей-мориа давно уже отправили спать со слугами, но Мендес сказал, что я могу ещё посидеть до следующих колоколов.

Я жую стеллиту, довольная её сладостью на языке. Это мои любимые конфеты, особенно когда их готовит королевский кондитер из медовой карамели, похожей на золотые слитки. Их блеск

напоминает картинки в моей книжке. На одной из них изображена королева Пенелопа в своём саду. Я пытаюсь перелистнуть страницу книги сказок, но пергамент цепляется к моим липким от сахара перчаткам. Страница слегка рвётся, когда я перелистываю на следующую картинку — Господин Миров стоит на краю своего творения. Оранжевая краска такая яркая, что почти сияет, наполняя библиотеку тёплым светом.

Краем глаза замечаю, что что-то не так. Свет исходит не от книжки. Положив её рядом, я оглядываюсь через плечо и смотрю в окно.

Пожар охватил столицу, словно ожившая иллюстрация Господина миров. Точно свет ангелов. Поначалу огонь выглядел как узкая полоска света в полной темноте, поглощающая небольшой лес на границе столицы.

Мои ладони начинают покалывать.

Сегодня, на наших занятиях с судьёй Мендесом, я видела картинку этого леса в своей голове. Он привёл ко мне человека, которого я узнала — нашего старого соседа из деревни по имени Эдгар. Мне понравилась картинка, вытянутая из его памяти, где были татá и рарá рядом с нашим деревянным домиком. Матá выдёргивала сорняки в саду, а рарá рубил дрова. Мамины волосы были уже не такие чёрные, как я их помнила, в них появилось больше седых прядей. А папины плечи, прежде широкие, как будто сгорбились. Впервые я увидела его таким потерянным. Я отпрянула от Эдгара, и, взбудораженная, рассказала Мендесу, что я знаю, где находится мой дом! Что я знаю, где находятся мои родители... Я попросила привести их ко мне во дворец, чтобы повидаться. Маме бы очень понравились стеллиты, а папе — вот эти шоколадные фигурки рычащих львов.

Мендес пообещал отправить им сообщение.

Теперь я чувствую не только, как покалывает мои ладони, но и такой зуд в груди, будто моё сердце вот-вот взорвётся. Почему лес горит?

Пока я смотрю в окно, огонь переходит с деревьев на город. Я не могу отвести взгляд. Прижимаюсь ладошками — маленькими, пухлыми — к стеклу, оставляя сахарные пятна на его поверхности.

Огонь всё приближается, бежит по узким улицам, будто старается пройти этот лабиринт как можно скорее.

Я кричу. Люди выбегают на горящие улицы, уносятся прочь. У некоторых в руках факелы, другие сами становятся факелами.

Их крики доносятся до дворца, отражаются эхом в его стенах.

Я слышу вопли из коридора.

— Осторожно, Иллан! — женский крик. — Стражники прямо за тобой!

Слышится лязг мечей, но биение моего сердца заглушает всё, пока я бегу подальше от двери. Не знаю, что происходит, но мне надо спрятаться! Я присаживаюсь за мягким креслом, ножки которого сделаны в форме львиных лап.

Открывается дверь, и я слышу, как кто-то входит. Первая мысль, что это Мендес, но походка слишком лёгкая. Я вижу пару ботинок, которые останавливаются перед креслом.

— Эй, — торопливо шепчет мальчик, — что ты здесь делаешь?

Плеск воды, льющейся на кафель, внезапно звучит громче, чем звон скрещенных мечей из моего воспоминания. Открывая глаза, я понимаю, что кран открыт, и вода льётся через бортики ванны на пол. Тут же его закрываю.

Прежде появление Деза в моей жизни мелькало обрывками, никогда ещё не было такого последовательного воспоминания. Рената Конвида, робари из Руки Мориа, той ночью растворилась в пламени. Но вот я здесь, вернулась в похожую шикарно обставленную комнату. Что, если та девочка ещё жива даже после всего, что было? Может, я совершила ошибку, придя сюда, где мой разум никогда не знал покоя.

Той ночью Восстание шепчущих смогло спасти меня и ещё горстку других детей. Остальные, спавшие в своих покоях, были убиты Правосудием ещё до того, как успели попасть руки врагов, потому что знали слишком много о внутренней жизни Правосудия и дворца.

Той же ночью погибли Мария и Роналдо Конвида, сгорели в своём деревянном домике.

И всё это началось из-за того, что мне хотелось больше сладостей.

Я вновь погружаюсь в воду с головой, задерживая дыхание. Кем бы я ни была и что бы я ни делала, мне никогда не сбежать от жара

того огня и вкуса пепла на губах. Но мне больше не хочется убегать. Я хочу овладеть этим пламенем и смотреть, как это место сгорает дотла.

Глава 14

На следующее утро я с трудом разлепляю глаза. Эта кровать слишком большая, слишком мягкая, слишком... прекрасная. В руинах Сан-Кристобалья в Анжелесе мы жили скромно, а когда я выросла и мне разрешили пройти подготовку шепчущих, мы стали почти всегда ночевать в лесу. Интересно, где сейчас спят Саида и остальные?

Я отодвигаю навес, мягкий как пёрышко, и осматриваю свою раненную руку. Края пореза опухли и покраснели. Швы больно растягивать, и сквозь них просачивается кровь. Моя другая рука зудит в узкой кожаной перчатке. Никогда ещё не чувствовала себя столь бесполезной. Хорошо хоть у моего унижения нет свидетелей. Прошлой ночью с повреждённой рукой я смогла только натянуть на себя шёлковый халат, о чём теперь жалею, потому что холодный сквозняк пробегает по коже.

Опускаю ноги на пол. В этой просторной комнате темно, и я подхожу к занавескам, свисающим до пола, но колеблюсь, разглядев ткань. Мендес упомянул, что эти покои принадлежали леди Нурии. Я её не помню, но вижу, что роскошь она любила. Нежный шёлк — легчайшая ткань из когда-либо изготовленных — привезён из Дофиники. Может, его здесь так много потому, что новая королева Пуэрто-Леонеса родом оттуда. Даже образец ткани стоит дороже, чем всё, что у меня когда-либо было, а леди Нурия использовала его для такой обыденной вещи, как занавески. Мне страшно даже прикоснуться к ним, но с другой стороны, я не в восторге от идеи сидеть в полной темноте.

Стоит мне раздвинуть занавески, как утренний свет озаряет комнату золотыми полосами. На окнах внушительного размера стоят решётки из чёрного железа, а цилиндрический замок не позволяет открыть стеклянные створки. Горло сдавливают невидимая рука. Меня не должно было это удивить, но всё же я удивлена. В детстве мне можно было перемещаться по замку свободно. Но вот доказательство, что Мендес больше не считает меня наивной семилеткой. Мне придётся вновь заслужить его доверие и понять, где во дворце хранится оружие. Я могу сдать им десятки старых убежищ. Это

рассеет внимание Правосудия и позволит шепчущим переправить больше беженцев. Я могу остаться *ради большего*, как сказал Лозар.

Мои покои расположены так высоко, что можно увидеть весь центр города — знакомый лабиринт, который только разросся за эти годы и стал запутаннее. А прямо за городом виднеются верхушки зелёных деревьев, начавших расти заново.

Глупо, но я позволяю себе опустить взгляд на площадь. Воспоминание о Восстании шепчущих вновь всплывает на поверхность. Тогда всё навалилось разом: жар с улиц, дым в нос, пепел на коже. Люди бежали, падали, горели...

— Очнитесь, о Скарлет из пустынь! — звучит нараспев бодрый и радостный голос за моей спиной.

Я вскрикиваю от испуга и тянусь к своему кинжалу... Но нахожу только шёлк, конечно. Это же не моя одежда. Не моя комната. Не моё всё.

— Да кто ты, во имя шести небес, такой?! — я запахиваю тонкий халат плотнее, замечая мужчину в своей комнате. Он молод — может, чуть старше меня, но не сильно. Выше ростом, с каштановыми кудрями, оливковой кожей и приятными чертами сияющего от радости лица. Королевская печать с драгоценными камнями сверкает в утреннем свете на его правом кармане камзола.

— Кто я? Я королевское солнце, что поднимается на рассвете, чтобы озарить вас своими лучами, — продолжает он петь, и голос его звучит удивительно приятно. Только сейчас я замечаю в его руках алый свёрток. Эти руки никогда не знали тяжёлого труда.

Хмурюсь.

— Я не знаю этой пьесы.

Он расправляет платье, чтобы я его увидела. Даже не смотрю. И так знаю, что всё это нелепо.

— Тогда нам придётся просветить вас в области театрального искусства, если вы собираетесь стать леди под моим чутким руководством.

— Не леди и не собираюсь, — я забираю у него платье и, вспоминая реакцию служанок, удивляюсь тому, что он даже не отпрянул. Непроизвольно сжимаю ткань в кулаке в кожаной перчатке. — Я сама могу одеться. В твоём присутствии нет необходимости.

— Я только что его погладил, леди Рената, — он осторожно вынимает платье из моих рук.

— Я не леди, — повторяю ещё раз.

— Может быть, и нет, но я обязан обращаться с вами как с леди.

— Потому что тебя попросил судья Мендес.

Парень слегка качает головой. Одна из его кудряшек спадает ему на лоб, как завиток дыма или очень маленькая змейка.

— Вы должны знать лучше, чем кто-либо другой, что судья Мендес никогда не *просит*. А теперь, пожалуйста, позвольте вас нарядить для аудиенции. Вы должны быть на высоте, когда предстанете перед королём.

Уверенными размашистыми шагами он направляется в гардеробную, где уже успел разложить духи, расчёски и броши. Неужели я не услышала, как поворачивается ключ в замке и как он ходил здесь своей тяжёлой походкой в сапогах? Похоже, Марго была права. Разведчица из меня никакая.

— Что ты делаешь? — спрашиваю, нетерпеливо следуя за ним.

— Видите ли, леди Рената, — начинает он, — здесь *определённо* необходима моя помощь. Ваши израненные руки в настоящий момент совершенно не пригодны. Верховный судья доверил мне, Леонардо Альмарада, заботу о вас. Вы же не хотите, чтобы он остался мной недоволен, да?

— Вообще-то, я задаюсь вопросом, что же ты такого натворил, что тебя сослали ко мне?

Уголок его губ дёргается и челюсть сжимается. Его пронзительные зелёные глаза пристально глядят на меня.

— Вы ещё поймёте, что я очень даже хорош в своём деле. У меня невероятный запас терпения. Когда я ещё выступал на сцене, я научил двенадцать жаворонков подпевать мне в музыкальном номере. Жаль, что в наше время работы почти нет.

— Я не умею петь, — меня тянет улыбнуться, но я старательно хмурюсь. Чтобы он почувствовал себя не в своей тарелке, испугался и сбежал, как девушки прошлой ночью.

— Тем лучше для нас всех, — говорит он. — Давайте приступим.

Он держит платье за плечи, на его губах играет насмешливая улыбка, потому что он прекрасно знает, что я не смогу надеть его сама. На платье, по меньшей мере, две дюжины бессмысленных пуговиц на

спине, а моя рука по-прежнему болит. Голос, так похожий на Деза, шепчет в моей голове: «Думай о выгоде». Если Мендес выбрал его, чтобы помочь мне, значит, он ему доверяет. Судья, возможно, сам не знает, какой подарок мне преподнёс. Даже если этот подарок поёт в такую рань.

— Ладно, Леонардо.

Он слегка кланяется мне и тепло, обезоруживающе улыбается.

— Можете звать меня Лео.

***

Я смотрю, как солнце движется по небу, пока Лео готовит меня к аудиенции с королём Фернандо. У него много баночек с пудрой и флаконов с блестящей водичкой, от которых мои щёки и губы розовеют. Он завершает свои процедуры духами с резким ароматом, напоминающим мне горчащие апельсины. Дворяне готовы платить большие деньги за эти запахи, эту имитацию мира, который они видели только на расстоянии, зато я знаю очень хорошо. И я чувствую тоску по клеверным полям, горячим источникам, земле под ногтями, лесу после дождя, траве на вспотевшей коже.

— Вот и всё, — говорит он, довольный собой.

«Кто ты?» — хочется спросить своё отражение. Она чище, чем я была когда-либо за последние годы. Шёлковая юбка волнами ниспадает на землю, как рубиновое озеро в цитадели Тресорос. Красный корсет как будто удлиняет меня и сдавливает рёбра. Накидка из чёрного бархата похожа на крылья.

— Вам нравится? — спрашивает Лео за моей спиной, разглаживая невидимую складку.

Я встречаюсь с ним глазами в зеркале. Густые ресницы Лео выглядят невероятно длинными и тёмными, и я замечаю, как они слегка подрагивают. Почему он так переживает, нравится мне или нет?

Когда я ничего не отвечаю, Лео продолжает:

— Я старался подчеркнуть ваши лучшие черты, чтобы угодить королю и Верховному судье.

Он хорошо умеет заполнять тишину своими словами. Уверена, он может сделать общение с собой комфортным любому. Он и Дез быстро бы сдружились. Мысль о Дезе выводит меня из равновесия: боюсь, что новый виток боли возобладает надо мной.

И поэтому я спрашиваю:

— И какие же, по-твоему, черты — мои лучшие?

— Сложный выбор, — говорит Лео без намёка на иронию. — Вы высокого роста, но слишком худая для придворной моды. Судья Мендес говорит, что мерзавцы, похитившие вас, морили вас голодом. Если бы вы были героиней моей пьесы...

— Так ты писатель?

— Я был актёром театра. Но не перебивайте меня, когда я блистаю. Я бы сделал вас девой Куэрвой, перелетевшей на своих чёрных крыльях через горы Андалусии, чтобы защитить королевство.

Мне знакома эта история несколько иначе. Для мориа дева Куэрва была стражем подземного мира. Она сопровождала души мёртвых в место, где они обретали покой. Во мне нарастает беспокойство. Он слишком добр к такой, как я. И не первый раз болтает о птицах... Может, он Сорока Иллана?

— Разве этот миф разрешено ставить на сцене? — спрашиваю я, глядя на его глаза в отражении.

Он беззаботно улыбается.

— Какой вред может быть от оперы? Её смотрел сам король! Так о чём я говорил? Вы были бы девой Куэрвой. Есть в вас что-то... Ну, вернее *всё* в вас такое тёмное. В том, как вы смотрите на людей... цвет ваших глаз и волос. Кто-либо другой просто окунул бы вас во что-нибудь яркое и блестящее, чтобы подавить всё, что делает вас той, кто вы есть.

Хороший ответ. Почти как заранее подготовленный. Мысленно ставлю себе галочку быть осторожнее с Лео.

— Не уверена, комплимент это или оскорбление.

— Вы бы поняли, если бы я вас оскорбил. А теперь черёд ваших волос.

Так странно сидеть перед зеркалом в гардеробной. Всё здесь задумано услаждать взор, настолько оно утончённо и изысканно. А я вижу только хрупкость всех этих стеклянных ящичков с маслами, лосьонами и жидким жемчужным мылом. Лео расчёсывает мою спутанную гриву, и я морщусь каждый раз, когда он натывается на узел. Затем он заплетает мои волосы как корону и наносит масло, чтобы разгладить локоны по моим плечам.

Заканчивая, Лео перебирает все свои ящички, пока не находит подставку со сверкающими безделушками.

Мои пальцы сами тянутся к яркой заколке. Красные пышные цветы, сделанные из плотного шёлка, задуманы как копия настоящих, с жёлтой бусиной вместо сердцевины. Они, безусловно, привлекают внимание, но меня больше интересует металлическое крепление. Я прижимаю заколку к кожаной перчатке, чувствуя металлический кончик, достаточно острый, чтобы порвать ткань и поцарапать палец.

— Можно эту?

Лео отрывает взгляд от подноса с гребнями, украшенными драгоценными камнями.

— Не стоит, они уже вышли из моды. В этом сезоне все носят жемчуг и самоцветы.

— Мне плевать на придворную моду. Я не носила платье с девяти лет. Точно нельзя брюки? Мне казалось, они становятся всё популярнее.

Я вижу в зеркале, как Лео наклоняет голову.

— Король *предпочитает*, чтобы леди при дворе носили платья, соответствующие их положению.

— И объявил цветочные заколки вне закона?

Лео смотрит на меня и взрывается от смеха. Я испытываю странную гордость за то, что рассмешила этого парня, словно бы целиком сотканного из света и песен. Мне становится больно оттого, как сильно он напоминает Саиду.

— Справедливо, мисс Рената, — говорит он и закалывает цветок с правой стороны моей причёски, у замысловатой косы. Его улыбка в отражении растягивается до ушей, когда он убирает мои распущенные локоны за плечи. — Возможно, вы не так уж безнадежна.

Я выдавливаю улыбку в ответ, но меня это не радует. Мне не нужна надежда. Когда придёт время, мне понадобится твёрдая рука и сила, чтобы воткнуть эту заколку прямо в сердце принца Кастиана.

***

Дворец в Андалусии называется величайшим творением короля Фернандо. Четыре башни сверкают издалека как драгоценности. Все высокие и остроконечные, словно хотят показать, как близок король к шести небесам. Дворец можно увидеть за много миль. Все башни связаны крытыми переходами — небесными мостами. Восемь лет назад половина дворца сгорела до основания в ходе Восстания мориа и в течение нескольких дней после. Шепчущие не смогли тогда убить

короля Фернандо — их смертельный удар оставил только засечку на его доспехах, — но всё же сумели освободить узников подземелий и спасти меня наряду с другими детьми.

Воспоминания собираются где-то на границе сознания. Серость всегда на месте, эта извилистая тьма, которая сегодня всё больше и больше напоминает мне туннели под дворцом. Я не могу повторить то, что произошло в ванной прошлой ночью. Сегодня я всеми силами заталкиваю её назад. Вновь как бы невзначай касаюсь цветочной заколки в своих волосах, её заострённый кончик помогает держать разум под контролем.

Когда мы выходим из покоев, Лео запирает дверь, встав так, чтобы я не видела код от замка. Это отрезвляет и напоминает, что он не друг мне. Я не обращаю внимание на то, как царапает эта мысль изнутри, и спешу вниз по коридору. Мы ещё раз проходим простую деревянную дверь, и ещё раз я замираю рядом с ней — сейчас она слегка приоткрыта.

Запах старых книг и пыли проникает через открытую щель, ещё более сильный, чем в моём воспоминании. Я помню, как читала книги на длинном диване у самого высокого окна. Единственный мой друг во дворце, маленький мальчик, пробирался в библиотеку и проводил время, бросая на пол игральные кости. Я резко вдыхаю и кладу руку на дверь. Сердце бьётся быстрее в моей груди. Мне нужно вспомнить, нужно увидеть... И в то же время воспоминание об этой комнате душит меня.

Но прежде чем я успеваю заглянуть, ко мне подходит Лео.

— Ох, мы спешим, леди Рената, — его зелёные глаза скользят к двери, но его, похоже, не удивляет то, что она открыта и что там кто-то есть. — Пойдёмте?

Мои виски начинают болеть, и я кратко киваю.

Мы проходим по небесному мосту в заново отстроенную северо-восточную башню. Она изменилась внутри. Краски насыщенные, стало много синего цвета, словно помещения посвящены приморским городам и деревням Пуэрто-Леонеса. Каменные стены украшены настоящими ракушками и жемчужинами.

Я останавливаюсь на секунду перед колоннами на входе в северо-восточную башню. У меня мелькает чувство, что я здесь уже была. В отличие от соседней колонны, покрытой тёмно-синей мозаичной

плиткой, эта окрашена в более мягкие, приглушённые тона, как будто раньше стояла в другом месте. Может, я ошибаюсь. Может, так и было задумано. Это чувство колет меня изнутри.

— Маленький совет, леди Рената. Всегда обращайтесь в первую очередь к королю Фернандо, даже к принцу только во вторую, — трещит без умолку Лео. — Принц Кастиан предпочитает, чтобы к нему обращались как к лорду-командующему, не «ваше высочество» и даже не «ваша светлость». Не смотрите ему прямо в глаза, если не готовы сыграть в самые долгие «гляделки» в Вашей жизни. Вам всё понятно?

Не дожидаясь моего ответа, Лео тянет меня за руку в перчатке, мы обходим колонну и вновь движемся в нужном направлении. Так странно, когда малознакомый человек так держит мою руку, но я заставляю себя не отдёргивать.

В конце коридора маячат массивные двери, и моё трепещущее сердце застревает в горле, потому что мы отражаемся в их зеркальной поверхности.

— Новый дизайн, — сообщает Лео, заметив мой взгляд. Он наклоняется к моему уху, якобы чтобы подправить локон. — *Он* видит вас с той стороны.

Одной рукой я всё ещё держусь за Лео, а повреждённая лежит на животе, где все её увидят. Кто ещё, кроме короля и судьи, находится за этим дверьми? К ним не приставлено никаких стражников. Нет необходимости — и так видно, кто идёт.

— Готовы? — шепчет Лео. Он берётся за дверные ручки в виде львов в прыжке с открытыми пастями.

Я закрываю глаза на мгновение и вижу Деза в свете сотен тысяч звёзд. Моё сердце гулко стучит в груди. Я вернулась сюда ради него. Я вернулась сюда, чтобы его смерть не была напрасной. Я чувствую заколку в своих волосах как железное клеймо. Открыв глаза, киваю ему.

Лео распахивает двери.

Собравшиеся резко затихают. Шепотки проносятся по залу, похожие на жужжание ос вокруг моей головы, готовых ужалить.

Я смотрю на пол, потому что боюсь, что мои ноги меня подведут. Ничуть не меньше нервирует стук моих каблуков, цок-цок-цок, эхом разлетающийся в мёртвой тишине зала. Звук меча, режущего кости. Звук молота, разносящего череп. Я думаю об этих кошмарных вещах,

чтобы мозг не расслаблялся, потому что когда я посмотрю в глаза принца Кастиана, мне потребуется вся сила воли, чтобы тут же не перерезать ему глотку. Сначала шкатулка.

Я следую всем указаниям Лео, сцепив руки в замок перед собой. Он останавливается на пару шагов впереди меня. Сигнал мне, чтобы я подняла глаза.

Меня немного качает, но Лео незаметно подходит ближе, помогая стоять прямо. Мне требуется полсекунды, чтобы взять себя в руки.

Здесь, в окружении судьи Мендеса, других судей и кучки молодых придворных, находится король Фернандо. Он сидит так прямо, словно привязан к спинке своего трона. По правую его руку королева Жозефина, юная жена короля, уже третья, она же принцесса Дофиники. Её изящные черты и гладкая чёрная кожа подчёркивают её молодость в сравнении с её супругом. По левую руку короля место пусто. Принца Кастиана в зале нет.

Я дышу глубже, чтобы успокоить сердцебиение. Он *должен* быть здесь. Где же он? Мог ли он забрать деревянную шкатулку с собой или всё же оставил её Мендесу? Страх холодком пробегает по коже. Что бы сделал мой отряд на моём месте? Точно бы не явились сюда в одиночку. Марго бы выяснила всё, что возможно, о том, куда мог отправиться принц. Саида бы проявила терпение и держалась ближе к Мендесу. Эстебан бы подружился с дворцовой стражей, чтобы вызнать секреты, — он научился этому у Деза.

Моё сердце ноет от разочарования, но его быстро сменяет беспокойное удивление развернувшейся передо мной сценой. Тронный зал узок, будто намеренно организован так, чтобы приглядеться к тому, кто приближается по ту сторону зеркальных дверей. На арочных окнах изображена история завоевания Пуэрто-Леонеса семьёй Фахардо: каждое из стёкол как яркое пятно, через которое в зал проникает свет, ведущий к месту, где сидит король на троне из альмана.

Чистого, прочного, высеченного альмана.

До того как дворец пострадал в ходе восстания, мне помнится, было другое помещение: со стенами из серого гранита и без окон. Трон короля тогда выглядел сложным переплетением золотых нитей. На каждом из подлокотников была голова льва. Нынешний не такой кричащий, но не менее внушительный. Это жестокость, которую ощущаю только я.

Где они добыли такую большую глыбу альмана? «Украли», — всплывает ответ в моей голове. Мои пальцы дёргаются в желании прикоснуться к камню. Он слабо сияет, как будто в самом центре него есть маленький огонёк. Я знаю, что должна что-то делать — говорить, заверять в своей верности, молить о прощении. Я знаю, что должна что-то делать. Но стою, зачарованная, потому что никогда не видела камня такой величины. Его использовали исключительно при строительстве статуй Госпожи шепчущих, что может означать только одно: король нашёл нетронутый источник или неразрушенный храм. Какие секреты могут храниться внутри?

Первая мысль: «Я должна сообщить Иллану». Но мне нельзя делать ничего, что поставило бы под угрозу цель, ради которой я здесь.

Жужжание ос усиливается. Я смотрю на Лео, преклонившего колени. Он поворачивает голову ко мне, только чтобы я увидела возмущённый взгляд.

Приседаю в реверансе так поспешно, что неуклюже падаю на колено. Этот звук удара о пол слышат все. Окружающим стыдно за меня, придворные разворачивают свои пёстрые веера, чтобы скрыть ухмылки и насмешки.

— Ваше величество, — начинаю я громко и твёрдо, чтобы все смешки умолкли, — меня зовут Рената Конвида, и я вернулась, чтобы служить короне и Правосудию, если ваша светлость даст на то своё высочайшее дозволение.

— Прощу её извинить, — вмешивается судья Мендес, сделав шаг вперёд. Почему я чувствую предательское облегчение, когда его серые глаза смотрят на меня? Пока он на моей стороне, мне дышится немного свободнее. — Девочка не обучена общению с вышестоящими лицами.

— Поднимись, — велит король Фернандо, и, поднимая взгляд, я вижу его взмах рукой.

Держать лицо оказывается сложнее всего, что я когда-либо делала. Король Фернандо вызывает иной страх, нежели его сын. Принц Кастиан показывает терпеливую надменность и спокойствие, такое же обманчивое, как затаившаяся змея, в то время как король Фернандо резок, его ненависть ко мне — если не ко всему на свете — пылает, как зажжённый факел. Он не обратил внимание ни на хихиканье придворных, ни на извинения Мендеса. Только продолжил неотрывно

смотреть на меня бездонными чёрными глазами. Он не одевается так броско, как Кастиан. Он одет в чёрное с головы до ног, как будто носит траур.

Мои губы настолько сухие, что я чувствую жжение, но прикусываю язык, чтобы не облизать их.

«Не отводи взгляд», — мысленно говорю сама себе. — «Пусть он поймёт, что ты можешь быть ему полезна».

Тем временем король Фернандо совершает кое-что неожиданное.

Он поднимается с трона и сокращает расстояние между нами. Теперь он так близко, что я не могу перестать сравнивать его с сыном. Единственным живым сыном. Кастиан преследует своих жертв, как горный лев играет с едой. Король смотрит на меня так, будто хочет вскрыть, а потом изучить. Если Кастиан смеялся, празднуя победу, то Фернандо словно постоянно испытывает отвращение и презрение. Сам факт того, что я стою здесь, оскорбляет его. Как он выносит присутствие своей Руки Мориа, я не представляю. Это тот же человек, который позволил Лозару жить во дворце, пока тот не попался? Не верю.

— Я нашёл вам новую робари, ваше величество, — объявляет судья Мендес, не поднимая головы, — как и обещал.

— Если я правильно понимаю, ты ничего не нашел, — возражает король. Даже я ощущаю, как жалят его холодные слова. Мендес остаётся неподвижным.

Король Фернандо немного ниже меня ростом, но стоит прямо, точно вяз. У меня мало воспоминаний о нём, будь то своих или украденных. Помню, как видела его однажды, когда он ворвался в библиотеку судьи Мендеса. Он тогда был более мускулистым, с чёрными волосами и густой бородой, которая старила его. Теперь он тоньше, волосы поредели и поседели — чернила стали пеплом, появились морщины на лбу и опустились уголки губ. Только его глаза остались молодыми. Этот человек захватил трон отца в семнадцать и расширил границы Пуэрто-Леонеса, обеспечил себе союзника по ту сторону моря и новое королевство через брак. Его кожа похожа на тёплое молоко, бледная в сравнении с его тёмными бровями и бородой.

— Покажи мне свои руки, — приказывает король Фернандо голосом человека, привыкшего, что его команды тут же выполняются.

Мендес быстро подходит ко мне с маленьким ключом и снимает перчатку.

К моему удивлению, король Фернандо сжимает мою руку, уверенный, что я не заберу его воспоминания через кожу.

«Сделай это. *Сделай это*, избавь мир от него».

— Скажи мне, — продолжает король, держа мою руку ладонью вверх подобно обычной гадалке с рыночной площади, — почему же ты раньше не сбежала от этих мятежных тварей?

Перевожу взгляд на судью Мендеса. Он ободряюще кивает, потому что я уже затянула с ответом.

— Я пыталась, ваша величество, — заставляю свой голос не дрожать, ведь это правда.

— Пыталась все восемь лет, что тебя не было? — язвительно уточняет он. Двор отвечает короткими надменными смешками.

Во рту всё пересыхает, уголки губ слипаются, когда я продолжаю говорить:

— С каждым днём это становилось всё сложнее. Я потеряла всё, даже надежду.

Лучшая ложь похожа на преломлённый свет. Играет с восприятием.

— Желаете увидеть шрамы, которые они оставляли на мне после каждой попытки побега? — я тянусь к шнуровке своего корсета на спине. Это блеф, но я должна довести его до конца, любая заминка вызовет подозрения.

Это блеф, который нравится королю Пуэрто-Леонеса. Он поднимает свою руку, и я прекращаю развязывать шнуровку. Он может быть убийцей, фанатиком, тираном, но есть качество, которым он гордится, — его извращённое чувство благородства.

— Леонардо? — подзывает король Фернандо слугу, и Лео подходит к нам за пару широких шагов. Его голова склонена, взгляд направлен в пол, кудри свисают вниз. — Ты одевал это создание. Что ты заметил?

Я с трудом глотаю, вспоминая события этого утра. Как Лео резко вдохнул, перед тем как начать застёгивать платье, и как я напряглась. Он не спрашивал, каким образом моя спина превратилась в лабиринт из шрамов, просто продолжил напевать свою жизнерадостную песенку.

— Я полагаю, что шрамы на её спине были оставлены людьми, у которых не было ни капли любви к девочке.

Я недооценила Лео. Не только судья Мендес ему доверяет, но и сам король полагается на его слова. Он явно не может быть Сорокой. Я задумываюсь над тем, как простой актёр добился такого уровня доверия во дворце. Кошачьи зелёные глаза Лео скользят по моим рукам, но он ничего больше не говорит.

«Напротив. Он бы стал прекрасным шпионом», — думаю я.

— Шепчущие не доверяют робари, — говорю вслух, держа руки перед собой. — Даже сейчас они держат нас за воров и мусорщиков. Нас там было двое, хотя мы были разделены. Другой робари погиб пять лет назад во время нападения.

Это ложь, но я хочу увидеть его реакцию. Похоже, мои слова его обеспокоили, и я думаю, из-за того ли, что он рассматривает это как потерянную возможность.

— Константино, — подзывает король.

Сосредоточившись на нём, я как-то упустила из внимания двух мужчин, тихо стоящих за тронем в ожидании указаний, как питомцы у ног короля, выпрашивающие угощение. Они молоды, лет двадцати пяти на вид, и одеты в форму, пошитую на заказ. На первый взгляд они могли бы быть королевскими стражниками, несмотря на то, что их форма полностью чёрная вместо имперских фиолетового с золотым. У каждого есть металлическая пластинка поверх нагрудного кармана с фамильным гербом короля Фернандо — крылатым львом из легенд с копьём в зубах и пламенем вокруг.

Тот, что ниже ростом, подходит к нам, и я замечаю, что пластинка на самом деле сделана из меди. Смотрю на второго и понимаю, что его пластинка серебряная. Они мориа: вентари и персуари. Всё, что осталось от Руки Мориа.

Хотя король объявил магию вне закона, он всё равно держал при себе личную коллекцию мориа: по одному с каждым видом дара. В конце концов, не лучше ли сражаться с врагами их же оружием? Что бы он сделал, если бы смог подчинить так всех мориа?

Я не узнаю ни одного из них с того времени, как была во дворце. С другой стороны, Мендес старался держать меня обособленно от остальных. В безопасности.

— Не возражаешь, если наш вентари проверит твои слова? — король Фернандо спрашивает с нескрываемым вызовом. — Этот вентари выявил каждого изменника в моём окружении.

Веера трепещут, губы шепчут, а моё сердце бьётся в тревоге. Я протягиваю свою левую руку.

— Конечно, ваше величество.

— Смотри, — приказывает король Фернандо прямо в ухо вентари.

Константино не похож на Люсию. Они не лишили его магии, хотя с ним всё равно что-то не так... И с другим, оставшимся стоять за тронем живой статуей. Мне интересно, как они оба сюда попали. Их похитили, как и меня? Такой была бы моя судьба, если бы меня не спасли. Если бы Дез не спас меня.

подавляю скорбь и напоминаю себе, зачем я здесь. Сжимаю руку вентари прежде, чем он возьмёт мою. Эстебан научил меня контролировать свой разум, когда кто-то пытается его посмотреть. Как и с любой магией, это вопрос практики, и каждый вентари имеет разный уровень силы. К моему облегчению, Константино не так силён, как Эстебан. Я так и не смогла научиться полностью закрывать свой разум от своего товарища. Но от вентари послабее... Мне вполне по силам.

Я даю Константино увидеть день, когда получила шрамы на спине. Молодой моряк толкнул меня в колючие заросли в реке, и я упала, запутавшись и дёргаясь так сильно, что истекла кровью. Я позволяю ему увидеть наши стычки с Марго. Как Иллан кричал на меня. То время, когда меня заковали, потому что я пыталась навредить себе. Незнакомого моряка, который плевал мне под ноги каждый раз, стоило мне подойти к монастырю.

Я дала ему увидеть всё худшее.

Он первый отступает, разрывая связь, и у меня слегка кружится голова. Лео протягивает руку, чтобы придать мне устойчивости.

Лицо Константино ничего не выражает, как чистый лист. Его голос ровный, когда он сообщает:

— Она говорит правду, ваше величество.

Король Фернандо пристально смотрит на меня, не определившись во мнении. Константино слишком молод, чтобы понимать то, что знаем король и я, — что любая правда зависит от точки зрения. Но Фернандо не допрашивает своего ручного чтеца мыслей. На его губах

внезапно появляется надменная ухмылка, и меня резко пронзает мысль, какой *знакомой* она выглядит. В его чертах я вижу его мерзавца-сына.

Громко хлопнув в ладоши, он подаёт знак дворцовым стражникам, и я уже готовлюсь к тому, что они снова защёлкнут кандалы на моих запястьях. Судья Мендес делает шаг между мной и королём Фернандо, словно закрывая меня собой.

— Наконец-то, — король хлопает по плечу судьи, отчего двор вновь начинает трещать, — ты привёл ко мне робари. Моя коллекция почти собрана. Ты хорошо постарался, мой старый друг.

Мендес закрывает глаза и выдыхает, будто только что избежал виселицы.

— Вся моя жизнь в служении вам, ваше величество, — он кладёт руку на моё плечо. Старые воспоминания царапают когтями спину. Как Мендес читал мне перед сном. Как Мендес учил меня писать. Я проглатываю ком в горле и не позволяю себе отшатнуться.

Константино тихо возвращается на своё место за тронном.

— Сначала победа моего сына, теперь это, — король взмахивает пальцами в воздухе. Два стражника, уходившие, возвращаются. Они волокут за собой человека в цепях. Придворные вытягивают шеи, чтобы разглядеть получше. — Отец миров по-прежнему благоволит нашему королевству.

На узнике добротная шёлковая блуза и испачканный в грязи дублет. Я не узнаю знак рода на его нагрудном кармане — меч, увитый шиповником. Когда он видит меня, его лицо бледнеет от страха.

«Ты вообще знаешь, что видят люди, когда смотрят на тебя?» — бросила мне Марго, разозлившись, когда Дез взял на одну из миссий меня вместо неё.

Страхиваю с себя начало воспоминания, которое было вызвано проникновением вентари, и перевожу всё внимание на этого человека, потому что знаю, *что именно* он видит.

Его бросают к моим ногам, вынужденного повиноваться. Его губы в нескольких дюймах от изящных туфель на каблуках, жмущих мне ноги.

— Докажи, что можешь быть полезна, робари, — король выпрямляется и обращается к своему двору. — Этот человек нарушил свои клятвы короне и стране. Этот человек предал меня.

Я наблюдаю за реакцией придворных. Веера колыхают как крылья стрекозы.

— Его измена была раскрыта прошлой ночью на одном из его кораблей. Вместо бочек с агуадульсе и вином, на которых его семья сделала себе имя, лорд Лас-Росас перевозил отбросов моря. Вандалы, поджёгшие деревню Эсмеральдас и напавшие на столицу, были среди них.

Это неправда. Он обвиняет отряд Рысь, потому что не знает, на кого именно возложить вину. Но я не могу сказать этого вслух. Я смотрю на Лео, на печать на его камзоле. Это единственное, что удерживает меня от того, чтобы закричать. Море слишком далеко, отряд Рысь не успел бы добраться до побережья. Но что насчёт Иллана и остальных? Самое ужасное в короле Фернандо — это то, как он повергает в пучину сомнений. Что, если он говорит правду? Что, если Саида и остальные успели запрыгнуть на борт?

— Корабль был на пути в эмперию Лузо, — с каменным лицом и глазами чёрными, как смола, продолжает король, возвышаясь над лордом Лас-Росас. — Я и представить себе не могу лучшего наказания, чем дать тебе испытать на себе магию моря, которую ты счёл стоящей того, чтобы ради неё предать свою страну.

Дворянин всхлипывает через кляп во рту. Он мотает головой, и я готова поклясться: если бы он мог говорить, то кричал бы о своей невинности. Я знаю, что король лжёт, но не чувствую ничего к лорду Лас-Росас, рыдающему у моих ног. А должна? Аристократы вроде него с радостью бросились прогонять моря с их земель и из их домов на улицы — своих друзей, слуг, собственных сыновей, сестёр, отцов, если только они были заподозрены в наличии магии, даже если это подозрение было ложным.

Судья Мендес кладёт руку мне на спину, мягко подталкивая вперёд. *Для этого* меня привели сюда, снова. Недостающая часть коллекции. Сила, которой только королю разрешается владеть. Цена пребывания во дворце. Но я давным-давно дала себе обещание не создавать больше пустышек. И я его сдержу.

— Конечно, ваша честь, — произношу я, затаив дыхание. Протягиваю руку, раскрывая пальцы. Моё лицо непроницаемо.

Лорд Лас-Росас пытается отклониться назад — я этого сделать не могу. Его пшеничные волосы потемнели от пота. Я призываю свою

магию, и ожоги на моей ладони вспыхивают светом. Двор наблюдает, не дыша, как я проникаю в разум этого человека.

Но тут я вскрикиваю и падаю на колени перед судьёй Мендесом. Он хватается меня под локти, заботясь о том, чтобы не повредить правую руку ещё сильнее. Меня бесит то, как осторожно он меня держит. Бережно. Я как стеклянные безделушки на туалетном столике: хрупкая, уязвимая, легко сломать. Прижимаю руку к груди.

— Что такое, Рената? — спрашивает судья Мендес.

— Что произошло? — нетерпеливо вставляет король Фернандо.

Я морщусь и показываю ладони.

— Ваша честь, я не могу.

Я держу их так, чтобы он вновь мог рассмотреть повреждения. Линии на ладонях смещаются, свет слабо мерцает. Мендес не знает об этих маленьких трюках, которым я научилась без него.

— Она бракованная, — выплёвывает король слова, обращаясь к судье Мендесу. — Что хорошего в орудии, которое я не могу использовать?

Орудие. Слово звенит в моих ушах.

— Она ранена, — возражает судья. Наверное, он единственный человек во всём королевстве, кто может противостоять королю. Мендес обнимает меня одной рукой. — Это сделал Лозар, когда узнал, кто она такая. И ей пришлось его убить.

— Лозар, — повторяет король Фернандо. После того как я услышала историю старика-вентари, как он некогда состоял в королевском совете, я гадала, проявит ли король сожаление. Но на его лице сейчас что угодно, только не раскаяние. — Я думал, он скончался давным-давно.

Прикусываю язык, чтобы не разразиться ругательствами. Вместо этого издаю приглушённый стон.

— Её руки — ключ к её магии, — поясняет судья Мендес. Они оба стоят надо мной, и я чувствую запах каждого. Кровь бежит по моим венам, и я замираю неподвижно, потому что боюсь, что мои рефлексы возьмут верх, и я побегу прочь. — Она единственная робари, которую мы нашли, с тех пор как...

— Мне об этом прекрасно известно, — обрывает его король.

Меня переполняют вопросы: о ком они говорят? Что они с ними сделали? Что сделают со мной, если я не смогу выбраться отсюда?

Если я не справлюсь...

— Простите, ваше величество. Леонардо и я позаботимся о её ране, и она вскоре поправится.

Король Фернандо разворачивается и возвращается к своему трону. Королева Жозефина мнёт своё светло-голубое платье в руках. Она выглядит так, словно перестала дышать, пока он приближается к ней. Весь двор затаил дыхание. Король подобен солнцу в этом зале, а все остальные — сорнякам, тянущимся за ним, к его свету, куда бы он ни пошёл. Альман выглядит белым пятном под его чёрными одеждами. Я опять ловлю себя на желании прикоснуться к трону. Хотя он не сияет от воспоминаний, мне бы хотелось проверить, если вдруг что-то всё же осталось глубоко внутри.

Когда король вновь поворачивается к нам, его тёмные глаза останавливаются на мне. Моё сердце ухает вниз, и ужас, которого я давно не испытывала, пробегает по позвоночнику.

— Скоро Фестиваль Солнца, — выносит решение король Фернандо. — К этому времени твоя рука должна успеть зажить. Императрица Лузо со своими приближёнными нанесут визит. Пора нашим южным соседям по ту сторону Кастинианского моря понять, с кем они имеют дело.

— Даю вам своё слово, ваше величество, — судья Мендес и горстка других судей кланяются, подтверждая получение приказа.

Фестиваль Солнца состоится через две недели, даже чуть меньше. У меня есть двенадцать дней. Двенадцать дней, чтобы найти оружие во дворце и уничтожить его. А потом я убью принца. К началу фестиваля меня здесь быть не должно.

Стискиваю зубы, удерживая на лице выражение повиновения. Только что я одержала свою маленькую победу, сумев их всех одурачить.

Король Фернандо делает вдох, и такое ощущение, что все в зале повторяют за ним. Его тёмные глаза пытливно смотрят на меня.

— Уберите Лас-Росаса с глаз моих, — в итоге приказывает король Фернандо, сверкая многочисленными кольцами на пальцах, и весь двор выдыхает.

Мгновение длится вечность, пока лорда Лас-Росас уведут обратно в темницу. Я задумываюсь над тем, могут ли держать аристократов где-нибудь в другом месте, например, в камере с кроватью и едой.

Потому что даже будучи преступниками, они не простые смертные... и не мориа. Могут ли придворные, наблюдающие за происходящим, представить себя на его месте, как если бы кого-то из них вот так увели?

Два узника, формирующие Руку Мориа, стоят, единые в своём молчании. Стекланные глаза смотрят в стену позади меня. Если моя рука заживёт, а я не успею завершить свою миссию, то мне придётся стать одной из них. Со мной Руке Мориа будет не хватать только одного — иллюзионари, встречающихся почти так же редко, как и робари. Вспоминаю свирепый взгляд Марго, её решимость, граничащую с ослиным упрямством... Это всё в ней бы погасло. Неважно, что было между нами, я не могу допустить ни малейшей возможности такой судьбы для неё.

— Итак, Рената Конвида, — когда король Фернандо произносит моё имя, я чувствую на себе его давление. Он вынимает кинжал из ножен на бедре. Небольшой, симпатичный клинок с сапфирами на рукоятке. Теперь я понимаю, откуда взялось тёмное пятно под моими ногами. Клятвы приносят *на крови*. — Раз ты пока не можешь исполнять свои обязанности в качестве моей робари, готова ли ты принести присягу на верность моему двору в качестве моей подданной?

Я должна испытывать облегчение, что мой обман сработал и порез на руке дал мне отсрочку. Но мышцы ног деревенеют, словно отказываясь принимать мои действия, когда я опускаюсь на холодный мраморный пол.

— Я готова, — произношу в ответ, сжимая кулаки так сильно, что швы расходятся и кровь стекает тонкой струйкой.

— Клянёшься ли ты отдать свою жизнь ради меня, если потребуется, и защищать существование и традиции Пуэрто-Леонеса?

— Клянусь.

— Её ладоням не должно быть никакого вреда, Ваша светлость, — замечает судья Мендес. Второй раз он испытывает благоволение короля перед всем двором, что не может обернуться ничем хорошим для него. Тем не менее, я вижу метание в глазах короля, пульсирующую вену на его шее.

— Её ладоням, говоришь, — повторяет король Фернандо. Его слова холодны, как сталь клинка, которым он разрезает кожу у меня на

груди. Я втягиваю воздух сквозь зубы и прикусываю язык от острой боли. — Так тоже будет достаточно крови.

Придворные ахают, гул их голосов становится всё громче, их веера движутся так быстро, что могут вызвать ураган. Я не смотрю ни на Лео, ни на Мендеса.

— Клянёшься на крови служить своему королю, Правосудию и Отцу миров?

Проливать кровь во имя этого человека — всё равно что идти против всего, за что я сражалась.

Я никогда не буду так хороша, как Марго или Дез.

Но я Рената Конвида. Преклонив колени у ног короля и позволив порезу над моим сердцем кровоточить, я даю клятву самой себе, молчаливый обет между мной и всеми очевидцами: я найду это лекарство. И уничтожу. Даже если мне придётся пожертвовать своей бессмертной душой, я уничтожу короля и Правосудие.

Моя кровь стекает на пол между нами, и я произношу всего одно слово:

— Клянусь.

Глава 15

Мы с Лео молча идём по коридору, через зеркальные двери и потом по небесному мосту. Я чувствую запахи дворца: горячий хлеб с кухонь, горящие дрова в каминах и постиранные душистым мылом простыни, сохнувшие во двореке. Как такое опасное место может ощущаться таким уютным? Справа от себя я слышу звонкий смех — возможно, служанки присели на минутку отдохнуть или придворные дамы гуляют под солнцем по лабиринту в саду. Сегодня солнечно, и отчётливо видно всю грязь цитадели по левую руку. Даже дождь её не смоем.

— Сюда, — говорит Лео, не сбиваясь с шага.

Я не готова пока на него посмотреть, но краем глаза я вижу платок, который он достал для меня. Беспольный жест — как будто маленький кусок ткани сможет вытереть моё залитое кровью платье, — но его доброту сложно не оценить.

Часть меня хочет доверять ему, но то, как обратился к нему король, мне слишком знакомо. Я точно знаю, что каждое моё слово будет передано в отчёте.

Мы поднимаемся по большой изогнутой лестнице, и он достаёт из кармана ключ. Лео не просто держится прямо, он весь напрягся, словно что-то скрывает. Он ни разу не взглянул на меня, с тех пор как мы покинули тронный зал, и ни слова не сказал до этого момента.

— Леди Рената, — обращается он. Я остаиваюсь посреди просторной комнаты с резными столами, дофиникийскими занавесками, хрустальными люстрами, шёлковыми простынями, изготовленными шелкопрядами из провинции Сол-Абене... Заливая кровью ковёр.

— Я говорила тебе не называть меня так, — меня бесит, как мягко звучит мой голос. Будто пыль, которая плавает в воздухе, освещённая солнцем.

— Я не знал...

— Давай не будем об этом. Я знаю дорогу в свою клетку. Ты свободен.

— Может, вы и не хотите называться леди, но приказываете как настоящая аристократка, — замечает он, пытаясь выдать улыбку. «Кривые улыбки — кривые намерения», — частенько говорила Саида. — А теперь, с вашего позволения, я наберу вам ванну.

— Я принимала ванну вчера, — мысль о пустом расходе такого количества воды кажется абсурдной. Я ведь не бежала по грязи, даже не вспотела, а кровь довольно легко смывается.

— Судья Мендес дал мне чёткие указания. Вам предстоит отчитаться об ужине и подготовке.

Мне кажется, я тону. Тело не слушается. Усталость в каждой его клеточке. Лео опять ловит меня за секунду до падения.

— Вы не привыкли, чтобы о вас заботились, да? — ласково спрашивает он.

Внезапно я чувствую себя снова той маленькой девочкой во дворце — этим жадным, глупым ребёнком, — слепо не замечающей, что происходит вокруг неё. Я не хочу быть той девочкой. Вообще не хочу никем быть. Как долго у меня получится притворяться, что я не могу пользоваться магией? Может, я не создана для этого. Может, мне лучше сдаться и уступить, потому что все пути, которые я выбираю, ведут к моей гибели.

Лео помогает мне аккуратно раздеться. Я даже не чувствую его прикосновений к своей коже, только ткань. Он уже держит новое

платье для меня. Я слишком устала, чтобы возражать. Сажусь перед зеркалом, пока он набирает ванну. Интересно, что бы сказали Марго или Эстебан, если бы увидели эту водопроводную систему? В Анжелесе мы купались разве что в холодных прудах и озёрах, а горячие источники были в дне пути на север.

Вырываю цветок из своих волос и прячу его в карман халата, пока Лео выбирает флакончики с жидким мылом и маслами и губку вместо жёсткой щётки. Он выливает содержимое двух флаконов в воду, и на поверхности появляется яркая жёлто-голубая пена, от которой вода становится насыщенного зелёного цвета.

«Достаточно», — голос незнакомца вырывается из воспоминания.

Глубоко вдыхаю и заталкиваю подальше тоску, проходящую сквозь мою кожу, как нить в моей раненной ладони. Сажусь в ванну, горячая вода расслабляет мои уставшие мышцы.

— Всё прошло лучше, чем я ожидал, учитывая все обстоятельства, — прозиносит Лео.

— Да, просто замечательно, — сухо отвечаю я. — Для человека, завоевавшего целый континент, он просто душка.

Глаза Лео расширяются, и я понимаю, что это была слишком вольная фраза. Он намыливает мои волосы белой пеной.

— Никогда этого не повторяйте, Рената.

Хотела бы я взять свои слова назад.

— Прости, я забылась.

Что такого есть в Лео, что заставляет меня быть менее осторожной? Или это я от одиночества, окутавшего меня, точно саван? Может, поэтому его приставили ко мне?

Лео пожимает одним плечом и выливает масло на свои ладони. Он поднимает руки вверх:

— Вам когда-нибудь массировали плечи? В одном из нижних районов есть захарианская купальня. Настоятельно советую там как-нибудь побывать. Ваше тело просто каменное.

Качаю головой.

— Не думаю, что судья Мендес одобрит.

— Вы правы. Но это божественно приятно, — он кивает и передаёт мне губку. — Держите.

Почти вся кровь смылась в воде, но осталось несколько засохших пятен на ключице. Не хочу наслаждаться этим. Ни дружбой, которую

так легко предлагает Лео, ни всеми этими вещами, которых у меня не было все эти годы.

Я мою подмышки и живот, пока Лео убирает обратно все флакончики, непрерывно болтая то о том лорде, то об этой леди. И о том, как скандал с лордом Лас-Росас потряс весь двор. Особенно потому, что порты проверяются королевскими людьми. Никто не знает, как ему это удавалось.

Голос Лео становится приятным фоновым шумом.

Я тянусь к затычке, чтобы спустить воду. Внезапно вспыхивает воспоминание — вырывается из Серости без всякого предупреждения. Лицо моего отца, как он работал с металлами и как его руки всегда были покрыты золой.

Отгоняю воспоминание прочь. Слишком больно помнить любовь. Я предпочитаю гнев. *Голубые глаза*. Моё сердце бьётся сильнее, когда я думаю о принце, которого не было при дворе.

— Почему принца... то есть лорда-командующего не было рядом с его отцом? — спрашиваю я, пытаюсь сделать оленьи глазки. У Саиды это получалось лучше.

— Хм. Если Вы хотите услышать мой непрошенный совет, леди Рената, то не стоит слишком часто интересоваться принцем или произносить его имя при посторонних.

Я ловлю пузыри раненой рукой, не торопясь отвечать, пока они все не лопаются:

— Но ты ведь мне не посторонний, правда?

Лео беспечно усмехается, однако его глаза выдают страх.

— Внутри этих стен, только между нами, принц Кастиан приходит и уходит по своему усмотрению. Когда он здесь, он появляется при дворе, только чтобы выбрать леди, которая могла бы, эм, составить ему компанию на ночь. Я подозреваю, что он это делает, чтобы позлить короля. Но скоро Фестиваль Солнца. Даже принц не рискнёт навлечь на себя гнев отца тем, что не придёт, особенно после того как пропустил его в прошлом году.

Я последний раз окунаюсь в воду перед тем, как встать. Лео уже ждёт меня с полотенцем.

— Осторожнее, мисс Рената. Вы как будто разочарованы, как все придворные леди.

Я резко хмурюсь, кривя лицо. Моя реакция такая примитивная.

— Неправда.

— Давайте больше не будем об этом. Извините, что говорю это, но вы выглядите слегка позеленевшей. Я принесу вам чай, и вы будете отдыхать до завтра.

— Но меня же ждёт судья Мендес.

— Я передам ему. Он больше, чем кто-либо ещё, печётся о вашем благополучии, — Лео выводит меня из умывальной в спальню, чтобы одеть. Я ловлю своё отражение в зеркале и не вижу, чтобы я позеленела, как он говорит. Но у меня ломит всё тело, правая рука ноет, да и порез на груди жжётся. Если бы не Лео, я бы просто потонула в жалости к себе.

Отжимаю волосы полотенцем и ложусь в кровать. Мне приходит в голову мысль, что пока принц отсутствует, его покои пустуют. Он бы не оставил оружие там, где любой бы мог найти, но там могут быть подсказки. Осталось только попасть туда в одиночку, без Лео или ещё какого-либо сопровождения.

Лео поправляет одеяло, и я беру его за руку. Он кажется почти удивлённым, когда я говорю:

— Спасибо тебе.

Он поглаживает мою руку в перчатке, которая намочила, несмотря на все мои старания не намочить её в ванне.

Засыпая, я не уверена, это голос Лео или что-то из глубин Серости, но я слышу это так же отчётливо, как звон соборных колоколов:

— Рано пока ещё меня благодарить.

***

Я подскакиваю от звука тяжёлых шагов. За окном ещё глубокая ночь.

Тихо выбираюсь из кровати и прислушиваюсь к двери. Замок не позволит мне выйти из комнаты. Я присаживаюсь на одно колено, чтобы посмотреть в замочную скважину, можно ли её как-то открыть без ключа. Цилиндрические замки только для заключённых, которой я и являюсь. Вдруг я замечаю тень. И ещё одну. Шаги. Две пары шагов перемещаются туда и обратно у моей двери.

Стража.

Новый вопрос: они следят, чтобы я не вышла, или чтобы кто-то другой не вошёл? Возможно, и то, и другое. Я задерживаю дыхание,

пытаясь вести себя как можно тише, и возвращаюсь в постель. Прекрасное напоминание, что каким бы комфортным всё вокруг ни было, это всё ещё клетка.

Глава 16

Утром меня отводит другая служанка, после того как Лео помог собраться. Он назвал её Сулой. Её русые волосы заплетены в две аккуратные косы. Она ходит так, будто её одежда сделана из дерева, и плотно прижимает руки по швам. Я почти физически ощущаю её страх. У меня мелькает мысль спросить её о принце Кастиане, но потом замечаю, как она сжимает деревянный кулон, который продавался на рынке на каждом шагу. Это всего лишь кусок деревяшки, фигурно вырезанный и пропитанный святой водой. Он не отгонит даже комаров, но с тех пор как торговцы начали уверять, что они защищают леонессцев от магии мориа, эти кулоны стали нарасхват.

Нужно найти другой способ попасть в покои принца, потому что с ней не выйдет.

Мы пересекаем небесный мост, ведущий в юго-западную башню, где находится кабинет судьи Мендеса. В утреннем свете зелёная и золотая мозаика сверкает, как роса на лепестках в свете солнца. Арку оплетает лоза с сердцевидными листьями. Эта башня была вдохновлена зелёными лесами, охватывающими центральную зону Пуэрто-Леонеса.

Стайка из пяти придворных выходит из-за угла и останавливается при виде меня. Они прячутся за своими кружевными веерами, но их смешки слышны даже на другом конце моста. Я думаю о том, что мне вчера рассказал Лео. Правда ли, что принц бывает при дворе отца, только чтобы найти любовниц? Как кто-то вообще может хотеть его прикосновений?

— Мы должны подождать, пока пройдут благородные дамы, — тихо предупреждает служанка своим высоким голосом. Она прижимает руки к животу и склоняет голову.

Я не хочу этого делать. Не хочу кланяться. «Послушание не то же самое, что ум», — говорила Марго, хотя она никогда не была во дворце и не знает, что иногда в далёкой перспективе это как раз одно и то же.

Девушки проходят по мосту. Я уже знаю, что они сделают, ещё до того как первая из них приближается ко мне. Сула невидима для них, а я, как бы мне ни хотелось обратного, привлекаю внимание. Когда они оказываются рядом, девушка, идущая впереди, отталкивает меня в сторону своими круглыми бёдрами, как будто расчищает себе дорогу в толпе. Потеряв равновесие, я хватаюсь за неё правой рукой. Швы растягивают кожу на ладони, но от чужого прикосновения моя магия пробуждается. Злость вспыхивает во мне, и я проникаю в её сознание.

Он никогда её не заметит. Но она должна попытаться.

Бальный зал в оранжево-золотых тонах залит светом больших белых свечей, освещающих мозаику от пола до потолка. Не лучший свет для её лица. Об этом напомнила её мать перед тем, как девушка присоединилась к свите королевы Жозефины.

Группа музыкантов играет в центре зала, где кронпринц наблюдает за происходящим вокруг, надувшись от скуки. Он ещё ни разу не станцевал, сколько бы к нему ни подходили с поздравлениями в поимке лидера мятежников. Вот он делает жест, и его слуга подбегает с кубком вина, который тот подаёт в невредимую руку принца.

Она делает вдох, подхватывает юбки и пересекает зал. Если она хочет возвыситься над остальными, нужно иметь смелость. Будущие короли хотят отважных королев, верно?

Принц Кастриан смотрит на неё своими голубыми глазами. Кажется, они сверкают. Он моргает, и теперь они стали слегка зеленее. Её язык не слушается, вся отвага куда-то пропала. Он так красив. Так красив, что её сердце болезненно сжимается.

— Прекрасный вечер, вы не находите, леди Гарза? — его голос мягкий, приятный, как густой крем на пирожных. Словно обволакивает её.

— Да, ваша светлость. Благодаря вам стало гораздо безопаснее.

Он морщит лоб, и она приседает в низком реверансе. Таким низком, что теряет равновесие и падает, её руки ударяются о холодный мозаичный пол.

Принц Кастриан делает глоток из кубка и передаёт его обратно слуге. Он ничего не говорит. Не обращает внимания на её падение. Перешагивает её юбки и уходит через двери большого зала наружу, в сад.

Она встаёт, не отрывая увлажнившихся глаз от носков своих туфель, и убегает прочь от жестоких усмешек и ещё более жестоких шепотков.

Я прерываю воспоминание, но неловкая ситуация, произошедшая с ней, прилипает ко мне, как мокрая одежда. Я дышу, пытаюсь выкинуть её из головы, но все мысли только о бале, который организовал принц Кастиан, чтобы отпраздновать пленение Деза. Кровь с привкусом меди ощущается во рту — я слишком сильно прикусила язык, чтобы сдержаться.

— Неуклюжая идиотка! — кричит одна из девушек.

— Она поцарапала меня! — шипит леди Гарза, стремительно пересекая небесный мост в окружении свиты. — Смотрите! Вы только посмотрите! Я подхватываю бешенство! Или чуму!

— Я прослежу, чтобы ей подрезали когти, как бешеной твари, которой она и является, — добавляет её подруга. Но они уходят дальше, их веера трепещут, как лепестки на ветру.

Я бросаюсь к краю моста и медленно, глубоко дышу. Не стоило этого делать. Воспоминание было коротким, но вокруг было слишком много девушек. Что если они заметили?

— Ты опоздала, — произносит знакомый голос.

Поднимаю глаза на судью Алессандро, стремительно шагающего по мосту. Он хватается меня за руку, и я вырываю её, потому что он не должен так меня касаться.

— Мне больно.

Меня бесит слабость в моём голосе и то, как неровно бьётся сердце, пока его холодные и влажные руки пытаются разжать мои пальцы. Тогда я понимаю, что он всё видел. Его тёмные глаза тщательно рассматривают мои ладони в поисках чего-то. Каких-либо следов магии.

Красная полоса проявляется на повязке, порез кровоточит. Я прижимаю руку к груди и жду, когда Алессандро посмотрит мне в глаза.

— Смотри, что ты наделал. Мне теперь нужно зашивать порез заново.

Молодой судья запинается и размахивает руками, как растерянная курица крыльями.

— Ох уж эта несносная леди Гарза! Я обязательно сообщу судье. Следуй за мной.

Даже Сула дёргается на ложь Алессандро, но не поднимает головы, сжимая свой защитный амулет всю дорогу туда, где ожидает судья.

***

Мендес питает слабость к красивым вещам.

Его покои в юго-западной башне дворца такие же огромные, как у любого из членов королевской семьи. Я всё ещё помню первый раз, как там побывала. Ко мне была приставлена служанка, даже младше, чем я сейчас — лет пятнадцати, наверное. Не помню, как её звали, но она мне нравилась, потому что напоминала мою мать своей персиковой кожей и румяным лицом. Её тёмные волосы всегда были заплетены, чтобы не мешаться. Она и привела меня в эти покои, где судья Мендес и его совет обсуждали наши способности, он тогда дал нам новую сияющую одежду и пригоршню стеллит.

На протяжении двух лет меня приводили в это место. Толстая деревянная дверь со специальными цилиндрическими замками, которые разработал сам Мендес, когда основал Руку Справедливости. Внутри кабинет с кожаными кушетками и книжными полками от пола до потолка. На них размещены тома в тканевых и кожаных переплётках, самые древние из которых относятся к Первой Эре Пуэрто-Леонеса, когда люди прибыли из-за морей, окружающих этот огромный остров. Линии карты потёрты — границы государства перерисовывались раз за разом по требованию победителей. Глобусы с крошечными мечами, вонзёнными в покорённые королём земли. Я вращала его, наблюдая за тем, как он вертится, перед тем как пройти арку, ведущую в его молитвенную комнату.

Покои были обновлены в соответствии со всей перестройкой дворца в дофиникийском стиле, но некоторые детали остались неизменными. Например, меч в круге на дальней стене — символ Отца миров. Прежним выглядит и алтарь, окружённый свечами и ладаном, уже зажжёнными. Верховный судья молится. Я задаюсь вопросом, о чём такой человек, как Мендес, может молиться, но тем не менее его голова склонена к алтарю, а руки лежат на открытой тонкой книге.

— Жди здесь, — говорит Алессандро.

— Но судья ждёт меня.

— Как ты смеешь спорить со мной. Говорю: жди здесь. Ты, служанка, можешь быть свободна, — он даже не смотрит в сторону Сулы, отпуская её. Глядя на то, как она убегает, я вспоминаю, как Марго и Дез учили меня ходить бесшумно. Хотела бы я рассказать им, насколько проще оставаться незаметной, если не носить тяжёлых кожаных ботинок.

Это желание исчезает, стоит мне прислониться к двери, чтобы можно было расслышать их голоса. Я легко представляю, как трясётся тёмная мантия Алессандро, когда он говорит.

— Алессандро, — в голосе Мендеса слышится искреннее удивление. Он не ждал молодого судью? Беспокойство колет меня в бок: что, если Алессандро следовал за нами весь путь? Был ли он в моей комнате? Как он узнал, что я опоздала? — Я не ждал, что ты ещё придёшь сегодня. Какие-то новости?

— К моему глубочайшему сожалению, нет, — гнусавый голос Алессандро действует мне на нервы. Он так жаждет угодить. — Но мы всё ещё ищем. У нас есть поддельные письма с королевской печатью.

Мендес вздыхает задумчиво, обычно он при этом ещё тянет серебряные волоски в своей бороде.

— Этого недостаточно. Лорд Лас-Росас не мог действовать в одиночку. Я бы не доверил ему даже найти выход в заборе с открытой калиткой, не говоря уже о том, чтобы тайно проводить корабль, полный этих тварей.

— Доступ к королевским документам имеют только люди во дворце, ваша честь. Позвольте мне провести допросы со всем необходимым.

— И дать шпиону время, чтобы скрыться? — Мендес чуть ли не огрызается на предложение Алессандро. — У меня есть идея получше. А пока убедись, что судьи рассредоточены по всему дворцу. Сейчас не время расслабляться.

Так значит, Мендес знает о Сороке, осведомителе Иллана. Останутся ли шпионы здесь после представления с Лас-Росасом?

— Да, ваша честь, — отвечает Алессандро, и ещё раз кланяется перед уходом. — Я не успокоюсь, пока не найду изменника и не увижу его казнённым.

«Если только я не найду его первой», — мысленно отвечаю я.

— Это всё? Я жду Ренату.

— Да, конечно. Именно за этим я и пришёл. Увидел, как робари разгуливает по залам, и привёл её прямо к вам.

Недовольный рык вырывается из моего горла, но я быстро возвращаюсь в другой конец комнаты, где меня оставил Алессандро. Он в самом деле следовал за мной, чтобы выслужиться перед Мендесом. Дверь кабинета открывается, и судья Мендес выходит с Алессандро, следующим за ним по пятам. Алессандро кидает на меня взгляд, мол, мы ещё скоро увидимся, и оставляет нас.

Я наклоняюсь и целую костяшки руки Мендеса. Это прикосновение вызывает отвратительные мурашки по коже, и я хочу вымыть лицо с щёткой. Он мягко кладёт ладонь на моё плечо. Я вижу, как смягчается его лицо при виде меня, и всё внутри скручивается.

— Рената, я надеюсь, тебе уже лучше, чем вчера.

Этим утром, когда Лео пришёл меня будить, я спала таким крепким сном, что ему пришлось трясти меня. Он даже подумал, что я умерла. Я съела целую чашу винограда и булку хлеба, смоченную в оливковом масле, с маком и солью.

— Лео творит чудеса, — отвечаю я, касаясь пореза на груди, уже покрывшегося корочкой. — Хотя его рука не так тверда, как ваша.

Ему это льстит. Судья подаёт мне руку, чтобы я вложила свою ладонь, и проводит пальцами по моим в перчатке.

— Он прошёл долгий путь. Его наняла леди Нурия, но что-то мне подсказывает, однажды он внесёт великий вклад, пополнив наши ряды.

Хочет ли он сказать, что Лео станет судьёй?

Мне вспоминается его осторожное предупреждение прошлым вечером, когда я спросила про принца. О том, как он отправил меня спать и солгал о моей бледности. И этот парень, предполагается, станет озлобленным солдатом в распоряжении короля?

— У нас будет занятие, ваша честь? — интересуюсь у него, осознавая, что мы только что прошли внутренний двор, где, я думала, мы будем заниматься, но он ведёт меня к простой деревянной двери.

— Будет, но не такое, как ты помнишь, — и больше он ничего не говорит, а я знаю, что спрашивать не стоит. Он пропускает меня вперёд к тускло освещённому лестничному колодцу.

Кишки сворачиваются в узел, пока глаза привыкают к темноте. Когда я была маленькой, Мендес учил меня сосредотачиваться на воспоминаниях, которые он хотел, чтобы я нашла. Я не знала, что

робари могут создать пустышку, до того дня как меня заставили продолжать забирать воспоминания у человека, пока не осталось ни одного. Пустышка лежал на полу неподвижно, его мёртвые глаза смотрели на меня. Потом меня неделю не трогали — Мендес назвал это *заслуженным отдыхом*, но на самом деле я просто начинала рыдать каждый раз, когда они пытались привести кого-то ещё. А теперь они опять хотят, чтобы я это сделала — превратила лорда Лас-Росас в пустышку. Это станет концом для меня. Я должна, просто обязана найти оружие до Фестиваля Солнца или никогда не смогу покинуть эти стены. Стану такой, как Константино. Алессандро раскусит мою ложь, а судья Мендес вырежет её из меня сотней остро заточенных ножей.

С каждым шагом вниз по круглой лестнице вдоль каменных стен часть меня становится всё более уверенной в том, что эти ступени ведут к тайному проходу в темницы или в ещё какую клетку, не такую роскошную, как сейчас... что он знает, что я лгу.

В конце концов, пятью этажами ниже, спуск заканчивается, и я тихо выдыхаю от облегчения, когда вижу алхимическую лабораторию. Круглый старичок сгорбился над пробирками и голубым пламенем, оставляющим чёрные пятна на дне стекла.

Гнев застревает в горле и душит все слова. Я уже видела это оборудование раньше, в Сан-Кристобале — бывшей столице Мемории, теперь ставшей руинами. Величайшими открытиями аптекарей-мориа были лекарства на основе трав и цветов. Тогда как леонессцы всё ещё заваривали траву и называли это пряным чаем, меморийцы развивали алхимию и хирургию, изменив сам способ лечения больных. По крайней мере, так нам рассказывал Иллан. Когда семья короля Фернандо захватывает территории, они первым делом уничтожают храмы и соборы, вторым — библиотеки. Переписывают нашу историю или полностью её стирают. Кем будем мы, если король Фернандо и судья Мендес используют своё оружие?

— Впечатляет, не правда ли? — говорит мне Мендес. Он осматривает помещение, ряды столов и алхимиков, молодых и старых, исписывающих свои пергаменты. Девушка моего возраста даже глаз не подняла при звуке его голоса — так сосредоточена на переливании жидкости из одной пробирки в другую, наблюдая за реакцией.

Я ничего не смыслю в алхимии, но довольное выражение лица, когда она ставит пробирку на стол, говорит само за себя.

— Что всё это значит? — решаюсь задать вопрос, затаив дыхание. Может, здесь создали оружие?

— Пуэрто-Леонес стоит на пороге своего величия, — говорит он. — Чтобы вступить в эту золотую эпоху, мы должны знать всё о соседних государствах. Что они умеют такого, чего не умеем мы, и как мы можем это повторить.

И в этот момент я понимаю, что за жидкость пытается воспроизвести эта девушка. Фиолетовый цвет в склянке слишком бледный. Краситель из Дофиники имеет яркий сиреневый цвет, получаемый из цветов, которые не растут нигде, кроме как в их долинах. Некоторые уже пытались украсть луковицы этих цветов, чтобы посадить их где-то ещё, но они растут только на почве Дофиники.

Король Фернандо пытается сократить торговлю с родиной его жены? И что остаётся нам, мориа? Империя Лузо?

— Это очень изобретательно, — говорю я, сама себе вонзая кинжал в сердце, — но как оно связано с моими занятиями?

— Уже жаждешь вновь приступить к делу, — отмечает судья Мендес, в его глубоком голосе звучит что-то похожее на восторг. Он продолжает вести меня, пока мы не добираемся до непримечательной подсобки. Моё сердце не прекращает трепетать, и волоски на задней стороне шеи встают дыбом, когда он берёт меня за талию. Я резко вдыхаю, но через мгновение вижу ключ, который он извлекает из кармана.

— Тебе не будет больно, Рената, — мягко уверяет он.

Мендес открывает тяжёлую дверь. Внутри узкая пустая комната. Камни в стенах выложены под странными углами, как будто это место было задумано как проходное. Мой желудок сжимается, и я неохотно захожу внутрь вместо того, чтобы бежать наружу. На другом конце комнаты находится ещё одна дверь, защищённая замком с кодом на десять знаков. Судья прячет от меня код, пока поворачивает колёсики на правильные значения.

Это странно, но мне больше не хочется сбежать. Близость к этой двери наполняет меня лёгкостью, которая постепенно превращается в

безрассудное предвкушение. Это ощущение скользит по коже, оно такое знакомое и в то же время новое для меня.

Судья Мендес бросает на меня один взгляд, дверь с щелчком открывается, и оттуда проникает мягкий белый свет.

Быть того не может.

Но я спешу зайти за Мендесом и осматриваюсь.

Его глаза блестят, отражая пульсирующее сияние камней-альманов. Их здесь десятки, все самых разных форм. Одни отполированы в идеальные сферы, другие заострены и окольцованы металлической проволокой. Есть камни размером с гальку и есть размером с валуны. Здесь же и нижняя половина статуи, которая, вероятно, некогда стояла в храме нашей Госпожи теней, а также колонны, разбитые пополам, и пульсирующие жилы скал, всё ещё покрытые грязью.

Чистый альман. Чище, чем я когда-либо видела.

— Мне всегда нравилось выражение удивления на твоём лице, Рен. Ты знаешь, что это такое?

Я не реагирую на его слова. Если бы он правда знал меня, то понял бы, что это не удивление, а ужас. Но мне приходится улыбнуться.

— Иллан говорил нам, что альманов больше не осталось. Что их стёрли в порошок и бросили в море.

Мендес наклоняется, чтобы поднять один из камней. Он высечен в форме куба, но слишком большой для игрального. Может, это был весовой груз или украшение для алтаря.

— Так и было. Однако несколько лет назад мы нашли один храм, оставшийся нетронутым.

— Где? — спрашиваю я и только потом понимаю, что не стоило. Это прозвучало слишком жадно.

Но Мендес не замечает этого, зачарованный пульсирующим светом в камне. Мои пальцы покалывает от концентрации воспоминаний в этой комнате. Я уже держала в руке альман, но оно не ощущалось так. Как много я ещё не знаю о своей силе. Я бы почувствовала то же самое, если бы оказалась в храме?

— Это уже не имеет значения, — отмахивается Мендес, но по тому, как он избегает моего взгляда, я понимаю, что он лжёт. Что они делают со всем этим? Он опять показывает на камень. — Мы

изготовили новый трон для короля Фернандо. Наша прошлая робари обнаружила, что воспоминания, сохранные внутри, уже исчезли. Знаешь, почему так?

Не уверена, проверка это или нет, поэтому отвечаю единственную правду, которую я знаю:

— В самых ярких хранятся самые отчётливые воспоминания. Те, что светятся слабо, уже начали таять со временем. Хотя, говорят, альман может хранить воспоминание годами, иногда десятилетиями, прежде чем начнёт угасать. Полагаю, что из трона уже забрали воспоминание.

Он выглядит довольным моими знаниями, и я знаю, что ответила верно. Свободной рукой он сжимает моё плечо.

— Ты всегда была способной ученицей.

Я бы посмеялась над его выбором слов, если бы смех не превратился в всхлипы.

— Спасибо, ваша честь.

— Теперь мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня.

— Всё, что угодно.

— Ты сама понимаешь, что король не был доволен вчера, — Мендес бросает взгляд на мою руку.

— Мне жаль, что я подвела вас перед королём.

— Пока ты верна своему слову, я буду защищать тебя, — он кладёт ладонь мне на щеку: так он раньше успокаивал маленькую меня. Я вечно боялась темноты, а он говорил: «Там ничего нет, милая. Это просто тени». Но он ошибался. Там было кое-что. *Начало Серости.*

— Что вы хотите, чтобы я сделала?

— Мориа переманили некоторых граждан на свою сторону. Наш долг выяснить, кого именно и что они планируют делать дальше.

— Шпионы? — я рада, что мой голос прозвучал удивлённо. — Почему же не использовать Руку Мориа? Собрать всех живущих во дворце, и пусть вентари проверит их мысли.

— Тогда шпион поймёт, что мы знаем. Я жду, что шепчущие придут отомстить, но это королевство не должно быть разрушено ими вновь. К тому же, мы не можем обвинять лиц благородной крови без веских доказательств. Дворяне весьма обеспокоены судьбой лорда Лас-Росас.

— Но, ваша честь, — осторожно начинаю я, чтобы не вызвать подозрений, — моя рана... Как я прочитаю воспоминания?

— Тебе и не нужно. Пока нет, — он осматривает коллекцию альманов и выбирает кристалл размером с вишенку на медной цепочке. Наверное, он задумывался для персуари. Судья Мендес протягивает его мне. — Тебе предстоит стать моими глазами и ушами во дворце. Ни с кем не говори. Поняла? *Никто* не должен знать, чем ты занимаешься.

Видимо, я сильно хмурюсь, потому что он спрашивает:

— Это слишком сложно для тебя?

— Наоборот, — отвечаю я. Мне *очень* нужна свобода передвижения по дворцу. — Просто... Придворные и служанки избегают меня.

— Ты должна понять, Рената. Твои способности — это болезнь. Но стражники приставлены к тебе для твоей же защиты.

Как он может называть мою магию болезнью и всё же пользоваться ей на своё усмотрение? Так я болезнь или оружие? Или это не имеет значения, пока я под контролем?

— Я немедленно приступлю к работе, — заверяю его.

Осведомитель Иллана, может быть, давно уже покинул двор. Но если шпионы всё ещё во дворце, то, возможно, у меня будет хотя бы один союзник. Я убираю волосы, чтобы дать судье Мендесу надеть на меня подвеску через голову. Альман холодит мою кожу. Я завидую пустому куску скалы. Это единственный чистый альман, который я когда-либо получу.

Мендес смотрит мне в лицо, его резкие черты стали ещё острее в пульсирующем освещении комнаты.

— Я знаю, что могу рассчитывать на тебя, милая.

И несмотря на пересохший язык и ускорившееся сердцебиение, отвечаю:

— Я вас не подведу.

На обратном пути он замечает кровь, проступившую на моей ладони. У меня уже заготовлена ложь на случай, если он спросит, как разошлись мои швы, но он не спрашивает.

— Я скажу Лео добавить сюда два шва.

Мендес берёт мои руки в свои. Я чувствую что-то маленькое в центре своей ладони в перчатке. Сияющая золотая стеллита. Я съедаю

её по дороге назад.

***

Когда я поднимаюсь обратно в комнату, мои ноги ноют, а дыхание прерывистое из-за подъёма на пять этажей по башне. Сула возвращается за мной и идёт всё время с опущенным взглядом и сложенными руками. Ловлю себя на том, что скучаю по болтовне Лео. Его присутствие даёт мне что-то вроде ощущения мира и гармонии в душе, к которому я привыкла с Дезом. От мысли о нём моё тело тяжелеет, словно весит тонну свинца. Хоть бы эта тяжесть спустила меня с небес на землю. Хуже всего, когда я вспоминаю, что Дез никогда не будет похоронен. Его просто больше нет.

Надавливаю на порез на руке, и тёмные мысли отпускают меня. Напоминаю себе, что Лео не мой друг и совсем не похож на Деза. Лео, в первую очередь, верен короне. Пока Сула зажигает огни в моей тёмной комнате, я сижу и массирую ладонь.

Беспокойство проползает под моей кожей, и я чешу свои руки. Куда мог пойти Кастиан с оружием? Я проигрываю различные сценарии в своей голове. Если спросить Мендеса напрямую, то это позволит понять, что он знает, по его реакции, но в то же время выдаст меня. По мере того, как Сула зажигает одну лампу за другой, я думаю о единственной очевидной ниточке, связывающей меня с принцем: придворные. Но как мне приблизиться к ним?

— Что ты делаешь? — спрашиваю Сулу.

— Сегодня день стирки, госпожа.

Девушка снимает постельное бельё. Они думают, я настолько грязная, или здесь так принято? Не могу вспомнить, было ли так раньше. Или эти воспоминания в Серости, или я просто не обращала внимание на служанок, заботившихся обо мне. Никто не замечает слуг, несмотря на их изнурительный труд. Готова поспорить, что Кастиан никогда не присматривался к своим. Они знают о принце больше, чем кто-либо другой, даже больше отца-короля или всего двора.

Сула отвлекается на секунду, чтобы размять плечи. Я сочувствую её боли.

— Экономка Фредерика просила принести бельё раньше, но меня отправили убирать гостевые комнаты в юго-западной башне.

Я пытаюсь прервать поток её слов, но не могу улучшить момент, чтобы это не было грубо. Она вздрагивает всякий раз, стоит мне резко

поднять руки. Не могу её винить.

— Я сама это сделаю.

Она резко втягивает воздух, как будто я её ударила.

— Ох, госпожа, не нужно. Не положено.

— Почему? Я не какая-то высокородная леди. Я такая же, как ты.

— Это не так, — её испуганное лицо становится мрачным.

Конечно, худшее, что я могла сделать, это поставить нас в один ряд. Сказать, что у меня те же кровь, мышцы и кости. С магией или без.

Если я продолжу так прикусывать себе язык, то совсем откушу его кончик.

— Я хотела сказать, что не стоит суетиться вокруг меня и менять мои простыни. Уходи. Я могу это сделать сама.

Она не сдвигается с места.

— В-вам нельзя ходить по дворцу в одиночку.

Судья Мендес не хочет, чтобы я раскрыла себя. Пока не увижу стражников, приставленных ко мне, я сама по себе.

— Я не буду одна. Я пойду с тобой.

Вздвогнув, Сула сдаётся и позволяет мне помочь ей стянуть бельё с кровати и подушек. Цветочное. Изысканное. Может, я могу попросить прачку не смачивать их духами. Вспоминаются слова Лео. О том, как легко я отдаю приказы другим.

***

Во внутреннем дворике за кухней, облицованном серо-голубым камнем, десятки прачек готовятся к стирке. Котлы, которые достаточно велики, чтобы сварить заживо взрослого мужчину, стоят на огне. Слуги всех возрастов носят брёвна, возят тележки с постельным бельём и одеждой. Девушки размешивают вальками горячую мыльную воду с щёлочью в деревянных бочках, чтобы вывести пятна. Тени вердинских деревьев качаются от лёгкого вечернего ветерка.

Солнце садится. В животе урчит, но я не прошу поесть. Сула представляет меня экономке Фредерике, отвечающей за чистоту во дворце. Внушительная женщина с веснушками на белой коже, родинкой на одном из многочисленных подбородков и пепельно-русыми волосами, убранными назад в косу. Когда она осматривает меня с макушки до пят, её взгляд останавливается на повреждённой руке, обмотанной марлей. Она заметно кривит лицо.

— Твоя рука долго не заживёт, если не будешь беречься, — замечает она с сильным акцентом южных провинций.

Я ожидала реакцию как у Сулы до этого. Девушка склоняет голову и присоединяется к прачкам.

— Бывало и хуже, — отвечаю я и понимаю, что искренне улыбаюсь. — Я Рената.

— Что *мисс* вроде тебя могла здесь забыть? — спрашивает Фредерика. Она бросает взгляд цепких глаз туда, где Сула забрасывает моё не такое уж грязное бельё в бочку. — Я не могу допустить, чтобы Правосудие подумало, что я тебя заставила.

Есть только один способ снискать расположение такой, как Фредерика, и это — показать ей на деле, что я могу работать.

— Мне там не место, — говорю я, и это правда. — Придворные не хотят, чтобы я делила с ними стол. Я умею работать руками. Несмотря на это свидетельство обратного.

Экономка закидывает голову и смеётся. Возможно, впервые в этом дворце кто-то смеётся с таким теплом. Но я ведь здесь не смеха ради. Не знаю точно, кто я такая, но, может быть... девушка, которая хочет приносить пользу. Потерянная во дворце, где ей не место. Пытающаяся завершить миссию, которая продолжает ускользать из её рук.

— Видишь этот огненный куст на голове? Это Клаудия. Помоги ей с щёлоком. Умеешь?

Работать с щёлоком ужасно, но хорошо, что на мне есть хотя бы одна перчатка.

— Умею.

— Тогда почему ты ещё здесь? Иди и займись делом, раз уж пришла сюда за этим.

Я подхожу к рыжеволосой девчонке, на которую так грубо указала экономка Фредерика. Её карие глаза замечают мои ноги, поднимаются к лицу и затем смотрят на руки. Она вытирает ладони о фартук, и я обращаю внимание на старый ожог на её предплечье. Не то чтобы это было удивительно с такой-то работой. Оглянувшись, я вижу, что у многих есть подобные отметины, но самая заметная на худой горничной постарше нас.

Из неё как будто все краски высосали, мне даже на секунду показалось, что это воспоминание вырвалось из Серости и возникло

перед глазами. Только ужасный красный шрам, пересекающий её рот и щёку, напоминает мне, что она настоящая. Я вижу, как она сложена: она явно была когда-то красивой. Что с ней произошло? Она держится обособленно, остальные работники проходят мимо неё, как будто её не стоит беспокоить.

Рыжеволосая девчонка прочищает горло, и я вспоминаю о своём задании.

— Кто ты? — спрашивает она слишком жёстким голосом для её возраста.

— Рената, — я собираю распущенные волосы в низкий пучок, — есть какой-то определённый порядок?

— Был. У трёх моих помощниц заболели животы, какая-то зараза распространилась. Но если тебе интересно моё мнение, то по меньшей мере, одна из них не пьёт ирвену и появится здесь через девять месяцев с ребёнком на спине.

Другая подбирается к нам бочком и шлёпает её по рукам.

— Отец Драгомар говорит, что этот чай давно пора запретить.

— Конечно, а что ещё ему говорить, Хасинта, — Клаудия закатывает глаза, напоминая мне Марго, и я с удивлением ловлю себя на том, что скучаю по ней. Совсем чуть-чуть. — В соборы почти никто не приходит, ведь половина населения полегла с чумой, а вторая занята войной с... сама знаешь кем.

Клаудия показывает на меня, и это очень смешно выглядит.

— Клаудия, она всё слышит, — у красивых карих глаз Хасинты появляются смешливые морщинки, и девушки вместе хохочут. У Хасинты на ключице и груди находится родимое пятно в форме сердца. Было время, когда из-за подобной отметины её могли обвинить в том, что она одна из мориа.

— Могу принести брёвна дуба, — предлагаю я.

— Мы не используем древесную золу для стирки вещей лордов и леди. Ну, и твоей, — говорит Хасинта. — Нужны водоросли. Возьми эти вёдра, чтобы перенести. И не забудь фартук.

Я включаюсь в рабочий процесс, потея в простом голубом платье, которое утром принёс мне Лео. Наполняю вёдра водорослями и приношу их, чтобы сжечь до пепла. Другие слуги поглядывают на меня с сомнением, но я стараюсь держаться тихо и делать свою работу. Это напоминает наши бытовые обязанности в Анжелесе.

Заканчивая с водорослями, я довожу воду до кипения и без указки помогаю процедить полученное. Щёлок готов как раз к тому моменту, как новая тележка с вещами выезжает во двор. Солнце движется по небу, и вместе с тем слуги постепенно привыкают к мне.

Хотела бы я уметь очаровывать людей, как Саида или Дез. Стоит им только войти в комнату — и все обезоружены без всякой магии. Как мне найти человека, вхожего в покои Кастиана? Судя по тому, как свободна Клаудия в выражении своего мнения, мне просто стоит держаться поближе к ней и ждать.

Пока меняют воду и возобновляют огонь, горничная со шрамом возвращается во двор. Клаудия тут же подскакивает к ней, помогая женщине донести еду. Я вижу, как Клаудия ей что-то говорит, но не могу расслышать ни слова. Та только улыбается в ответ.

— Иди сюда, поешь с нами, — зовёт Хасинта. Я не сразу соображаю, что она обращается ко мне.

В тени хилого деревца Клаудия предлагает мне чашку овощного супа, и моё сердце ноет от этого поступка. Даже в Анжелесе, среди своих, доброту редко проявляли так непринуждённо, а теперь здесь, на кухне моих врагов, мне её преподносят на блюдечке. Я сдерживаю горечь, поднявшуюся в моём сердце, и вдыхаю ароматы орегано и розмарина.

Приступая к еде, я замечаю служанку со шрамом, сидящую вдалеке, отдельно ото всех. Клаудия прослеживает мой взгляд.

— Пялиться невежливо, — дразнит она.

— Прости, я не...

Клаудия равнодушно пожимает плечами.

— Да ты сама уже, небось, привыкла к взглядам.

— Что с ней случилось?

— С Давидой? Смотря кого спросить, хотя все здесь знают правду, — Клаудия наклоняется ко мне для драматического эффекта, явно взволнованная, что именно она рассказывает эту историю. — Если тебе дорог твой язык, не дерзи принцу.

Я резко вдыхаю от удивления. Столь варварское наказание за такое незначительное нарушение поднимает во мне новую волну ненависти.

— Она собиралась замуж за генерала и всё такое, — добавляет другая служанка.

— Замолчите, — ворчит Хасинта. — Оставьте Давиду в покое.

— Бедный Гектор, — вздыхает Клаудия, скорее устало, чем сочувственно. — Потерял руку в Риомаре. Тоже так и не женился.

Я хочу высказать вслух всё, что накопело, но как я могу? Я ведь всего лишь марионетка Правосудия. Я пролила кровь на каменном полу в тронном зале. Что бы я ни сказала, особенно здесь, внизу, распространится по всему дворцу со скоростью света.

Другая служанка улыбается мне с любопытством. Одна из них собирается с силами и решается задать вопрос:

— Как так получилось, что ты не в башне с остальными молчунами?

— Молчунами? — переспрашиваю я.

— Рука из этих ваших, — объясняет Клаудия.

Так она спрашивает, почему я не стала официально частью Руки Мориа. Одним из миньонов Мендеса.

— Полагаю, я сначала должна доказать свою верность, — медленно отвечаю. Но я не хочу говорить о себе. В этих женщинах нет злобы, как у тех придворных леди с утра. Но как бы добры они ни были, я не могу попасться в ловушку. Я здесь за информацией и намереваюсь получить её. — Судья Мендес сказал, что на Фестиваль Солнца пачками съедутся иностранцы и аристократы.

Я стараюсь звучать также беспечно, как Дез, когда он хотел расположить к себе. У него это получалось естественнее. «Уверен, ты родилась такой убийственно серьёзной».

— А нам представится уникальная возможность менять их простыни, залитые мочой, — бормочет одна из девушек. — Они так много пьют, что не могут сдержаться.

Они хихикают, и ещё одна добавляет:

— Повезёт, если это всё, что ты там найдёшь.

— А вы замечали, что простыни принца Кастиана никогда не воняют? — спрашивает Хасинта, её карие глаза блестят.

— Мечтай! — ухмыляется Клаудия. — Все мужики воняют. Даже принц вспотеет, если передёрнет разок-другой.

Я давлюсь супом, моё лицо горит и, наверное, краснее помидоров, потому что девчонки смеются надо мной. Я не хочу *так* представлять себе кровожадного принца. Но кое-что в словах Хасинты меня цепляет.

— Ты же не можешь знать, какие именно простыни его, — бросаю я легкомысленно.

Глаза Хасинты расширяются, и она открывает рот. «Гордыню легко использовать», — говорил Дез. При мысли о нём, я собираю чувства в кулак и чуть ли не давлюсь слюной, пока жду ответ служанки.

— Я меняю его постель, — хвастается она, как будто в этом есть повод для гордости. Хотя она, похоже, гордится. — Но кто знает, когда он вернётся.

— Так, бездельницы! — командный голос слышит весь двор. Экономка во всей своей свирепости. — А ну живо вернулись к работе, или ваши кошельки станут пятью либби легче.

— Пойдёмте, девочки, — поднимается Клаудия. — Кто-то должен делать грязную работу.

Я следую за Хасинтой. У этой девушки есть доступ к постели принца Кастиана. Она мой путь в его покои.

— Не ты, — останавливает меня Фредерика, хлопая по плечу. — Лео сошёл с ума в поисках тебя.

Это знак, что мне пора уходить. Снимаю фартук и иду в сторону Хасинты, якобы чтобы повесить его. Что я творю? Я не могу на глазах у всех забрать её воспоминания. Но мне нужно больше времени с ней.

Рыжие волосы Клаудии внезапно загораживают мне обзор.

— А ты не так уж плоха, Рената. Приходи через четыре ночи, после заката.

Я наклоняюсь ближе. «Не так уж плоха» звучит как комплимент.

— А что будет после заката?

Она морщится.

— У лордов своё веселье, у нас — своё.

Глава 17

После трёх дней прогулок по дворцу, я узнала несколько секретов. Королевские слуги плюют в еду своих господ. Две придворные дамы, которые ждут не дождутся возвращения Кастиана, затащили в постель стражника. Одно и того же. Его переназначили из дворца прошлым вечером. Швее привозят паучий шёлк из Лузо, что вообще-то незаконно, но, говорят, ей разрешила сама королева. От стражника, приставленного к моей двери на ночь «для моей же защиты», несёт

агуадульсе, и он проводит большую часть времени, бормоча ругательства на ходу. Конечно, ему ведь досталась самая ужасная обязанность во дворце.

Три дня и ни следа оружия. Никаких тайных помещений, если не считать хранилище альманов. Никаких шпионов.

Если Сорока и был когда-то во дворце, то, я думаю, уже покинул двор.

***

На четвёртое утро всё по-прежнему. Лео будит меня, чтобы покормить и одеть. Ведёт к судье Мендесу, который с каждым днём всё хуже сдерживает разочарование оттого, что у меня нет новостей. Я заверяю его, что рано или поздно все шпионы делают ошибки, — я ведь не хочу потерять возможность свободно разгуливать по дворцу. Но когда в очередной раз я выхожу из его кабинета со стеллитой в кармане, понимаю, что надежда во мне тоже начала угасать. Во дворце слишком много пустых мест, где можно было бы затеряться. Алессандро ходит за мной по пятам, когда рядом нет Лео. Я специально замедляю шаг и поворачиваю в его направлении. Хотела бы я рассказать Марго, что нашла человека, у которого скрываться получается даже хуже, чем у меня. Но потом вспоминаю, что она никогда мне не верила, и единственное, что имеет значение, — это закончить то, что Дез не смог.

Скучать по Дезу всё равно что жить с фантомной конечностью. Иногда я тянусь к нему, чтобы вспомнить. Так выглядит надежда?

Этим утром все в замке взбудоражены подготовкой к приближающемуся фестивалю. Лестницы устанавливаются, чтобы начать долгий процесс украшения цветочными арками каждого входа, через который могут пройти гости через восемь дней. Я прохожу в тронный зал, как делаю каждое утро, с тех пор как принесла присягу королю Фернандо. Пятно на мраморном полу, куда я пролила кровь, как и многие до меня, выглядит как центр мишени. Для всех остальных в зале — для леди в парчовых платьях и полированных туфлях, украшенных жемчугом, и для дворян, пресмыкающиеся перед королём, — это просто очередной день.

Кажется, я единственная, кто замечает, как вентари из Руки Мориа раскачивается на месте. Его оливковая кожа мертвенно-бледная с болезненно зеленоватыми пятнами. Его волосы влажные от пота.

— Лео, — зову я, громче и отчаяннее, чем мне хотелось бы.

Его улыбающиеся глаза прослеживают мой взгляд на вентари. Он втягивает воздух. Прежде чем кто-либо из нас успевает позвать на помощь, Константино падает лицом на пол и не поднимается. Я понимаю, что он мёртв, по тому, как кровь из его носа и рта образует лужу, которая могла бы его всего поглотить. Никто не может потерять столько крови и выжить. Визг, вопли наполняют комнату, кто-то уже выкрикивает домыслы о чуме.

Судья Мендес зовёт врача, и слуги спешат увести переполошившихся придворных, а я застываю на месте. Хотела бы я знать, из какого он рода, или из какой провинции его забрали, или что с ним стало, что его жизнь так рано оборвалась здесь. Я так опустошена, что не могу пошевелиться, даже когда Лео трясёт меня. Когда я вновь смотрю на тело, то вижу Эстебана. Марго. Себя.

— Миледи, Вам не стоит этого видеть, — говорит Лео. Но я вижу. Он уводит меня прочь в сады, открытые только для персонала. Просит служанку принести кофе покрепче и даёт мне немного посидеть в тишине.

Звонят соборные колокола, указывая время. Как он умер? Другой моряк стоял там, глядя прямо перед собой, когда его друг упал замертво. Были ли они друзьями? Меня сжигает изнутри то, как мало я о них знала, и тем не менее, часть меня понимает, что покинуть дворец будет проще, если не привязываться.

— С робари, что была до меня, случилось то же самое? — спрашиваю Лео, когда нам приносят кофе.

Он беспорядочно размахивает руками, запускает пальцы в волосы так часто, словно он только что проснулся. Есть что-то искреннее в том, как он перестал вести себя по дворцовым правилам.

— Да. Предыдущая робари жаловалась на боль в глазе. А потом в одно утро её уже просто не было в тронном зале.

— Она была первой? — я удивляюсь тому, как слабо звучит мой голос. Тёмная картинка появляется в мыслях. Я вижу Люсию, после того как Правосудие использовало её. А потом комнату, полную альманов. Чувствую привкус желчи на языке и дышу глубже, несмотря на головокружение. Я не могу позволить себе плохое самочувствие.

Лео мрачно кивает.

— Мне неприятно признавать, что я не заметил, что её больше нет, пока не услышал, как об этом говорил Алессандро судье Мендесу. Этот человек точно...

Не знаю, почему я не даю Лео закончить эту фразу. Я мотаю головой и сжимаю альман на своей груди. Лео часто моргает, как будто он забылся, как и я.

Он прочищает горло и заканчивает шутливо:

— Точно лучший муж, который только мог достаться леди Нурии.

Я прям чувствую, как выкатились мои глаза. Женщина, в покоях которой я теперь сплю, замужем за Алессандро?

— Мне всегда было интересно, как это работает, — говорит Лео, привлекая моё внимание. Его непослушный локон вновь спадает на лоб, но в этот раз он оставляет его как есть.

— Они ловят моменты, истории, — отвечаю я. — Воспоминания, по сути. То, как ты и я живём сейчас.

— Нет, это я знаю, но как именно?

Я качаю головой. Как именно я выдёргиваю воспоминания из человеческой памяти? Как Марго создаёт иллюзии, чтобы люди поверили, что город снова горит? Как у Деза получается... Как получалось. Дез больше никогда... Мне тяжело дышать, пока я не кладу руку на грудь.

— Противоестественная магия, — говорю я, потому что такой ответ я должна давать.

— Ваш порез хорошо заживает, — меняет он тему.

Я наблюдаю за его лицом, пока он мягко раскрывает мою ладонь. Стоит только сложиться мнению о нём, как он вновь меня удивляет. Почему он не согласился? Вряд ли он щадит мои чувства — каждое утро он напоминает мне, как много ещё нужно сделать, прежде чем я буду выглядеть как придворная леди. Если я скажу «сорока» и стану ждать ответа, это будет странно, но я уже показала себя девочкой со странностями. Я не могу исключить вероятность, что Мендес потом сможет увидеть воспоминание с камня-альмана, хотя им понадобится новый вентари, чтобы считать его и, возможно, понять, что я делаю.

Я выкидываю эту мысль из головы.

Шрам на моей ладони будет уродливым, но я уже привыкла. Когда я долго смотрю на него, его форма начинает напоминать мне горные вершины на карте.

— Лео, — говорю я и накрываю альман рукой в перчатке, приглушая вид и звук. — Сегодня ночью во внутреннем двореке будет вечеринка.

Он трёт свой подбородок, обдумывая это.

— И вы бы хотели пойти на неё.

Я пожимаю плечами. Мориа умер, а я о вечеринках. Но мне нужно быть там.

— Я никогда не была на вечеринках прежде. Шепчущие брали меня с собой только в трактиры, где всё всегда заканчивалась драками.

Это не совсем ложь. Прошло уже четыре дня, как я продвинулась в своём стремлении попасть в покои Кастиана. Хасинта — мой единственный ключ.

— Даже не знаю, — говорит он, бросая взгляд на мою руку в перчатке, прикрывающую подвеску. — Судья Мендес велел присматривать за вами. И он терпеть не может празднества.

— Пожалуйста, — прошу его. Как одно слово может звучать так жалобно? Я не знала Константино, но я легко могла бы быть на его месте.

— Один час, — Лео показывает один палец, — или я лично уведу вас наверх.

Я в восторге кидаюсь ему на шею. Он слегка фыркает, но в его объятиях так приятно. Я скучала по этому ощущению, даже если просто по-дружески.

«Он тебе не друг», — предостерегает меня разум.

Пока мой день продолжается по обычному расписанию, я напоминаю себе, что друзья не используют друг друга так, как я использую Лео.

***

Внутренний дворик переполнен людьми. Играет музыка. Люди так тесно прижаты друг к другу, что выглядят как рябь на воде.

— Один час, — напоминает мне Лео, проводя пальцами по волосам. — Не заставляй меня приходить за тобой. Я почётный сопровождающий, а не нянька.

Он уходит, направляясь к симпатичному молодому стражнику, а рядом со мной появляется Клаудия, опираясь локтем на моё плечо.

— Так, значит, сопровождающий и нянька — не одно и то же? А я-то думала...

Она протягивает мне глиняный кубок. Я смеюсь и принимаю его. Вино в нём слаще, чем то сухое, которое судья наливает из стеклянного графина во время обеда. Я облизываю губы и осматриваю толпу танцующих. Все, от судомоек до садовников, собрались здесь, оживив двор. Девушки в длинных белых платьях кружатся в танце, их подолы взлетают от каждого поворота. Я узнаю сурового стражника, который сейчас играет на гитаре, рядом с мужчиной, отбивающий ритм мясистыми ладонями по инструментам. Пламя в ямах с кострами танцует в окружении голубоватых камней.

— А что за повод? — спрашиваю Клаудию.

— Луна во второй четверти. Такой же хороший повод, как любой другой, — говорит она. — Эта неделя перед Фестивалем Солнца будет непростой для нас. Традицию устраивать слугами собственное празднество начала королева Пенелопа. Она сказала, что это повысит нашу «производительность».

Поднося кубок к губам, я молчу о том, что хотела бы рассказать. Мы праздновали события в Анжелесе: брачные союзы, рождение детей и даже смерти. Но мы делали это вместе.

— Спасибо, что позвала, — говорю я. — А где остальные? Давида и Хасинта?

Щёки Клаудии розовеют от жара огня и вина.

— Давиде нравится слушать музыку с кухни. Она чистит картошку и чахнет по Гектору. Говорю тебе...

Я понимаю, что её сейчас понесёт не туда.

— А Хасинта?

— Да отсыпается в постирочной, наверное, — говорит она и, подумав, добавляет. — Спорим, завернулась в простыни принца?

Я кривлюсь, в руке уже пустой кубок, и говорю:

— Пойду ещё налью.

Но Клаудия уже несёт своё тело в толпу танцующих. Я хватаю два кубка и останавливаюсь у кухни. Давида здесь, с горой картошки, притоптывает в такт. Я ставлю кубок перед ней. Она прижимает руку к подбородку, а потом выталкивает её вперёд. Среди шепчущих тоже были те, кто не мог говорить, и общались при помощи рук. Нас всех учили основам языка жестов в детстве. Я желаю ей спокойной ночи, а сама направляюсь в постирочную.

Я открываю три двери, находя мешки с картошкой, ящики с корнеплодами, бочки с зёрнами и злаками. На всех упаковках выжжен герб Фахардо. В следующем помещении банки с маслами и оливками. В последней комнате сильный запах мыла. Полотенца и простыни аккуратно сложены стопками. Там, среди кучи белья, как птенец в гнезде спит Хасинта.

Её рот слегка приоткрыт, она тихонько сопит. Что-то скручивается в моём животе, пока я приближаюсь к ней. Останавливаюсь. Как бы я себя повела, если бы внезапно проснулась, а надо мной стояла странная девчонка? Девчонка, у которой, как известно, есть опасная сила.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти. Но только на мгновение. Я снимаю альман с шеи и складываю в карман. Мне нужно забрать воспоминание.

Нужно.

Я стараюсь успокоить дрожь в пальцах и прижимаю их к её вискам. Она не просыпается, только сопит. Завитки на подушечках моих пальцев начинают светиться, наполняясь магией, и я проскальзываю в её прошлое в поисках нужного воспоминания.

Хасинта подхватывает юбки и бежит. Её нервы скручиваются в узел, она спешит в покои принца Кастуана. Все знают, что принц не любит, когда слуг видно, а её вспотевшее, порозовевшее лицо и туфельки, испачканные белой глиной внутреннего двора, делают её вполне видимой и даже заметной.

Она тянет на себя дверь и проникает в его странные комнаты. Как может такая яркая леди Нурия проводить дни в этом унылом месте? В королевских мавзолеях и то повеселее. Ну, теперь леди Нурии и не придётся...

Глаза Хасинты привыкают к тусклому освещению комнаты. Занавески закрыты, а на кофейном столике стоят две масляные лампы. От их мутного желтоватого света гобелены на стене как будто шевелятся: воины верхом на боевых конях, тонущие корабли.

Её щёки вспыхивают, когда она замечает женскую перчатку на мягкой кушетке. Два бокала на столе и дюжина пустых бутылок вина и агуадутьсе. Запах алкоголя ударяет ей в нос, и затем она замечает груды одежды. Здесь было явно больше одной леди... Хотя это явно

были не леди. Девчонки из постирочной в жизни не поверят, если она расскажет об этом.

Хасинта замирает от резкого движения. Вот он стоит в дверном проёме своей спальни. Принц Кастриан натягивает халат поверх... ничего. Его упругие мышцы напрягаются, пока он, шатаясь, тянется за ещё одной бутылкой на столике. Она видит шрам в форме полумесяца, оставленный тем монстром-мориа. Она никогда в этом не признается вслух, но от этого шрама он ещё прекраснее.

— Ваше Высочество, — говорит Хасинта, чувствуя желание присесть в реверансе.

Он стонет и трёт заспанные глаза. Его волосы, как нимб из чистого золота, обрамляют лицо.

— Кто ты, чёрт тебя подери, такая?

Кровь стучит в её ушах в тревоге. Нет, это её сердце стучит, пока кровь стремительно бежит по венам. Она слышит каждый стук как ответ на тяжёлый взгляд голубых глаз королевского сына.

— Прошу меня простить, ваша светлость. Ой... Лорд-командующий. Мне велено забрать... эм... ненужные вещи для моей госпожи. Мне очень жаль... из-за этого всего. Вы не заслужили этих страданий, милорд.

Теперь он пристально смотрит на неё, скрестив руки, как статуя ангела Сан-Маркоса в центре сада. Ангела, готового вынести приговор. Он как будто очнулся и замечает беспорядок вокруг себя. Бутылки, сигары, одежда.

Эти голубые глаза возвращаются назад в спальную комнату. Его тело расслабляется, руки свисают по бокам. Он делает глубокий вдох, словно пытаясь взять себя в руки. Такой вдох она бы сделала перед тем как нырнуть в холодный общественный бассейн в центре столицы. Он поджимает губы, и она только сейчас понимает, что никогда раньше не стояла так близко к принцу. Изгиб его губ похож на дугу лука для стрельбы, а их цвет такого бледно-розового оттенка, который она прежде не встречала у мужчин.

Внезапно она осознаёт, что просто стоит и пялится на него. Ох — Отец миров! — ей срочно нужно что-то сделать. Но даже такой сломленный и устрашающий одновременно, он всё ещё тот принц Кастриан, в которого она влюбилась с первого взгляда.

— Не заслуживаю страданий? — спрашивает Кастриан тяжело, измученно. — Ты понятия не имеешь, чего я заслуживаю.

Она мотает головой. Она сказала что-то не то? Вечно она говорит что-то не то.

Он поднимает бутылку и пьёт из горла. Струйка вина стекает прямо по его груди вниз. Он издаёт какой-то придушенный звук. Он плачет? Ей больно видеть его таким.

— Пошла вон, — говорит он так тихо, что она подходит на шаг ближе.

Она не может уйти без его свадебного костюма.

— Милорд...

Он швыряет бутылку через всю комнату, та разбивается вдребезги.

— Нужны мои вещи? Вот они, — он бежит в спальню. Она за ним, как намагниченная, невзирая на страх.

В его постели две женщины, они только пробуждаются ото сна, но в миг отскакивают назад в ужасе, когда принц, злобно рыча, врывается в гардеробную, хватая наряд жениха и бросает в ноги Хасинты.

— На, забирай! Забирай всё, что есть!

Она поднимает одежду с пола. Его костюм пахнет как и он сам: дымом костра и морской солью. Он уже его надевал. Примерил и носил.

Кастриан отходит в самый дальний угол спальни и поворачивается к ним всем спиной. Он всё ещё похож на мраморного ангела из храма, в котором бы она молилась вечно.

— Пожалуйста, оставьте меня, — доносится от него.

И они все уходят.

Какое-то движение в коридоре заставляет меня покинуть разум Хасинты и быстро выбежать из постирочной, проходя мимо кухонь с быстро бьющимся сердцем. Никто из шепчущих не слышал об обручении принца. Но одно я знаю наверняка: мне нужно попасть в его покои. Музыка слышно в служебных помещениях дворца. Если когда и будет подходящее время, то этой ночью.

Пока я возвращаю альман из кармана на шею, застёгивая дрожащими вспотевшими пальцами, я думаю о пьяном принце из воспоминания Хасинты. То, что помнишь, нельзя изменить, даже если

сильно захотеть. Она боготворит принца, и все её чувства пролезли мне под кожу. Я хочу разодрать свои вены, чтобы эти тошнотворные желания вытекли.

Стоит мне только сделать шаг в коридор, некто хватает меня и прижимает к стене. Я задыхаюсь от благоухания святых масел. Рука закрывает мне рот, чтобы я не закричала. Я со всей силы пинаю, и напавший на меня дёргается. Это Алессандро.

— Я видел тебя, — рычит он, оправившись после пинка. — Что ты сделала с этой служанкой, тварь?

Моё сердце бешено стучит. Я хватаю первую вещь, попавшуюся под руку. Деревянный валёк, которым размешивают щёлок.

— Вы что-то не так поняли, судья Алессандро. Её друзья попросили меня проверить, как она.

Он держится на расстоянии, но я вижу, как он тщательно обдумывает все свои варианты.

— Вы все обманщики. Твоя рука прекрасно работает.

Я сжимаю валёк крепче. Если ударить его, это будет приравнено к измене. Если дать ему пойти к Мендесу, всё будет кончено.

— Вот ты где! — кричит Лео. Его чёрные кудри растрепались от танцев, а щёки покраснелись. Уже, правда, час прошёл? Я ещё никогда не была так счастлива кого-либо видеть, как его сейчас. Он смотрит на Алессандро и потом на меня. — Что здесь происходит?

— Она лжёт о своей ране. Я видел, как она напала на спящую девушку, чтобы поглотить её воспоминания. Я веду её к судье Мендесу, немедля.

Лео молчит, оглядывая Алессандро с головы до ног. Он морщит лоб от лёгкого беспокойства.

— Я с вами, — серьёзно говорит Лео, вставая между нами. Сердце словно покрывается льдом. Я говорю себе, что этого следовало ожидать, но не могу поверить. — И чтобы я мог помочь и подтвердить твои слова судье Мендесу, скажи, какие у тебя доказательства? Просто хочется быть уверенным, судья Алессандро, что мы не побеспокоим судью Мендеса понапрасну.

Что Лео делает?

— Какие ещё доказательства?! Я не должен ничего доказывать. Я просто доложу судье Мендесу, и он поверит мне, потому что это чистая правда.

Лео кивает, как будто его устроил такой ответ.

— Конечно, судья Алессандро! Но... — он бросает взгляд на мою шею, как будто только сейчас заметил подвеску, — что покажет альман?

Алессандро смотрит на камень, но не соглашается с Лео.

— Вентари скончался, никто не может подтвердить её расшифровку, пока мы не найдём другого, — я вижу в его глазах осознание ошибки, которую он допустил. Альман покажет, что Алессандро напал на меня, а Лео заступился, успокоив неуравновешенного судью. Алессандро скривился от злости. — Это не имеет значения. Моё слово значит больше, чем твоё.

— Я и не отрицаю, — говорю, опуская валёк на пол. Теперь я уверена, что он мне больше не понадобится. — В Руке Правосудия, конечно, сотни судей, как ты, а я одна такая робари.

Лео отворачивается, но я успеваю заметить, как дёргаются уголки его губ.

Алессандро разворачивается то ко мне, то к Лео. Если бы он был отбившимся от стаи зверьком, то у него бы уже шла пена изо рта от злости. Он толкает меня указательным пальцем в грудь, прямо в порез, который оставил король Фернандо. Я прикусываю язык, чтобы не вздрогнуть.

— Ты ещё сделаешь ошибку, тварь, и от меня не отвертишься.

Он убирается восвояси, а мы с Лео стоим на месте, слушая музыку. Он спас меня от Алессандро. Наверняка он Сорока. Но когда я открываю рот, он мотает головой и закрывает мой альман рукой.

— Мы не будем это обсуждать, — говорит он.

Я бы поспорила, но не хочу втягивать Лео в неприятности. Особенно если он и есть тот шпион, которого ищет Правосудие. Сейчас мне достаточно того, что я могу ему доверять. Это радует. Я не возражаю, когда мы возвращаемся в мои покои, и по пути я осмысливаю воспоминание Хасинты.

Кастиан был обручён. Судья Мендес говорил мне, что Лео начинал как слуга-сопровождающий леди Нурии. Это просто совпадение, что я теперь в её бывших покоях? Из всех возможных гостевых комнат дворца... Она сейчас замужем за Алессандро, но когда-то была помолвлена с Кастианом. Меня тошнит от мысли, чем они могли заниматься там, где я сейчас сплю.

Дворец ночью погружается в жуткую тишину. Тени становятся длиннее, и даже статуи в залах создают впечатление, что за нами наблюдают. Но я запоминаю каждый поворот, каждый шаг к моим покоям, потому что мне понадобится вернуться туда самой. Лео болтает о том, как корабль с партией вина на фестиваль пошёл на дно, доведя до поседения королевского винодела. Я закрываю альман рукой.

— Лео, до меня тут дошёл один слухок, — говорю я, заговорщически поглядев из стороны в сторону. Я видела, что Саида так делает, когда хочет прикинуться самой невинностью. Однако я совсем далека от этой напускной скромности и боюсь, что он меня запрёт после того, через что мы сейчас прошли.

— Во дворце столько слухов, сколько жителей в столице, моя дорогая леди.

— Я не леди, — бормочу себе под нос.

Лео переплетает наши руки, быстро оглядывается на зал за нами, прежде чем сделать шаг на небесный мост. Мы раньше не ходили по нему ночью. Такое ощущение, что мы идём по длинной чёрной тени. Каждая сверкающая арка и колонны отражают лунный свет.

— Позвольте спросить, что за слухи? Вы в самом деле провели весь час, сплетничая с посудомойкой?

Я смеюсь, пытаюсь звучать легко и беззаботно. Он ведёт себя так, будто столкновения с Алессандро не было вовсе.

— Я слышала, что принц Кастиан когда-то был помолвлен с твоей предыдущей леди.

Лицо Лео озаряет его обычная улыбка. Интересно, как много он скрывает за этим изгибом губ.

— Ах, леди Нурия Грасиэлла, герцогиня цитадели Тресорос, действительно когда-то давно готовилась к свадьбе с принцем.

Тресорос.

— Она из семьи, которая некогда правила Тресоросом?

Больше века назад королевство Тресорос владело богатейшей землёй континента до того, как был заключён этот мутный союз с семьёй Фахардо. Теперь, когда Пуэрто-Леонес завоевал почти весь континент, сложно представить, что когда-то он занимал только часть того, что есть сегодня. Когда члены правящей семьи Тресороса капитулировали, они поставили условие, что будут иметь титулы и

места при дворе. Теперь эти территории стали всего лишь одной из провинций, хотя когда-то были отдельной нацией.

— Из той самой, — говорит Лео. — Леди Нурия — богатейшая женщина во всём Пуэрто-Леонесе. Она владеет большей частью западной провинции, благодаря договору, заключённому её дедом, когда они отреклись от трона в пользу Фахардо. Полагаю, шепчущие не слышали о её скандале с принцем Кастианом в своих лачугах в горах, которые вы зовёте домами.

И вот так просто возвращаются мои сомнения относительно Лео. От этих слов, прозвучавших от него, большее, чем от всего того, что наговорил мне Алессандро. Как он может сначала рисковать своей репутацией ради меня, а потом говорить такое?

— Шепчущие оторваны от всего остального мира, — говорю я. — Поэтому их восстание и провалилось.

Пустые слова, но ложь сама срывается с языка.

— Может быть, — Лео останавливается в центре моста. Внизу видно жёлтое свечение уличных ламп, рисующие линии андалусийских улиц. Отсюда красивый вид, пока темнота скрывает всю грязь дня.

— И кто же отозвал помолвку? — спрашиваю его.

— Это сложный вопрос. Леди Нурия была обручена с принцем Кастианом ещё до их рождения.

— Как это возможно?

— Хусто Фахардо, отцу короля Фернандо, было непросто держать под контролем аннексированные земли Тресороса.

— Территория Тресороса была вдвое меньше Пуэрто-Леонеса в те годы. Как они отражали атаки Фахардо?

— На каждого призывника в армию Фахардо семья Тресорос могла позволить себе наёмного солдата.

— Наёмники, — готова жизнью поклясться, что ни в библиотеке, которую мы проходим, ни во всей стране не найдётся ни одной книги, упоминающей это.

— Из Лузо, Дофиники, даже с Айслендов в северных морях, — говорит Лео, увлечённый рассказом. Какая же он загадка. Как он здесь оказался? Верный короне. Хранитель неподобающих историй. Предполагаемый друг для такой, как я. — Семья герцогини

располагает самыми большими рудниками, богатыми золотом и драгоценными камнями.

— А потом что? Они просто продали своё наследие и своих потомков, чтобы остановить войну?

— В тебе нет ни капли романтики, — Лео разворачивается на каблуках и продолжает идти. — Я не знаю, кто предложил подписать договор, но соглашение связало две семьи вместе. Их дети уже были обещаны другим, поэтому лучшим решением стало обручить первых внуков.

— И что Нурия чувствовала, будучи помолвленной с таким, как он? — последние слова прозвучали как ругательство. Я вспоминаю все те слова, которыми служанки описывали принца, когда я помогала им во дворе, и даже мысли той леди, у которой я украла воспоминание о нём. — Он ведь разрушает всё на своём пути.

— Он не был таким в детстве. Леди Нурия и Кастиан дружили с малых лет. Всё время были вместе во дворце, по крайней мере, так говорят. Был короткий период, около года, когда принца отправили на Ислас-дель-Рей на юге. Чтобы поправить здоровье. И это было единственное время вдали друг от друга.

— Не удивительно, что я ни разу его не видела, пока была здесь.

Лео напрягает память.

— Думаю, это было до того, как ты прибыла во дворец. Сколько ему было, пять или шесть, наверное? Сразу после смерти... — опомнившись, Лео обрывает себя на середине предложения, но я заканчиваю за него.

— Смерти младшего принца, его брата, — говорю я и благодарю темноту, что скрывает тот страх, что я испытываю. Некоторые говорят, что Братоубийце судьбой предназначено стать таким же безжалостным, как его отец. Мальчик, который любит боль и смерть. Мужчина, который умрёт от моей руки.

Лео кивает.

— Что касается разрыва помолвки... Ходят разные слухи. Одни говорят, что он не мог удержать Нурию подальше от других придворных мужчин. Гнусная ложь, разумеется. Если бы это могло разорвать союз, который планировали десятилетиями! За считанные дни до свадьбы!

Я делаю кислое лицо.

— Кастиан, конечно, принц, но это не значит, что он стал бы хорошим мужем.

— И что вы знаете о мужьях, юная Рената?

— Ты старше меня максимум на пару лет, Лео. Я могу спросить: а что ты знаешь о мужьях?

— Только то, что у меня был один, и его больше нет.

Моё сердце разбивается на осколки, но он не позволяет мне переживать за него.

— Не нужно делать такое лицо, я не потерплю сегодня никакой печали. Позвольте мне закончить рассказ.

Мы приближаемся к моим покоем и оба замедляем шаг.

— Давай. Подозреваю, что ты-то можешь отделить ложь от правды.

— Естественно. Да, их помолвку разорвал принц Кастиан. Они отправились в совместное путешествие, но когда вернулись, всё уже было кончено.

Год назад?

— Это было до или после битвы в Риомаре?

Тёмные брови Лео поднимаются.

— После. Поездка была задумана в честь празднования победы принца.

Тогда впервые он чуть было не убил Деза. Я проигрываю в своей голове обрывки воспоминания. Князь Дорадо и мятежник. Моё горло сдавливает желание закричать, но голос Лео выводит меня из этой темноты.

— До этой поездки они были безумно друг в друга влюблены. Все им завидовали. Это была любовь на века. Есть даже песни о них — их часто поют в тавернах, вы наверняка слышали.

— Нет, не слышала, — меня сейчас стошнит. — Что такого ужасного могло случиться, чтобы разорвать вековое соглашение и встать на пути настоящей любви?

— Поговаривают, что принц Кастиан застукал леди Нурию с кем-то в её постели. Когда этот слух распространился, придворные леди требовали судить её за государственную измену. Королевский священник собирался отлучить её от церкви. Но леди Нурия всегда ставила превыше всего верность и преданность. Кто бы поверил слову принца больше, чем её?

Сомневаться в словах принца, даже наедине, опасно. Но это и так была опасная ночь. Возможно, я ошибалась в Лео во многих отношениях. Он, может быть, и не Сорока, но я знаю, кому он на самом деле предан. Леди Нурии.

— Разве это не отменяет соглашение? Может ли Тресорос вернуть себе независимость?

Лео присвистывает, как будто сам не может поверить в то, что собирается сказать.

— В том-то и дело. Ей позволили сохранить семейные владения и титул. Принц ругался со своим отцом, чтобы у неё всё это осталось. Компромиссным решением стал брак с одним из судей Руки Правосудия.

— Но...

— Могу я спросить, чем вызван ваш интерес к этой старой дворцовой сплетне? — не даёт он мне договорить, и я воспринимаю это как знак того, что я дошла до его границы допустимого. Мы сворачиваем в тёмный коридор, и я впервые чувствую облегчение, что вижу стражника у своих покоев.

Я пожимаю плечами и отвечаю легко, беззаботно, как говорят девушки при дворе:

— Ты не можешь винить меня в том, что сплетни — сейчас моё единственное развлечение. Меня не было здесь слишком долго.

Улыбка Лео была полна лукавства, но даже если он подозревает, что у меня есть иные намерения, то он ничем это не выдаёт. Дружески помахав рукой, он выкрикивает:

— Гектор! Где же ты был всю ночь? Нам пришлось сделать круг по небесному мосту, пока мы ждали тебя.

То, как Лео врёт, впечатляет меня. Имя звучит как-то знакомо, но после всего произошедшего этой ночью, я не могу вспомнить, где могла его слышать.

Стражник прислоняется к стене прямо напротив моей двери. Его лицо остаётся в тени, но я отмечаю коротко стриженную тёмную бороду и смуглую кожу.

— Да-да, конечно, — бормочет Гектор. — И как же прошла пьянка в честь второй четверти луны?

— Ничего не знаю об этом, — говорит Лео, шагая спиной вперёд к моей двери. Он достаёт тонкий ключ и открывает дверь. —

Спокойной ночи, Гектор.

И тут меня как молнией пронзает. Гектор. Я вспоминаю Давиду, как она сидела на кухне и чистила картошку.

— Вечеринки для детей, — ворчит тот.

Лео корчит гримасу для меня, а потом заходит в комнату. Я следую за ним, но останавливаюсь и поворачиваюсь к Гектору. Если есть шанс, надо им воспользоваться.

— Давида сейчас на кухне.

И хотя его тело скрыто в тени, я замечаю, как он напрягся.

— Тебе-то какое дело?

Пожимаю плечами и напеваю песенку, которая играла, пока она работала. Она застряла в моей голове, отчего-то очень знакомая.

— Да так. Просто подумалось, что она ждёт кого-то, вот и всё.

Я закрываю дверь за собой. После того, как Лео уходит, я падаю на кровать. Тяжесть прошедшего дня давит на меня. Константино истёк кровью на глазах у всего двора, а мир продолжает вращаться без него, как будто он не играл никакой роли. Но это не так. Даже если его похитили и превратили в нечто неузнаваемое, у него когда-то была семья.

Я выбираюсь из постели и обыскиваю свои вещи, находя монетку Деза. Хранить её кажется неправильным. Следует попытаться как-нибудь вернуть её Иллану. Но сейчас это единственное, что напоминает мне о том, что Дез был настоящим. Я закрываю глаза и думаю о нём. Вспоминаю, как луна за его головой напоминала нимб. Красивый до боли. Я прижимаю монетку к губам.

— Всё было бы проще, будь ты рядом со мной, — шепчу ему, зная, что ответа не последует.

Я прячу монетку под матрац. Сейчас я могу только надеяться, что моя интуиция по поводу Гектора и Давида не ошиблась. Это единственная возможность проникнуть в покои принца.

Тяжёлые ботинки Гектора ходят по кругу, потихоньку меня убаюкивая. Я смотрю на балдахин над кроватью. Её кроватью. Это странное ощущение: жить в комнате, которая принадлежала другой девушке, девушке, чей брак с принцем был обговорён ещё до её рождения, до того, как её родители запланировали ребёнка. Девушке, чьи вещи я ношу, в чьей кровати я сплю. Девушке, которую чуть было не обвинили в государственной измене и которая могла иметь

собственные желания и стремления. Неверность в обычном браке уже плохо, но она была заподозрена в измене принцу, что равносильно измене короне. Но как тогда она смогла сохранить за собой земли и титул? Что такого ценного в этом союзе с Тресоросом, что Кастиан, каким бы безжалостным он ни был, просто стоял и смотрел, как она выходит за другого? Если только... Тресорос известен своими богатыми территориями — минералами и самоцветами.

Я вспоминаю, как увидела принца в Рысьем лесу. Дез не дал мне использовать магию. Кастиан тогда сказал, что на нём бы это всё равно не сработало. Я не придавала этому значения: так много леонессцев носят свои деревянные обереги, но они мало что понимают в нашей магии. Может, что-то найденное в недрах Тресороса способно противостоять магии моря, так же как металлы усиливают её? Могло ли оружие быть из Тресороса, и потому Пуэрто-Леонес держится за этот союз?

Я лежу в тишине некоторое время и вдруг понимаю... Всё тихо. За дверью ни звука.

Резко сажусь, кровь гудит. Это может быть мой единственный шанс.

Я переодеваюсь в чёрные брюки для верховой езды и чёрную рубашку. Обыскав выдвижные ящики, я нахожу спрятанную цветочную заколку, которую надевала в день представления королю Фернандо. Срываю тканевые лепестки, оставляя только острое металлическое крепление и убираю за пояс. Заколоть принца её стальным кончиком было моей несбыточной мечтой, но я всё ещё могу её использовать, чтобы вскрыть замок.

***

Пересекая небесный мост на пути в покои Кастиана, я чувствую себя самой Госпожой теней в её платье из глубокой ночи и утренних звёзд. Пьяные завывания под песни и стук колёс повозки по булыжникам заглушают звук моих шагов.

Благодаря воспоминанию Хасинты я без труда нахожу двери в комнаты Кровавого Принца. Внутри никого нет. Мои пальцы хорошо помнят небольшие секреты взлома замков.

Когда металл поддаётся и слышится характерный щелчок, я задерживаю дыхание, бросая взгляд за плечо, и молюсь, чтобы Госпожа сегодня была на моей стороне.

Я с усилием открываю тяжёлые двери и прокрадываюсь в пустые покои. Я на секунду застываю, осознавая, что сейчас нахожусь в той самой комнате, где живёт Кастиан, когда бывает во дворце. Неприятное ощущение проходит по всему телу. Теперь всегда, до конца моих дней, вспоминая Деза, я буду думать и о Кастиане.

Мои глаза привыкают к темноте и осматривают комнату от ковра на полу к окнам. Я раздвигаю гардины, за которыми видно предрассветное небо, с бледно-голубой полосой на горизонте. Лео скоро придёт за мной. Он всегда будит меня, когда красноватое утреннее небо показывается в просвете под занавесками.

На кофейном столике масляная лампа и спички. Мои пальцы, которые были тверды при взломе замка, теперь подрагивают, и я ломаю три спички прежде, чем зажечь эту чёртову лампу.

Я прохожу через голубую гостиную с большими гобеленами и мягкими кушетками, скорее в спальню. Стены покрыты тёмно-синим бархатом, и от переливания света и тени на нём они похожи на волны. Я раздвигаю занавески здесь тоже и застываю, поражённая тем, как свет наполняет стены и пол. Комната словно задумана так, чтобы внушить её жильцу, будто он находится под водой, где-то в морских глубинах, держась на плаву.

Это как сон наяву... И меня бесит, что я чувствую такое умиротворение здесь.

Я подхожу к полкам, забитым книгами в кожаных и тканевых переплётках. Я слышала о тайных проходах, которые можно открыть, если вытащить правильную книгу. Этот книжный шкаф определённо достаточно большой, чтобы скрыть что-нибудь за ним, и я вытягиваю каждую книгу по очереди. Ничего нет.

Я оставляю лампу на большом комодe в прилегающей гардеробной, откуда принц швырял свои свадебные вещи Хасинте. Я обыскиваю все ящики, но в них только одежда, ремни, пояса, орденские ленты, головные уборы и украшения.

— Ну где же? — шёпотом спрашиваю комнату, надеясь, что она откроет свои секреты.

Я продолжаю осматривать большой деревянный стол, на котором разбросаны письма, нераскрытые свитки, баночки с сепией и большая морская раковина, какие распространены в цитадели Салинас. Я тянусь к ней и чувствую запах кожаной одежды и соли, и легко

представляю, как Кастиан сидит здесь и прислушивается к шуму волн. Злость закипает во мне. Он не заслуживает всей этой гармонии, которой он себя окружил.

Я сдвигаю стопки пергамента, чтобы освободить поверхность расписного стола. Дерево окрашено в густой чёрный цвет с выгравированными на нём золотыми линиями и точками... Созвездия. Я узнаю шестиугольник — созвездие Леонеса, которое, по легендам, поместил на небо Господин миров, чтобы ознаменовать начало новой эры завоеваний Пуэрто-Леонеса семьёй Фахардо.

Мне оно всегда напоминало скорее кота, чем льва.

Когда я возвращаю груды пергамента на место, я замечаю среди них карту Пуэрто-Леонеса. Гербовая печать с двумя железными крылатыми львами поставлена на Сол-и-Перла, прибрежный городок на востоке, и место, где находится самая варварская и жуткая тюрьма в стране. Соледад.

Почему Кастиан отметил тюрьму, в которой, вероятно, бывал десятки раз?

Я замираю от подозрительного скрипа половицы. Небо начинает розоветь по краям, и моё сердце подскакивает от крика петуха где-то вдалеке. Я затаила дыхание в ожидании, что кто-то сейчас ворвётся в эти двери и обнаружит меня. Подхожу к стене с картинами. Нет ни одного портрета с Кастианом — ни в детстве, ни во взрослом возрасте, — но есть несколько морских пейзажей, картин с кораблями. Никогда бы не подумала, что принц так любит море, хотя и назван в честь самого прекрасного из них. Одна картина особенно привлекает моё внимание — портрет женщины.

Если отойти немного подальше, то можно заметить, что все остальные картины окружают её, словно она плавает на волнах. Я вновь беру лампу с комода и подношу ближе к портрету. От её красоты захватывает дух. Длинные светлые волосы волнами лежат её на плечах, а на голове — корона, украшенная сияющими рубинами, похожими на капли крови. Что-то внутри меня сжимается от боли, когда я смотрю в её спокойные сине-зелёные глаза цвета Кастинианского моря. Глаза принца.

Видимо, это мать Кастиана и вторая жена короля Фернандо. Королева Пенелопа.

Портрет будто зачаровывает меня, как своей красотой, так и вопросами, наводнившими моё сознание. Что она о нём думала? О своём старшем сыне, наследнике престола, убийце её второго ребёнка? Насколько крепкой может быть любовь матери?

Хотя, судя по всему, он глубоко почитал её, выделив её портрету столь значимое место. Это так впечатляет меня, что моё тело покалывает от... от какого-то желания, которое я не могу сформулировать. Возможно, это желание, свойственное всем сиротам. Нет ничего прекраснее любви матери, её заботы и той безопасности, которая ощущается в её присутствии, даже если это просто иллюзия.

И дальше всё происходит как само собой.

Не тратя ни секундой больше, я спешно провожу пальцами вдоль рамки. Сначала это всё выглядит глупо, нелепо, отчаянно. Прикасаться к этому прекрасному портрету кажется слишком интимным.

Но потом... Я нахожу то, что искала.

Уязвимое место.

Петля.

Через мгновение я слышу нужный щелчок, когда я поднимаю защёлку и отодвигаю портрет, за которым находится тайник.

Слава тебе, Мать всего сущего!

И спасибо вам, королева Пенелопа.

Я сдуваю пыль внутри этого большого сейфа. При желании в нём можно поместиться целиком. Ставлю лампу внутрь и осматриваю содержимое.

Моё сердцебиение ускоряется, когда я беру чёрную шкатулку. Пока открываю крышку, ток пробегает по моим венам, но это не та шкатулка из воспоминания Лозара. На её поверхности нет узоров, да и размер не тот.

Я рассматриваю всякую мелочь на бархатной подкладке внутри: игрушечные солдатики из железа с нарисованными мечами, десятки шариков из разноцветного стекла и маленький деревянный меч, с которым мог бы тренироваться ребёнок. Здесь так же множество писем со вскрытыми восковыми печатями и письма, побрызганные розовыми духами.

Я захлопываю крышку. Это не оружие!

Вытираю пот с лица и закрываю портрет.

Затем я чувствую магию ещё до того, как замечаю пульсирующий свет. В декоративной чаше, полной морского стекла, есть маленький альман. Неровный прямоугольник, как будто его откололи от камня побольше. Судья Мендес держит камни под замком. Мог ли он положить один сюда, чтобы шпионить за принцем? Свечение внутри кристалла сильное — значит, воспоминание совсем свежее.

Я убираю его в карман, чтобы позднее прочитать в своей комнате. Небо уже яркое, но если побежать, то могу успеть до того, как кто-нибудь заметит, откуда я выхожу.

Я быстро разворачиваюсь, но врезаюсь в стол и чуть было не роняю морскую раковину, но успеваю поймать её в воздухе до того, как она могла упасть и разбиться.

— Осторожнее, — звучит голос. — Это коллекционная вещь.

Пот градом стекает между лопатками, и я моргаю несколько раз, чтобы удостовериться, что он мне не мерещится.

— Лео, — судорожно соображаю, что сказать, но выдавливаю только, — я...

— Ничего не говори, — резко, зло говорит он, забирая ракушку из моей руки и с тяжёлым вздохом возвращая её на место. — После всего... Нет, не надо ничего говорить.

Как он узнал, что я здесь?

И вдруг до меня доходит, что именно этого и хотел судья Мендес. Убрать замок, стражников и посмотреть, куда я пойду. А я пошла прямо в ловушку.

Но потом Лео достаёт из кармана своего камзола какую-то бумагу и оставляет в центре стола. Запечатанное письмо пахнет розами. Это явно не от короля Фернандо или судьи Мендеса. Что-то гораздо более личное.

— Следуйте за мной, — говорит он, прочищая горло.

Без всяких вопросов я слушаюсь, слишком поражённая, чтобы сделать что-то ещё, кроме как идти за ним по небесному мосту, который мы уже множество раз пересекали вместе, к моим покоям. Мы оба заходим внутрь и он приступает к своим ежедневным обязанностям.

Я думаю о письмах в памятной шкатулке принца. Чьи же ещё письма мог хранить принц, если не леди Нурии? Могут ли Кастиан и

Нурия всё ещё быть вместе, после всего, что между ними произошло? О чём Нурия может писать ему сейчас, передавая записки через Лео?

Словно прочитав мои мысли, Лео поворачивается с полуулыбкой. Утренний свет заливает комнату, окрашивая нас в красные и жёлтые тона. Иллюзия огня преследует меня на каждом шагу.

— Знаете, вам повезло. Похоже, вы любимица.

— Почему это?

На что он намекает?

— Потому что вам не придётся освобождать любимые покои леди Нурии — ей предоставили комнаты, соответствующие жене судьи.

— Она здесь?

— Она только что прибыла после трёхнедельного пребывания в цитадели Салинас. Вернулась к Фестивалю Солнца. В связи с этим и письмо, которое я доставил. Но это только между нами, конечно. Никто не должен знать, что я помогаю им поддерживать контакт. Так или иначе, вы остаётесь в её покоях, а её перевели в гостевые комнаты.

Я слабо представляю, как мне понимать его слова. Он говорит это, чтобы я разыскала её?

Леди Нурия. Некогда невеста принца. Вернулась сюда.

Мне непременно нужна аудиенция с ней.

А что до Лео... Есть интересный факт о доверии: оно может укрепиться от угрозы взаимного гарантированного уничтожения.

Прим. пер.: Взаимное гарантированное уничтожение (Mutual Assured Destruction) — термин, который относится ко времени холодной войны и, по сути, описывает её основной сдерживающий фактор. В его основе идея, что любые действия сторон против друг друга обязательно обернутся поражением обоих, что в определённой степени является гарантом мира.

Глава 18

Следующие два дня я просто образец послушания. Иду туда, куда мне говорят Лео и Сула. Помогаю на кухне и со стиркой. Страх быть пойманной берёт верх надо мной. Моё тело словно не принадлежит мне. Даже когда я одна, меня не покидает ощущение, что за мной наблюдают. Оно пробегает холодком по позвоночнику, парализуя

таким страхом, что только на вторую ночь я нахожу в себе смелость прочесть альман, украденный из покоев принца Кастиана.

После всех приготовлений ко сну я прислушиваюсь к шагам стражников за дверью. Забираюсь под покрывала и осторожно раскрываю ладони с альманом. Каждое новое воспоминание о принце вытесняет предыдущее, открывая новую грань моей ненависти, на которую я не думала, что была способна. Убийца, психопат... Жадный до власти и жестокий к женщинам, которые его окружают. И он всем нравится, несмотря ни на что. Я колеблюсь перед тем, как извлечь воспоминание из альмана, потому что не знаю, что я там могу увидеть.

Кастиан снимает свой золотой венец. Принц весь покрыт кровью и грязью: ими перемазаны лицо и шея, насквозь пропитана одежда. Его руки дрожат, пока он развязывает шнуровку своей рубашки.

В покои входит служанка. С её большими карими глазами она похожа на сову. Но когда он её замечает, он медленно выдыхает. Она выглядит так, будто хочет подойти ближе, но не решается. Её огрубевшие руки жестикулируют в воздухе.

Кастиан важно кивает.

— Да, ванна — это то, что мне сейчас нужно. Спасибо, Давида.

Женщина кланяется, собирает вещи, которые он сбросил на пол, и выходит из комнаты. Слушая звук воды из-под крана, Кастиан смотрит на портрет своей матери. Долго, неотрывно смотрит, а потом резко стряхивает головой и открывает тайник за картиной. Он тянется в сейф и достаёт длинную деревянную шкатулку с выгравированными золотыми символами. Его лицо каменное, решительное. Он покидает покои.

Возвращается уже с пустыми руками. Давида появляется с чистой одеждой в руках.

Я сижу в темноте довольно долго, осмысливая увиденное.

Оружие было в покоях Кастиана, но я пришла слишком поздно. Всегда было поздно, потому что он забрал его в тот самый день, когда убил Деза. Я помню этот наряд, который был на нём, и как именно была размазана кровь по его улице. Я помню, как бросилась к нему, но меня остановили.

А он вернулся в свои покои и велел приготовить ванну. Как Давида могла прислуживать ему? Поэтому она сейчас на кухне? Там она работает, пока принца нет?

Когда я всё-таки засыпаю, мне снится море, которое меня поглощает.

***

На утро Лео и я болтаем обо всём и ни о чём — в конечном счёте, мы вернулись к лёгкости в отношениях. Он не упоминает наше столкновение в покоях принца Кастиана, ни чтобы спросить, что я там забыла, ни чтобы объяснить свои действия, и я прихожу к выводу, что пока угрозы моей безопасности не ожидается. Он явно не хочет, чтобы кто-то знал, что он передаёт сообщения от своей бывшей госпожи, а я не хочу, чтобы кто-то знал, что я обыскивала комнаты Кастиана.

Осталось четыре дня до Фестиваля Солнца. Осматривать дворец днём становится сложнее, потому что навыки слежки Алессандро постепенно улучшаются. Иногда я готова поклясться, что рядом никого нет, а потом замечаю его за углом. Его всегда выдаёт душный запах святых масел, словно он в них купается каждый день.

Я держусь рядом с Лео, и говорю себе, что так надёжнее. Но на самом деле он просто мой единственный друг на всём белом свете.

Лео рассказывает мне все дворцовые сплетни. Леди Севилья застала своего мужа в неподобающей позе со своей сестрой и может пропустить приём в саду, который устраивает королева. Корабль герцога Ариаса пропал в море, возвращаясь с Ислас-дель-Рей — личных островов короля.

Нас прерывает щелчок замка. Лео сужает зелёные глаза в недоумении. Только у него есть ключ.

И у Мендеса.

Судья заходит в мои покои, а моя душа уходит в пятки. На нём штаны для верховой езды и длинный китель с декоративным мечом, привязанным к поясу. Выглядит так, будто он готовится к долгому путешествию. Куда он мог собраться за четыре дня до праздника?

Меня бесит, что он заявляется сюда, как будто у него есть такое право. Меня бесит, что когда он смотрит на меня, его глаза сияют. Меня бесит, что я чувствую облегчение, увидев его, пусть и всего на мгновение.

— Рената, — приветствует он, стягивая перчатки. — Леонардо. Я надеялся застать вас до того, как вы отправитесь по своим делам.

Мы с Лео поднимаемся на ноги, услышав свои имена.

— Какая неожиданность! — отвечаю я, копируя голоса придворных девушек, порхающих по дворцу и постоянно что-то щебечущих друг другу. — Вы были слишком заняты последние дни, чтобы уделить время мне, ваша честь.

— Могу я принести вам... — спешит предложить Лео.

Мендес поднимает руку, и Лео замолкает. Кровь приливает к моему лицу, пока я жду, что он заговорит.

— Я пришёл проверить состояние твоей руки и оставить указания.

— Ваша честь?

Лео убирает подносы с едой и протирает стол.

— Прости, милая. Мне нужно отбыть по делам короля, — говорит Мендес, но его немногословие и холодный тон останавливают меня от расспросов.

— Я как раз собирался поменять повязку, — говорит Лео, возвращаясь из соседней комнаты с швейным набором: новая ткань и настойки в стеклянных коричневых склянках, а также игла и нить на случай, если порез вновь открылся.

— Это не понадобится, — говорит Мендес. — Леди Нурия во дворце. Пожалуйста, убедись что она и судья Алессандро имеют в своём распоряжении всё, что им нужно.

При упоминании её имени мы с Лео переглядываемся. Его тёмные ресницы подрагивают, и он поправляет свой камзол, потянув за нижние края, — единственный признак того, что он может нервничать. Моё сердце вот-вот сломает мне рёбра, но я разрываю взгляд и начинаю разматывать ткань на руке.

— Сию минуту, ваша честь, — говорит Лео и низко кланяется перед тем, как уйти.

— Спасибо, что решили нанести мне визит, — говорю судье Мендесу. — Я знаю, как вы цените своё время.

На его лице появляется слабая, усталая улыбка, и он берёт мою повреждённую руку. Он расстроено вздыхает. Порез заживает быстро, но, видимо, не так быстро, как ему нужно.

— Что-то не так? — осторожно спрашиваю.

Его большой палец мягко проводит по шрамам на моих костяшках. Я пытаюсь сдержать отвращение, из-за которого мне

хочется вырвать руку. Это похоже на ловушку, на змею, скользящую по моему телу.

— Напротив. Я нашёл нового вентари для Руки Мориа.

— Где? — чувствую приступ резкой боли в висках. Вспоминаю об Эстебане. О шепчущих. Задерживаю дыхание, чтобы не закричать.

— Прямо здесь, в столице. Мне понадобится твой альман, чтобы он его прочитал.

Мне становится дурно. В столице почти не осталось мориа. Они использовали оружие. Как иначе они бы его нашли?

Я отдёргиваю руку, не удержавшись. Моё сердцебиение ускоряется от того, как встревоженно он смотрит на меня.

— Рената? — он сжимает мои плечи. Я едва могу стоять. Он прижимает меня к своей груди. От него пахнет ладаном и сахаром. Запахи, которые я долгое время воспринимала как дом. Я чувствую себя такой уставшей, что едва ли могла бы его оттолкнуть. То, как он проводит рукой по моим волосам, как будто я опять маленькая девочка, скручивает мои внутренности. Напоминаю себе, что он не мой отец и никогда им не был. Он был монстром, который держал меня в золотой клетке. Но когда он повторяет моё имя, и в его голосе звучит больше беспокойства, чем кто-либо проявлял ко мне, кроме Деза, я не могу вымолвить ни слова.

— Всё в порядке, — выдавливаю. — Пустяки.

Он садится обратно. Я снимаю подвеску и передаю ему в руки, гадая, знает ли он, что только я могу прочитать камень. Новый вентари может разве что подтвердить, что я увижу. Он даёт мне взамен другой альман, поменьше, который свисает до моих ключиц. Я чувствую магию, которая исходит от него и как будто взывает к моей собственной.

— Я хочу, чтобы ты была бдительнее.

— Да, дядюшка. Могу я спросить, что-то случилось?

Он готовится вновь перевязать мою рану.

— Было своего рода ограбление. Часть моих альманов пропала.

— Из хранилища?

Мендес один раз качает головой, его серые глаза изучают моё лицо. По крайней мере, моё удивление искреннее.

— В других местах по дворцу. Двух из них не хватает.

Судья Мендес шпионит за принцем Кастианом! От осознания этого у меня кружится голова. Я вспоминаю, как Кастиан в Эсмеральдас сказал: «Никто не должен знать, что я был здесь». Имел ли он в виду конкретно Мендеса? Кастиан поддерживает контакт с леди Нурией. У Кастиана есть оружие. Могут ли они соперничать за внимание короля?

— Рената? — громко спрашивает Мендес.

Я слишком отвлеклась на свои мысли. Делаю вдох.

— Извините, ваша честь.

— Я надеялся, что ты будешь честна со мной, Рената, — Мендес откручивает крышку настойки и капаёт коричневую жидкость на мой порез. Она жжёт, но мне надо держать лицо. — Если что-то не так, я должен знать.

— Иногда мои воспоминания всплывают. Не могу всё время их контролировать. Это становится больно.

Он рассматривает моё лицо и убирает чёрную прядку с глаз.

— Я много думаю о той ночи, когда тебя забрали.

«Я тоже», — мысленно отвечаю. Воспоминание о милом мальчике Дезе, который отвёл меня в безопасное место, — это одновременно и нож в сердце, и бальзам на него. Не хочу об этом говорить.

— Мне уже лучше, — улыбаюсь, и кажется, он верит.

— Я кое-что тебе принёс, — он достаёт из сумки синий бархатный мешочек и раскрывает его.

Не хочу подарков от Мендеса. С этого всё начинается, а потом я окажусь там же, где была восемь лет назад. Но прошлая я не отказалась бы, и поэтому я тоже принимаю.

Брошь с красным камнем — это официальный символ Правосудия, прям как тот, что носит Лео. Мендес прикалывает его на ткань моего платья, прямо над сердцем.

Я делаю медленный, дрожащий выдох.

— Это честь для меня.

Он поднимает мой подбородок пальцем. Его искренность прожигает меня.

— Ты ценнее, чем думаешь, Рената. Скоро король Фернандо поймёт, как много я сделал для нашего дела.

— Король доволен?

— Больше, чем раньше, с момента твоего появления, — он морщит лоб. — Пока меня не будет, ты должна оставаться моими глазами и ушами. Только судья Алессандро и Лео могут связаться со мной.

— Вам обязательно уезжать? Что если вы не успеете вернуться к празднику?

— Тем больше оснований выполнить свой долг. Нужно обработать вентари, чтобы он был готов служить королю.

«Обработать»? Со мной он тоже собирается это сделать? Внутренний голос, так похожий на Марго, говорит: «Он уже тебя обрабатывает».

— По возвращении я ожидаю увидеть, что твоя рука зажила и готова действовать.

Страх сковал мой язык.

— Чтобы я присоединилась к Руке Мориа.

— Единственная робари на много миль вокруг должна впечатлить наших иностранных гостей.

Единственная робари. Да ещё и единственная шепчущая во дворце.

***

Смотрю, как отъезжает экипаж Мендеса, с небесного моста, с которого открывается вид на основную улицу столицы. Рубиново-бриллиантовая брошка на моей груди ощущается как груз всех тех людей, кого я коснулась своей силой. Вот она я, сверкаю символом Правосудия. Я пытаюсь убедить себя, что именно этого и добивалась, когда пробиралась во дворец. Остаться для чего-то большего, чем только моя месть. Чтобы судья мне поверил. Меня беспокоит, что эту роль я сыграла слишком хорошо.

Фестиваль Солнца приближается, а я совсем не готова. Если не успею завершить свою миссию, если у меня так и не получится достать оружие и убить принца, то что я буду делать дальше? Смогу ли создать пустышку из лорда Лас-Росаса, чтобы сохранить своё прикрытие и продолжить действовать во благо шепчущих?

Моя совесть ещё успеет меня придушить, но не сегодня. Я пересекаю мост и опираюсь рукой в перчатке на одну из колонн для поддержки. Голова кружится, если смотреть с такой высоты на садовый лабиринт. Сверкающая на солнце мозаика образует сложные

узоры, которые словно направляют по дорожке между стенами живой изгороди. Предыдущий король задумал этот сад как подарок своей жене. Изгородь и арки, покрытые цветущими розами, ловко заманивают путников в самый центр лабиринта, где и происходят все королевские торжества.

Сад делится на четыре отдельные части, в каждой есть укромные уголки с каменными скамейками, где придворные могут проводить время. Девушки усеивают лабиринт, как цветы, пока их служанки следуют за ними с зонтиками от солнца, чтобы их нежная кожа не сгорела.

Смех Лео доносится из одной из частей. Там, под фонарями и лёгким тканевым навесом, расположилась женщина в окружении полдюжины придворных дам и их служанок, как будто она сама королева.

***

Я прохожу незамеченной мимо садовников, занимающихся приготовлениями к Фестивалю Солнца. Они следят за тем, чтобы причудливые деревья с белыми почками были готовы расцвести, полируют доспехи и статуи до тех пор, пока те не начинают сверкать от чистоты. Маленький мальчик распределяет лилии в блестящих прудах, выкопанных по границе садов королевы. Отсюда вершины башен дворца сияют, как четыре отдельных солнца. Вспоминаю, как видела их на большом расстоянии, когда мой отряд ехал вниз по дороге мимо отрубленных голов. Каждый раз, наслаждаясь красотой этого места, я в то же время думаю о том, как прекрасная оболочка может скрывать безобразную суть.

Я нахожу уголок леди Нурии. Её лицо скрыто в тени навеса, но её длинное фигуристое тело полулежит на кушетке, покрытой подушками и покрывалами из меха белой лисы. Её юбка длиннее, чем у остальных придворных девушек, что соответствует моде Дофиники, если верить Лео. Платье цвета вишнёвого сока плотно облегает её тонкую талию и широкие бёдра. Её волосы заколоты, завитые локоны мягко спадают на шею. Её смуглая кожа блестит, как самоцветы.

Она садится и замечает меня, и когда я вижу её лицо при свете, оно оказывается совсем не таким, как я представляла. Она младше, чем я думала, — может, ей семнадцать, как и мне. Тёмные глаза одновременно и добрые, и пытливые. Её губы накрашены под цвет её

платья, но больше ни следа косметики на лице. Густые чёрные брови с естественным изгибом придают ей вид скептика. Или, может, она просто смотрит так сейчас на меня. Она поднимает фарфоровую чашку с тонкой золотой отделкой и подносит к своим пухлым губам, делая глоток. Шесть девушек, расположившихся вокруг неё, делают то же самое.

— Вы к нам? — обращается ко мне леди Нурия, хлопая своими невероятно длинными ресницами. Она ставит чайную чашку обратно на блюдце и наклоняет голову к плечу, и этот жест напоминает мне сову, с любопытством наблюдающую за своей жертвой.

— Леди Рената, — удивлённо говорит Лео. Он поднимается со скамьи с подушками и стоит наготове. — Я вам нужен?

— Я заблудилась на пути в мастерскую судьи Мендеса, — отвечаю, немного добавив громкости для придворных, зашептавшихся за своими веерами.

В одной из них я узнаю леди Гарзу, чьё воспоминание о принце я забрала на небесном мосту. Она отводит глаза и садится так, чтобы я не видела её лица.

— Леди? — хмыкает одна из девушек. Её платье весьма экстравагантно и совсем не подходит для чаепития. Бюст расшит бисером и кристаллами, а перчатки из дорогого кружева. Она издаёт высокомерный смешок, оглядывая меня с ног до головы. — Леди чего именно? Леди руин?

— Прошу меня простить, леди Борбонел, — Лео тяжело сглатывает, но не отрывает глаз от земли.

Я хочу сказать ему, что была права, настаивая не обращаться ко мне как к леди. Не стоило мне сюда приходить, но я так хотела самой взглянуть на леди Нурию. Она, тем не менее, единственная из придворных не смеётся.

Леди Нурия опускает чашку с блюдцем и складывает тонкие руки на коленях. От её улыбки на щеках появляются красивые ямочки, и в это мгновение я готова возненавидеть её всем сердцем.

Но мгновение проходит, когда её ухмылка оказывается направлена на источник моего унижения.

— Скажите, леди Борбонел, до того, как ваш отец получил титул от короля Фернандо, кем он был?

И без того белая кожа леди Борбонел бледнеет ещё сильнее. Она рывком раскрывает свой веер.

— Купцом.

— Но он ведь не всегда был купцом, — говорит леди Нурия, сглаживая улыбкой резкость своих слов. — Поправьте меня, если ошибаюсь; однако мне помнится, что он был из моей цитадели, где мой отец, герцог Тресорос, наградил своего талантливого и верного слугу Борбонела кораблём, чтобы тот мог торговать под именем моей семьи.

Взгляд Лео скачет от леди Нурии к леди Борбонел, но меня больше интересует реакция остальных девушек. Они все одинаково разрываются от ужаса и восторга оттого, как их подругу поставили на место.

— Не понимаю, на что вы намекаете, — лицо Борбонел кривится и морщится.

— Я всего лишь нахожу странным то, как смена титула беспокоит вас, когда речь идёт об этой девушке, но не беспокоила тогда, когда она пошла вам на пользу.

— Мой отец заслужил...

— И кто сказал, что леди Рената не заслужила свой?

— Она не леди. Это противоестественное создание, которое не должно разгуливать по дворцу так, словно он ей принадлежит.

Всё во мне кричит, что нужно развернуться. Убежать. Оказаться где-то в другом месте. Но мои ноги словно приросли к земле в этом саду.

— Скажите, леди Рената, — говорит леди Нурия. — Кто дал вам эту брошь на вашей груди?

— Судья Мендес, — отвечаю таким голосом, будто проглотила хлопья пепла.

— Правосудие сочло вас достойной того, чтобы носить его знак, — повторяет леди Нурия, затем вновь поднимает чашку и с вызовом смотрит на леди Борбонел. — Вы подвергаете сомнению решения Правосудия?

— Нет, — сквозь зубы отвечает она.

— Пожалуйста, присядьте со мной, — говорит леди Нурия, похлопывая по бархатной подушке рядом с собой.

Я уже собираюсь отказаться и найти предлог, чтобы сбежать, но леди Борбонел давится воздухом.

— Если она останется, то я уйду!

— Тогда вы свободны, — плотно сжав губы, леди Нурия улыбается. Меня бесит то, как я впечатлена её самообладанием. Всё в ней такое элегантно, даже тёмные завитки, выскользнувшие из её аккуратной причёски. Она держит себя словно точно знает себе цену. И в то же время эта сильная, красивая девушка собиралась замуж за моего врага.

Леди Борбонел встаёт, пинком опрокидывая стул. Делает два шага в сторону и ждёт. Две её подружки поднимаются со своих мест, кратко кивают леди Нурии и удаляются.

— Права была моя матушка, — громко говорит леди Борбонел, чтобы все присутствующие могли слышать. — Не стоит нам связываться с объедками принца.

Если леди Нурию и задели эти слова, она ничем это не показала. Она просто убирает руку с места, которое предложила мне. Боюсь, после всего этого мне придётся остаться.

— Вам не нужно было вступаться за меня, — говорю ей.

Две оставшиеся девушки немного старше, им около двадцати пяти. Одна из них уже замужем, судя по двум кольцам на её пальцах. У другой густые золотые волосы заплетены в длинные косы. Она напоминает мне Марго.

— Лео, мне кажется, нашей гостье нужна чашка. Будь добр, принеси, — когда она поднимает глаза на Лео, на её лице появляется искренняя улыбка. Он подмигивает мне и выходит из-под навеса, оставляя меня наедине с тремя леди.

— Леди Нурия, нам не хватало вашего острого языка при дворе все эти месяцы, — усмехается замужняя девушка. На таком расстоянии я замечаю герб Сории на её одежде. — На Фестиваль Солнца съехались все охотницы за сердцем принца.

— Вот как? А я-то думала, Фестиваль Солнца — праздник благочестия и добродетели, — говорит Нурия с ухмылкой.

— Разве мы не празднуем победу Отца миров над нечестивой Госпожой теней? — спрашивает леди Сория, совершенно не заметив сарказма Нурии.

— Скорее поиски жены принцем Кастианом, — говорит златовласая леди и, осознав что только что ляпнула, прикрывает свой рот. — Простите, леди Нурия, я ничего такого не имела в виду.

Леди Нурия, словно её это никак не задевает, просто продолжает пить чай. Как она это делает? Как у неё получается пропускать мимо слова, как будто она скала, которую обтекает вода?

— Не нужно извиняться, леди Рока. Вопреки всем слухам, которые ходят вокруг нас, мы с принцем Кастианом по-прежнему друзья. Мы знаем друг друга с младенчества. Мой муж, судья Алессандро, очень его уважает.

Я не могу не думать о запечатанном письме, которое Лео оставил в покоях Кастиана. Мне как-то с трудом верится, что Нурия и Кастиан просто друзья. Я бы не брызгала своими духами письма Саиде. С другой стороны, откуда мне знать, как принято у знати... К тому же, скрытность Нурии интригует меня.

Может, в этом её слабость, которую я могла бы использовать. Лео возвращается, подаёт фарфоровую чашку на блюде и бросает мне предупреждающий взгляд.

— Кстати о нём, где же ваш муж? — спрашивает леди Сория, — Он, должно быть, безумно скучал, пока вы дышали свежим воздухом на побережье Салинас.

Все замолкают и отпивают чая. Мне тоже пить? По кивку Лео понимаю, что да. Делаю маленький глоток.

— Воздух свежий у нас во всём королевстве, — дружелюбно отвечает леди Нурия. — И я вела переговоры с посланцем из эмпирео Лузо, чтобы укрепить наши отношения.

— Зачем нам это? — спрашивает леди Рока, и, похоже, её любопытство абсолютно искреннее.

— Нурия, дорогая, первые шесть месяцев брака — самые прекрасные. Вам не стоит отправляться в такие длительные поездки. Особенно когда Правосудие твердит, что угроза моря ещё существует.

Красивые губы леди Нурии вытягиваются в тонкую полосу. Я чувствую жар в груди от слов об угрозе моря, но теперь понимаю, зачем придворные пьют чай во время подобных бесед. Чтобы скрыть лица за этими большими чашками.

— Алессандро взял на себя обязанности судьи Мендеса, пока тот уехал в тюрьму Соледада.

Леди Рока резко вбирает воздух.

— За пару дней до фестиваля?

Я не могу перестать хмурить лоб, даже зная, что Нурия смотрит на меня. Мендес отправился в Соледад? Ведь именно эта тюрьма была обведена на карте Кастиана. Там они готовят вентари? «Не готовят», — поправляю себя. Обрабатывают. Ломают.

Не слишком ли рискованно отправляться так далеко? А потом я понимаю... Правосудие может спокойно ехать по основным дорогам. Ему не нужно прятаться в лесах. Избегать сборщиков пошлин. Их путь прямой.

Я смотрю в глаза Лео. Мы многое прошли вместе, и я надеюсь — молюсь, — что он поймёт, как ненавистно мне сейчас находиться здесь.

Он подходит к нам и прочищает горло. Обращаясь к одной только леди Нурии, он кланяется.

— Боюсь, я должен сопроводить леди Ренату в мастерскую судьи Мендеса, — говорит он, искренне извиняясь. Мне на самом деле никуда не нужно, но я обязательно поблагодарю его за спасение. Леди выражают сожаление и гладят меня по головке, как комнатную собачку.

— Леди Рената, — говорит Нурия, отходя со мной на расстояние, чтобы наш разговор не слышали её гости. Стоя, она возвышается надо мной как башня. Она передаёт мне свой веер, я беру его рукой в перчатке. — С каждым днём становится всё жарче. Вдобавок, это хороший способ скрыть то, как много вы хмуритесь. Вам будет легче при дворе, если сможете скрывать свои истинные чувства.

Я смеюсь в ответ, разглядывая веер с тонким чёрным кружевом и маленькими красными розами с одной стороны.

— Спасибо, но я не могу принять ваш подарок.

— Возьмите. На самом деле это просто предлог. У меня есть к вам просьба.

Что может понадобиться от меня леди вроде неё? Я смотрю в её карие глаза и замечаю печаль, которую она так хорошо скрывает.

— Какая?

— Одно воспоминание терзает меня. Можете забрать его? — её прекрасные тёмные ресницы трепещут. В неё невозможно не влюбиться. Почему же тогда Кастиан отозвал их помолвку? — И не

говорите мне, что рука повреждена. Я довольно хорошо знаю, как действует магия робари.

Я ошиблась. Нурия не просто смела. Она безрассудна. Напоминает немного Деза. Я колеблюсь, неуверенная, что может мучить такую леди, как Нурия. Но мне нужна вся информация о Кастиане, которую только получится собрать. Это и скрытая угроза за её словами, в какой бы мягкой форме она ни была. Мог ли её муж сказать ей, что видел меня с Хасинтой? Но почему тогда он не пошёл к Мендесу?

Я склоняю голову.

— Конечно.

Она смотрит на Лео.

— Пожалуйста, приведи леди Ренату на чай в мои гостевые покои завтра после полудня.

Лео с любопытством поднимает бровь.

— Да, миледи.

***

Перед тем как вернуться в свои покои перед сном, я останавливаюсь на кухне. Поужинать и собрать информацию. Все только и говорят о прибытии леди Нурии. Клаудия говорит, что она уехала на три месяца сразу после свадьбы, но должна была вернуться к мужу. Король, видимо, спешит убедиться, что договор с нынешней герцогиней Тресорос всё ещё в силе. Иначе зачем было принуждать её к браку с Алессандро? Я бы не винила её в желании покинуть дворец, подальше от принца.

Молодые служанки с ног сбились, стараясь ей угодить. Она добра и щедра к своим людям. Нетрудно догадаться, почему дворцовая прислуга предпочитает проводить время с ней, чем с кем-либо ещё из знати. Я же гадаю, что за воспоминание не даёт ей покоя. Любопытство сжигает меня изнутри весь следующий день.

Лео непривычно тих, провожая меня до её дверей, после чего уходит. Покои леди Нурии находятся в той же башне, что и мои, но этажом ниже. Не такой уж тонкий намёк на изменение её социального положения. Зато перед её комнатами нет стражников.

Леди Нурия ждёт меня, на ней надет один только халат. Её волнистые волосы спадают по спине. Ноги босы, но едва ли это самое скандальное из того, что она сделала, с тех пор как я её встретила.

Меня злит, что из-за неё я в таком раздрае. Она совсем не такая, какой я её представляла. Было бы намного проще, будь она похожа на леди Борбонел и остальных. Я бы просто возненавидела её, вместо того, чтобы ощущать ту же доброту, как и у Саиды.

— Садитесь, Рената, — спрашивает леди Нурия, опуская формальности. — Могу я звать вас Рената?

— Да, и на «ты». Я ведь всё-таки никакая не леди.

Гостиная украшена в простых оттенках серого и коричневого, местами вкрапляется зелёный. Здесь нет бархата или кружева в декадентском стиле, как там, где поселили меня. Наверное, такое бывает, если вступить в брак с человеком, посвятившим себя ордену ненависти.

Стол накрыт летними фруктами, изысканными сладостями, выпечкой. Рядом стоят графин розового вина и стеклянный чайник с заваренным жасмином.

Она берёт виноградинку в рот.

— Прошу, угощайся. Мне известно из надёжного источника, что ты любишь виноград.

Я вздрагиваю от сквозняка, каким-то образом проникшего в комнату, несмотря на закрытые окна и духоту внутри. Слова сами слетают с языка, прежде чем я успеваю их остановить.

— Почему вы такая... — обрываю себя, понимая, как это прозвучит.

— Не переживай. Меня как только не называли.

— Добрая, — говорю, разворачиваясь, и вижу, что она стоит прямо передо мной с кубком вина и предлагает мне второй. Её глаза чёрные и блестящие, как бриллианты на ночном небе. — Как вы можете быть такой доброй?

— Это мой выбор, — говорит она. — Но не принимай за слабость. Кастиан никогда не путал.

Леди Нурия мне ничего не должна. Она мне не подруга, и до того, как я узнала о её помолвке с принцем, я думала о ней просто как о знатной леди. Но у меня в голове никак не укладывается, почему она так привязана к Кастиану. Она не может не знать, что он сделал.

— Зачем ты вернулась во дворец, если ненавидишь принца Кастиана? — спрашивает она, обходя меня по кругу, чтобы вернуться ко столу.

— Я не...

— Всё, чего я прошу, это честного ответа. Я уже говорила тебе. Все твои эмоции написаны на лице.

Я чувствую странное облегчение, что кто-то пробивается через стену, которую я выстроила вокруг себя. Я устала ходить по этим коридорам и есть внутри этих комнат, играя роль, подозрительно легко вернувшую мне всё. Но если я скажу этой девушке, что хочу убить принца, то это обернётся только моим поражением. И в то же время мне есть, за что её уважать. При мне она только и делала, что по мелочам не повиновалась короне.

— Мне некуда больше пойти. Да и я нахожусь под опекой судьи Мендеса.

— Ты могла бы обзавестись поддельными документами и сбежать в другое королевство.

— У меня был шанс. Это сложный выбор, чего я боюсь больше: умереть здесь или начать с нуля где-то в неизвестности.

— Начинать с нуля никогда не просто. Но ты пошла самым сложным путём: встретиться лицом к лицу со своим прошлым.

Она так легко видит меня насквозь? Мендес, кажется, этого не видит. Или он просто подыгрывает, как Лео когда-то на сцене?

— Из-за меня здесь было пролито много крови. Да и в конце концов, я связана с Пуэрто-Леонесом сильнее, чем могу объяснить. Даже если это место меня не принимает.

Она делает глубокий вдох. Огонь в камине трещит, пылая оранжевыми всполохами, но в то же время я слышу свист сквозняка, проникающего откуда-то. Это какая-то нелепица, что девушка, которая была без пяти минут королевой, живёт в этой мрачной и продуваемой комнате, но она не жалуется. Я отпиваю горького вина и выдыхаю горечь через нос.

— Вы же знаете, что их потом нельзя будет вернуть, — говорю ей. — Воспоминания.

Она поворачивает лицо к дневному свету окна, из которого открывается вид на цитадель внизу, и делает глоток.

— Я достаточно хорошо представляю, как действует твоя сила. Но должна предупредить, это воспоминание о Кастиане.

— Я так и поняла, — кусаю нижнюю губу. Хотя она не похожа на других королевских особ, которых я встретила, мне всё же стоит

действовать осторожно, когда речь заходит о принце. — Наверное, тяжело защищать его, после всего того, что вам пришлось вынести, когда он разорвал помолвку.

Печаль наполняет её глаза. Она выглядит мило, даже когда грустит.

— Я была импульсивной. Избалованной. Думала, что у меня есть всё. Другие девушки моего положения должны выбирать между выгодным союзом ради семьи и любовью. Мне повезло иметь и то, и другое, хоть ненадолго.

— А потом?

— Он разбил мне сердце. Люди болтали всякое, как обычно, и из меня сделали злодейку в этой истории. Но всё же я знаю его. Знаю человека, с которым я выросла. Мы вместе оплакивали смерть всех, кого он любил.

Я напрягаюсь от её слов, пытаюсь представить скорбящего убийцу. Когда он убил своего брата, его смерть он тоже оплакивал? Как будто она вентари, прочитавшая мои мысли, леди Нурия кивает.

— Да, даже его брата, вопреки всем тем слухам. Принц знал только жестокость со стороны своего отца. Это разрушило его. Изменило. Когда он вернулся после Риомарской битвы, эти изменения усилились втрое. Мы пытались, но ничего не вышло. Иногда я думаю, что мне стоило стараться лучше. Сделать больше. Но я не знаю, как ему помочь. Вернее, не знала. Ты жалеешь о чём-нибудь, Рената?

Не колеблясь ни секунды, я отвечаю:

— Каждый день.

— Я не могу исправить то, что сделал Кастиан. Я могу изменить силу своих чувств, но мне нужно, чтобы ты забрала воспоминание. То, которое я прокручиваю в голове день за днём, жалея, что не прислушалась тогда к его смятению. Не прислушалась, когда он хотел большего, чем это всё.

Что-то внутри меня хочет ей доверять или хотя бы попытаться. Наверное, я не очень хорошо разбираюсь в людях.

— Ты когда-нибудь любила, Рената? — ресницы леди Нурии отбрасывают длинные тени на щёки в свете камина.

Я не отвечаю, но вена на моей шее пульсирует. Я отвожу взгляд и думаю о Дезе. Если бы я ему сказала...

Но судя по её слабой улыбке, леди Нурия поняла это как «Да».

— Тогда ты знаешь, как ужасно я себя чувствую. Мне приходится встречаться с ним на балах и празднествах и каждый раз я прохожу мимо статуи его в центре моей цитадели. И всё, о чём я думаю, всё, что я вижу, это то, как он изменился. Видеть человека, которого я любила, стало страшно. И вместе с тем я должна делать вид, что люблю человека, от которого у меня кровь стынет в жилах. Считай это сделкой. Думаю, ты будешь рада, что я останусь должна тебе услугу в будущем.

Я не хочу, чтобы она была мне должна, и в то же время, если я хочу пробраться в голову принца ещё больше, чем у меня уже получилось, если я хочу заполучить оружие, её воспоминание может привести меня в нужное место. Возможно, без этого воспоминания исчезнет то, что удерживает её рядом с ним, и она будет свободна.

Я киваю, и мы садимся на длинную кушетку у камина. Она накрывает свои ноги тяжёлым пледом и поворачивается ко мне лицом.

— Это больно?

— Да. Только на мгновение, — я вижу решимость в её глазах, которыми она неотрывно смотрит на меня. Я разминаю пальцы свободной руки, без перчатки. Порез в центре, кажется, не собирается открываться, и на свежей повязке нет следов крови. Я понимаю, что скоро у меня больше не будет предлога, и Мендес наденет мне вторую перчатку.

— Я готова, — говорит леди Нурия.

Я прижимаю пальцы к её гладкой коже на виске, мягкое свечение моей магии снимает её тревогу.

— Тебе обязательно уезжать завтра? — спрашивает она, лёжа на боку лицом к нему.

Они на кровати с балдахинном на шёлковом белье кремового цвета. У неё мелькает мысль, что это похоже на то, как завернуться внутри нежного бутона.

— Я бы остался с тобой, если бы мог, но генерал Гектор может нажаловаться моему отцу, — говорит Каспиан. На нём ничего, только тонкое покрывало на бёдрах. От него как будто исходит золотой свет, согревающий её изнутри. Его тренировки пошли ему на пользу. Он всегда был высоким, но теперь её восхищают не только его глаза, как море, и вьющиеся золотые локоны. Она упивается красотой

мышц его ног, и, когда он потягивается, линией золотых волосков вниз по кубикам.

— Куда вы смотрите, миледи?! — шутливо возмущается Каспиан.

— На тебя, — её сердце болезненно сжимается, потому что просто смотреть на него — это уже слишком много.

Ухмылка играет на его полных губах. Он целует её, и они вновь ложатся. Она проводит пальцами по мышцам его спины. Гладкой, без единой отметины.

— Почему ты должен воевать?

Он вздыхает и утыкается носом в её шею.

— Потому что я Лорд-командующий Пуэрто-Леонеса. Король желает, чтобы я вернул Риомар, а я должен делать то, что велит король.

Он целует её плечо и вниз к талии. Она пытается подавить это ощущение в груди, словно её сердце от любви выросло многократно и больше не помещается в теле. Её предупреждали об этом. Предупреждали отец и мать, герцог и герцогиня Тресороса, что её тело будет так реагировать, когда они с Каспианом повзрослеют. Что ей не позволительно проявлять слабость. Королевы должны быть сильнее, чтобы пережить своих королев.

Хотя на её пальце уже сверкало кольцо с сапфиром королевы Пенелопы, сама Нурия ещё не стала королевой.

— Когда ты вернёшься и мы поженимся, ты отвезёшь меня в какое-нибудь красивое место?

Он опять хмурится. Если он не перестанет, то между его бровей появится та же складка, что и у его отца. Но его прикосновения пальцев нежны, как лепестки цветов.

— В цитадель Кресценти? — предлагает он.

— Слишком пошло.

Он смеётся и щиплет её за живот. Она чувствует всем телом, как он дрожит от смеха.

— Ислас-дель-Рей?

— Ты, Каспиан Фахардо, хочешь отправиться в плавание? — она запускает пальцы в его волосы.

Он поднимает взгляд на неё и по-доброму усмехается.

— Я всю жизнь пытаюсь побороть страх перед водой. Полагаю, мне нужно оказаться посреди моря, если я собираюсь стать королём и поддерживать мир с нашими союзниками.

Ей это хорошо известно. Хотела бы она забрать его боль так же просто, как он представляет себе их будущее.

Он приподнимается и рассматривает её.

— Ты когда-нибудь задумывалась, что было бы, если бы мы уплыли куда-нибудь далеко-далеко?

— Насколько далеко?

— Пока мы не найдём земли, которых нет на карте.

Она наматывает его золотой локон на палец.

— И как ты станешь королём, если мы уплывём в неизвестные края?

— А если я не буду королём?

— Все знают тебя в лицо, мой милый Кас. Здесь, в Лузо и между.

— Между нами и Лузо больше ничего нет.

— Ты понял, что я хотела сказать!

Он смеётся, и от его смеха у неё душа хочет петь. Но он резко становится задумчивым, даже печальным.

— Что если бы я мог спрятаться?

— Например, в своей секретной комнате?

Его губы дёргаются в улыбке.

— Или, может быть, на другом материке.

Её взгляд опускается на его рот, напряжённый, как бывает, если он в серьёзных раздумьях. Это лицо у него для двора и народа, но не для неё. Для неё у него всегда есть улыбка... Или даже хуже, эта ухмылка, от которой у неё бешено бьётся сердце, а на уме появляются сумасбродные идеи.

— Ты бы отправилась со мной? — шепчет он.

Она прижимается к нему, губы к губам.

— Куда? В твою секретную комнату или в твои неизвестные земли?

— Мы можем начать в моих секретных комнатах — я покажу тебе каждую, и мы будем любить друг друга во всех до единой. Начнём с той, что в твоих покоях.

— Что это на тебя нашло? — она смеётся, и они вновь целуются. Он прижимает её к себе крепче, чем когда-либо, как будто

боится её отпустить. Боится? Сомневается в ней? — Пообещай мне вернуться из Риомара целым и невредимым.

— А иначе я тебе не нужен?

Ей не нравится говорить на такие темы. Даже думать не хочется, что он может вовсе не вернуться.

— Ты мне нужен любым, Касиан.

В его глазах мелькает грусть, но её быстро сменяет что-то другое, когда он смотрит на неё, словно она нечто удивительное. Обещание, которое ещё нужно будет сдержать. Она бы всё отдала, чтобы он всегда на неё так смотрел. Её принц. Нет, её король.

Она срывает покрывало, прикрывающее его.

Воспоминание расплывается, как рябь на воде.

Касиан стоит в саду. Он избегает её. Их свадьба через десять дней, но он так и не оправился после Риомара.

— Кас, — зовёт она.

Он вздрагивает и сжимает ветку дерева, вместо того, чтобы сжать невесту в объятьях. Она хочет подойти ближе, но не может. Он не смотрит на неё. Не разговаривает с ней.

Когда он поворачивается, она едва его узнаёт. Он не улыбается, как прежде. Из глаз ушла вся теплота. Он смотрит на расстояние между ними, и никто из них не делает шаг навстречу друг другу.

— Я не могу, — говорит он ей. — Я не могу жениться на тебе.

— Кас.

«Кас», — повторяет она снова и снова. Каждый раз, когда она произносит его имя, её сердце разбивается.

Я резко отодвигаюсь назад, отдёргивая пальцы и выходя из разума леди Нурии. Моё сердце стучит быстро, прямо как её в воспоминании. Чувства, которые никак не угасают, — желание и разбитое сердце, — обрушились на меня, как вода из-под крана. Я хватаю стакан воды и выпиваю до дна.

Леди Нурия ухмыляется, наливая себе ещё вина из графина.

— Ты нормально себя чувствуешь, Рената?

— Да, миледи, — говорю, не дыша.

— Прощу, зови меня Нурия, и на «ты», — она тянется к маленькому круглому пирожному с кремом и облизывает пальцы. — Странное чувство. Я думала, что там останется что-то. Но нет, это как пустая, холодная комната. Это всегда так?

Я мотаю головой. Мне стыдно, но я никогда не спрашивала.

— Не думаю. У всех всё по-разному.

— Пожалуйста, останься и угощайся, — мягко говорит она. — Я ненавижу эти комнаты. Слышу ветер среди ночи, и мне постоянно кажется, что там кто-то есть.

Мне легче, когда я узнаю, что не одна это ощущаю. Мы молча едим некоторое время, но, похоже, леди Нурия чувствует потребность заполнить тишину, и она начинает болтать о приёме королевы и о Фестивале Солнца, который затем последует. В какой-то момент она говорит — и я уверена, что не ослышалась, — что пришлёт мне новое платье, но мой разум поглощён её воспоминанием, которое теперь крутится в моей голове, как будто оно моё собственное.

Нурия была другой. Более невинной в своей любви к нему. Вспоминая тот день, она замечала страдание в его глазах? От чего бежал принц, если обеспечил себе трон много лет назад? Но всё же я понимаю её потребность чувствовать, что она могла что-то изменить.

Мне с трудом верится, что Кастиан изменил свои планы. Он боготворил её. Смотрел на Нурию так, как Дез смотрел на меня. Это было по-настоящему. Потом он уехал в Риомар, едва не погиб, и вернулся другим человеком. Дез тоже изменился, но смог справиться. Что-то ещё произошло. Чувствую это из украденных воспоминаний.

Кастиан сказал, что всю жизнь пытался побороть страх перед водой, но почему? Его терзает совесть за смерть брата, когда он приближается к воде? И что он говорил про потайные места во дворце? «Я знаю их все».

— За мной должок, Рен, — говорит Нурия, когда я ухожу. — Не забывай.

***

Той ночью, лёжа в постели, я слушаю, как приближаются шаги стражников к моей двери. Они идут откуда-то. Потайная дверь. Скрытая лестница. Уверена, я никогда не слышала, чтобы они шли по коридору.

Во сне я вижу Кастиана. Он стоит на балконе, собирается убить Деза, но в следующее мгновение он, с цветами в руках, бежит в темноте от меня.

«Я найду то, что ты скрываешь», — обещаю мысленно.

Я открою, всё что он запер, и в мире не будет ни одного места, где он мог бы спрятаться.

Глава 19

На следующий день я проверяю каменные стены бывших комнат леди Нурии в поисках потайных дверей. Гадаю, сдержал ли принц своё обещание показать ей их все. Я бы очень хотела её спросить, но это слишком, слишком рискованно. Я проверяю под каждым ковром, за каждой картиной, занавеской, книгой. Толкаю каждый камень в стене и все деревянные поверхности. Залезаю под кровать. Но по окончании поисков у меня только пыль на пальцах и заноза. Я ложусь на пол, достаю монетку Деза из-под матраца и крепко сжимаю её в надежде, что это придаст мне сил.

Кастиан бы не солгал Нурии. Ни словом. Здесь должно быть что-то, что я упускаю из виду.

— Что ты делаешь? — спрашивает Сула.

Я с трудом поднимаюсь с пола и разглаживаю синюю юбку.

— Ничего.

— А как по мне, ты лежала на полу.

Один взгляд на мою гримасу, и служанка ставит поднос с едой на стол и переключается на свои дела. Я привыкла к её враждебности и ухожу, ничего не говоря, а она и не спрашивает.

Я ищу Лео, но его позвала к себе леди Нурия. После прошлой встречи с придворными леди, я стараюсь держаться в тени. Чем больше народу прибывает во дворец, тем более одинокой я себя чувствую. Отчаяние пожирает меня изнутри, потому что я просто хожу по кругу. Я как привидение, брожу по залам, восхищаясь позолоченными картинами, отражающими более чем трёхсотлетнюю историю родословной Фахардо. Я замечаю, что здесь нет портрета первой жены короля, хотя королева Пенелопа — украшение всей стены. Я провожу пальцами по раме каждой картины, но ни за одной нет ни тайника, ни комнаты.

Я задерживаюсь на мосту, который ведёт в мои комнаты. Смех доносится из садов и с улиц по обе стороны моста. Всплывает воспоминание, моё собственное. Если я закрою глаза, то вспомню, как бежала по лесам за Дезом и Саидой. Они оба учили меня, как быть быстрой и бесшумной одновременно. Но я сама по себе слишком

громкая: стук сердца, тяжёлая походка, даже крик, который я всё время пытаюсь задушить в горле.

Моё воспоминание сменяет бледное видение с Кастианом, целующим внутреннюю сторону запястья Нурии. Я бью кулаком колонну, чтобы вернуться в реальность из воспоминаний, и тут же об этом жалею. Одна из моих только заживших костяшек кровоточит. Я смотрю на повреждённую руку. Завтра у меня не будет выбора, кроме как создать пустышку.

«Беги», — говорю я себе. Здесь нет ни одного судьи. Нет принца. Король и королева заняты своим дражайшим фестивалем, который славит поражение моей богини.

Тихие слова эхом повторяются в моей голове и ноют, как глубокая рана. «Останься для большего».

Я должна закончить начатое. Должна.

Я поворачиваюсь и бегу всё оставшееся расстояние до моих комнат. Здесь только один стражник, и он лежит на полу. Я приседаю, чтобы получше рассмотреть его лицо.

Гектор.

В королевстве есть сотни Гекторов. Но вероятность того, что это может быть тот самый генерал Гектор из воспоминания Нурии, кажется достаточно высокой. Он подходящего возраста. Прачки говорили, что он сражался в Риомаре. Но как он мог из генерала стать простым часовым?

От него несёт агуадутьсе. Левая рука в чёрной перчатке лежит на его животе. Как и у меня, на его правой руке нет перчатки, но есть какое-то напряжение в пальцах.

Внезапно его плечи дёргаются, спазм переходит в мышцы бедра. Он стонет во сне. Многие шепчущие также спят беспокойно, мучимые душераздирающими кошмарами прошлого. Так было и с Дезом.

— Это просто сон, — шепчу. Я беру его за плечо и трясу, пытаюсь разбудить.

Он не просыпается. Отмахивается от моей руки, а потом начинает дрожать и кричать что-то невнятное. Он просит о помощи. Оливковая кожа Гектора краснеет, ему тяжело дышать. Я пытаюсь опять его разбудить, но он хватает рукой за талию и толкает меня на пол. Ахнув от неожиданности, я падаю на плечо, а Гектор ложится на спину.

Совесть терзает меня оттого, что я вижу его страдания, хотя лучше, чем кто-либо другой, знаю, как болезненны бывают кошмары. Может, именно из-за этого его сместили с должности, если это и правда генерал Гектор.

Две мысли приходят на ум. Мне нужны воспоминания этого человека о Кастиане. Но в прошлый раз, когда я забрала воспоминания из кошмара, это привело к смерти Деза. Хасинта была в порядке, потому что как бы отвратительно с ней ни обращался Кастиан, он не был её кошмаром, хотя, возможно, её увлечённость принцем только усилится. Я говорю себе, что Гектор — просто дворцовый стражник. Что я могу и помочь ему, и получить нужные сведения. Даже думать об этом неправильно, но я не могу позволить себе упустить такую возможность.

Моя рука дрожит, когда я касаюсь пальцами его виска. Сердце бьётся быстрее, потому что я вспоминаю Деза, его лицо возникает передо мной. Я пытаюсь отодвинуть мысль о любимом и спешу погрузиться в разум стражника.

Гектор называет её королевой меланхолии, — королеву Пенелопу, — хотя он правда мог бы назвать её королевой красоты, с её золотыми волосами и глазами цвета морской волны. Это был его первый день во дворце, в великой столице, в Андалусии. Как мальчик из крестьянской семьи, который пошёл в армию по призыву, был назначен стражником королевы во дворце, он и сам не мог понять. Король и его недавно созданное Правосудие приложили огромные усилия, чтобы помочь простым людям Пуэрто-Леонеса улучшить своё положение, и за это он был им благодарен. Его зарплата поможет родителям в цитадели Салинас, где невозможно найти работу. Он станет лучшим в своём деле, может даже однажды займёт самый высокий пост при королеве.

У неё самый прекрасный голос в мире, похожий на приливы спокойного океана, добрый и мягкий. Её слова крутятся в его голове, даже когда её нет рядом: «Звезда золотая, звезда золотая, прими всю мою любовь».

Когда она поёт своим сыновьям, он думает: «Вот что значит быть любимыми». Королева меланхолии никуда не ходит без своих мальчишек, хотя старший принц обычно крайне нетерпелив: носится

со всех ног, как дикий, и кричит во всю мощь своих лёгких. Но когда она поёт, он затихает. Он слушает и засыпает.

Даже принцы слушают колыбельные своих матерей.

Приятное воспоминание на поверхности зачастую скрывает за собой то, которое вызывает кошмары. Любопытно, что он всё ещё думает о мёртвой королеве, хотя прошло уже много лет. Я провожу пальцами по его вспотевшей коже и вновь проникаю в его сознание за следующим воспоминанием.

Кровавая битва. Мужчины и женщины королевской армии сравнивали деревню с землёй. Местные жители бегут из горящих домов в лес. Шепчущие продолжают сражаться. Он не узнаёт лиц. Острая боль, и всё погружается во тьму. Вопли, удары, агония в палатке. Рана, кровавая и перевязанная, там, где была его ладонь.

Гектор шипит, переживая ту боль заново. Он так мечется, что сложно удерживать прикосновение, но картинки наводняют мой разум, как поднимающаяся вода в запечатанной комнате. Я должна восстановить контроль, или я заберу слишком много воспоминаний... И он станет пустышкой.

Королева меланхолии умерла год назад, и с каждым днём ярость мальчика всё растёт. Его тело меняется, неестественно даже для его возраста. Он всё время ест и проходит изнурительные испытания, устраиваемые для людей короля и стражников, как будто пытается закалить себя, стать камнем, тем, кого нельзя сломить. Но сердце парнишки нетерпеливо. Гектор восхищён его мастерством владения мечом. Из всех молодых парней, вырванных с полей, мельниц и причалов, он был бы образцом для подражания для остальных, даже если бы не был кронпринцем.

Гектор выкрикивает приказы:

— Построились! Разбейтесь по парам и никакой пощады! Не думайте о синяках, птенцы. Никто и так не собирается целовать ваши морды.

Новобранцы недовольно ворчат. Слишком молодые. С каждым сезоном Правосудие посылает всё более молодых воевать и умирать.

Гектор сам был когда-то как эти дети. Он смотрит, как они сражаются по парам. Его маленький кусочек огромной армии короля Фернандо.

Тонкая фигура наблюдает за ним издалека. Давида сильно изменилась, её шрам через всё лицо и нежное горло только зажил. Она держит у бедра ведро с яблоками. Её глубокие карие глаза, кажется, всегда замечают, когда он смотрит на кронпринца. Эти глаза блестят от слёз, и Гектор задумывается, воспринимает ли она принца как опасного королевского сына, каким он и является.

Она кормит противных чёрных птиц кусочками засохшего хлеба, надеясь отвлечь тех от яблок. Он всегда восхищался её добротой. Она всё так же прекрасна, как в тот день, когда он в неё влюбился. Её прикосновение всегда успокаивало его, как будто она разделяла его самые тёмные мысли и выводила его к солнцу. Конечно, это было до того, как он потерял кисть во время нападения. До того, как принц наказал её. Его гнев на принца вновь вспыхивает в груди, прорастая в сердце гнилым сорняком. Всё, что он когда-либо терял, было из-за семьи Фахардо. И всё же он знает, что не может поднять руку на мальчика. Его будущего короля.

И не может больше держать Давиду в своих объятьях. Возможно, когда-нибудь их раны заживут достаточно, чтобы они могли вернуться друг к другу. Когда-нибудь...

— Здравствуй, Давида, — кричит он ей.

Она вздрагивает при звуке его голоса и подносит ладонь к подбородку. Это значит «здравствуй», и она добавляет его имя. Мигель. Только она зовёт его так. Только ей можно.

Гектор хотел бы быть мягче, плавнее, не большим каменным болваном с одной рукой. Даже сейчас боль той битвы как свежая рана. Он никогда не переживёт это. Слово чувствуя его мучения, она касается его предплечья. Её пальцы, хоть и все в мозолях, всё равно нежные. Её прикосновение как освежающий ветерок в жаркий день. Это любовь всё ещё горит в её глазах? Потому что в его сердце поднимается волна смятения. Это как сотня цепей, завязанных в один узел. Он хочет забыть своё положение при дворе, забыть свой долг и обязанности; он хочет только пасть перед ней на колени.

И вдруг узел развязывается. Распадается, как слабо намотанная катушка в его руках. Пелена гнева растворяется. На долю секунды есть только он и Давида.

И как только он готов сказать ей больше, принц шагает к нему, а Давида убирает руки, вжимая голову в плечи, и убегает так быстро,

как только может. Её отсутствие оставляет чувство, которое не описать словами, и в этот момент Кастриан останавливается перед ним, а злость возвращается в сердце.

— Гектор! Что всё это значит?

Гектор выравнивает своё дыхание. Он может быть генералом Кастриана, но Кастриан — всё ещё его принц. Убийца или нет.

— Что вы имеете в виду, ваше высочество?

Парень швыряет свой шлем на землю, и следом затупившийся меч.

— Это! Ты назначил партнёра каждому, кроме меня.

— Не вижу в этом проблемы, ваше высочество.

— Я твой лучший воин, — его голубые глаза так холодны, что Гектор содрогается, когда тот подходит на шаг ближе. Глаза монстра. Испорченного и сломленного. И тем не менее, Гектор не может не вспомнить лицо матери-королевы и её колыбельную, думая о том, как всё изменилось. Как он изменился. — Я почётный капитан войск. Или ты ждёшь, что я поеду в Риомар, не испытав свои силы на тренировках?

Ярость жжёт Гектора изнутри, и он отвечает:

— Почётные капитаны не участвуют в сражениях, ваше высочество. Как я могу допустить, чтобы сын короля пришёл на обед с членами совета с фингалом под глазом?

Он ждёт, что парень начнёт скандалить. Это было бы легче вынести. Но вместо этого, в его голубых глазах холодный расчёт, когда он смотрит прямо в глаза и отвечает мрачно:

— Я отвоюю Риомар и стану самым свирепым воином Пуэрто-Леонеса. И когда этот день настанет, в моём звании не будет ничего почётного, понятно?

Гектор кивает. Ему многое было понятно о принце, который всегда будет принцем, и, возможно, заслужит своё звание Лорда-командующего. Но для Гектора он навсегда останется мальчиком, утопившим собственного брата.

Гектор резко вдыхает, пробуждаясь ото сна. Он встаёт, прижимая к себе деревянную кисть руки, и делает шаг от меня. У меня так много вопросов, которые я бы хотела ему задать. Знает ли он, что Давида всё ещё прислуживает принцу? Интересно, нашёл ли он её в ночь вечеринки.

— Вы в порядке? — спрашиваю, хотя меня всю трясёт. — Я нашла вас на полу.

— Нет, — отвечает он, глядя сквозь меня. Его страх перед Кастианом ещё держится в моём сердце, и я стою как вкопанная на месте, наблюдая, как он дышит. — Не думаю, что когда-либо буду. Прошу простить моё неподобающее поведение, мисс.

Он никогда не говорил со мной так мягко или так долго. Хотя его злость из воспоминания накрыла меня как одеяло, кишачее муравьями, я хочу сказать ему, что чувствую то же самое. Что мне знакомо это ощущение, как будто ты никогда больше не будешь целым. Но мы вновь становимся чужими людьми, тенями, проплывающими мимо друг друга в темноту, которая поглотит нас обоих.

Я захлопываю дверь за собой. Воспоминания Гектора крутятся в моей голове. В последнем столько злости и ненависти. Единственный раз они исчезли, когда он увидел Давиду. После всего он всё ещё любит её. И то, как она прикасалась к Гектору, говорит мне, что она чувствует то же самое. По крайней мере, так было тогда. Сколько времени должно пройти, прежде чем любовь угаснет? Забуду ли я Деза через пять лет? Десять? Или я буду, как Гектор, заглушать свои чувства алкоголем, только подпитывая свою скорбь?

Мои глаза кажутся слишком распахнутыми и опухшими. Моё сердце сжимается, будто у меня приступ. Я иду в умывальную, чтобы плеснуть воду на лицо, затем забираюсь в кровать и заползаю под покрывала, пока моя голова пульсирует так, словно некое существо пытается вырваться из неё. Воспоминание выскальзывает из Серости, повторяясь раз за разом.

Пара серебряных игральный кубиков вращается по деревянному полу.

Дез кричит:

— Давай, нам надо спешить!

Но я не могу его догнать.

Это не похоже на то, каким мог бы быть наш побег из столицы. Мы едем на лошадях. Значит ли это, что я сплю? Мне кажется, я не засыпала. Но потом я превращаюсь в птицу и лечу к руинам Сан-Кристобаля, тогда я понимаю, что что-то не так с моей головой. Может, мой разум начал ломаться. Может, последнее воспоминание стало каплей, переполнившей чашу.

И потом я осознаю, в какую птицу я превратилась — в сороку. И я ем с руки Давиды.

Когда я просыпаюсь, я понимаю, кто является шпионом Иллана.

Глава 20

Я говорю Лео, что спущусь на кухни, чтобы заняться чем-то полезным и помочь в подготовке фестиваля. Я видела Давиду несколько раз после того первого дня во внутреннем дворике. Она помогала с готовкой и приносила еду прачкам. Она живёт во дворце уже не первое десятилетие. Она видела, как растёт Кастиан. У неё есть доступ ко всему, где бывают нужны слуги, даже к принцу.

В воспоминании Гектора только он и Кастиан заметили её. Было что-то в её прикосновении, казавшееся таким знакомым. Она дала ему передышку от его ярости. Не только потому что он был рад увидеть её. Я вновь обращаюсь к воспоминанию и погружаюсь в то умиротворение, которое он испытал. Я уже ощущала себя так прежде... когда Саида и Дез использовали на мне свою магию. Как будто ты тонешь, а потом получается всплыть и вдохнуть воздух.

К тому моменту, когда я оказываюсь на нижнем этаже, у меня не остаётся сомнений. Кто, кроме персуари, живущий во дворце, мог бы иметь доступ к информации, стоящей того, чтобы тайно передавать Иллану? Она кормила чёрных птиц, внимательно следя за Кастианом. Моё сердце бьётся так же часто, как их крылья. Крылья, в которых были и белые перья. Сороки. Ну мог ли Иллан найти лучшего шпиона, чем Давида?

Я нахожу её в пустой комнате, она ест в одиночестве в одной из кладовых, сидя на ящиках с банками.

— Давида? — стучу в деревянную дверь. Воздух наполнен ароматом хлеба из печи.

Она поднимает на меня свои светло-карие глаза. Медовые. Как у Деза. Они почти того же самого оттенка, что и у него, и мне требуется мгновение, чтобы взять себя в руки, опираясь на дверной косяк. Напоминаю себе, зачем я пришла.

— Ты помнишь меня?

Давида кивает и хлопает по соседнему ящику.

— Мне нужна твоя помощь.

Она вся как будто серая. Кожа, волосы, одежда. Всё, кроме красного шрама, пересекающего её губы, и второго, более бледного, на её горле. Но в её глазах есть искра жизни и злости. Я могу это использовать. В обмен на её помощь, возможно, я тоже смогу кое-что для неё сделать.

Давида сжимает губы и поворачивает голову. Я распознаю этот жест как: «Что? Я не понимаю».

Я не могу обманывать эту женщину и не могу похитить её воспоминание, как я поступила с Хасинтой и Гектором.

— У нас есть общий враг. Человек, который ранил тебя, также забрал кое-кого у меня. Мне нужна твоя помощь: передать сообщение, чтобы остальные знали, что я закончу то, что начал Дез. Если мы будем действовать вместе, мы сможем найти оружие до того, как станет слишком поздно.

Её глаза расширяются от моих слов. Она мотает головой и хватается меня за плечо, бросая взгляд на закрытую дверь. Остальные слишком заняты работой во дворце, и время обеда давно уже прошло. Я знаю, что мы одни, но она, похоже, напугана.

— Всё в порядке, — уверяю её. — Мне нужно только узнать, где Кастиан может хранить скрытые — тайные — вещи, чтобы их никто не мог найти.

Она взволнована, сжимает мою руку без перчатки и мотает головой.

— Я не причиню тебе вреда. Я пришла сказать, что могу забрать твоё воспоминание о том дне. О жестокости принца.

На этих словах её лицо омрачает печаль. Её плечи дрожат. Слеза скатывается по щеке, и она подносит мои пальцы к своему виску, кивая.

— Спасибо, — шепчу и забираю светящимися пальцами воспоминание, которое она предлагает.

Давида никогда не может отказать, если принц просит почитать сказку.

Ему десять лет, и он уже слишком большой для детских сказок, но принц так их любит, и сейчас, когда его королева-мать слегла с больным сердцем, ему нужна вся поддержка, которую он только сможет получить.

— Почитай мне ту, которая о братьях-пиратах.

— Опять её? — она хмыкает и устраивается в большом кресле у камина. Первые зимние ветры начинают завывать, но хотя бы в библиотеке королевы есть камин. — Может, лучше про клинок памяти?

Щёки Кастиана покраснели от холода. Его бронзовый загар долго держался, но всё же начал сходить по мере того, как дни становятся короче и темнее.

— Я в это больше не верю — слишком сказочно. Но не пираты, они самые что ни на есть настоящие.

Давида знает, что её слова опасны, но может, если мальчик любит сказки, тогда его сердце не может быть таким чёрным и закрытым, как у его отца.

— Почему ты думаешь, что клинок памяти ненастоящий?

Кастриан задумывается на мгновение, откинувшись на стул напротив неё, вытянув ноги в чулках к огню.

— Потому что отец говорит, что всё, что касается мориа, — неправда.

— Я когда-нибудь тебя обманывала?

— Нет.

— Ты боишься моей магии?

Кастриан качает головой.

— Нет, ты помогаешь мне, когда отец злится.

Она начинает читать, развлекая принца увлекательными историями, открывая его разум и сердце. Случившееся с ним не было его виной, и она использует всю свою силу, чтобы он вырос достойным человеком. Его лицо сияет, когда начинается сражение на мечах братьев Паласьо у штурвала их корабля. У неё в руке один из игрушечных мечей принца, которым она размахивает над своей головой.

— «Как ты мог предать меня, брат? Мы должны были объединиться ради сокровища!»

— «Сокровища только разлучают людей», — договаривает Кастриан слова, которые уже знает наизусть.

Давида смеётся и приглаживает его взлохмаченные золотые кудри.

— Вот видишь, мне уже и не нужно читать тебе. Ты сам неплохо справляешься.

— Отец говорит, что со следующей недели начнётся моя военная подготовка. У меня не будет больше времени на сказки.

От боли, прозвучавшей в его голосе, на её глаза набежали слёзы. Она собирается утешить его, сказать ему, что куда бы они ни пошёл и что бы он ни делал, сказки всегда будут с ним. Что она будет думать о нём и надеяться, что он сохранит своё сердце.

Но дверь с грохотом распаивается, и король Фернандо врывается в комнату. За ним следует худощавый солдат, чьё лицо исполосовано шрамами.

Книга Давиды падает на пол, когда она преклоняет колени перед королём.

— Ваше величество, мы не знали, что вы придёте.

— Молчать. Из-за тебя мой сын ноет всему дворцу, что у него начинаются тренировки.

— Отец, я...

Король хватает вазу со стола и швыряет её в камин. Стекло разбивается и отскакивает от стены. Один из осколков прилетает в щёку Кастиана. Мальчик, с открытым от испуга ртом, вытирает кровь внешней стороной ладони.

— Когда я говорю, чтобы все молчали, все должны молчать, — Фернандо поднимает книгу, лежащую у ног Давиды. В её горле застрекает ком, пока он листает страницы. Она знает, как это выглядит со стороны. Знает, что прощения не будет. Знает, что за эти слова, эти сказки следует наказание.

— Я оказал тебе своё доверие, и вот чем ты ответила? Отравляешь разум моего сына? — он бросает книгу в огонь, и Кастиан бросается за ней.

— Нет!

Но стоит ему только дотянуться до уголка, книга уже охвачена пламенем, а кулак короля прилетает в лицо мальчика. Одно из колец на руке короля оставляет заметный порез, из которого течёт кровь по брови принца.

Губы Кастиана дрожат, когда он встаёт перед отцом и его стражником. Он сдерживает вопль так, как может, но Давида знает его сердце и знает, что оно болит сильнее, чем мальчик может выдержать. Она поднимается и обнимает его, шепча на ухо:

— Всё будет хорошо, мой милый.

Она кожей чувствует ярость короля, как ледяную пощечину. Он подаёт знак стражнику, который хватает Давиду за горло. В его руке появляется что-то железное, грубой работы, похожее на ножницы. Зажим.

Кастиан кричит и пинает солдата, но его останавливает отец. Держит мальчика за плечи. Заставляет смотреть.

— Я сказал молчать, — говорит король.

Муки Давиды обжигают, как огонь мои ладони. Я резко отстраняюсь, сбивая несколько ящиков. Стоящий сверху падает и трескается, из него выпадает множество недозревших слив. Я присаживаюсь на пол, собирая их, чтобы занять чем-то свои пальцы.

— Мне жаль, мне так жаль, — повторяю я несколько раз, нас обеих трясёт. Она больше не вспомнит тот день, но боюсь, меня он будет преследовать всю оставшуюся жизнь.

Это сделал король.

Король отдал приказ наказать её, а не принц. Кастиан был ребёнком. Он, судя по всему, переживал за неё, доверял ей. И как тот мальчик стал Кастианом, которого я знаю? Почему молва говорит, что это принц вырвал ей язык? Я хочу вырвать из своего сердца эту тревогу за него, которую ощутила в воспоминании. Напуганный ребёнок, запертый в библиотеке.

Я была такой же.

И она не тот шпион, которого я искала. Она просто ещё одна мориа, втянутая в войну, которую начали не мы. Она могла уйти с остальными. Могла найти убежище. Но не стала. Я встряхиваю головой, не понимая, зачем она добровольно осталась во дворце, если не помогать мятежникам. Одни сражаются. Другие прячутся. Третьи помогают так, как могут. Теперь я иначе воспринимаю воспоминание Гектора. Давида наблюдала за прогрессом Кастиана на тренировке не в целях шпионажа. Она смотрела на него, как мать на своего ребёнка.

— Ты остаёшься ради него, да?

Давида кивает и сжимает мои ладони. Она слегка касается пальцем чуть выше моего сердца. Её глаза увлажняются. У неё всё ещё есть куча хороших воспоминаний о мальчике. Я думаю о том, что сказала Нурия, после того как я забрала её воспоминание. Холодная, пустая комната в её разуме. Давида чувствует то же самое? Она гладит меня по щеке, этот заботливый жест я бы хотела запомнить.

В своём воспоминании Гектор говорил, что больше всего любит Давиду за её теплоту. Персуари могут усилить уже существующие эмоции. Понимание. Доброту. Не только подталкивать к действиям. Что такого делали с Кастианом, что ей требовалось использовать свой дар на нём?

— Я никому не скажу, клянусь.

Позади нас раздаётся грохот со звоном кастрюль и сковород, падающих на пол. Я подскакиваю на ноги и встаю перед Саидой. Мой желудок сжимается, когда я открываю дверь кладовой.

— Судья Алессандро, — говорю, в то время как страх сковывает моё тело. Не за себя, за Давиду.

Алессандро стоит посреди пустой кухни, с альманом в кулаке. Камень пульсирует воспоминанием обо мне и Давиде. Его лицо исказило злорадство, пока он размахивает камнем как трофеем. Давида тянет меня за рукав, и я пытаюсь взглядом заверить её, что всё в порядке.

— Лео не поверил, когда я сказал, что ты только прикидываешься со своей раной. Он хотел доказательств, прежде чем идти к Мендесу. Подумать только: доказывать, что моё слово ценнее слова кого-то вроде тебя.

Это Лео ему рассказал, куда я пошла? Я думаю обо всех наших разговорах, о секретах, которые мы храним. Нет. Я должна верить Лео... Но это не то, о чём нужно думать сейчас. Надо защитить Давиду.

— Понятия не имею, что ты там видел, — я поднимаю руки, одну в перчатке и другую перевязанную, в воздух. — Но мы просто обедали вместе. Или это уже запрещено?

— Ни словом больше! — Алессандро тычет мне альманом в лицо. Его худощавое тело натянуто от страха. Я видела, как волков в клетке на карнавале кормили с тем же видом. Я щурюсь от яркого света кристалла со свежим воспоминанием. — Каждое слово из твоего рта лживо. С твоей рукой всё в порядке, и теперь судья Мендес сам в этом убедится.

— И кто же прочитает камень? — спрашиваю спокойно, хотя внутри меня всё вопит от ужаса. — Судей сотни. Робари одна.

— Тварь, — плюёт он мне под ноги. — Ты переоцениваешь свою значимость.

— Я просто говорю то, что мы оба хорошо знаем.

— Ты права, робари, я не могу прикоснуться к тебе. Не пока ты околдовала хорошего судью. Но, — его взгляд перемещается к Давиде, — если мне не изменяет память, несколько леди пожаловались на пропавшие драгоценности. Знаешь, как наказывают за воровство?

Ломают пальцы, дают им зажить, а потом отрубают. Давида в ужасе давится воздухом. Я стою прямо перед ней, но вечно защищать её от Алессандро я не смогу.

— Муки, которые ей предстоят... — говорит Алессандро, и его глаза горят чем-то большим, чем страх. В них есть жестокость, которую я раньше не замечала, потому что принимала его за сопливого подлизу-ученика. Но он гораздо опаснее. Он достаёт кинжал из ножен, и я вижу ту часть его, что наслаждается чужой болью. — Это ужасно. Но я слышал, что ей не привыкать к наказаниям. Не думаю, что король простит повторное нарушение правил.

Что бы я ни делала, меня будут бояться. Служанки, придворные, судьи. Я решила вернуться во дворец. Решила встретиться с их страхом. Давида поступила иначе. Она мориа, но скрывает это. А я поставила её под угрозу. Я выиграла время, пока мои руки не заживут, но что дальше? Алессандро не может просто взять и забыть.

Если только...

Я встаю на колени и поднимаю руки в мольбе.

— Пожалуйста, — прошу молодого судью. — Не причиняй ей вреда. Да, я лгала. Арестуй меня, но отпусти её.

Давида трясёт мои рукава, мотая головой. Я отталкиваю её и слышу лязг кандалов. Поднимаю глаза на Алессандро, на его губах играет надменная усмешка.

Он дёргает меня за руку, чтобы защёлкнуть железки. Я хватаю его лицо обнажёнными пальцами и скалюсь от жжения своей магии. Я высушиваю воспоминания за последние сутки. Смотрю, как проходил его день до того, как он поймал нас. Как он проскользнул босой на кухню с алмазом в руке, который взял из одного из тайников, как орал на Нурию, как допрашивал Лео. От проникновения в его разум мне становится плохо, потому что в нём столько ненависти. Ненависти к себе. К тому, что я не знаю. Она просачивается, как гной из раны, и когда я его отпускаю, то падаю прямо рядом с ним.

Я прислоняюсь лбом к холодному полу кухни. Перед глазами пятна света. Давида опускается ко мне.

— Я в порядке, — говорю и беру протянутую руку, которой она помогает мне встать.

Мы смотрим на судью, лежащего на полу без сознания, и между нами возникает молчаливое соглашение. Я осматриваю кухню и нахожу бутылку с алкоголем. Откупориваю её и выливаю на его чистенькую чёрную мантию.

Давида поднимает брови и вздыхает: «Куда мы его отнесём?».

— В единственное место, где он не сможет оправдаться.

Вместе с Давидой мы тащим его через боковую дверь кухонь и дальше по служебному залу, который ведёт в кабинет Мендеса. Усаживаем его в кресло. Давида вынимает из фартука почти пустую бутылку, вытаскивает пробку зубами и вкладывает под руку Алессандро.

Звучит звон соборных колоколов, означающий конец дневного перерыва, мы выскакиваем из кабинета. Коридор пуст.

— Он ничего не вспомнит, — уверяю её.

«Будь осторожна», — вздыхает она.

Мы возвращаемся назад в главную башню молча. Приготовления к фестивалю, похоже, удвоились. Мы просто две служанки, спешащие плечом к плечу на следующее задание. Когда мы останавливаемся на входе в кухню, Давиду всю трясёт, она берёт меня за руки и целует в обе щеки. Я призываю всю свою силу, чтобы подавить желание навсегда остаться в её объятиях, так похожих на материнские.

— Мне так жаль, что втянула тебя во всё это, — шепчу. — Я должна была защищать тебя.

Давида вздыхает, но я не до конца понимаю её следующие слова: «Доброе сердце. Спаси нас всех».

***

Я бегу в свои покои, подмышки платья промокли от пота. Я уверена, что забрала все воспоминания Алессандро о нашей встрече, но его подозрения никуда не денутся. Рано или поздно, меня поймут. То, что произошло сегодня, не должно повториться. Давида не Сорока, она просто мориа, работающая во дворце. Значит, я всё ещё не знаю, где находится шпион Иллана, и я, похоже, ни на шаг не приблизилась к тому, чтобы его найти.

Я останавливаюсь, когда чувствую, как будто кто-то меня коснулся. Прохладный ветерок обдувает меня, и на мгновение я слышу голоса с другого конца зала.

Украденные воспоминания играют со мной злую шутку. Когда я подхожу к двери библиотеки, голоса становятся громче, боль в висках усиливается, как никогда прежде. Здесь что-то есть. Я чувствую это. Пронзающая боль, как кинжал меж рёбер.

Я дёргаю дверь. Заперта. Ищу заколку в кармане, но дверь поддаётся от правильного поворота моего запястья. Дневной свет проникает через окна, освещая пыль в воздухе. В комнате холодно, прямо как в покоях леди Нурии этажом ниже, и даже камин не зажжён. На окнах здесь нет решётки. Наверное, в ней нет необходимости.

Стоя здесь, я не могу дышать. Словно только что шагнула в Серость. Живые краски начинают тускнеть от невзрачных рядов книг и кушетки, с которой я смотрела, как этот город и мой дом в лесу на границе сгорают в пламени. Я плетусь к окну и открываю защёлку, впуская прохладный воздух. Внизу лабиринт из королевских садов. Я вдыхаю аромат подстриженных изгородей и грязь столицы, которую ничем не перебить.

Я сжимаю подоконник для опоры. Воспоминания рвутся на поверхность, словно пытаются снести плотину. Я закрываю глаза, потому что не могу избежать мелькающих картинок.

Подносы с пирожными и выпечкой. Бросок игрального кубика. Дез, который спрашивает меня: «Что ты здесь делаешь?». Книга, горящая в этом самом камине.

Почему у принца Пуэрто-Леонеса была книга с легендами мориа в библиотеке? Почему он вообще был здесь? Я любила это место. Есть ли у меня хоть что-то, что Кастиан не запятнал одним своим существованием?

Моё дыхание становится коротким, быстрым, и я падаю. Я прислоняюсь лбом к согнутым коленям.

«Хватит», — говорю Серости. — «Пусть всё прекратится».

Хотела бы я вырвать собственные мысли, как я это делаю с чужими. Хотела бы я никогда сюда не возвращаться. Каждая ниточка, которую я тяну, открывает что-то новое.

Я слышу голос Деза: «Доверься мне».

— Я верю тебе, — шепчу в пустую комнату, человеку, который уже мёртв.

Внезапно я так сильно хочу его увидеть. Хочу, чтобы он появился среди всего ужаса в моих мыслях. Я нахожу его среди мелких воспоминаний, задвинутого за остальными. Нужное мне воспоминание касается той ночи, когда он меня спас. Оно не закончено, застряло где-то в Серости. Часто вдыхая, я пробираюсь в темноте своего разума, как по старым дорожкам подземелий, залов дворца.

Но я знаю, что ещё найду там. Мёртвые глаза глядят на меня. Маленькая девочка ест сладости. Мои собственные ладони, детские, покрываются первыми шрамами и завитками. Я когда-то обещала Иллану, что постараюсь выпустить Серость, но это было тогда. Я не была одна. Я не была во дворце с Рукой Правосудия. Дез был жив. Он бы помог мне справиться с этим всем, сказал бы, что мне хватит сил встретиться с украденными жизнями. Прямо сейчас я не могу найти даже одно воспоминание. Разве желания увидеть его недостаточно, чтобы приложить все усилия?

— Я скучаю по тебе, Дез, — говорю вслух. — Но я не могу это сделать одна.

Я не могу, потому что завтра Фестиваль Солнца, и моё время на исходе.

Глава 21

Внутренний двор королевы был затейливо украшен к приёму в саду, как второе из шести небес, предназначенное для тех, чья истинная добродетель — любовь. Будучи принцессой чужеземного королевства и королевой Пуэрто-Леонеса, она не жалеет денег на первое празднество дня. Лео говорил, что это давняя традиция, чтобы королевы устраивали приём для особых гостей, хотя все, похоже, заметили, что ни принц, ни императрица Лузо не почтили её своим визитом.

Юная королева расположилась под навесом со своими тщательно отобранными фаворитками под навесом, все в сияющих дофиникийских — фиолетовых — тонах под полуденным солнцем, в то время как король восседает на недавно возведённом троне, покрытом ярко-зелёным плющом и цветами. Он осматривает толпу,

пребывая в столь дурном настроении, что даже верховный судья Мендес, только что возвратившийся из Соледада этим утром, не рискует к нему приближаться.

Рука Мориа стоит позади короля на двух из четырёх мраморных пьедесталах. Я удивлена увидеть новую вентари без Мендеса поблизости. Она измождена и кажется знакомой, наверное, из-за того, что я вижу в ней и в персуари рядом с ней саму себя. Они такие пустые, застывшие, их глаза неподвижные, словно они даже не моргают. Как будто их превратили в почти пустышек, но оставили немного воспоминаний — достаточно, чтобы они могли выполнять свои обязанности. Я перевожу взгляд на пустые пьедесталы. Там, предполагается, буду стоять я, после того как проявлю себя. Когда я стану одной из них, и судья Мендес снимет повязку с моей руки и наденет перчатки с оковами, ключ от которых будет только у короля Фернандо. Они говорят, что моя сила — это проклятье, но продолжают презентовать меня как подарок.

Страх наводняет меня, пока я задерживаюсь за изгородью. Не могу оставаться в этом ухоженном саду, окружённая шуршанием шелковых платьев и мерцанием драгоценностей, ртами, набитыми деликатесами, и дворянами, напившимися игристого вина кавы и теперь покачивающихся под музыку.

Я сворачиваю на дорожку между стенами изгороди. Чем дальше я иду, тем меньше гуляк меня окружает, поэтому я не останавливаюсь, наслаждаясь мгновениями одиночества. Я касаюсь руками листьев по обе стороны от меня, под каблуками хрустит галька.

Это всё кажется таким знакомым. Словно я уже гуляла здесь раньше, хотя знаю, что это не так. Это ощущение вырывается из моих воспоминаний. Я поднимаю тяжёлые многочисленные юбки светлорозового платья, выбранного Лео, чтобы я соответствовала свите королевы, и следую за этим ощущением. Несколько раз я чуть было не споткнулась, сердце уходит в пятки, но я всё ещё иду по извилистым тропинкам, пока не захожу в тупик. Ветер раздвигает шторку из свисающего плюща. За изгородью скрывается огороженный сад, заросший ромашкой и сорняками. Он выглядит забытым, по сравнению с остальными скрупулёзно стриженными, ухоженными садами. И тогда я замечаю нечто, что не вписывается в это место. Белую статую.

Скидывая туфли, я зарываюсь ногами в траву и встаю на колени. Отодвигаю мягкую зелёную траву и вижу, что это статуя ангела. Не из тех, что обычно в коленопреклонённом положении стоят перед Отцом миров. Это стоящая стражница с мечом в руке, готовая защищать мориа. Что она здесь делает? Попала по ошибке? Могут ли о ней просто не знать? Или кто-то тщательно спланировал этот невидимый бунт посреди королевских садов?

Я упираюсь руками в траву под ногами ангела. Искры магии скользят по пальцам моей правой руки, которая без перчатки. Шрамы и завитки начинают светиться. Я перевожу взгляд со своей ладони на руки ангела. В камне появилась трещина, которой не было раньше, и из неё идёт мягкое белое свечение.

Альман.

Я бросаю взгляд через плечо. Музыка с приёма играет на полную громкость, звонкий смех и болтовня наполняют воздух. Кто знает, когда я смогу вновь прийти в этот сад, особенно после всего, что может случиться на фестивале. Я раскрываю кулак статуи, чтобы дотянуться до альмана.

Борода Иллана пока ещё чёрная местами. Его светло-голубые глаза выделяются на блестящей бронзовой коже. Кроваво-красное солнце уходит за линию горизонта.

— Тебе нужно успокоиться, Пенелопа, — говорит старый вентари. Его тонкие руки лежат на плечах молодой королевы.

Здесь, в огороженном саду, она падает на колени. Тяжёлый шёлк её юбок, расшитых узорами, окружает её, как лепестки роз. Её золотые волосы распустились у висков, выскочив из узкой косы, заплетённой вокруг её головы. В левой руке она сжимает тонкую золотую диадему.

— Как я могу успокоиться, учитывая, что ты просишь меня сделать с моими детьми?

Иллан встаёт рядом с ней на колени, его лицо как каменная маска чести и долга.

— Это намного лучше того, что с ними сделает король. Ты же знаешь, это единственный шанс спасти жизни их обоих.

Она мотает головой. Маленькая, тоненькая, как увядающий цветок, но есть ещё крупицы силы в её железной хватке. Она сжимает в кулаке рубашку Иллана.

— *Найди иной путь. Так не должно быть.*

Иллан мягко кладёт руку поверх её кулака.

— *Какой же? Скажите мне, ваше величество, потому что мы испробовали множество способов остановить короля. Попробуешь забрать мальчиков, и он будет преследовать тебя всю жизнь. Если Кастиан останется, если мы дадим королю причину доверять ему, если он увидит самого себя в своём сыне, Кастиан будет защищён как наследник престола, — он берёт её за подбородок, но молодая королева не поднимает глаз. — Всё зависит от тебя, Пенелопа.*

Она шлёпает его по руке, его кожа горит от размашистого удара.

— *Ты не оставляешь мне выбора.*

— *Я дал тебе выбор — возможность спасти обоих своих сыновей.*

Королева отводит взгляд, её лицо бледнеет, как портрет, оставленный на солнце. Слезы текут рекой по её щекам.

— *Пожалуйста, прости мне то, что я должна сделать, — шепчет она никому и всем одновременно. — Прости меня.*

Она поворачивается к уходящему солнцу, неотрывно наблюдая за ним, пока последний луч не скрывается за горизонтом. Её мир погружается во тьму.

Я отдёргиваю руку, словно обжёгшись. В моей голове отпечаталось лицо молодого Иллана.

Кожа покрывается мурашками, а глаза ангела словно ждут чего-то от меня. Молчания. Я знаю, что это самое, самое опасное воспоминание, которое у меня когда-либо было или будет. Встреча королевы Пенелопы и Иллана.

И что бы там ни случилось с младшим братом Кастиана, это явно сделал не сам Кастиан. Шепчущие были как-то в этом замешаны. Иллан был замешан. Он хотел — он предложил — помочь спасти жизни мальчиков. Обоих.

Зачем ему делать нечто подобное? С чего вдруг ему помогать предыдущей королеве?

Бессмыслица какая-то. Слишком много мыслей вертится в моей голове, слишком много воспоминаний. Нужно уходить отсюда.

Я хватаю туфли и бегу тем же путём, которым пришла. Надеюсь, что тем же. Дорожки, огороженные изгородями, кажется напрямую

ведут к нужному месту, но здесь так много хитрых узких проходов, тайных путей, которые могут завести в другие части сада. Я бы могла здесь потеряться на несколько дней.

С другого конца дорожки слышится тёплый голос. Мне нужно увидеть знакомое лицо.

— Лео! — кричу, сворачивая за угол. Он прислоняется к колонне, а его лицо приближается к кому-то другому, кого я не могу разглядеть. Услышав меня, Лео резко поворачивается ко мне с распахнутыми глазами.

— Мисс Рената! Что вы здесь делаете?

Другой человек ускользает за колонну и в тень. Моя первая мысль об Алессандро, и я отшагиваю назад.

— Прошу прощения, — говорю. — А кто это был?

Первый шок постепенно уходит с лица Лео.

— Ну, вы меня знаете. Я всегда найду себе развлечение, — он подмигивает мне, но я уверена, что это был не просто лёгкий флирт.

— Ты говорил вчера с судьёй Алессандро? — спрашиваю. У меня нет желания ему улыбаться. Вообще кому-либо.

Он выпрямляется и предлагает мне руку.

— Клянусь жизнью и памятью своего мужа, я не говорил судье, где тебя найти. И не имею ни малейшей идеи, как он оказался без сознания в кабинете Верховного судьи. Даже если ты не хранишь моих секретов, Рената, я думал, что мы уже друзья.

Друзья. От этого слова и больно, и радостно на сердце. Я беру его за руку ладонью в перчатке, и по крайней мере этот жест кажется правильным.

— Нам обязательно возвращаться? — спрашиваю его.

— Только до последнего представления. А потом нам нужно будет подготовиться к вечерним мероприятиям. Будет сюрприз.

— Сюрприз в том, что мы чествуем солнце ночью?

Он смеётся, и я слишком сильно сжимаю ткань его изумрудно-зелёного камзола. Он поглаживает мою руку успокаивающе.

— Ты же знаешь, Лео, я не люблю сюрпризы.

— Думаю, этот тебе понравится, — он ведёт меня по иной тропинке, не по той, по которой я пришла сюда.

На секунду мне кажется, что я вижу то, чего нет. Мимо меня проходит девушка того же роста и телосложения, что и Саида.

Новоприбывшие спешат к одной из многих арок, ведущих к центральному саду, чтобы присоединиться к празднованию, в то время как слуги кружат среди толпы с бокалами кавы. Я спешу пойти за девушкой, но десятки людей проходят между нами, и мне приходится их огибать, чтобы вновь увидеть её.

Я не думаю, что творю, я просто бросаюсь вперёд и хватаю её за рукав.

Девушка в золотом платье разворачивается ко мне, чёрные волосы заплетены в два узелка, свисающих до шеи. Часть меня так отчаянно хочет увидеть подругу, что я даже не думаю, как это выглядит со стороны, — робари схватила другого человека рукой без перчатки.

— Что ты делаешь?! — грубо выпаливает она. Это так непохоже на Саиду, что я даже не понимаю, как могла так ошибиться. Её огромные голубые глаза смотрят на меня в замешательстве. Она поднесла руку к губам, словно только и ждёт, когда кто-то придёт и спасёт её.

— Леди Армада, могу я вас сопроводить? — Лео кланяется ей, но бросает взгляд на меня, будто бы спрашивая, в своём ли я уме.

Она раскрывает изящный веер и машет перед своим лицом, скрывая всё, кроме возмущённого взгляда.

Я хватаю бокал кавы с подноса и ухожу подальше от центра сада, где каждый стремится подобраться как можно ближе к королю и королеве. Нахожу затемнённое местечко у изгороди. Хотя я по-прежнему чувствую на себе случайный любопытный взгляд из-за веера, это всё же лучше, чем быть окружённой толпой.

Группа детей рядом со мной сидит в кругу. Поначалу я не могу расслышать песенку, которую они поют друг другу, но потом прислушиваюсь к словам, и моё сердце ухает вниз.

Они поют по очереди по две строчки.

— Могилу мориа я искал,

А как нашёл — так раскопал.

— В ней два серебряных глаза,

Чтоб проникнуть в твой разум!

— Три золотых пальца,

Чтоб ты в иллюзии оказался!

— Одно сердце, красное как медь,

Чтоб лавине чувств ты мог велеть!

— И четыре вены, что сверкают платиной,
Чтоб прошлое было навеки утрачено!

Я отворачиваюсь до того, как они закончат последние строчки, хотя они навсегда отпечатались в моей памяти: «Как много я раскопал, пока могилу мориа искал». Меня всегда бесил этот стишок, бесило, как они превратили нас в детскую песенку, шуточку.

— Рената, — голос леди Нурии звучит справа от меня. Я даже не заметила, как она подошла. Могла ли я правда так далеко зайти, если мои же органы чувств меня так подводят? — Где ты была?

— Лео показывал мне сады. Я ещё не все посмотрела.

— Давай танцевать, — леди Нурия вскидывает подбородок, завлекая, солнце согревает её смуглую кожу и выгодно оттеняет кремово-мятный цвет её роскошного платья.

— Я не танцую, — говорю ей. Я никогда не танцую. Даже на наших базах мориа, когда мы праздновали смену времён года и священные дни, в которые мы чествуем Госпожу шепчущих, я не танцевала.

Она фыркает совсем не как леди. Ничего не могу с собой поделаться, но она мне нравится. Даже после того, как выжгла в моей памяти картинку с полуголым принцем.

Леди Нурия уже уводит меня прочь, нам вслед летят взгляды от лиц, прячущихся за веерами, как рыси в высокой траве. Я случайно бросаю взгляд на короля, но тот что-то говорит мужу Нурии, Алессандро.

— Танцевать полезно для души. Я частенько танцую обнажённая, пока мужа нет рядом.

Я не могу сдержать смешок, похожий на кашель, от неожиданности.

— Мне кажется, подобные слова не приветствуются на святом фестивале.

Она ухмыляется, её глаза заговорщически блестят. Что могла бы эта смелая, безрассудная девушка сделать, если бы ей предоставили полную свободу действий? Хотела бы я на это посмотреть.

Мы идём к местам, где можно присесть, в тени полупрозрачных тканей. Слуги, на одежде которых изображён герб семьи Тресорос — гора и звёзды над ней — подбегают к ней по первому сигналу ещё до

того, как её изысканное платье касается бархатной скамьи. Она берёт два бокала кавы и предлагает один мне.

— Почему ты так добра ко мне?

— Ты уже спрашивала меня об этом, — её тёмные глаза переходят с меня на толпу, где любопытные взгляды косятся в нашу сторону.

— И ты ушла от ответа. Я этого не заслужила.

Она вздыхает. От этого маленького жеста она выглядит так, будто с нетерпением ждёт чего-то. Может, Кастиана. Я задумываюсь над тем, могло ли одно украденное воспоминание облегчить её сердечную боль или только сделало хуже.

— В этом мире столько всего неправильного, — говорит она. — Иногда мне кажется, что всё, что я могу дать, это немного доброты, даже когда не могу дать надежду. Хотела бы я поговорить с тобой дольше, но мой дражайший супруг непрестанно за нами наблюдает.

— Говоришь, как узница, — делаю глоток.

Король Фернандо заметил нас и, не сводя глаз, наклоняется к уху судьи Алессандро, чтобы тихо чем-то поделиться. Моё сердце сжимается от дурного предчувствия. Но я убеждаю себя, что с Нурией я в безопасности, даже если ненадолго.

Голос Марго звенит в моей голове: «Здесь нет никакой безопасности».

— Королевство многого не знает, — добавляет Нурия, протирая платочком свой лоб. Это первая трещина в её броне.

— Например?

Её выразительные яркие глаза выдают тревогу, но не улыбка.

— Мориа некогда вели торговлю с королевством Тресорос.

Не знаю, что я ожидала от неё услышать, но точно не это.

— И чем торговали?

— Нашими металлами в обмен на информацию о том, как вы их используете. Я знаю вашу историю. Столько всего было утрачено...

— Стёрто, ты хотела сказать, — поправляю её.

— Более подходящее слово, — она понижает голос и подтягивает меня ближе к себе.

Во мне просыпается беспокойство.

— Что ещё было стёрто?

— Мою семью многие винили в установлении власти Фахардо. Мы продали своё королевство за несколько шахт и титулы, чтобы быть

уверенными, что наши потомки будут править. Я не думала ни о чём, только бы выйти замуж за Кастиана. Я была молода и глупа, и отдала королю Фернандо всё, что у меня было. В том числе платиновую шахту и пещеру, полную алмазов.

— Вот как они получили материал для трона? — моё сердце бешено бьётся. Как может нечто, столь ценное для моря, быть всего лишь местом, куда можно присесть королю, символом его власти? Может, для того оно и предназначено. — Но а как же все эти тонны алмазов в подземельях дворца?

Она часто моргает, а потом пристально смотрит на меня.

— Мой дражайший супруг как-то обронил в разговоре, что Правосудие использует его для большего. Во благо всего королевства.

Оружие.

Вот бы сейчас рядом со мной была Марго или Саида — чёрт, да хоть Эстебан! — чтобы я могла рассказать об этом. Мне нужно выбираться отсюда. В одиночку я больше не могу.

Нурия слишком сильно сжимает мою руку.

— Ты знала, что некогда королевой Пуэрто-Леонеса была моряка?

Я хмурюсь. У меня, наверное, что-то с ушами, потому что не может такого быть, чтобы я слышала её правильно.

— Это невозможно. Наша королевская династия была убита во время осады Мемории королём Хусто.

Нурия перестаёт приветственно кивать придворным стервятникам, жаждущих её внимания. Её улыбка ослепительна и обманчива. Мы всего лишь две девушки на вечеринке в саду, обсуждаем любимые женские темы — погоду, игристое вино, карманы платьев, тайны королев, секретные лекарства, государственную измену.

— Ах, а вот и мой дорогой муж, — говорит она, поднимая свой бокал, пока судья Алессандро стремительно приближается к ней.

Пот стекает с его лба по вискам. В его глазах страх — это из-за короля или потому что он не хочет встречаться с леди Нурией?

— Почему ты рассказываешь мне всё это? — спрашиваю её.

Внутри неё есть секрет, готовый пустить ростки.

— Потому что я не могу сказать никому другому. Не знаю, что у тебя за план, но точно вижу — ты что-то задумала. И если ты убьёшь

короля или Кастиана, то поставишь под удар всех моря, скрывающихся в столице. А с оружием это будет просто бойня.

Я приобнимаю её за талию, но отпускаю, когда рядом оказывается Алессандро, возвышаясь над нами.

— Время на исходе, Рената, — шепчет она.

— Леди Нурия, — говорит судья, поправляя складки своей тяжёлой мантии. — Король Фернандо готов начать речь и объявить развлечение перед парадом на закате, — он поворачивается ко мне и выхватывает бокал из моих пальцев. — А тебе велено занять место в Руке Моря.

Он провожает меня через сад туда, где толпа собралась послушать речь короля. Я встаю рядом с двумя другими моря на свой собственный пьедестал и изо всех сил стараюсь быть такой же неподвижной, как они.

— Благодарю вас, почётные гости и жители Пуэрто-Леонеса, — король Фернандо говорит глубоким, пламенным голосом. Он берёт за руку свою жену, королеву Жозефину. — Этой ночью мы отмечаем наш священный Фестиваль Солнца. Этот праздник посвящён давним событиям, когда Господин миров поднялся в небеса и сотворил Пуэрто-Леонес как образец рая на земле. Но рай нельзя получить в качестве приза и не так просто удержать. Он требует крови. Требует жертвы каждого жителя, кто пожинает сокровища с его плодородных почв.

Несколько месяцев назад Пуэрто-Леонес радушно принял Дофинику в нашем королевстве путём брачных клятв между мной и королевой Жозефиной, — он делает паузу, чтобы дать толпе время преклонить головы перед королевой. — Сегодня мы празднуем новый союз, поскольку наши восточные соседи согласились помочь Пуэрто-Леонесу одолеть врагов короны. С Дофиникой на нашей стороне Пуэрто-Леонес не только станет сильнее, но и превратится в величайшую империю, которую мир когда-либо видел. За Пуэрто-Леонес!

Я замечаю пару встревоженных взглядов, когда он говорит про «империю», но все остальные разразились благоговейным одобрением. Слуги уже готовы и ждут с десятью бутылками кавы таких размеров, что требуется трое человек, чтобы откупорить каждую из них.

Король внезапно поворачивается и поднимает бокал, глядя на меня. Я выдерживаю взгляд его тёмных глаз так долго, как только могу, прежде чем поклониться.

— Прошу, наслаждайтесь торжеством! — король, который говорит сейчас, совсем не похож на того, кто ещё совсем недавно закипал от гнева. Даже короли носят маски. Он присаживается на свой трон, в то время как труппа музыкантов выходит в центр сада.

Четыре гитариста и мужчина с одним барабаном начали играть на инструментах. Певец трагическим голосом с чувством исполняет песню о любви, известную в прибрежных городах. Пока он поёт, женщина в струящемся алом платье выходит вперёд. Она такая статная и величественная, с фарфоровой кожей. Её волосы переброшены на одну сторону и заплетены в косу, лежащую на плече. В её руках ракушки, которые добавляют клац-клац-клац к ритму песни. Её глаза обведены тенями, а щёки красные, как яблочки. Когда она танцует, все следят за тем, как она пристукивает высоким чёрным каблуком, как вздымаются её юбки, закручиваясь и открывая мощные икры.

На её бедре закреплён веер.

Со своего места на пьедестале я вижу краткую вспышку, и у меня перехватывает дыхание. Хотя, может, мне показалось. Это слишком смело, слишком безрассудно. Я оглядываюсь в сад, где даже стражники застыли, поражённые её длинными, гибкими ногами и изящными руками. Певец внезапно издаёт вопль, оплакивая своё разбитое сердце, и танцовщица бросает ракушки на траву и хватает веер. Когда она раскрывает его, я понимаю, что мне не показалось.

Там, между складками толщиной с бумагу, спрятано тонкое стальное лезвие с утончённой розой на рукоятке. Только один человек, которого я знаю, владеет этим крохотным кинжалом. Я действительно видела Саиду. Значит, танцовщица находится под иллюзией.

Она поворачивается к королю, откидывая свою юбку, отвлекая всех от оружия в её руке. Мой желудок скручивается.

У меня есть выбор. Я могу дать ей убить его. Это то, чего я хочу больше всего. Но его смерть, после этой его речи, разрушила бы всё, зачем я сюда пришла. Оружие будет использовано ещё до того, как я сумею к нему подобраться. Нурия права. Лозар был прав. Я пришла сюда за кое-чем большим, чем просто моя месть.

Гитарист перебирает струны так же быстро, как бьётся моё сердце. Танцовщица вращается, её платье как кроваво-красная смерть вокруг неё, и когда она останавливается, её рука поднята высоко.

Король Фернандо замечает клинок слишком поздно. Как и все.

Кроме меня. Я уже бросилась вперёд, вставая между танцовщицей и королём, выставляя руки вперёд, чтобы защитить лицо.

Острая боль. Её глаза, такие синие и хорошо знакомые, полны ненависти. Не к королю, выкрикивающему приказы, не к стражникам, пригвоздившим её к земле. Иллюзия, которую она создала вокруг себя, хорошо держится: её светлые волосы всё ещё выглядят тёмными и закрывают её от взглядов всей этой толпы.

— Уведите её! — кричит король Фернандо. — Уведите! Я займусь ей позже.

— Рената! — кричит Лео на бегу с другой части сада.

Откуда он здесь? Судья Мендес уже рядом со мной. Кинжал торчит прямо сквозь моё предплечье.

Слишком много крови, слишком много суматохи, слишком много людей, трогающих меня и зовущих по имени. Колокола звонят на всё королевство, и я знаю, что я слышу, как кричат люди.

Но пока мной занимается врач, я вижу перед собой только глаза Марго, полные ненависти, пока её саму, вырывающуюся и кричащую, волокут прочь из сада.

Глава 22

Бывало и хуже.

Однажды на миссии за пределами Меморийских гор, проходя каньоны Седоны, я угодила в гнездо ледяных гадюк. Я чуть не умерла от их яда. Именно Марго знала лекарство — корешок, росший в той же пустыне. Дез всю ночь тогда рыскал в поисках его, а она всё это время спасала меня от обморожения, поскольку яд снижал температуру тела.

Или другой раз, когда колючки расцарапали мне спину до шрамов. Кучка мальчишек из разных отрядов вытащили меня из палатки и положили на плот, где я и проснулась, напугалась и упала в колючие заросли в реке. Мальчиков сослали в убежище на другом конце страны, но после того случая я начала вести себя осторожно среди шепчущих.

На моём правом бедре был ожог.

На шее порез, полученный в Эсмеральдас.

А потом был отравленный меч.

Смерть Деза.

— Я давно уже должна была умереть, — бормочу я, пока стражник несёт меня в комнаты медика.

— Ты не умрёшь, слышишь меня? — Лео поспекает рядом. Его глаза не отрываются от моего лица. В них читается беспокойство, и я понимаю, что мне плевать, шпион ли он, или очень хороший актёр, или плод моего воображения. Он мой единственный друг в этих стенах, и он сейчас со мной.

— Клинок отравлен? — спрашивает судья Мендес, скидывая что-то с кровати.

Они кладут на неё меня. Я стараюсь не смотреть вниз, потому что там много крови. Кровь всегда и везде.

Старик-медик осматривает меня, но не касается моей кожи. Не подходит ближе, чем на расстоянии вытянутой руки. Я чувствую запах страха, исходящего из всех его пор, и он похож на... агуадутьсе.

— В сторону, — говорит Лео, отчаяние взяло вверх над его обычно благодушным поведением. — Она выпила три бокала кавы и потеряла много крови, — он берёт меня за руку и сжимает. — Если там был яд, то без запаха.

— Приведите девчонку! — кричит кому-то Мендес.

Лео наклоняется ко мне. Его тёплые пальцы убирают мои волосы с лица.

— Будет немного больно.

«Будет больно», — сказала я ему. «Я знаю», — ответил он.

Возможно, дело в алкоголе, но когда Лео тянет кинжал за конец, мне даже не больно. Всё — от моего плеча до кончиков пальцев — онемело. Но потом я чувствую, как чьи-то руки тянут мои ноги вниз, касаются талии, и что-то внутри меня трескается.

— Не трогайте меня! — рычу на стражника, Гектора, но тот не выпускает меня из рук.

Обжигающая боль прознает моё тело, рана даёт о себе знать с удвоенной силой, когда Лео режет плоть вокруг кинжала. Он вновь и вновь извиняется своим добрым, мягким голосом. Кто-то держит слабо пахнущую тряпку у моего носа, чтобы меня успокоили ароматы ромашки и других трав. Но у меня это всё вызывает приступ воспоминаний об Эсмеральдас. Неужели всего две недели назад моя

жизнь перевернулась с ног на голову? Вывернута наизнанку и разорвана на куски. Онемение возвращается, что-то склизкое, но тёплое покрывает мою кожу.

Я понимаю, что потеряла сознание, когда просыпаюсь в тишине.

Всплеск холодной воды.

Шорох ткани.

Лео меняет пою повязку, его плечи трясутся от сдерживаемых слёз.

— Лео, — зову я.

— Слава шести небесам, — говорит он, прижимаясь лбом к моему. — Мне так жаль, Рен. Прости, что так получилось, нам пришлось...

Я проглатываю ком в горле. Но если клинок был отравлен, если они не стали извлекать сразу и была занесена инфекция, он всё равно действовал так быстро, как только мог, даже если это было больно.

Я хочу поблагодарить его за то, что позаботился обо мне, когда трусливый врач не рискнул, но в этот момент в комнату врывается Мендес.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает Мендес, его голос звучит резко, несмотря на поджатые губы. Он обеспокоен тем, что я жива, или тем, что он должен был предвидеть нападение?

— Всё хорошо, ваша честь, — лгу я.

— У тебя дыра в руке, — ворчит Лео, возвращаясь к перевязке. — Я бы не называл это «всё хорошо».

Мендес хмурится и раздражённо бросает:

— Сейчас не время для такого тона, Леонардо.

Лео бормочет извинения.

Мои мысли мечутся. Марго где-то в подземельях, и если она здесь, значит, другие тоже. Готова жизнью поклясться. Один только вопрос, сколько их ещё? Они видели, как я спасла короля? Поймёт ли кто из них, что я специально проиграла битву, чтобы выиграть войну? Перед глазами мелькает Саида. Я не ошиблась, когда увидела её чуть раньше, но подумала на обманчивые воспоминания. Обманчивые. Обманщица. Предательница. Хоть кто-нибудь верит, что я не предавала?

Рот наполняется горечью, и я молчу.

— Выпей это, — говорит Лео, протягивая коричневую стеклянную бутылку, горькое содержимое которой напоминает мне тухлую рыбу. — Это обезболивающее.

Мне нужно подняться. Только поэтому я киваю и позволяю ему вылить в меня мерзкое лекарство. Почти мгновенно боль частично притупляется.

Мендес поворачивается к врачу, пытающемуся слиться со стеной.

— Ты проверил её на яд, Арсеналь?

— Ни следа. Не стоит за неё беспокоиться, — заявляет Арсеналь. — Мне дали понять, что у её вида высокий порог чувствительности к боли.

Я усмехаюсь.

— Тебе показать, сколько боли я могу вынести?

— Спокойнее, — говорит мне Лео. Он действует осторожно, не касаясь меня, но настаивает, чтобы я легла обратно.

Мендес в бешенстве, в каком я его ещё никогда не видела. Его одежда запятнана моей кровью, а под глазами тёмные круги. Они всегда там были, или это часть меня хочет видеть что-то другое?

— Уведи Ренату в её покои, и не возвращайся до начала фестиваля.

Лео выглядит ошеломлённым, будто не может поверить своим ушам. Я тяну его за руку. Даю понять, что так и должно быть. Он склоняет голову.

— Да, ваша честь.

— А что с танцовщицей? — осторожно спрашиваю.

Мендес поправляет края своего камзола.

— Убийца в одиночной камере. Всех присутствующих во дворце допрашивают. Она не заявляла о своей причастности, но я подозреваю, что она одна из шепчущих, — он с подозрением смотрит в мою сторону, смотрит на новую рану, всё ещё кровоточащую сквозь повязку. — Ты её знаешь?

Её зовут Марголина Бейен, она иллюзионари и мятежница-шепчущая. Её мать и отец были убиты во время нападения на деревню близ цитадели Риомар. Их утопили, когда они отказались говорить, где скрываются их дети. Марго выжила, выкопав яму под камнями у причала на побережье и питаясь крабами, которые рыли норы

поблизости. Неделю спустя её, оголодавшую и обезвоженную, нашли шепчущие и приютили у себя.

— Нет, — отвечаю, не отводя глаз, потому что и правда не знаю эту иллюзию с тёмными волосами и совершенно другим лицом. Я поняла, что это Марго, по глазам, по оружию, по тому, как она двигалась в танце.

— Ты спасла королю жизнь, — говорит Мендес. — От имени королевской семьи было объявлено, что бал Фестиваля Солнца сегодня будет посвящён тебе. Весь Пуэрто-Леонес узнает о тебе и о том, что ты сделала.

Омерзение скручивается в моём животе. Я представляю себя в глазах всего королевства как пример того, кем должны быть мориа — прислужниками короны. Теми, кто должен жертвовать собой.

Мендес нервно смеётся.

— Бедняжка, так обрадовалась оказанной чести, что потеряла дар речи. Скажи спасибо, Рената.

— Это мой долг, — в конце концов выдавливаю я. Глаза жгут слёзы, потому что это всё так неправильно. Я не должна была спасти короля и получать за это почести. Но Нурия права. Если бы я не защитила короля, это бы только обернулось кровавой расправой над мориа.

Мендес, похоже, расслабился от моих слов.

— А теперь весь дворцовый персонал должен явиться на допрос в мой кабинет, включая вас двоих.

— Но, ваша честь, — оправдывается врач, — я бы никогда...

Судья Мендес бросает на него такой взгляд, от которого любой бы заткнулся.

— Тогда тебе нечего бояться.

— Да, ваша честь, — Арсеналь кланяется так низко, что я удивлена, как он не упал со своим-то весом.

— Будь готова сегодня вечером, Рената. Все на фестивале должны увидеть твою силу, увидеть могущество короля и Правосудия, чтобы все, кто настроен против нас, тряслись от страха.

— Она потеряла столько крови, ваша честь, — умоляет Лео. — Лорд Лас-Росас...

Мендес отмахивается от имени движением руки.

— Не он. Она использует силу на той, что покушалась на жизнь короля.

Марго. Он говорит о безудержной, но верной Марго. Я не могу использовать свою магию на ней. Не могу. К горлу подкатывает тошнота, и я давлюсь ей.

— Ваша честь, — у меня получается только блять. Это пустая мольба. Я прекрасно знаю, что между мной и королём, он выберет короля, — моя рука...

Верховный судья Мендес бьёт кулаком в стену, его глаза широко распахнуты. Он открывает дверь.

— Хватит откладывать! Тебе нужны ладони, а не предплечья. Уведи её в покои отдыхать. Сегодня ночью ты создашь пустышку во благо своего королевства.

Глава 23

Мы с Лео смотрим на парад знатных леонесских родов на закате. Целая миля рядов растянулась перед дворцом. Каждая семья носит свои традиционные одежды своих фамильных цветов с вышитыми гербами. Все они здесь, чтобы выказать свою верность королю Пуэрто-Леонеса.

Род Каролина в серебряном и небесно-голубом, а род Харамильо в зелёном и тёмно-синем. Семнадцать из них были в прямой линии наследования и претендовали на трон до того, как их всех завоевали Фахардо. Род Севилья в красном и чёрном — лорд и леди едут в колеснице, повернувшись в разные стороны. Лорд Севилья радостно машет толпе и опускает руку в ведро с монетками, едва ли имеющими какую-либо ценность, но люди бросаются к повозке и благословляют его.

— Удалось что-нибудь выяснить про тех, кто послал убийцу? — спрашиваю, пока Лео наливает чай.

— Она говорит только, что действовала в одиночку. Её чары иллюзионари рассеялись, раскрыв настоящую внешность. Она не сказала ни слова больше, несмотря на...

Он замолкает, и я заканчиваю за него.

— Несмотря на пытки.

Я ничего больше не говорю, но в моём сердце закипает ярость к Правосудию. К королю.

Лео открывает дверь только раз, чтобы получить платье, которое я должна надеть на бал этим вечером. Он помогает мне одеться и ещё раз промывает рану. Отходит на шаг назад, на его лице печальная улыбка вопреки всему произошедшему.

Траурный цвет для мориа — красный. Мы также погружаем в море мёртвые тела в алых одеждах, чтобы Госпожа теней могла бы заметить яркое пятно среди чёрных волн. Большинство леонессцев поклоняются Отцу миров. Они скорбят в чёрном, поскольку в нижнем царстве из шести небес только вороны могут приносить и уносить души. Поэтому странно, что Лео выбрал для меня чернильно-чёрное платье, суженное на талии, с корсетом из китового уса и атласными вставками, с шёлковыми юбками, расшитыми серебряной нитью, и высоким воротником из вороньих перьев. Избавившись от окровавленного наряда, я чувствую прилив сил. Мой разум сейчас яснее, чем был все дни до этого, благодаря болеутоляющему.

— Платье принесли ещё до того, как я открыл дверь, — говорит Лео, возвращаясь с чем-то красным в руках.

— Кто мог его выбрать? Оно слишком вычурное.

— Все и так будут смотреть на тебя сегодня. Зачем пытаться спрятаться?

Потому что я не хочу, чтобы все пялились на меня. Не тогда, когда мне нужно сбежать прежде, чем меня заставят обратить Марго в пустышку.

— Судья Мендес передал, — говорит Лео, показывая мне рубиново-красные перчатки.

— Я ещё никогда не получала столько подарков, — говорю с подозрением в голосе.

— Так сегодня же фестиваль, — зелёные глаза Лео мерцают, когда он достаёт из кармана крохотный ключик.

Лео снимает старую перчатку и надевает новые. Добротная красная замша до моих локтей, манжета из мелкой кольчуги с рубинами, которая защёлкивается на замок. Всего лишь самые длинные кандалы в моей жизни.

После парада знатных семей следует группа священников церкви Господина миров и их последователей. В самом конце экипаж королевской семьи. Король Фернандо и его молодая королева, увешанные драгоценностями. Платье королевы Жозефины напоминает

облака, плывущие по небу, оно белое на её блестящей тёмной коже. Стоит ей высунуть руки в окошко, чтобы помахать народу, и толпа взрывается от обожания. На королевской чете праздничные короны — высокие, украшенные фиолетовыми кристаллами — фамильного цвета правящей семьи.

Я разочарованно выдыхаю. Принца Кастиана с ними нет. Время на исходе. Мои руки деревенеют от одной мысли, чтобы опустошить память Марго, превратить её в пустую оболочку той девушки, что некогда сражалась со мной плечом к плечу, что готова отдать свою жизнь ради своего народа.

За королевской четой следуют трубачи, завершая торжественное шествие, однако фестиваль, чествующий уничтожение Госпожи теней Господином миров ещё далеко не закончен. Вновь звучат трубы, колокола, пение. Люди размахивают фиолетово-золотыми флагами Пуэрто-Леонеса, и это напоминает мне о дне казни Деза. Моё тело вибрирует от переполняющей энергии. Цель.

Я ещё раз смотрю в зеркало перед выходом, касаясь серебряного узора на платье. Задержавшись на нём, я чувствую искру, как будто маленькая молния на юбке. Это ощущение восторга, который я испытывала, когда мы сбежали от Чистильщиков и выжили. Головокружение от поцелуев под луной. Вдруг я понимаю. Это не серебро. Платина. Детский стишок всплывает в голове: «И четыре вены, что сверкают платиной, чтобы прошлое было навеки утрачено». Мои руки покалывает от прикосновения к металлу. Металлу, столь редкому, что я и мечтать не смела, что когда-нибудь он у меня будет. Это не от лекарств мне стало лучше... От платья.

Только один человек мог это сделать. Но зачем?

Моя магия откликается под перчатками. Реагирует. Смешивается. Разжигается. Мой разум чище, чем когда-либо в жизни. Только Серость осталась неприступным хранилищем.

Я тень. Капля чернил. Возмездие в ночи.

Я робари.

***

Когда мы входим в бальный зал, шепотки раздаются со всех сторон. Я бы хотела смотреть строго перед собой, но мои глаза сами рвутся найти принца в толпе. Он моя единственная ниточка, ведущая к оружию — последний человек (насколько мне известно), державший в

руках деревянную шкатулку из воспоминания Лозара. Всё ещё есть шанс, что он может привести меня к нему. Я иду мимо ослепительных нарядов, зажжённых канделябров, сверкающих бокалов с кавой, льющейся рекой.

Дворец принимает не только знатные рода и состоятельных торговцев, но и иностранцев из ближайших королевств. Королевская семья Дофиники прибыла в традиционных одеждах из атласа и кружева, с длинными дредами, закрученными вокруг их голов.

Бальный зал не похож ни на что виденное мной прежде. Весь пол выложен мозаикой, символизирующей богатства королевства. Лео берёт меня за руку, и мы присоединяемся к толпе, проходящей дальше на празднества.

Ещё одно великолепное появление — правительницы эмперио Лузо, континента к югу по морю от Пуэрто-Леонеса, по сравнению с которым мы выглядим маленькой страной. Императрица Елена и её королева-консорт возвышаются на причудливых носилках, которые держат на своих плечах шесть мужчин в золотых нарядах. У обеих королев смуглая кожа и волосы чёрные, как оникс, изящно заплетённые ниже плеч. Их шеи оплетают живые цветы, насыщенно-красные, как рубины, — я никогда таких не видела. Голову императрицы венчает корона, в то время как статус её королевской супруги подчёркивается массивным бриллиантовым ожерельем.

Все вокруг нас перешёптываются, сплетничая, почему правительницы Лузо пропустили приём в саду. Конечно, они не могли знать о намерениях Марго, но я улавливаю предположение, что императрица здесь не ради мирных переговоров.

— Как думаешь, почему король настоял на приглашении императрицы на фестиваль? — спрашиваю Лео.

— Эмперио Лузо — самое богатое из известных государств, — шепчет в ответ Лео. — Но именно там мориа пытаются найти убежище. Лузо не переступали границ Пуэрто-Леонеса со времени нападения на мориа.

Нападение — милое словечко для резни.

— Леди Нурия поспорила со мной на десять либр, что они не появятся, — добавляет он. — Она думала, что прийти сюда будет позором для них.

Я смотрю, как императрицу и консорта опускают на пол, где их встречают король и королева Пуэрто-Леонеса. Правительницы Лузо ждут, что леонессцы будут кланяться первыми, но очевидно, что чета Фахардо ждёт того же самого. Подбегает экономка и предлагает императрице и консорту напитки, которые они принимают, но не пьют.

Король Фернандо смотрит туда, где стоит Рука Мориа, затем на меня. Мой желудок сжимается, когда он поднимает бокал в моём направлении. И я прекрасно знаю, что меня привели сюда как племенную кобылу, чтобы показать всем свою силу, способную поставить империи на колени.

Я кланяюсь, слегка поворачиваясь в сторону императрицы. Когда я разгибаюсь, то замечаю, что она уже рассматривает меня, и выдерживаю её взгляд. Страх перед грядущей ночью вонзил в мою спину свои острые когти и не отпускает, пока мы продолжаем идти.

Лео провожает меня через весь зал. Гости танцуют, слуги скользят между ними с подносами с янтарным ромом, кофеем, полосками жареной свиной кожи и сырами с медовыми сотами на дольках яблок. Стекланные кубки всех цветов радуги, наполненные агуадульсе с лимонной кожурой, поджигаются и быстро тушатся, чтобы к ним тут же приникли жадные губы.

Через огромные двойные двери, ведущие в сад, я вижу трупку музыкантов. Голос певца раздаётся в зале. Король и королева вновь возвращаются к своим тронам, принимая всех леонессцев и гостей, подходящих поприветствовать и выказать почтение правителям.

Когда они выведут Марго? Моя рука болит, а сердцебиение ускоряется. У меня всё ещё нет плана. Стоит ли мне попытаться спасти её и тем самым, скорее всего, убить нас обоих? Или превратить её в пустышку, чтобы укрепить своё положение во дворце? Каким путём пошёл бы Дез?

В каждом углу и у каждого входа стоят вооружённые стражники с мечами наготове. Лео проводит меня через толпу. Они расступаются перед нами. Мне кажется, что я некое морское существо, рассекающее высокие холодные волны. Я не свожу глаз с короля Фернандо, сидящего на троне, сделанном из железа с золотом, не том, что из альмана в башне. Лео ведёт меня к судье Мендесу, но король Фернандо поднимает руку, и мы останавливаемся, а потом идём туда, куда он указал.

Король встаёт, но не берёт меня за руку. Его глубокие карие глаза скользят от моих туфель к экстравагантному платью, по бледному шраму на груди, который он мне оставил, и, наконец, останавливаются на глазах. Мой пульс учащается, и свежая рана на предплечье, скрытая перчаткой, беспокоит постоянной ноющей болью.

Замечая меня между королём и судьёй, толпа в зале оживает. Платья шуршат, леди собираются у резных колонн и шепчутся, спрятавшись за трепещущими веерами. Кто-то прочищает горло, кто-то покашливает, все разговоры стихают, музыканты берут неверные ноты, а где-то даже разбивается бокал. Все глаза обращены на нас троих.

— Многоуважаемые гости, — начинает король Фернандо, — сегодня мы чествуем нашего творца, Отца миров, его триумф над вероломной Госпожой теней и богами-узурпаторами старины. В этом году мы празднуем даже больше. Сегодня днём была совершена попытка покушения на мою жизнь шепчущими во время торжественного приёма моей королевы.

Он замолкает, позволяя толпе повздыхать и обсудить между собой. Король Фернандо знает, как нагнать страху.

— Возможно, вы заметили стражников. Прошу обоих наших морских соседей понять, что эти меры были предприняты в целях обеспечения безопасности всех и каждого в этом зале от тех, кто мог бы попытаться уничтожить нас. От лица своей королевы и своего сына, я хотел бы посвятить первый танец Фестиваля Солнца Ренате Конвида, робари из Руки Мориа, спасшей мне сегодня жизнь.

Мои глаза наполняются слезами от злости на каждое его слово. «Спокойно. Не двигайся. Не дыши», — мысленно говорю себе. Я застываю, когда он берёт меня за руку. Жар его ладони ощущается сквозь перчатку, и мой первый порыв — вырваться из его хватки.

Он сжимает своими пальцами мои, слишком крепко. Мы уже сделали два шага в центр зала, когда кто-то преграждает нам путь.

Мои ладони дрожат, и весь воздух выбивает из лёгких при виде его... Взлохмаченные золотые кудри и сияющие военные ордена на расшитом голубом камзоле под цвет его глаз.

Принц Кастиан.

Наконец-то.

— Позвольте, отец, — говорит он своим глубоким голосом, очаровательно улыбаясь.

Гнев короля выдают сдвинутые брови и сжатые губы, но он не посмеет устраивать сцену, только не перед всеми этими людьми. Он ослабляет хватку, и передаёт меня в руки принцу Кастиану, как будто я игрушка какая-то.

Оркестр начинает играть мелодию, которая звучит более знакомой, чем должна быть. Я ждала этого мгновения дни, недели, а теперь просто стою здесь и трясусь с ног до головы. Я сбита с толку. Я просто трусиха. Я даже не могу посмотреть ему в глаза.

— Ты боишься, — говорит Кровавый Принц, твёрдо положив руку на мою талию. Я стискиваю зубы и держу взгляд строго над его плечом, на красно-жёлтые звёзды на мозаике позади него. Мои пальцы крепко сжимают его руки, возможно, слишком крепко.

— Я не боюсь, — мой голос резок, как зимнее похолодание, и я пытаюсь держаться от него подальше, что выглядит очень странно в танце.

— Как только я услышал, что ты здесь, я знал, что должен вернуться.

— Вы проделали весь этот путь, чтобы посмотреть, как робари показывает фокусы при дворе?

— Нет, — отвечает он так серьёзно, что я отказываюсь смотреть на него. Я видела, как он убивает, как добивается прощения, как соблазняет женщин и как потом губит их.

— Тогда зачем? — я спотыкаюсь и хватаю его плечо, чтобы удержаться. Он морщится.

— Осторожнее.

— Вы ранены? — не было никаких новостей о схватках или сражениях. Где он мог получить ранение, да ещё так близко к сердцу?

Он не отвечает на вопрос, кружа в танце. Пока его ладонь плавно скользит по моим лопаткам, картинки выплывают из Серости, несмотря на то, что платина на платье усиливает мои способности и контроль над ними.

Одежда, разбросанная по его постели.

Линия золотых волосков на мышцах его пресса.

Королева Пенелопа, умоляющая Иллана.

Вентари в одиночной камере.

Деревянная шкатулка.

Селеста в огне.

Дез. Как всегда, Дез.

Когда Кастиан придвигает меня ближе к себе, как полагается по танцу, я возвращаю себе контроль над Серостью, задвигаю воспоминания назад и сосредотачиваюсь на отполированной плитке под нашими ногами, такой синей, словно мы двигаемся над Кастинианским морем.

— Если ты не боишься, то почему не смотришь мне в глаза?

Мои губы дрожат, ноздри раздуваются, но я отвечаю:

— Вам недостаточно сотни глаз, что уже смотрят на Вас, пока мы танцуем?

Я продолжаю смотреть через его плечо, там я вижу судью Мендеса, пристально наблюдающего за нами. Пристальнее, чем остальные.

— Я привык к сотням глаз. Однако не привык к твоим.

Что-то скручивается в моём животе, как гадюки переплетаются в клубок. Его дыхание ощущается прохладным на моей щеке. Я закрываю глаза и вижу отрубленную шею Деза. Кровь, заливающую плаху. Кровь, разбрызганную по лицу Кастиана, которую потом отмывала Давида. Давида, пострадавшая ради этого принца. Почему? Как он может стоять всей этой боли, всех этих потерь?

Кастиан сжимает мою талию крепче, и я резко вдыхаю, когда он наклоняет меня вниз и возвращает под звуки виелы. Я стискиваю его плечо сильнее, чем стоило бы, и когда он выпрямляет меня, я смотрю ему прямо в глаза.

Голубые с золотой россыпью, иногда зеленоватые в свете канделябров. Я нахожу на его лице порезы, бледные шрамы, которые он получил ещё тогда, в воспоминании Давиды. Шрам в форме полумесяца, который оставил ему Дез. Складка между его бровями так ярко выражена, словно он пытается вспомнить меня. Но как он может узнать ту мятежницу, которую он видел в лесу в грязи и слезах, в той, кем я стала сейчас, в чёрном шёлке, вороньих перьях и платине, как будто смерть в человеческом обличье?

— Не так уж и сложно, правда? — говорит он тоном победителя, растягивая свои полные розоватые губы в улыбке.

— Полагаю, Вы всегда получаете то, что хотите, да, ваше высочество? — я улыбаюсь в ответ и мысленно напоминаю себе: «Не забывай, кто он такой».

Он молча раздумывает над этим, замедляя шаг. Мы в центре зала, но теперь ещё несколько пар к нам присоединились, пытаюсь приблизиться и подслушать, что такой прекрасный принц, как он, может говорить такому монстру, как я.

— Я сражаюсь за то, во что верю, — в конце концов говорит он, — и я всегда сражаюсь, чтобы победить. В этом смысле, я получаю то, чего хочу.

— Зачем утруждать себя танцем с кем-то вроде меня, когда многие леди ждут Вашего внимания? Некоторые из них вот уже несколько недель.

Он кривится, и я боюсь, что исчерпала лимит того, что могла сказать без последствий. Он внезапно останавливается, и я спотыкаюсь, но он придерживает меня рукой, как будто предвидел это. Он прокручивает меня под своей рукой, и я вновь чувствую себя игрушкой, когда возвращаюсь назад в его объятия. Положив руки в красных перчатках на его грудь, я пытаюсь оставить между нами хоть какое-то расстояние.

— А ты не ждала меня эти несколько недель? — спрашивает он, уводя под музыку из бального зала через двойные двери в сад, где продолжается фестиваль. Парочки следуют за нами, но музыка здесь звучит громче, а тени играют в лунном свете. Здесь ему придётся наклоняться ближе, чтобы разговаривать со мной, чтобы разглядеть меня.

Мог ли он знать, что я была здесь всё это время? Судя по тому, что я смогла рассмотреть и ощутить в этом танце, вряд ли оружие сейчас при нём.

— Я здесь ради судьи, — отвечаю ему. — Верховного судьи Мендеса.

— А я-то надеялся, что ты пришла убить меня, — его голос тихий, сокрушающийся. Голос Кастиана, разбившего сердце Нурии: «Я не могу жениться на тебе». Я не хочу сочувствовать ему. Не могу.

Скрепя сердце, я вспоминаю слова, которые он сказал Дезу в Риомаре: «Ты так жаждешь смерти?»

Он хмурится, его хватка сжимается. Я чувствую мозоли на его ладонях даже сквозь ткань моих перчаток. Самая утончённая вещь на нём — это венец на его золотых волосах. Он совсем не похож на простого солдата в лесу, который захватил Деза. Рядом с бесцветным хранилищем в моей памяти есть красочные воспоминания о разных Кастианах, ни один не похож на другого, и меньше всего на того, что сейчас стоит передо мной.

— Ты меня не помнишь, ведь так? — это голос принца, который хотел сбежать куда подальше перед сражением. Жениха Нурии.

Я сужаю глаза.

— Вы меня дразните, Ваше Высочество?

— Вообще-то я совершенно серьёзен.

Моя кожа вспыхивает, когда я чувствую дрожь меж рёбер. Смех Кастиана, когда он нежно ущипнул Нурию в её постели. Я втягиваю воздух сквозь зубы и вырываюсь из его рук.

Песня затихает, а Кастиан использует моё движение, чтобы вновь раскрутить меня. Я скольжу, мои юбки взлетают вокруг, всё так быстро, что мои непривычные к танцам ноги не успевают. Но он уже был готов меня подхватить. Моё сердцебиение учащается от страха упасть, от страха перед этим плутом.

Я слышу где-то вдалеке, как люди хлопают. Кастиан всё ещё держит меня за руки. Я отказываюсь двигаться под его взглядом и не позволю ему запугать меня. Поэтому я смотрю в ответ, и хотя мы стоим, замерев на месте, но по-своему продолжаем танцевать.

— Ты не помнишь меня с того времени, когда была здесь ребёнком, — ровным голосом говорит он. Его губы слишком близко к моему уху. — Ты никогда не покидала библиотеку.

Моё сердце сжимается от ужаса. Тогда во дворце были десятки детей-мориа, но нам никогда не позволялось взаимодействовать с членами королевской семьи. Я совершенно не помню мальчика с золотыми кудрями или глазами бескрайнего, беспощадного моря.

Я чувствую, как ответ напрашивается из Серости. Тёмные закрученные коридоры, ведущие меня к яме воспоминаний, из которой я уже могу не выбраться. И Кастиан там есть?

— У меня не осталось воспоминаний с того времени, хотя, разумеется, я наслушалась историй о тебе за все эти годы.

— Истории наполовину выдуманы, — говорит он, вернув себе надменный вид.

— А значит, наполовину всё-таки правдивы.

Он хмурится, но выпускает моей руки, и пока все за нами наблюдают, я не могу вырваться. В саду уже сейчас собралось больше придворных, чем в бальном зале, но всех их лица сливаются в одно пятно, которое я замечаю лишь краем глаза. Я поднимаю взгляд на ночное небо, на башню. Отсюда я вижу кружевные занавески моей спальни... Спальни Нурии.

Кастиан внезапно отпускает меня, и когда я прослеживаю его взгляд, то вижу судью Мендеса, который пробирается через толпу людей ко мне. Он подаёт знак музыкантам, и начинается новая песня. Люди рассеиваются. Мои мышцы расслабляются, несмотря на быстро бьющееся сердце.

— Моя дорогая Рената, — говорит судья Мендес со страдальческой улыбкой. — Я очень надеюсь, что ты не досаждаешь нашему молодому принцу.

— Вовсе нет, — говорит Кастиан, никак не приветствуя судью, вместо этого его глаза направлены только на меня.

— Если ты не против, — обращается ко мне судья Мендес, — я украду у тебя принца для одного важного дела.

Принц Кастиан кланяется мне. Это очень быстрое, краткое движение, и я понимаю, что он не собирался этого делать, но уже поздно. Недоумевающий Мендес следует за ним по пятам, а я остаюсь стоять в центре сада.

Придворная леди, молодая девушка, танцует так близко ко мне, что я чувствую запах её приторно-сладких духов, в которых она, похоже, искупалась. Её яркие светлые локоны обрамляют длинное лицо, частично скрытое трепещущим фиолетово-золотом веером. Она что-то шипит в мою сторону, и когда отрывается от партнёра, чтобы сделать разворот, плюёт мне под ноги, её слюна попадает на подол моего платья.

Все вокруг это видели. Я сжимаю зубы и выпрямляю плечи. Нельзя реагировать. Нельзя.

Я разворачиваюсь и ухожу вглубь сада, где уже нет факелов и темнота может стать моим щитом. Я смотрю на луну, нежусь в её серебряном свете. Глубокая печаль охватывает меня, словно все

воспоминания из моей головы решили выплакаться одновременно. Им нужно быть увиденными. Им нужно сделать всё так, как правильно.

Разве не этого я хочу? Исправить свои же ошибки? Но я только ещё больше увязла в этой сияющей ловушке. И теперь я должна встретиться лицом к лицу с Марго.

— Что мне делать? — спрашиваю небеса.

Переводя взгляд на окна башни, я замечаю кое-что странное. Подсчитываю и пересчитываю количество этажей. Я уверена, что только в моих покоях висят те изысканные кружевные занавески. Рядом с ними маленькое окошко, которое будто бы закрыто изнутри, а дальше библиотека на моём этаже, окно по-прежнему открыто, как я его и оставила. Но между моими покоями и библиотекой не должно быть никакой комнаты. Совсем.

Я представляю себе длинный коридор, по которому я хожу каждый день и каждую ночь. Только стена отделяет меня от библиотеки моего детства — места, в которое меня по-прежнему тянет. В мою душу закрадывается подозрение. Я думаю о Кастиане, который сказал, что помнит меня в той библиотеке. И как он говорил Нурии о секретном помещении в её покоях.

Моё горло сжимается, когда я слышу эхо в своей голове — игральные кости, крутящиеся по полу, и голос мальчика: «Что ты здесь делаешь?».

Когда Дез нашёл меня той ночью, он вошёл не через основную дверь.

Там есть скрытая комната.

Я должна туда подняться. Возвращаюсь на фестиваль, чтобы пройти по самому короткому пути наверх.

Парочки танцуют широкими кругами, в глазах рябит от красочных нарядов, перемещающихся в такт к музыке.

Лео флиртует со слугой, лукаво прислонившись к колонне, в то время как принц Кастиан пылко выговаривает что-то судье Мендесу в отдалённом углу. Судья бросается прочь, в сады, оставляя Кастиана в такой ярости, что никто не подходит к нему. Сейчас он грубый, вздорный принц, которому слуга принёс вино в украденном воспоминании леди Гарзы.

Я как тень среди их пёстрых платьев, украшенных сверкающими драгоценностями. На мгновение я поднимаю взгляд на резные

пьедесталы, где стоит Рука Мориа, где бы стояла я, если бы Фестиваль Солнца не посвятили мне. Голова кружится, живот болит. Стежки на предплечье зудят и пульсируют. Сам воздух вокруг меня смещается, как будто что-то прячется за мороком.

Я узнаю магию иллюзионари. Марго! «Пожалуйста, Марго», — мысленно прошу я, — «дай мне время, чтобы найти способ спасти нас обоих».

Я следую за стайкой сияющих придворных леди, направляющихся к умывальням, и выхожу из зала вместе с ними.

А затем возвращаюсь в свою башню, надеясь, что на балу всем слишком весело, чтобы заметить моё исчезновение. В крайнем случае, они не сразу заметят, и у меня есть некоторое время. Я направляюсь к знакомой деревянной двери, которая терзала мои воспоминания с первого дня, как я вернулась. В коридоре сегодня нет стражников. Библиотека не заперта. Мои глаза привыкают к темноте, стоит пару раз моргнуть, но я всё же зажигаю газовую лампу на столе. Окно по-прежнему открыто, но здесь стало намного холоднее, как в покоях леди Нурии этажом ниже. Я вспоминаю шум в её комнатах, который я приняла за свои воспоминания, а она — за ветер. Нурия оказалась права.

Там, правда, был сквозняк.

Из скрытой комнаты.

Когда я закрываю глаза и провожу руками в перчатках по платине, воспоминание о том дне, когда меня забрали из дворца, рвётся на поверхность. Эхо шагов. Скрип дверных петель и вопрос мальчика: «Что ты здесь делаешь?».

Я иду к дальней стене библиотеке, той, что должна соединять с моей спальней, но на самом деле нет. Между ними что-то есть. Должно быть. Я неистово вытягиваю книги с полок, бросая их на пол, пока не нахожу нужную. Из всех сил толкаю стенку книжного шкафа, моя рана ноет. Тёплая кровь тонкой струйкой стекает по моей руке, но мне плевать, потому что дверь поддаётся и давно не используемые петли скрипят.

Я задерживаю дыхание, потому что здесь пыль, пепел, затхлый запах мебели, вздувшейся от влаги.

Я прижимаю руку к закрытому окну, которое заметила из сада. Годами оно покрывалось пылью. Я хватаю лампу и иступлённо

обыскиваю комнату. Меня не просто так тянуло сюда, в эту скрытую комнату. Я знаю, что оно здесь. Шкатулка, оружие, их «лекарство». Доносится музыка с фестиваля. Они не заметили, что меня нет. Пока что. Я переворачиваю подушки заплесневелой мебели, опустошаю полки, проверяю за каждой висящей картиной. Здесь есть выцветший гобелен с двумя пиратами у штурвала. Я вспоминаю историю из книжки, которую читали Кастиан и Давида. Эта комната принадлежала принцу? Тайное место, известное только ему, где можно хранить вещи, которые хотелось бы спрятать... Моё сердце бешено бьётся в груди, когда я отодвигаю ткань в сторону, открывая проём в стене, где ребёнок мог бы хранить свои сокровища. Я подношу лампу.

Она здесь. Я видела её в воспоминании о Дезе и Кастиане. Тонкая деревянная шкатулка, украшенная золотыми узорами. Я помню, как Дез испугался того, что внутри, испуганно отшатнулся.

Она скрипит, когда я поднимаю крышку. Она поддается так легко, что я понимаю: что-то не так. Моё сердце замирает, когда я беру в кулак то, что лежит внутри.

Детское платье, белая ткань, пожелтевшая со временем. Под ней круглый портрет, уместающийся в моей ладони. Солдаты короля хранят такие с изображениями их близких, обычно возлюбленных, в нагрудных карманах, когда они уходят на войну. На этом два ребёнка. Один с золотыми волосами, второй — с тёмными. Я переворачиваю портрет, где два поблёкших инициала: К. и А.

Что это?

Половица скрипит за моей спиной. Я оборачиваюсь, едва не роняя лампу.

Принц Кастиан стоит в дверном проёме.

— Я знал, что ты вновь найдёшь это место.

Глава 24

Слабая газовая лампа всё ещё пытается гореть, освещая эту тёмную продуваемую скрытую комнату. Я ставлю её на стол и смотрю на Кровавого Принца. Тени выделяют его широкие плечи, золотые локоны, медали на груди.

Я ранена, но он тоже. Я всё ещё могу бороться.

Переношу вес в кулак и удивляю его ударом. Удалось поцарапать скулу, но толку от этого нет.

Он восклицает, но не отшагивает. Хватает меня за руку, я взмахиваю второй, царапая лицо. Грязный приём, но голос Деза в моей голове напоминает: «Либо ты, либо они. Выбирай то, что вернёт тебя ко мне». Но только я больше не смогу к нему вернуться, ведь так?

Кастиан отталкивает меня, но не пытается ударить в ответ. Я хватаю шкатулку и бросаю в него. Что бы он ни хотел мне сказать, у него не получилось — он сгибается, хватаясь за рёбра.

— Прекрати! — его голос резкий, громкий.

— Где оно? — я уже зашла слишком далеко. Если я отступлю сейчас, то не получу это проклятое оружие, из-за которого я вернулась во дворец. Оружие, из-за которого погиб Дез. Мне нужно одолеть принца, или придётся обратиться Марго в пустышку, и если я не выиграю эту битву, то меня однозначно отправят на плаху. Обезглавит ли меня Кастиан самолично, как сделал это с Дезом? Или они оставят меня гнить в камере, как Лозара? Чудовищная мысль приходит в голову... Что, если его тело всё ещё там, внизу?

Кастиан приходит в себя после моего удара, отходя на расстояние. Он расстёгивает пуговицы своего расшитого бисером камзола, из-под края его сорочки видны мышцы груди. Он отбрасывает камзол в сторону, на заплесневевшую кушетку.

Я тянусь к шее и расстёгиваю застёжку своей накидки, и она падает на пол. Ослабляю корсет, чтобы было легче дышать. Пытаюсь вспомнить, видела ли где в комнате оружие, но здесь только книги и старые игрушки. Если бы я могла избавиться от перчаток, я бы вырвала все ответы из его памяти.

Вместо это я присматриваюсь к нему, как учила Марго. Думаю о том, что я знаю о нём. У него быстрые ноги и сильные руки. Он шагает вправо, я влево. Это снова своеобразный танец. Я направляю в кулаки всю свою ярость, которую подавляла в себе, пока король выставлял меня напоказ перед всем двором.

Кастиан блокирует мой выпад в его левое плечо. Я не хочу, чтобы он понял, что я планирую удар в его слабое место. Отблески света танцуют перед моими глазами — болеутоляющее прекращает своё действие, и ноющая боль возвращается. Кастиан хватается за запястья и прижимает к своей груди. Я пинаюсь, целюсь коленом так высоко, что ему приходится использовать руки для защиты, и он выпускает мои запястья.

Я бью кулаком в его нос, у него идёт кровь, но он хватается меня за плечи, толкает в стену с гобеленом. И ещё раз, выбивая воздух из моей груди. Пряжка его ремня прижимается к моему животу, его дыхание на моём лице сладкое от вина и тёплое.

Он хочет взять вверх надо мной. Я вижу это по его глазам, пока он прижимает мою левую руку к стене и давит на рану в правом предплечье. Липкая, горячая кровь сочится из разорванных швов под перчаткой.

Перед глазами белая пелена от боли, но я скрежещу зубами и шиплю сквозь них. Я дышу отрывисто, тяжело, собираясь с силами, и бью лбом. Пользуясь моментом его растерянности, нажимаю пальцами на его рану на груди. Я тоже умею так играть.

Кристиан взывает и падает на пол, опираясь на руки. Я хватаю за его волосы и бью коленом в лицо. Запрокидываю его голову, чтобы он на меня посмотрел. «Почему не смотришь мне в глаза?» — спрашивал он.

Ну вот, теперь смотрю.

— Сдавайся.

Он сплёвывает кровь в сторону, но не признаёт поражения.

— Шепчущие хорошо научили тебя драться, — говорит он со смешком. — А сначала они разрушили твою жизнь? Заставили поверить, что ты сходишь с ума?

— Шепчущие спасли меня от твоего отца, — я тяну его за волосы, но он только морщится. Я не могу его слушать. Он насквозь состоит из лжи и фальшивых улыбок. — Где оружие?

Он бьёт кулаком в мой живот. Я выпускаю его и прижимаю руки к больному месту, падая на колени. Дышать. Я не могу дышать.

— Дай мне сказать, Нати... — кровь течёт из его носа, попадая в рот.

— Как ты меня назвал? — выкрикиваю я.

Моё тело цепенеет. Горло сжимается. Воспоминание об отце, который так называл меня, лишает меня контроля. Я бью ладонями по каменному полу, пытаюсь вернуться в реальность. Как он узнал? Откуда он мог узнать?

Я хватаю ртом воздухом, пока не получается сделать глубокий вдох. Я отталкиваюсь руками, чтобы подняться, и задеваю газовую лампу. Я гашу пламя, прежде чем оно перейдёт на что-нибудь ещё, и

сжимаю пальцами вытянутое стекло. Слабый свет проникает из открытой библиотеки. Мои глаза привыкают к тусклому освещению от слабого пламени. Дышу с трудом, тело болит, голова кружится от всплеска адреналина. Я смотрю, как обрисовываются его мышцы, как он тоже пытается восстановить дыхание.

Стараясь отойти подальше от меня, Кастиан прислоняется к стене. Его руки прижаты к плечу, откуда льётся кровь, просачиваясь сквозь повязку и сорочку.

— Мы не договаривались об оружии, — говорит он. От его шуточного тона во мне вновь вспыхивает ярость. Он вытаскивает маленький кинжал из сапога и бросает на пол.

Поскольку он сбросил своё, я должна ответить тем же. Это было бы благородно. То есть всё это время он мог достать свой кинжал в любой момент, но не сделал этого, даже когда прижал меня к стене? Почему он просто не покончил с этим?

— Ладно, — выплёвываю я.

Я откидываю стекло в сторону и бросаюсь на него. Он блокирует каждый удар, каждый пинок. Я вновь целюсь в его рану, но он уже готов к этому и перехватывает мои руки у своей груди. Я встаю на колени и бью в пах. Это низко, но удобно, когда вариантов больше нет. Я ударяю ладонью по его уху со всей силы, и он вскрикивает. Он обхватывает свою голову, и в это мгновение слабости я бью его ладонью в горло. Он задыхается и отступает назад, кашляя. Взмахивает кулаком, попадающим в моё плечо.

Моё тело вибрирует от злости, и я чувствую, как что-то загорается внутри меня. Я вижу свечение вокруг себя, которое отражается в его глазах. Это моя магия?

— Ты должна меня выслушать, Нати, — он поднимает руки вверх.

— Не называй меня так! Не смей называть меня так! — я бью кулаком, он отбивает. Он пытается вновь схватить за руки, но я падаю на пол и проползаю меж его ног. Бью локтем по задней стороне его колена, и он валится с ног.

Я могу убить его.

В эту секунду я знаю, что могу.

Но смерть будет слишком лёгким, слишком мягким вариантом. Как скоро Правосудие и король придут за мной? Разве не этого я пыталась избежать? А это вообще имеет значения? Марго бы убила.

Марго не колебалась, а теперь она заперта в темнице, а я сражаюсь здесь за нас двоих.

— Если ты не скажешь мне, где оружие, — угрожаю ему. — Я просто вырву эту информацию из тебя.

Он переворачивается на спину, а я прижимаю его к полу, вновь нажимая на его рану на груди.

— Рен... Рената, пожалуйста, — его дыхание отрывистое, вся нижняя половина лица в крови. Настоящий Кровавый Принц.

Схватит осколок стекла, я пытаюсь разорвать ткань у запястья. Порезала и кожу, но уже чувствую воздух. Я разрываю остатки перчатки зубами и освобождаю одну руку. Холодный воздух освежает вспотевшую кожу.

Волна силы проходит сквозь меня, зажигая шрамы на окровавленной коже. Они горят рыжим цветом пламени. Моя кожа светится, но у меня нет времени любоваться. Я прижимаю палец к его виску.

Не знаю, чего я ожидала. Криков. Мольбы о пощаде. Хоть чего-нибудь.

Но принц Кастиан просто смотрит на меня. На его лице кровь, тени и свет луны от единственного окна в комнате. Его дыхание учащается. Я узнаю этот взгляд. Он бросает мне вызов.

Я позволяю магии высвободиться, проникнуть в его память и вытащить воспоминания.

Картинки так быстро сменяются перед моими глазами, что я не различаю ни мест, ни лиц. Порыв ветра в моих ушах, и пустота.

Я ничего не вижу.

Полная и беспросветная тьма, как будто огромная стена, через которую я не могу пробиться.

— Невозможно, — выдыхаю я. Он каким-то образом может заблокировать мою силу. «На меня оно не подействует», — он, действительно, знал, что говорил, тогда, в Рысьем лесу.

Улыбка кривит его губы, он хватается меня, и всё переворачивается с ног на голову. Комната вращается, когда он перекручивает меня и сжимает запястья.

— Что ты сделал? — шепчу я.

Он не отвечает. Влажные волосы спадают ему на лицо. Он устал, едва держится. Я чувствую, что его сердце бьётся так же быстро, как и

моё под его ладонью. Так не должно быть. — Хватит, Рената. Пожалуйста.

Пожалуйста? Гул в моей голове проходит, когда я слышу крик. Не мой. Не его. Мы здесь не одни.

— Ваше Высочество!

— Нет! — кричит Кастиан. Тяжесть с моего тела уходит, когда он поднимается на ноги, зажимая рану на плече. Рану, которая выглядит так, словно я её нанесла.

Я понимаю, что в дверях стоит Лео. Рядом с ним тот слуга, с которым он флиртовал. Рыжеволосый парень вопит, повторяя раз за разом «Ваше Высочество!».

Они замирают, когда видят нас, побитых и окровавленных на полу. Вокруг нас масло, стекло и тени. Лео хватается слугу за руку, но парень вырывается.

— На помощь! — орёт он, выбегая из комнаты прежде, чем Лео успевает его остановить. — Она убивает принца!

— Стой! — кричит Кастиан.

Но парень уже бежит по коридору с воплями: «Стража! Стража!».

Лео закрывает глаза и бьёт по дверному косяку. Трёт переносицу от бессилия.

— Какая же ты идиотка. Она же тебя предупреждала не...

Взгляд Кастиана меняется. Глаза сужаются, темнеют, он зол, как в тот день, когда я встретила его в лесу. Как будто два разных человека в одном теле.

— Рената Конвида, — произносит он моё имя, его голос как соль на мои раны. Так не похоже на просящие интонации всего пару минут назад. Он снимает ремень и связывает мои запястья. — Ты арестована по обвинению в государственной измене и покушении на жизнь принца Пуэрто-Леонеса.

***

Я не сопротивляюсь, пока принц Кастиан ведёт меня в подземелья. Здесь только факелы на стенах и голоса стражников где-то далеко внизу. Я вижу, как играют его желваки, оттого что он стиснул зубы, вена на его шее ярко выражена в свете пламени, играющем на его лице.

— Всё могло быть иначе, — говорит Кастиан в темноте.

— Только так всё и могло быть.

Он поворачивается ко мне, его лицо перекошено от гнева, искажено игрой теней и кровью.

— Я днями и ночами работал на благо королевства. И его жителей.

— Ты никогда не сможешь стать кем-то большим, Братоубийца.

Его ноздри раздуваются, а губы вытянуты в узкую линию.

— Ты даже не пытаешься замечать то, что находится прямо у тебя под носом... — говорит он, но раздаются чьи-то тяжёлые шаги.

— Ваше Высочество, — говорит стражник, освещая нас факелом, пока он поднимается по ступеням. — Ваш отец велел мне увести узницу в камеру.

— Как видишь, я и сам с этим прекрасно справляюсь. Свободен.

— Я не могу ослушаться, Ваше Высочество. Приказ исходил непосредственно от вашего отца. Он ж-желает в-видеть вас немедленно.

Он не шевелится, кажется, целую вечность. Только огонь факела мерцает в темноте. Принц Кастиан передаёт меня стражнику, который сильнее затягивает ремень на моих запястьях и, схватившись за ткань на моей спине, толкает вперёд. Мои руки немеют, и лёгкое покалывание в них не имеет никакого отношения к магии.

Мы спускаемся вниз к темницам. Зловоние ударяет в нос, и голова кружится. Стражник нервно возится с железным замком, промахиваясь один раз и пытаясь ещё раз. Даже когда мои руки связаны, он всё ещё боится. Теперь мне нравится, что я могу внушать страх.

Наконец-то раздаётся щелчок и скрип открывающихся петель. Он заталкивает меня внутрь. Пол скользкий, и я падаю.

Тихий, мрачный смех раздаётся из угла. Я поднимаюсь, пытаюсь встать на ноги, но получается только на колени.

Девушка со спутанными светлыми волосами и с синяком под опухшим глазом, который, похоже, не открывается. Я смотрю на её порезы и рубцы. Один распахнутый голубой глаз. Красное платье. Марго.

— Поднимайся, предательница, — она плюёт мне лицо. — Я целилась не в тебя, но раз уж начала, надо бы довести дело до конца.

Глава 25

— Ты неправильно поняла, — говорю ей, поднимаясь на ноги.

Марго легче меня, но на ней больше царапин и ушибов, чем я могу сосчитать. В её глазах полыхает пламя. Ей нужно высвободить его. Я вижу, как она ходит туда-сюда, отмечая мои ноги, рану на предплечье, ремень, связывающий мои руки.

— Да достало меня уже понимать тебя, — говорит Марго. Она нападает на меня, я поскользываюсь и ударяюсь головой о грязный мешок в углу. — Из-за тебя мы здесь!

Я с трудом встаю.

— Да ты никогда и не пыталась. Все эти годы я выслушивала от тебя, какая я бесполезная и ненадёжная, — бросаюсь к ней, тыкая пальцем в грудь, она отбивает мою руку. — Но ты не можешь сказать ничего такого, что заставило бы меня ненавидеть себя больше, чем сейчас. Так что да. Это моя вина. И да, я была частью этого, одной из них, но я была ребёнком, Марго! Мне не нужно ничьё прощение. Всё, что я делала, с тех пор как Дез вытащил меня из этого кошмара, это пыталась исправить то, кем я стала и что я наделала. Я пытаюсь использовать это на благо! Дай мне хотя бы рассказать, что я узнала.

Она делает шаг ко мне, и я отступаю назад, но она не пытается напасть на меня. Наоборот, она развязывает мне руки. Пряжка с лязгом ударяется о пол. Марго вновь возобновляет свои метания по камере, на каждом круге останавливаясь у решётки узкого окошка на двери, в которую просовывала руку и пыталась подобрать случайный код.

— Шанс один на миллион, — говорю я.

— Но всё ещё есть.

— Зачем ты пришла сюда, Марго? И где остальные?

Марго отпускает замок и садится на холодный пол. Она дрожит и трёт ладони друг о друга, чтобы согреться.

— Остальные ждут меня там, в столице. После того как мы попрощались с тобой, мы направились в убежище в городке Галисии и оставались там, пока не разработали план.

— Почему вы не вернулись в Анжелес?

Она закатывает глаза, и я вздрагиваю, вновь обращая внимание на её потемневший опухший глаз.

— Потому что после... после того, что случилось, проверок на мостах стало больше, а проездные пошлины увеличились вдвое. Нам нужно было залечь на дно, но мы не были одни.

— А кто был с вами?

— Половина — шепчущие. В основном, мусорщики и повара. Через неделю они отправились ночью назад в Анжелес. Эстебан хотел пойти с ними, чтобы помочь навести порядок, но у нас осталось незаконченное дело здесь.

— Что значит «навести порядок»? — у меня в груди всё сжимается, предчувствуя её ответ.

— Иллан сломлен. Чахнет в своей постели. Если бы ты увидела его, то не узнала. Он как будто потерял волю к жизни. Что бы мы ни говорили, ни делали, это не помогает. Он почти всё время пьёт бульон, потом вспоминает, и выпивает ещё бутылку агуардиенте, пока не вырубается, бормоча всякий бред. Он думает, что без Деза всё потеряно.

Мы замолкаем. Невысказанное повисает в воздухе тяжёлым грузом, и я тоже опускаюсь на пол. Холод просачивается сквозь мои чулки, и я скидываю туфли. Если мы выберемся отсюда, их можно будет выгодно продать, даже такие грязные.

— Без Деза... Все как будто потеряли надежду. С того дня только один корабль с беженцами удалось отправить в Лузо. Никто не знает, что делать. Куда бежать. Все наши базы под угрозой раскрытия. Многие дома, ранее предоставлявшие нам убежища, больше не пускают нас из-за памфлетов, выпущенных Правосудием. На них изображён Дез, лицо которого перечёркнуто красным крестом, и заголовок: «Лидер мятежников мёртв». Они так быстро распространились, что Иллан прознал об этом таким образом, ещё до того, как мы успели добраться до него и сообщить лично.

Я пытаюсь представить Иллана той ночью в лесу, ещё до того, как всё пошло наперекосяк. Волнение на его морщинистом лице. Какой хитрый был план найти оружие, контролирующее мориа под угрозой лишения нас магии. Я думаю о том, что было бы, если бы мне попала та листовка. Увидеть на рисунке, так напоминающем его сына, закрашенном возможно даже кровью. Статный, красивый парень, который мог очаровать звёзды, чтобы они засияли среди бела дня, если бы захотел. Мёртвый парень.

«Ты родилась такой убийственно серьёзной», — сказал мне Дез, и я не знаю, почему из всего, что он мне когда-либо говорил, именно эти слова вновь и вновь повторяются в моей голове, когда я меньше всего этого жду.

Смотрю на свои руки, одна из которых в перчатке, а другая — без, и шрамов на ней как будто бы стало ещё больше. Эти руки украли жизни сотен людей, даже моих собственных родителей, но оказались бессильны против Кастиана. Как это возможно?

— Как они могут сдаться? — спрашиваю я. — Иллан сам отправил нас на миссию за альманом Селесты. Без него мы бы даже не знали, что оружие действительно существует!

— Все каналы мориа перекрыты жёсткими мерами, — говорит Марго. — Скрывающиеся мориа продолжают скрываться. Ничего не поделать — король и Правосудие отправили отряды стражников во все порты. Даже если бы мы хотели уплыть в Лузо или попытаться счастья в замороженных Айслендах, мы бы не смогли. Все судна обыскиваются сверху до низу. Даже корабль императрицы. Нас гонят по всему миру, а теперь нам даже до моря не добраться.

Я никогда не слышала её такой подавленной, но знаю, что ей нужно выговориться. Когда я была в таком настроении, никакие слова не смогли бы мне помочь. После продолжительной паузы, я набираюсь смелости заговорить.

— Я не сдалась, Марго. И ты не должна.

— Я думала об этом. Там, на рынке, — говорит Марго. — мы видели, как арестовали торговца оливками. Он просто отдыхал на своей телеге на углу улицы, а его схватили. Я смотрела, как он молит о пощаде, но стражники просто отбарабанили стандартные слова. Их цель другая. Посеять панику. Мне всё это напомнило Королевский Гнев. Всю свою жизнь я провела в борьбе, но единственный раз, когда я чувствовала себя беспомощной, был когда убили мою семью.

— Как ты проникла во дворец?

Её твёрдый взгляд меня нервирует.

— Неделю назад один из осведомителей Иллана отправил сообщение, что на фестивале хотят организовать кое-что новенькое.

— Ты всегда прекрасно танцевала, — всё во мне болит от усталости, но я всё ещё помню, какой красивой она была в ярко-красном платье на фестивале, даже если её настоящее лицо было скрыто иллюзией. — Ты знала осведомителя?

— И да, и нет, — Марго встряхивает головой. — Это был Сорока, хотя связь осуществлялась только по переписке, где говорилось, куда идти и какие песни предпочитает король.

Сорока должен был помочь Дезу сбежать. Некто с доступом к принцу, к тайным ходам подземелий, к двору и к королю. У неё есть свобода приходить и уходить из дворца. В моей памяти всплывают слова: «Мой дражайший супруг как-то обронил в разговоре...» Я втягиваю воздух от пришедшей в голову догадки.

— Что такое?

— Я провела здесь несколько недель, но только сейчас поняла, кто был Сорокой.

Марго вскидывает бровь.

— Ну, они знали про тебя. Просили нас прийти тебе на помощь.

— Что? — слёзы набегают на глаза. Она знала всё это время. Мне так стыдно, что я её недооценила.

— Не называй мне имени. Я не могу обещать, что не выдам его ни при каких обстоятельствах.

Она говорит о пытках. Но я уверена, что Марго бы ни за что не раскрыла имя шпиона. Но всё же я сохраню секрет Нурии.

— Это было рискованно. Использовать мою магию, — продолжает Марго, перебирая грязное сено. — Но на мне иллюзии всегда держались лучше, чем на других.

— Это было безрассудно, — говорю ей. Дезу бы понравилось.

— Это всё, что я могла сделать, чтобы покончить со всем этим. С тем человеком, ответственным за смерти тысяч. Вся его семья разрушала наши дома, лишая нас всего. Почему он должен жить? — она с обвинением указывает пальцем на меня, её голос становится всё громче и резче. — Почему ты спасла его?!

— Потому что любое твоё действие отразилось бы на мориа в десятикратном размере. Так было бы хуже для всех. Оружие пустили бы в действие до того, как я смогла бы его найти. Нас учили мыслить шире, Марго.

Марго откидывается назад. Она снова дрожит. Мне остаётся только гадать, что такого с ней произошло, что она стала столь опрометчивой. Действует, не подумав.

— И как же ты оказалась здесь, если ты стала мориа-героиней, спасшей короля? — раздражённо спрашивает она.

— Напала на принца Кастиана. После того, как Деза казнили...

— Убили.

— После этого один узник отдал мне своё воспоминание. Принц запугивал Деза тем, что было в шкатулке. Я думала, там оружие...

— Ты нашла его?

Я стону от разочарования.

— Если бы. Меня бы тогда здесь с тобой не было.

Вспоминаю то, что выбило меня из колеи. Я пыталась украсть воспоминания Кастиана. Я чувствовала, как его мысли передались в мой разум, а потом пустота. Я не смогла пробить его стену. Как ему это удалось? Я дрожу от холода и злости на то, как Кастиан назвал меня по имени. Нати. Откуда он узнал?

— Наверное, тяжело сосредоточиться на поиске оружия, пока ты живёшь в окружении роскоши.

Я встречаюсь с ней взглядом.

— Ты серьёзно? Я ела, купалась и улыбалась человеку, лишившему меня семьи, когда я была ребёнком. Я пролила кровь за короля, убившего моих родителей. Ты бы так смогла?

Она отворачивается, но я не готова это так оставить.

— Отвечай, Марго!

— Забей, Рената, — она рычит и скалится, как волчица.

— Ты всегда меня ненавидела. Уж не знаю, было ли это из-за того, кто я есть, или потому что Дез взял меня в отряд, несмотря на твои возражения.

Она хватается ком грязи и бросает в меня.

— Ты так мелко об мне думаешь? Что я ненавидела тебя из-за решения Деза? Дез был главой отряда. Самым смелым из всех нас. А ты слаба, Рената. Вечно зациклена на своём прошлом, буквально живёшь в нём и не замечаешь людей вокруг. Вот почему я тебя ненавидела.

Я дышу часто и тяжело, хочу её ударить, но её слова как будто пригвоздили меня к полу.

— Ты плевала на чувства Саиды, каждый раз предпочитая одиночество любому из нас.

— Шепчущие не любили меня, о чём ты не забывала напоминать каждый день, — отвечаю, поднимаясь на колени, вынуждая её смотреть на меня.

Её голос резкий, срывающийся.

— Иллан устраивал разнос каждому, кто тебя обижал. Даже разделил отряды, чтобы тебе было лучше. Меня бесило, что ты ведёшь себя так, будто судьба всего мира на твоих плечах и ты должна нести это бремя в одиночку, а мы все там просто для того, чтобы помучить тебя. Именно ты должна была достать альман и только ты могла найти оружие, как же. Ты хоть на секунду задумывалась, что если бы ты нам доверяла, мы бы могли помочь? Но нет. Дез мёртв. А ты должна была быть на той плахе. Не он. Ты, Рената.

Мне хочется врезать ей. Орать на неё до посинения. Ударить стену, потому что она не ударит в ответ, но мне всё равно будет больно. Я хочу сказать, что тоже больше всего на свете хотела бы поменяться местами с Дезом, но в этот момент в коридоре раздаются шаги. В этой части подземелий узников не навещают. А меня каким-то образом угораздило попасть сюда дважды.

Мы тут же прекращаем ругаться и ждём, когда стражник подойдёт к двери. Мы используем наши старые отрядные жесты, потому нам всё ещё нужно выжить.

Марго прижимает палец к губам и показывает на дальнюю стену, куда я и перемещаюсь, чтобы мы заняли всё пространство камеры. Если стражник один, то мы можем его одолеть. Я хочу сказать, что мы попадали и не в такие передряги, но это дворцовые темницы. В списке самых ужасных мест, где только можно оказаться, они на втором месте. На первом — тюрьма Соледада.

Шаги слышатся всё ближе, и через маленькое прямоугольное окошко на двери мы замечаем фигуру в плаще. Я вжимаюсь в стену, ожидая услышать вращение колёсиков цилиндрического замка, но они так и не звучат. Вместо этого, прямоугольная панель на двери отодвигается в сторону и нам проталкивают какой-то свёрток. Он падает на пол, а панель вновь закрывается, и человек в плаще идёт дальше по коридору. Я подбегаю к двери, хватаясь за решётки. Мне приходит на ум только один человек, который мог бы попытаться мне помочь.

— Лео? — кричу я. Шаги останавливаются на секунду. Я собираюсь окликнуть его ещё раз, но он продолжает идти.

— Что это? — спрашивает Марго, пиная свёрток.

Я развязываю узелок и открываю. Я слышала об оружии, созданном королевскими алхимиками, которое, по слухам,

самовозгорается, но я сомневаюсь, что король решил убить нас таким образом. Нет, ему ведь как раз не хватает иллюзюнари и робари для Руки Мориа. Слишком уж велик соблазн дополнить свою коллекцию, подчинить нас для своих нужд.

— Это еда, — говорю я.

Из живота Марго доносится урчание.

Я раскладываю наш обед на плотной ткани — ломоть всё ещё тёплого хлеба, небольшая головка козьего сыра, тонкие ломтики вяленого мяса, гроздь тёмно-фиолетового винограда и баночка с мёдом.

— Ешь, — говорю ей. Она не двигается. Её ладони упрямо сжаты в кулаки, но мы обе хорошо знаем, что такое голод, и неважно, откуда взялась еда, она не может воротить нос от неё.

Я беру пару виноградин и горбушку хлеба. У меня нет аппетита, но мне нужно чем-то набить живот. Помню, были миссии, когда мы не знали, скоро ли ещё нам удастся поесть в следующий раз. Сборщики пошлин иногда забирали всю нашу еду на проходных пунктах.

Когда мы всё съели, она трясёт банку с мёдом, вытряхивая остатки на язык. Она встряхивает ткань, но еды больше не осталось. Как вдруг что-то металлическое падает на пол.

Она поднимает небольшой ножик, улыбаясь:

— И обед, и оружие.

На короткое мгновение я гадаю, собирается ли она использовать его против меня. На её месте моё искушение было бы велико. Хоть я и не персуари, но чувствую, сколь глубока её ненависть ко мне.

Она убирает клинок в потайной карман её платья.

— Похоже, твой Сорока имеет большое влияние во дворце, Рен.

Даже Нурия не рискнула бы спуститься сюда за мной.

— Нет, я думаю, это был мой помощник, Лео. Он всегда был добр ко мне. Раньше я не знала, можно ли ему доверять, ведь он служит судьё Мендесу, но теперь я уверена.

— Ну, может, ему это поручили. Завоевать твоё доверие.

— Всё может быть, — заставляю себя подняться. — Но зачем тогда нож?

Мои ноги сводит от холода. Чтобы согреться я хожу по камере, рассказывая Марго о жизни во дворце и поисках оружия. Оно должно

быть всё ещё у принца. Но мы не можем продолжить борьбу, оставаясь в темнице.

— Мендес не сможет долго оставаться в стороне.

Я знаю его. Он обязательно попытается преподать мне урок.

— Мендес, — медленно говорит Марго. — Он причинял тебе вред... прежде?

Я качаю головой.

— Он всегда хорошо со мной обращался. Так он обратил меня на свою сторону, когда я была ребёнком, и он по-прежнему считает, что я не изменилась. Но я клянусь, Марго, я вытащу тебя отсюда, даже если мне придётся оставить за собой гору пустышек. Я обещала себе, что не стану монстром. Но если они хотят меня видеть только такой, то я дам им то, что они просят.

— Мы все для них просто монстры, разве нет? — спрашивает Марго, и я понимаю, что мы впервые говорили так долго, не поругавшись. — Мир?

Было бы мило, если бы это не происходило в темнице.

— Мир.

В скором времени мои силы совсем иссякают в этой сырой холодной камере, и мы обе ложимся на койку. Ткань дырявая, и сено с комками грязи вываливаются изнутри, но это всё равно лучше, чем на полу. Я пытаюсь не спать, но через мгновение уже погружаюсь в темноту.

***

Едва проснувшись, я тут подскакиваю на ноги.

— Марго! — кричу я, но её ответ заглушен кляпом во рту. Цепи лязгают, пока она пытается вырваться.

Некто затыкает мой рот грязной тряпкой и накрывает голову чёрной тканью. Я задыхаюсь от вони. Пытаюсь махать кулаками и пинаться, но стражник слишком силен. Они надевают на мою руку мужскую перчатку и защёлкивают кандалы на запястьях.

Кровь стучит у меня в ушах, предупреждая о чём-то, что я всё равно не смогу учесть. Слишком поздно. Так всё и кончится, да? В темноте. Вечной, непроглядной тьме.

— Посадите её здесь, — голос судьи Мендеса резкий и холодный. — А вторую — там.

Стражник толкает меня на стул и привязывает ноги к деревянным ножкам. Я кладу закованные ладони на колени. Я чувствую запах плесени и гнили. Вполне вероятно, что кто-то умер с этим мешком на голове.

— Закрой свой рот! — кричит незнакомый мне стражник. Какой-то скользкий звук, и Марго издаёт приглушённый вопль. Я видела, как Марго проходила и через худшее, но никогда не плакала. А сейчас я слышу хныканье, которое пронзает моё сердце. Я мотаю головой, выплёвывая ткань.

— Отпустите её, — прошу я, пытаюсь не задохнуться от зловония. — Это я вас обманула.

— Я до тебя ещё дойду, Рената, — голос Мендеса звучит прямо передо мной. Даже с мешком на голове я чувствую его холодное дыхание. — Но пока я великодушно предоставляю тебе выбор, кто из твоих друзей-мятежников умрёт первым.

Ткань срывают с моей головы. Пот застилает мне глаза, и волосы свисают перед лицом. Но я замечаю членов своего отряда.

Саида и Эстебан прикованы к стене рядом с Марго. Теперь я понимаю, что хныкала не Марго. Это была Саида. Эстебан закипает от гнева, стиснув кляп в зубах. Из меня вырывается вопль, когда я вижу его раны. Кровь запеклась на его подбородке. Один его глаз распух и не открывается. Второй скользит от меня к Мендесу, и я вижу, как его злость превращается в ненависть.

— Это было умно с твоей стороны, — говорит Мендес, глядя на меня. — Ранить себя, чтобы спасти короля. Когда ты вернулась, я так хотел верить, что ты моя Рен и что ты сама пришла ко мне. Я позволил тебе разгуливать по дворцу в надежде, что ты выведешь нас на шпиона. Но осведомитель Иллана не доверял тебе настолько, чтобы раскрыть себя. Ты всегда была одинока.

Он подходит ко мне, и от каждого шага внутри меня всё скручивается. Я отворачиваю голову в сторону и прикусываю язык.

— Я разочарован, Рен. Мы ещё поработаем над тобой. А сейчас, я хочу узнать, как тебе удалось провести своих дружков во дворец, — он хватает меня за подбородок, впившись пальцами в челюсть.

Я плюю на него, и он отпускает меня, ударив по щеке.

— Ты могла бы вершить великие дела, Рената. Было глупо с моей стороны верить, что ты могла полностью вернуться ко мне. Ты

повреждённая оболочка той девочки, что была когда-то. Ты никогда не станешь одной из них, что бы они ни говорили. Они никогда не будут тебе доверять.

— Ты заковал меня, — выдавливаю я.

— А что сделали шепчущие? Ты сама рассказывала мне об их жестокости. И вентари подтвердил твои слова. Похоже, ты просто переходишь из одной тюрьмы в другую. По крайней мере, здесь ты знаешь, что тебя ждёт. Сила. Преданность.

Голос Кастиана врывается в мои мысли: «Шепчущие хорошо научили тебя драться». Не до него сейчас.

— Не делай вид, что тебе не плевать на меня, — бросаю я Мендесу.

Его серые глаза увлажняются, но он часто моргает, сдерживая себя. Он чётко проговаривает каждое своё слово:

— Я защищал тебя, когда ты жила здесь. Ты ни в чём не нуждалась. Помнишь, как ты кричала, когда они забрали тебя у меня? Помнишь, как ты плакала и звала меня?

Мои воспоминания вырываются из Серости, краски заполняют пустоту, и я чувствую, как слёзы жгут мои глаза.

Маленькую девочку, потерявшуюся в лесу, поднимает на руки незнакомая женщина и уносит прочь.

— *Пустите! Я не хочу с вами! Папа!*

Я была той девочкой.

— Помню.

Его черты смягчаются, он заботливо проводит пальцами по моей щеке. Но серые глаза как айсберги.

— И всё же ты выбрала их. Ты ранила меня в самое сердце, Рената, — его выдержка испаряется, и я подсакиваю на месте, когда он в гневе хлопает по столу. — Ты предала меня! После всего, что я сделал для тебя. Я дал тебе дом, дважды.

Я кручу запястьями, но кандалы слишком надёжные.

— Ты дал дом орудию. Это всё, чем я когда-либо была для...

— И чем, по-твоему, ты была для шепчущих? — он усмехается, убирая растрепавшиеся волосы со своего лица. — Ты родилась орудием, Рената. Скажешь, что шепчущие считали тебя чем-то большим? Скажешь, что ты считала домом любое место, где они решали остановиться на ночь?

Я смотрю в глаза Марго. Думаю о её словах. Что именно я отказывалась от их дружбы. В этом была доля правды, но есть и моя собственная правда. Я не хочу ранить никого больше. Единственное место, которое я считала домом, было рядом с моими родителями. И с Дезом. Только ради этого стоило бороться.

— Отпусти их, — говорю. — Я буду твоим орудием, но отпусти их.

— Как благородно, но я думал, что чётко дал понять, чего я от тебя хочу. Выбирай, кто из них первым умрёт, Лина!

Лина? Всё, что он сказал до этого, вылетает из головы от этого имени. Я сбита с толку. С лица Мендеса сходят все краски, и его кулаки сжимаются, он переводит дыхание, как будто призрака увидел. Он резко отводит взгляд и поворачивается к маленькому деревянному столу у стены, разворачивая кожаный рулон, в котором лежат ножи и щипцы всех форм и размеров. Он выбирает скальпель с зубчатым лезвием. Мендес питает слабость к красивым вещам. Смертельно опасным вещам.

— Давай сюда девчонку, — говорит он стражнице. — Парень сломался слишком быстро.

Эстебан вздрагивает, я вижу, какие усилия он прилагает, чтобы не издать ни звука. Стражница так тихо стояла в углу, что чуть ли не сливалась с мебелью. Она прочищает горло и спрашивает:

— Которую, ваша честь?

— Захарианку с тёмными волосами. Вторая и часа не выдержит, судя по её виду, — он полирует лезвие и опускает его на стол. Берёт другое, с закругленным остриём и поднимает вверх, свет отражается в нём, скользя по комнате.

— Возьми меня вместо них, — молю его.

— Оставьте нас, — говорит Мендес стражникам.

— Но, Ваша честь, четверо на одного, — говорит мужчина.

— Они не могут использовать свою проклятую магию на мне, — говорит Мендес, и я задумываюсь, может ли у него быть та же защита, что и у принца Кастиана.

Когда стражники уходят, я осматриваю комнату на возможность побега. Мои руки закованы, что значительно всё усложняет. Если бы только у меня был...

Клинок.

Когда Мендес обращает всё своё внимание на Саиду на длинном деревянном столе, я тянусь к своей голове и вытаскиваю одну из шпилек, всё ещё зарытых в моих волосах. «Спасибо тебе, Лео», — мысленно благодарю его. Я зажимаю шпильку между двумя подушечками пальцев и направляю в замок. Я никогда не была так хороша в освобождении от оков, как Эстебан. Даже сейчас в его распахнутых глазах читается, что он мог бы это сделать гораздо лучше. Марго и Эстебан пытаются вырваться, кричат и гремят цепями, всячески отвлекая внимание Мендеса.

— До вас ещё дойдёт очередь, — говорит тот, указывая ещё одним блестящим ножом на Марго. — Ты сделала из меня глупца и лжеца в глазах короля, Рената. Этот избалованный недоносок-принц только и ждал возможности раздавить меня, и ты её ему предоставила.

Я вспоминаю, как Кастиан солгал ему после танца со мной. Как он что-то выговаривал Мендесу на балу. Гордых людей легко задеть. Это открытая рана, на которую я могу надавить.

— Знаешь, как принц Кастиан называет тебя за спиной? Слабаком, бесполезным мусором, исчерпавшим свои возможности, — лгу я.

Мендес резко поворачивает голову ко мне, и я замираю неподвижно. Кривая улыбка появляется на его лице.

— Я знаю тебя лучше, чем ты сама, Рената. Принц бы никогда не доверился тебе.

— Откуда такая уверенность? Он искал меня. Он хотел потанцевать со мной. Боишься, что тебя сместят? Что ж, тебе стоит бояться большего, когда Кастиан покончит с тобой.

Мендес опускает пальцы на стол с оружием. Он выбирает длинный, тонкий шип и в пару ему маленький молоточек. Моё сердце застревает в горле, не давая дышать.

— Используй лекарство на мне! — молю, как последний довод. — Я знаю, что оно делает. Используй его на мне, и отпусти её.

— Лекарство? Во имя ангелов, Рената, зачем, по-твоему, я уезжал? Лекарство должно быть защищено лучше, чем слабаком-принцем и новобранцами, у которых ещё усы расти не начали. Но если ты так этого хочешь, то уверяю тебя, ты лично его испытаешь.

— Что? — моё сердце падает. Я и не могла найти оружие во дворце. Но надежда ещё есть. Она всегда есть. Мендес не сказал бы

мне, куда он ездил, но Нурия выдала его. Оружие находится в Соледаде.

— Ты не единственная мориа, которую я сломал, Рената. Мы теперь знаем, как пройти ваши горы. Скоро всё королевство увидит, как Мемория падёт к его ногам.

Марго и Эстебан вскидывают головы.

Шепчущие живут за горами. Дети, старейшины, все, кто остались.

Мендес вытаскивает повязку изо рта Саиды и опускает вниз.

— Это для твоего же блага, дитя.

— Тебе не нужно этого делать, — говорит Саида, и от грусти в её голосе моё сердце разрывается от боли. — В тебе есть что-то хорошее. Ты не всегда был таким.

«Используй свой дар, Саида», — мысленно приказываю ей. Если только она уже не делает это, но в нём не осталось ни капли доброты, на которой можно было бы сыграть. Но она должна быть. Иначе почему он был так добр ко мне? Ко мне... Не к другим мориа.

Мендес приставляет шип к её предплечью, поднимая молоток.

— Знаю, ты хочешь так думать, но твоя магия не сработает на мне.

Он бьёт молотком по металлическому шипу, и тот вонзается в руку Саиды. Кровь брызгает на её щеку и его лицо. Её крик пронзает глубины моей души, эхом звучит в голове. Саида, от одной улыбки которой распускались цветы. Саида, чьё прикосновение могло успокоить даже самую беспокойную душу. Соловей шепчущих.

— Стой! Пожалуйста, хватит! — ору я. Мои ладони так вспотели, что я роняю шпильку. Нужно собраться. Я должна освободиться до того, как он сделает с ней что-то ещё.

Мгновения тишины, пока Мендес выбирает следующий шип. Саида отвернула голову в сторону. Её тело сотрясают всхлипы, пока она пытается изо всех сил оставаться тихой. Хотела бы я забрать её боль себе.

— А теперь, дорогая, — говорит Мендес Саиде, и я не могу представить, как кто-то может быть таким спокойным, пытая другого, — скажи мне, кто ещё во дворце подчиняется Иллану?

Саида мотает головой.

— Мы действовали в одиночку.

— Уверена? — Мендес намечает место для второго шипа на другой руке Саиды, и единственный всхлип срывается с её губ. — Мы можем сэкономить кучу времени, если ты просто скажешь правду. Мне нужен список всех шпионов и союзников Иллана. Все убежища, которые вы мне выдали, были пустыми.

— Мы не знаем, кто шпионы Иллана! — кричу я, хотя в моих мыслях вертится: «Нурия, Нурия, Нурия». Потому что больше всего на свете я хочу, чтобы он прекратил. — Он никогда не говорил нам. Не хотел ставить их под удар. Но тебе ведь всё равно, правда? Саида может выкрикнуть любое имя, хоть самого Кастиана, чтобы ты остановился.

Он бьёт молотком, и в этот раз вопль Саиды такой громкий, что эхо остаётся, даже когда она замолкает. Всё моё тело горит. Магия обжигает плоть сильнее, чем когда-либо прежде. Я чувствую свечение, бегущее узорами по коже, пока металл вокруг моих запястий становится всё горячее и горячее, ткань плавится и спадает. Мой крик сливается с криком Саиды.

Я чувствую силу, прожигающую мою кожу. Боль становится невыносимой. Я, как могу, стараюсь развести руки. Алые завитки разрывают мою плоть. Вдруг я чувствую, что кандалы сломались.

Замираю в шоке. Что я только что сделала? Я смотрю вниз на лохмотья платья, платина всё ещё переливается при тусклом свете. Куски ткани прилипают к моей дрожащей коже. Это что-то новенькое. Что-то опасное.

Я аккуратно сбрасываю кандалы, чтобы не издать ни звука. Дрожащими руками развязываю верёвки на своих ногах, но оковы соскальзывают и звякают о каменный пол. Мендес тут же поворачивается ко мне.

— Что ты?.. — он бросается на меня, но уже слишком поздно. Я освободилась. Он замахивается молотком, но я уклоняюсь. Падаю на пол, хватаю стул, швыряю в него. Он взывает, когда деревяшка попадает в его плечо, и молоток выскальзывает из его рук, ударяясь о пол.

— Стража! — кричит он, но через секунду его глаза распахиваются, и мы оба понимаем, какую ошибку он совершил, отослав их прочь. Даже стражникам не нравится слоняться поблизости и слушать крики.

— Я убью тебя, — говорю ему. Моё сердце искалечено, изувечено, изуродовано, и я хочу обвинить его в этом, и я виню.

— Твоя магия на мне не сработает, — но даже говоря это, он замечает платину на моей юбке, и в его глазах сверкает сомнение, он отшатывается назад.

Я та, кого все боятся. Творение теней, предупреждение, застывшее на губах всего двора и королевства.

— Ты никогда не будешь свободна, Рената. Не с этим проклятьем.

— Я уже давно не ищу свободы, — говорю, магия наполняет мои пальцы. — Знаешь, чего я сейчас хочу?

— Чего? — оглядывается он через плечо, но там только стена. До инструментов не дотянуться, да он и не боец. Никогда им не был.

— Хочу быть шепчущей, что заставит тебя замолчать навсегда, — говорю я, приставляя обнажённую руку к его горлу. Кровь ударяет мне в голову, я так взволнована от этого прикосновения, но через секунду он валит меня на пол, придавливая всем своим весом. Я пытаюсь удержать хватку, его кожа скользкая от пота и крови. Я не могу дышать, пока он давит коленом меж моих рёбер. Я хватаю его за руку, готовая драться грязно. Кусаю со всей силы, разрывая зубами кожу, чувствую вкус его крови. Он взывает и пытается отползти назад, как краб по отмели.

Я хватаю его за руку, и это ощущение возвращается. Моя сила оживает, завитки по всей кисти до запястья светятся. Жар моей кожи плавит всё, что осталось от шёлка.

— Моя Рен, — хнычет Мендес.

Моё тело содрогается от каждого тяжёлого вздоха. Я хочу вырвать всю свою жалость к нему. Смотрю на Саиду и понимаю, что я должна сделать. Он вопит, когда моя рука хватается его лицо. Мои ладони сдавливают его челюсть, и я продолжаю удерживать, сила проносится под моей кожей, находя свой путь в его разум. Мои пальцы светятся ярко, как никогда прежде. Я копаю глубже и глубже, вытаскивая одно воспоминание за другим. Они мелькают передо мной.

Молодой парень стоит в пустом соборе и смотрит на статую Отца миров.

Мендес участвует в своей первой войне, ещё до Королевского Гнева.

Мендес держит безжизненное тело женщины в своих руках.

Мендес бежит по двору, вытягивая руки к маленькой девочке с тёмными волосами. «Лина!» — кричит он. Её глаза чёрные, как ночь, со смешинками, отзывающимися в его сердце.

Мендес рыдает над гробом, таким маленьким, что судья несёт его в собственных руках. «Лина больше никогда не...» — думает он. — «Лина больше никогда...»

Мендес берёт за руку другую девочку. «Рената», — обращается он к ней.

Следующие воспоминания передаются слишком быстро, выходя из-под контроля. Тёмная пелена застилает мне глаза, пока всё не становится серым, а затем погружается в непроглядную, беспросветную тьму.

Разрывая связь, я отталкиваю Мендеса от себя. Он лежит абсолютно неподвижно.

Его тело ещё живо. Так оно бывает поначалу. Пустая оболочка. Постепенно он будет погружаться в глубокий сон и больше никогда не проснётся. Тело будет голодать, пока сердце не остановится.

Его серые глаза уставились в потолок. Я закрываю свои, чувствуя покалывание на затылке, — последствия того, что было украдено так много воспоминаний за раз. Я долго смотрю на него. Он медленно моргает, рот слегка приоткрыт.

Судьба хуже смерти. Каждое воспоминание. Каждая мысль. И новых не будет. Его имя вселяло страх в каждого человека в Пуэрто-Леонеса, будь он мориа или нет. Когда-то он был во главе Королевского Гнева и Руки Справедливости. Когда-то он был моим похитителем.

А теперь он пустышка.

Глава 26

Никто из нас не смотрит на Мендеса, лежащего на стуле.

То, что от него осталось.

Я сделала это с ним.

Мендес возвращается домой с войны. Он пытается смыть кровь с рук, но не получается. «Рарá!» — зовёт его маленькая девочка.

Я втягиваю воздух, вырываясь из воспоминания. Она была похожа на меня, но я слышала, как он её назвал. Лина. Поэтому он по-своему

заботился обо мне? Хочется кричать и рыдать. Выкинуть его воспоминания из головы, вернуть на место.

— Мне нужно что-нибудь, чем можно перевязать рану, — взволнованно говорит Марго. Её дрожащие пальцы все в крови, пока она пытается помочь Саиде. Эстебан стоит у двери на стрёме.

— Как они вас вычислили? — спрашиваю его, отскрёбывая с кожи прилипшую ткань перчаток.

Эстебан выглядывает за дверь, убеждаясь, что стражников там нет. Он тянется в свой карман за тонкой флягой и снимает крышку.

— Устроили засаду. После того, как Марго схватили, мы с Саидой скрывались в погребе одной таверны. Кухонный слуга увидел нас и позвал стражников. Они сначала подумали, что мы воры, но на мне был металл, на случай если рядом окажутся другие вентари. Нас привели к Мендесу, и тот использовал на нас вентари, — он смеётся над ироничностью ситуации. — На мне.

— Вы должны были покинуть столицу без меня, — ворчит Марго.

Самое удивительное, что Саида, даже трясась от боли, находит в себе силы улыбнуться:

— И пропустить воссоединение?

— Прости, что я так долго, — говорю ей, приглаживая её спутанные волосы.

— Не время для самобичевания, Рен, — Саида садится и вздрагивает, прижимая руки к груди, — Мендес не лгал. Они знают, как пройти горы.

— Нам нужно к старейшинам.

— Нам нужно в Соледад.

Мы с Марго выпаливаем одновременно.

Мы пронзаем друг друга взглядами, но Эстебан примирительно поднимает руки:

— Сначала нам бы выбраться отсюда.

— Мне нужно больше ткани, чтобы наложить повязку, — говорит Марго. Она осматривается и задерживает взгляд на пустышке-Мендесе, который сидит на стуле несвязанный, неподвижный, не реагирующий ни на что. Она развязывает его шейный платок и обвязывает вокруг руки Саиды. — Вот так. А что нам делать с ним?

— Я раньше не видал пустышек, — говорит Эстебан, и я улавливаю страх в его голосе. Он стоит перед Мендесом. Перед

человеком, причинившим столько боли и страданий другим. Человеком, который забрал меня у семьи и строил из себя спасителя. Тот, кто разрушил мою жизнь, теперь живой труп.

— Это было даже как-то милосердно по отношению к нему, вам так не кажется? — спрашивает Эстебан.

Кто я такая, чтобы решать?

— Надо выбираться, пока стражники не решили зайти проверить, — говорит Марго, забирая ножи Мендеса. Маленький кинжал с рукояткой из слоновой кости отправляется в её сапог. Клинок поменьше ромбовидной формы со звездой на железной рукояти остаётся в руке.

Я закрываю глаза, пытаюсь сдержать разламывающуюся Серость. Так много воспоминаний наполняют мой разум, что я уже не могу отделить свои от чужих. Но я знаю, что там есть кое-что важное. Что-то, что мне нужно вспомнить. Что-то об оружии. Запах солёного воздуха, шум волн...

— С тобой всё в порядке? — спрашивает меня Саида.

— Я пытаюсь разобраться в его воспоминаниях. Он видел оружие.

— Давайте сначала покинем дворец, — говорит Марго. — Пока твой разум не разорвался.

Она права, мне нужно взять себя в руки так, чтобы суметь сбежать. Смотрю на свои ладони. Кожа красная, железные кандалы оставили следы на запястьях. Я снимаю разорванные перчатки.

— Захватите монет. Мы можем подкупить сборщика пошлин на пути в Анжелес, — предлагает Эстебан.

Я помогаю пустышке-Мендесу встать на ноги. Смотрю в его глаза цвета штормового неба. Расфокусированные. Пустые. «Лина больше никогда...» — шепчет он.

— Рен?

Я накидываю на него капюшон его мантии, натягивая до глаз.

— Идём.

***

Глядя на то, как Мендес идёт передо мной, я клянусь себе, что обязательно испуплю свою вину. Обещаю Госпоже. А пока я давлю на пустышку между лопаток, чтобы он продолжал идти.

— Это как толкать тележку, — ворчит Эстебан, идущий на пару шагов позади.

Саида шикает, чтобы мы замолчать, но даже этот звук откликается эхом.

Мне приходится держать Мендеса за руку, помогая ему не падать. Впервые я добровольно создала пустышку. Когда я была ребёнком во дворце, то уже не видела, что было с ними после. Я нервно выдыхаю, продолжая вести его.

Напоминаю себе, что он убил сотни, может даже тысячи людей в этих подземельях. Что он бы убил и меня. Саиду. Моих друзей. Тогда почему, когда я вижу его таким, моё сердце как будто раздавлено? Быть может, когда я забираю у других всё, они забирают часть меня.

— Рен, — говорит Саида. — Здесь тупик.

Как будто мало того, что нам некуда пойти, мы слышим эхо приближающихся шагов.

— Здесь должен быть выход, — шепчу я. — Я видела. Дез был здесь однажды и...

— И так и не смог сбежать, — Марго достаёт украденные ножи. — Поздно. Нам придётся драться за возможность выбраться.

Тёмный силуэт появляется у подножия лестницы. Мы попались. Но вдруг я понимаю, кто это.

— Марго, стой!

Лео откидывает капюшон, его зелёные глаза похожи на кошачьи в свете факелов. Он, как обычно, приветливо улыбается, когда говорит:

— Только не в лицо.

— Ты! — говорит Марго, опуская нож. Она отмечает плащ, такой же, как мы видели до этого. — Это ты принёс нам еду.

— Я убедился... — начинает он говорит, но прерывается, когда я кидаюсь ему на шею. Он отшатывается, застигнутый врасплох, хотя я удивлена не меньше. Это был случайный порыв, которого я ждала всю жизнь. Он пытается усмехнуться, как будто это ещё один обычный день во дворце, и мы просто готовимся к обеду или собираемся пойти к прачкам, но это не так. Так больше никогда не будет.

— Я переживала за тебя, — шепчу ему.

Его руки мягко касаются моей спины, и мы прерываем объятия.

— Я тоже. Весь дворец обеспокоен безопасностью принца. Король думает, что тобой занимается Мендес, но это не надолго, — он замечает судью, его состояние, и в его глазах загорается вопрос. Мне

кажется, что он сейчас отпрянет от меня. Ожидаю увидеть отвращение и ужас на его лице. Но вместо этого я вижу понимание.

— Похоже, вы тут время зря не теряли. Я собирался провести вас к служебному выходу, но это было бы слишком рискованно, — он берёт Мендеса за руку, — без судьи.

Марго хватается за Лео, когда тот собирался направить Мендеса по коридору.

— Я, конечно, благодарна за всё, что ты сделал. Но всё ещё не уверена, что могу тебе доверять.

— Я могу начать сейчас всё объяснять, и нас поймут, пока мы тут теряем время, или мы можем пойти. Одно из двух, — Лео бросает взгляд через плечо.

— Я доверяю ему, — говорю. — Можем поспорить об этом позже, Марго.

Лео разворачивается на каблуках своих отполированных сапог и показывает дорогу. Он подаёт нам цепь, толстую и ржавую, с кандалами для каждого из нас. Эстебан возмущается, что нам придётся настолько положиться на Лео, и я понимаю его беспокойство, но у нас нет времени на споры. Я надеваю кандалы на запястья, готовая доверить Лео наши жизни.

Просыпающиеся заключённые кричат, когда мы проходим мимо их камер.

— Мы должны освободить их, — говорю я. Лицо Давиды стоит перед глазами: «Доброе сердце. Защити нас всех». — У меня есть ключ Мендеса.

— Ты можешь спасти их, — говорит Лео, — но придётся пожертвовать своей свободой.

Я колеблюсь. Мне стыдно, но я киваю и следую за Лео прочь от остальных узников, обещая про себя вернуться, когда нас будет больше. Со временем.

Выходя из подземелий, мы попадаем на внутренний дворик. Моя спина выпрямляется, когда я вижу стражников, расставленных по периметру. Их больше, чем обычно. Пока Лео и Мендес идут впереди, никто не задаёт вопросов. Хотя присмотрись они получше, то заметили бы остекленевшие глаза Мендеса и как крепко держит его за руку Лео.

Вместо того, чтобы отвести нас к главным воротам, Лео направляется в сторону садов за дворцом. Мы останавливается у

тяжёлой железной двери, такой ржавой, что я сомневаюсь, откроется ли она.

— Как только вы окажетесь за пределами дворца, идите полмили прямо по дороге — она ведёт на рыбный рынок.

— Моё доверие распространяется только на то, что я вижу. И я не вижу, что находится за этой дверью, — вставляет замечание Марго.

Я открываю рот в его защиту. У него было столько возможностей выдать меня... Но Лео кивает ей, не давая вставить слово, и смотрит мне в глаза.

— Я солгал вам, леди Рен. Когда мы встретились, я сказал вам, что был простым актёром, но это не вся правда.

Нам нужно идти. Я знаю, что нужно. Но я не могу уйти, не выслушав его.

— Расскажи мне.

— Я родился в цитадели Захара, но путешествовал по королевству с Компанией Бандолино. Мой муж был персуари. После того, как его убили, я прекратил выступать и познакомился с леди Нурией, которая и взяла меня во дворец. Когда её помолвка с принцем была разорвана, меня переназначили к Верховному судье Мендесу. Я увидел в этом возможность доставлять сообщения своей госпоже. Судья Мендес доверял мне. Я не мятежник и не лидер, но я делаю то, что в моих силах.

Наконец-то, правда раскрыта. Мы много раз ходили вокруг да около. Я чувствую облегчение, что несмотря на всю неразбериху с Серостью, моими воспоминаниями, придворными интригами, всё же моя интуиция не подвела: он никогда не был одним из них.

— Мне жаль, что случилось с твоим мужем, — мягко говорит Саида.

— Нам не удастся уйти далеко, стоит им заметить, что мы сбежали, — говорю я.

— Удастся, если все стражники будут заняты поимкой остальных пленников, — Лео протягивает руку, чтобы я передала ему ключ. Меня поражает ощущение его кожи при соприкосновении с моей, а он даже не вздрагивает.

«Ты не заслуживаешь его доверия», — шепчет голос из Серости.

— Ты знаешь, где сейчас оружие? — Марго спрашивает в своей привычной требовательной манере.

— Нет, но, может, воспоминания Мендеса могут помочь, — он вопросительно смотрит на меня.

Я качаю головой. Их слишком много. Я не скоро смогу в них разобраться.

— Нет необходимости. Я знаю, куда нам нужно. Леди Нурия сказала мне.

Леди Нурия подарила мне это платье и рассказала то, за что её могут посадить в тюрьму, а то и казнить. Предательница из Тресороса, дочь королев. Я сжимаю в кулак изорванное платье, расшитое платиной. Думаю о её предупреждении на приёме королевы в саду. У меня в голове не укладывается, как она могла помогать нам и в то же время безумно любить Кастиана.

— И мы можем доверять её словам? — спрашивает Эстебан, его голос охрип, словно он орал часами.

— Да. Леди Нурия — наш... — Марго отрывисто кивает в знак понимания, перед тем как я договариваю, — друг.

Лео переводит взгляд между нами и прочищает горло. Его лицо серьёзное, почти даже умоляющее.

— Ваша безопасность чрезвычайно важна моей леди. Только так мы можем продолжить помогать остальным.

Мы поворачиваемся к Марго, протягивающей руку Лео. В эту секунду мне кажется, что два мира, в которых я жила всё это время, соединились.

— Кстати об этом, — он тянется к камзолу и достаёт бархатный мешочек. — Она не может покинуть дворец, не навлекая на себя подозрений. Но это её прощальный подарок.

— Спасибо, Лео. Поблагодари её за меня.

— Леди Рената, — говорит он, и заключает меня в объятия. Я вдыхаю его тепло, его смех. Он вернул меня к жизни, когда я думала, что никто не сможет. За мной остался долг, и я обещаю отплатить его в будущем. — Надеюсь, наши пути вновь пересекутся.

— Что-то мне подсказывает, что так и будет.

— Спасибо тебе, Лео, — говорит Саида, обнимая его, не взирая на раны на руках.

— Да осветит Госпожа твой путь, — говорит Эстебан. Марго пожимает руку Лео.

Я не могу сдвинуться с места, потому что не готова прощаться с ним.

— Как ты поступишь с Мендесом? — спрашиваю, пытаюсь оттянуть неизбежное.

— Отведу обратно в его покои, пока кто-нибудь не найдёт его там. Это должно дать вам отсрочку.

Покидая дворец, я оборачиваюсь, как раз тогда, когда Лео собирается закрыть за нами дверь.

— Ты не прав, знаешь?

— Этого следовало ожидать, но в чём именно?

— Как по мне, ты самый настоящий мятежник.

Глава 27

Рыбный рынок представляет собой ряды высушенных кишок и блестящих чешуек, похожих на минералы в шахтах. Торговцы только приступают к работе, натирая столы водой с щёлоком.

Мы стараемся держаться в тени. Холодный сухой воздух наполняет мои лёгкие. Утро после фестиваля воняет вином, мочой и рвотой.

Ну, по крайней мере, мы не одни такие потрепанные — из таверн и борделей выползают загулявшие гости, не желающие заканчивать празднование. Собор и дворец, как две гигантские тёмные фигуры, нависают над нами.

— Нам нужно поторопиться, — говорит Саида.

Я качаю головой.

— Не пешком. Мы так далеко не уйдём.

— А что ты предлагаешь? — спрашивает Марго, повернув голову к шумной улице. Её пальцы стучат по рукоятке ножа.

— Ждите здесь, — говорю им, а сама бегу с рынка в место, которые мы все хотим избежать.

Пока стража в беспорядке, лучшего шанса у нас не будет. Внутренние дворы с обоих входов полны карет и повозок, все остались без присмотра. Шепчущих обучают понемногу всему, но лично мне всегда хорошо давались занятия с лошадьми.

Ну, или точнее хорошо получалось красть их. Я замечаю двух неугомонных жеребцов сияющего гнедого окраса, к которым запряжена закрытая повозка. Довольно скромная, вероятно,

принадлежащая богатому торговцу или лорду. Когда я приближаюсь, то вижу герб Тресороса на повозке — три горные вершины и солнце в центре — и понимаю, что нам улыбнулась удача. Леди Нурия не станет заявлять о пропаже... Я уверена, она на нашей стороне.

Забираюсь на место кучера, щёлкаю языком, натягиваю вожжи и возвращаюсь к своему отряду.

Они запрыгивают в повозку я дёргаю вожжи, щёлкая языком, чтобы лошади перешли на рысь. Я понимаю, что куда бы мы ни собрались, нам придётся поехать по главной дороге. Но это значит вновь пройти по тому пути, как в тот отвратный день. День, когда всё это началось... День, когда я потеряла Деза.

Наша повозка выезжает за ворота, и я готовлю себя морально к кровавому зрелищу, что ждёт впереди. Король Фернандо любит выставлять на показ свои победы над вероломными мятежниками, выставляя вдоль дороги их отрубленные головы на пиках. Я так рада, что буду не одна. Я совсем не готова увидеть Деза среди них. Узнаю ли я его таким?

Моё сердце замирает, пока торговец с грузовой телегой проезжает навстречу нам, а потом я вижу, что кровавый путь, который был ещё две недели назад, исчез. Вместо пик с головами вдоль дороги стоят флаги каждой провинции и главной цитадели вместе с фиолетово-золотыми флагами Пуэрто-Леонеса. Видимо, я слишком сильно замедлилась, потому что дверь повозки открывается, и остальные выскакивают посмотреть. Саида занимает свободное место рядом со мной.

— Они исчезли, — шепчу я, пока мы едем дальше по пустой дороге.

Саида кивает, прижимая к себе раненные руки. Чёрные прядки её волос выскочили из её косы, заплетённой вокруг головы.

— Уже несколько дней как.

— Почему? — не то, чтобы я хотела, чтобы они остались. Но теперь я не могу не думать о том, что они сделали с головами, с Дезом. Где же они теперь?

— Это основная дорога. Полагаю, король не хотел показывать своим иностранным гостям свою жестокость. Одно дело слышать о деяниях короля. Другое — видеть. Теперь он может отрицать, что он чудовище, как мы его называем.

Доехав до конца дороги, я останавливаюсь. Марго и Эстебан снова выбираются из повозки, и мы вчетвером ютимся на одной скамейке кучера.

— Я точно убью его, — говорю. Я уже перешла черту вновь, больше пути назад нет.

— Он не заслуживает места в твоих мыслях или в твоём сердце, — напоминает Саида.

Я хочу сказать, что это неважно, но кровь стучит в висках, и я откидываюсь назад, крепче сжимая вожжи. Эстебан держит руку вокруг талии Марго. Мы уходим тем же путём, что и пришли, только одеты чуть хуже.

— Обеими руками за убийство, — говорит Марго. — Но сначала... Тебе там Лео, случайно, не еду передал в этом бархатном мешочке?

— Чуть не забыла, — в спешке покидая город, я запихнула его в карман плаща. Достая этот мешочек и вытряхиваю содержимое на ладонь. Драгоценности с тремя видами металлов сверкают на моей руке: медь, серебро, золото.

— От голода не спасёт, — ворчит Эстебан, но всё же берёт нарукавники из чистого серебра, на которых выгравированы крошечные молнии.

— Какие милые, — Саида надевает подвеску с медным солнцем, которая нависает прямо над её сердцем. У неё есть подходящие серьги и цепной браслет, но она хочет передать их старейшинам.

— А у тебя, как посмотрю, целое платиновое платье, — говорит мне Эстебан.

Я смеюсь, и даже от этого мне больно.

Марго осторожно надевает пять золотых колец; на разных пальцы обеих рук. Она делает пас рукой и создаёт иллюзию посреди дороги перед нами. Всеми нами любимый человек. Он, как всегда, нахально ухмыляется, и только делает к нам шаг, как исчезает.

Мы все замерли, вспоминая Деза, но нам нужно двигаться дальше. Мне нужно двигаться дальше.

— Что это? — спрашивает Эстебан.

Кусок пергамента выпадает из мешочка.

— Ну? Не томи, женщина, — говорит Марго.

Аккуратным почерком указан адрес в Сол-и-Перле, прибрежном городке рядом с тюрьмой Соледад. Там есть порт, из которого много кораблей отправляются в Лузо. Я сначала не понимаю, к чему это. Но потом до меня доходит. Адрес — дом 26 на кайе Тритон.

— Убежище Сороки. Нам нужно туда.

— Рен, — медленно произносит Марго. — Я знаю, что нужно уничтожить оружие. Но ты уже пыталась это сделать в одиночку и не смогла. Мы пытались это сделать без тебя и не смогли. Пойдём домой, разжигательница. Мы должны сражаться вместе.

Сейчас меня не волнует то, как она сократила имя. Она права. У меня не получилось добиться цели, и впервые в жизни Марго признаёт, что у неё тоже. Голоса в моей голове не дают мне покоя. Мендес. Кастиан. Они говорят мне, что я не могу доверять шепчущим.

Но они ошибаются.

— Поехали, — говорю.

***

Пускаю коней в галоп, и когда мы поднимаемся на холм, проехав все ряды флагов, мы слышим тревожные перезвоны колоколов. Мы покинули город, преодолели самую опасную часть пути, нам осталось только поехать дальше. Мои плечи расслабляются. Я удивлена, как это было легко, — нам наконец-то улыбнулась удача, а то и сама Госпожа теней.

Мои мысли вертятся вокруг воспоминаний Мендеса. В одни дни он проявлял доброту к стражникам, отпуская их провести время с семьями. В другие — наслаждался, пытая людей, пуская им кровь. Каждый раз я вновь возвращаюсь к глазам его дочери. Слышу, как он говорит: «Лина никогда больше не... Лина никогда больше...» Вновь и вновь, пока эти слова не утопают в топоте копыт и стуке колёс по грязным дорогам.

Я вспоминаю солдата в Эсмеральдас. Он сказал мне, что у меня не глаза убийцы. Он ошибся. Разве нет?

Пока мы едем, равнины сменяются лесными дорогами, но мы не останавливаемся. Мои руки уже затекли, а бёдра ноют. Моя голова болит всё сильнее, прокручивая воспоминание за воспоминанием, как Мендес ходил по залам и коридорам. Запивал печали, или молился, чтобы они ушли. Я продолжаю искать, как выглядит оружие. Ни на секунду не сомневаюсь, что он его применял.

Передо мной мелькает лицо Кастиана на Фестивале Солнца, но быстро пропадает, когда воспоминания сменяются. Яркие цвета переходят из одних в другие.

Я вижу, как Мендес лечит мои изувеченные руки. А потом так много света, что я закрываю глаза. И затем кто-то в ужасе рыдает и воет: «Проход в восточном хребте! Проход в восточном хребте!»

Это было оружие. Этот свет ослеплял. Я натягиваю вожжи и выкрикиваю:

— Тпру! Стоять!

— Что случилось? — спрашивает Марго, высовывая голову из повозки.

— Какие новости хотите услышать: плохие или очень плохие?

Марго и остальные вываливаются из повозки. Саида хватается за новую подвеску, ища поддержки. Эстебан держится за живот и смотрит вниз, на землю.

— Говори, Рен, — требует Марго.

— Я мельком видела их лекарство, — описываю им, но они воспринимают скептически. — Возможно, Мендес просто взглянул на солнце или на трон из альмана. Но я чувствовала глубокое волнение и предвкушение Мендеса, когда он жмурился от яркого света. Под дворцом есть помещение, полное альманов. Каким-то образом они могут использовать альманы как оружие.

Эстебан приседает на корточки. Он касается пальцами грязной дороги, а потом выводит большим пальцем перед собой символ Госпожи.

— Извратили святыню. Жестоко, даже для этого короля.

— И что же тогда ещё хуже? — спрашивает Марго.

— Мендес сказал правду. Он знает, как пройти Меморийские горы. Я слышала, как кто-то выкрикивает это под пытками.

— Он ведь не мог успеть послать кого-то за нами, — говорит Эстебан. — Или мог?

— Ты видела, кто предатель? — интересуется Марго.

Холод в её голосе поражает меня. Её золотые локоны спадают на напряжённые плечи. Я понимаю, что где-то внутри неё что-то сломалось, но я не уверена, случилось ли это, когда мы были вместе в камере или когда она увидела пытки Саиды. Я смотрю на Эстебана,

согнувшегося пополам от боли. Свежая кровь течёт из пореза рядом с его опухшим глазом.

— Нет. Я только слышала голос.

Марго раздражается проклятьями, сменяя меня на месте кучера, и я забираюсь в повозку вместе с Саидой и Эстебаном.

Мы мчимся, как шторм, который никто не замечает, пока не становится слишком поздно.

***

Мы полностью остановились на основной дороге, ведущей к проходу через Меморийские горы. На границе между Пуэрто-Леонеса и земли, оставленной нам по мирному договору, находится город-руины. Анжелес. Осыпавшаяся штукатурка, сломанные крыши, разросшаяся трава и белые сорняки. Город призраков. Дальше, в долине, находится монастырь, который мы называем домом. Он защищён непроходимыми горами. Войска Пуэрто-Леонеса не смогли преследовать остатки армии мориа по этой дороге и дальше в горах, потому что не знают, как преодолеть эту природную преграду. От того, что некогда было столицей небольшого королевства Мемория, сейчас остались только разваливающиеся дома и дворец из одной стены.

Мы выходим из повозки и разделяемся по парам, чтобы отправиться дальше по проходу на лошадях. Дорога крутая, пыльная, с узкими тропинками. Если лошади испугаются — нам конец. В этих горах создаётся ощущение, что ты ходишь кругами. Огромная серая скала выглядит везде одинаково. Весь путь я держу Саиду за талию, закрыв глаза и перебирая воспоминания Мендеса.

Кастриан и король кричат посреди двора.

Алессандро роняет поднос с ножами в серой комнате.

Я сама, когда была ребёнком.

Когда мы подъезжаем, я уже готова целовать землю. Монастырь Сан-Кристовалея расположен в центре небольшой долины, совершенно невредимый, благодаря своему местоположению. Прямоугольные песчаники с замысловатыми кругами, колонны с ангелами, защищающими вход. Вся западная стена полуразрушена, но в остальном, здание ещё пригодно для эксплуатации.

Птицы взлетают с веток деревьев. На дикой зелёной траве основной поляны сейчас никого нет, хотя обычно были группы учащихся, тренирующихся или играющих в свободное время. Мы

лёгким галопом проезжаем под главной аркой и останавливаемся у фонтана, в котором одна только мутная дождевая вода.

Это место я называла домом большую часть своей жизни, но стоя сейчас здесь, вернувшись туда, где должна быть моя земля обетованная, я внезапно испытываю сомнения.

Мы все задерживаемся ненадолго. Не знаю как, но я чувствую, что каждый из нас четверых в этот момент думает о Дезе. Он как потерянная конечность, как призрак, преследующий нас всех.

Мы спешиваемся. Марго и Эстебан идут вперёд, а я колеблюсь, застыв на месте. Саида стоит рядом, на её лице явно читается беспокойство.

— Старейшины не станут меня слушать, — говорю ей.

— Я поддержу тебя. Клянусь.

Я мягко сжимаю её плечо, вспоминая все те разы, когда она пыталась обеспечить нам покой, но отмахиваюсь от этой мысли. Это мой второй шанс с шепчущими. В этот раз я поступлю иначе, если они позволят.

Сделав глубокий вдох, я направляюсь за Марго и Эстебаном. Пока мы идём, меня преследуют воспоминания. Я иду по месту, которое годами называла домом, но сама я уже не та, кем была раньше. Я словно вижу все эти стены, окна, всё вокруг в первый и последний раз.

Мы идём по открытому коридору с местами разрушенными каменными арками. В моих ушах стоит эхо воспоминания о первой встрече с королём.

Мы проходим двойные двери, такие непохожие на те, что в тронном зале дворца, но я не могу не отметить иронию ситуации: я вновь стою перед входом, готовясь убеждать сильных мира сего в том, что я могу быть полезна.

Марго ведёт нас в зал совета, где они уже собрались. Сегодня явились только пять член совета из восьми. Я задаюсь вопросом, мертвы ли остальные или просто скрываются. Моё появление встречено холодным сомнением. Выпрямляюсь, отводя плечи назад, с ложной уверенностью.

По правде говоря, я нервничаю только из-за одного человека здесь. Иллан. Стены эхом отражают звуки моих шагов, пока пожилой мужчина внимательно смотрит, как я приближаюсь к центру длинного стола. Он в знакомом тёмном мундире и брюках, сжимает своей

морщинистой рукой серебряную голову лисицы на рукояти трости. Складки у его глаз стали ещё более выраженными. Его скорее состарила скорбь, чем время. Глубоко вдыхаю и выдыхаю.

— Иллан, я вернулась из дворца Андалусии.

— Вернулась с миссии или вернулась на нашу сторону?

Я вздрагиваю от его слов. Если бы он знал всю правду о том, что я сделала с Дезом, забрав его воспоминания во сне, мне бы вообще позволили ступить в этот зал?

— Я отправилась туда за мезьью и узнала многое, что может быть полезно для нашего общего дела, но самое главное, я пришла с предупреждением. У меня есть основания полагать, что здесь больше не безопасно.

— Почему нет? — старейшина Октавио, полуслепой, с морщинистым лицом, поворачивается ко мне.

— Потому что я обратила судью Мендеса в пустышку. Я видела его разум. Он знает о проходе через горы.

Среди старейшин начинается роптание.

Марго делает шаг вперёд, и они затихают.

— Мы все слышали, как он сказал это, а потом Рената увидела это, забрав его воспоминания.

— Я видела оружие. Я знаю, где его можно найти. Нам нужно выдвигается как можно скорее. В эту самую минуту.

— И покинуть безопасность, которую даёт нам монастырь? — недоверчиво спрашивает Октавио.

Марго прочищает горло.

— Некто предал нас. Они сказали Правосудию о тайном проходе. Стража короля идёт сюда.

— Но вы сказали, что Мендес мёртв, — говорит Иллан отчуждённо.

— Он один из сотен судей, — говорю я, чувствуя, что мои надежды не оправдываются. Они не слушают.

— Мы знаем одно место, которое можно использовать как убежище. Здесь нельзя оставаться, — добавляет Марго.

Так странно быть в споре с ней на одной стороне, но я благодарна ей за это.

— Расскажите нам всё, — приказывает Иллан. — С самого начала.

— На это нет времени, — возражаю я.

— Как ты можешь ждать от нас доверия, если мы не знаем всего, что ты сделала? — спрашивает Филипа.

Я оглядываюсь вокруг: мятежники-мориа собираются вдоль стен и на втором этаже зала, прислонившись к деревянным перилам. Саида стоит позади меня, совсем близко, выполняя своё обещание, а Марго и Эстебан располагаются по бокам прямоугольного стола совета шепчущих. Дневной свет пробивается через круглое лицо, освещая моё лицо. И я понимаю, что выступаю не за организацию миссии. Я выступаю в свою защиту на суде.

Я объясняю, что произошло в Рысьем лесу, когда принц Кастиан захватил Деза. Рассказываю, как мы ночевали на берегу реки, как я пыталась избавиться Деза от кошмаров. Слышу гневный шёпот с разных сторон. Я была готова к этому осуждению. Именно Иллан призывает всех к молчанию, стукнув тростью о каменный пол. Я говорю им, как Дез умер на моих глазах и как я хотела отомстить за его смерть. Затем, описывая воспоминание Лозара, я давлюсь словами. Удивление старейшин написано на их лицах. Они не знали, что Лозар был ещё жив, хотя знали о других мориа в темницах.

Я продолжаю говорить о своём плане шпионить во дворце, проникнуть под прикрытием и найти оружие. Всё, что я видела при дворе. Это словно обнажать свои шрамы на глазах у всех, и, несмотря на ворчание или равнодушные взгляды остальных, этот давящий, удушающий груз на душе постепенно исчезает.

Старейшины в гневе, но сидят неподвижно, пока Иллан не подаётся вперёд, держа дрожащие пальцы «домиком».

— Что ты ждёшь от нас, Рената?

— Отправить небольшой отряд на поиски и уничтожение оружия, а оставшимся шепчущим приказать отступить.

— Отступить? — резко спрашивает Октавио.

— А как назвать то, что мы делаем? В Пуэрто-Леонесе оставаться совсем нельзя. Король собирает свои войска. Он применит оружие. Мы не сможем больше скрываться, если он способен засечь нас по магии.

— Его ослабят новости о Мендесе...

— Принц Кастиан заменит Мендеса! — выкрикиваю я.

— Лично я совсем не удовлетворена теми сведениями, что ты собрала, развлекаясь во дворце, — говорит Филипа.

— Нам нужно уходить, — кричу, кровь закипает от злости. Я вытряхиваю на стол из карманов рубины с перчаток. — С ними можно будет отправить всех в Лузо или на Айсленды. Да во имя шести небес, на них можно купить себе отдельный корабль! У нас осталось одно последнее убежище. Один последний шанс, чтобы мятеж не был подавлен.

— Как ты собираешься сесть на этот корабль и в то же время получить оружие, Рената? — спрашивает Иллан, его взгляд непоколебим.

— Я не собираюсь на корабль. Я останусь и доведу дело до конца. Прошу выделить мне отряд для этого. Как я понимаю, пути назад не будет, и я пойму, если вы не решитесь рискнуть, но я собираюсь закончить то, что начал Дез. То, что начали вы, Иллан.

— Ясно, — говорит он, его пальцы трясутся, пока он откидывается на спинку стула. — Мы рассмотрим всё сказанное тобой. Подожди снаружи.

— Но...

— Пожалуйста, Рен, — говорит Иллан. В его голосе звучит слабость, от которой у меня сжимается сердце. Он уже выглядит проигравшим.

Я вылетаю из зала и направляюсь в место, напоминающее мне о Дезе. Одно из моих собственных воспоминаний всплывает в голове, пока ноги сами несут меня туда. В рощице за монастырём есть водопад и бассейн у его подножья. Это было любимое место Деза в Анжелесе. Иллан когда-то любил повторять, что его сын, должно быть, родился наполовину рыбой, потому что может купаться часами. Я мчусь сейчас туда, потому что мне кажется, что только так я могу быть рядом с ним. А мне нужно быть рядом с ним сейчас больше, чем когда-либо.

«Они бы послушали тебя», — говорю ему и смотрю на воду так долго, что не замечаю момента, когда я больше не одна, пока кто-то не наступает на ветку.

— Я знал, что найду тебя здесь, — говорит Иллан. У него голос человека, который несёт огромную, тяжёлую ношу, но дыхание уже на исходе. — Последний раз, когда Дез был здесь, я пытался заставить его примерить новую одежду.

Ничего не могу с собой поделывать, но посреди всей этой тоски, смятения и злости картинка, возникшая в моей голове, как Иллан

бегают за Дезом с одеждой, вызывает у меня приступ истеричного смеха. Это единственные мышцы, которые я давно не использовала, и мои щёки болят от такого громкого смеха.

— Он любил привлекать внимание.

Мой смех прекращается, в горле снова стоит ком.

— Я знаю, как много ты для него значила и как много он значил для тебя. Я видел это и был обеспокоен, но Дез всегда держал под контролем ситуацию и свои чувства.

— Мне так жаль, что я отняла его у вас. Но теперь я должна поступить правильно. Пожалуйста, только вы можете заставить совет прислушаться.

— Моя дорогая Рената, — меня злит, что он так обращается ко мне, потому что также делал Мендес. — Это я и пришёл тебе сообщить. Совет согласился последовать твоему плану.

Часть меня не верила, что они могут согласиться хоть с чем-то из того, что я говорю.

— И на миссию?

— Уже есть добровольцы, — он встаёт, такой худощавый, как будто сейчас растворится в воздухе. — Но есть кое-что, что я хочу показать тебе, прежде чем ты отправишься на миссию.

На мои глаза набегают слёзы. Я не думаю, что могу принять ещё хоть сколько-нибудь воспоминаний. Моя голова слишком переполнена. Мои мысли в хаосе.

— Хорошо, потому что у меня есть вопросы.

Он делает пару шагов к иве, низко свисающей у водопада. Своей тростью он указывает на гладкую поверхность камня, которого я раньше не замечала. Это мог быть просто камень, но на нём выгравировано имя. Андрес.

У меня столько всего, что я хотела бы сказать. Почему Иллан никогда не говорил нам, что лично знал королеву Пенелопу? Что бы он ответил, если бы я спросила о воспоминании, найденном в саду? Но потом мои мысли возвращаются к Дезу. Я хочу сказать Иллану, что я любила его сына. Я хочу сказать ему, что сделаю всё, чтобы он мной гордился. Что я обязана ему жизнью. Что борьба ещё не окончено. Что я положу конец всему этому.

Но я не могу.

Потому что из глубин монастыря раздаются крики.

На нас напали.

Глава 28

— Оставайтесь здесь! — кричу Иллану. Он собирается последовать за мной, но потом хватается за бок, скривившись. Он уже слишком стар для сражений, понимаю я.

— Спрячьтесь! — кричу. Нет времени на мои вопросы, которые я так и не задала — откуда он знал королеву Пенелопу; как он понял, что Дез значил для меня; многие другие тайны, сокрытые в его прошлом.

Я смотрю, как он, хромя, направляется к деревьям, а потом поворачиваюсь и бегу в монастырь, где люди короля в фиолетовой форме заполнили внутренний двор. Кровь льётся на каменную тропинку передо мной, солдаты убивают всех подряд. Мир перевернулся верх тормашками. Мой желудок сжался, и я сдерживаю рвотные позывы.

Нужно сражаться.

— Рен! — слышу я своё имя посреди боя, но не могу понять, откуда именно. Я замечаю тень за своей спиной. Разворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увернуться от меча солдата, который рассёк воздух.

Без раздумий, я бросаюсь на него и сжимаю горло. Моя магия пробуждается, и его крик пронзает мои уши. Платина похожа на волну, несущуюся на меня. Я не бегу от неё, не пытаюсь бороться, а позволяю ей снести меня, погружаясь в воду. Я забрала немного, достаточно, чтобы погрузить солдата в лёгкий сон. Его воспоминания в моей голове запечатлелись отчётливо.

Мальчик учится держать меч.

Девушка ждёт его возвращения на причале.

Они протекают через мои пальцы, как вода. А потом я вижу крошечную тьму и слышу вой одиночества.

Запыхавшись, я хватаю его меч, когда он собирается упасть на землю, и бегу к лестницам, ведущим в зал совета.

Даже после смерти Мендес сдержал обещание. Кого он сломал под пытками?

Солдат выскакивает из-за колонны. Она вскрикивает от страха, когда наши мечи скрещиваются. Кровь во мне кипит, как лава, и я сражаюсь с яростью, накопленной за десятилетие. Я так близко к цели. Всё не может закончиться здесь.

Я разрезаю мечом её горло. Тёплая кровь брызгает на моё лицо, чувствую её резкий вкус у себя во рту. Поворачиваюсь и сплёвываю на пол.

Я бегу по коридору и открываю двойные двери зала заседаний.

Падаю на колени.

Трое из них мертвы, но сумели забрать с собой жизни двух солдат. Я пытаюсь пошевелиться, но меня выбивает из равновесия стон.

В углу зала находится Эстебан.

У него в руках бутылка агуадутьсе, которую он прижимает к ране на животе.

— Прости, — говорит он мне.

— Рано извиняться, — я задвигаю страх подальше и пытаюсь сосредоточиться. — С тобой всё будет хорошо. Ты нам нужен, слышишь меня?

Я выдёргиваю из его рук бутылку, Эстебан издаёт душераздирающий крик. Я отпиваю глоток, а потом лью на длинный порез на его груди. Его потребуете зашить, но он не так глубок, как я боялась. Я вспоминаю, как началось наше путешествие. Он сказал мне, что мы много не знаем друг о друге. Временами я его ненавидела, но никогда не желала, чтобы он так пострадал. Я читаю молитву Госпоже теней и беру самую чистую ткань, которую удалось найти, — кусок старой испачканной скатерти — и разрезаю её на полосы. После всех этих недель то с одной раной, то с другой, я почти в совершенстве овладела искусством перевязки.

— Оставайся здесь. Я пришлю выживших и лекаря, — говорю ему.

Он крепко сжимает мою ладонь, словно боится отпустить.

— Рен, Рен, это был я.

Я смотрю на него сейчас, и воспоминание раскрывается полностью. Это Эстебан кричал, когда его поймали. Их с Саидой разделили. Мендес резал его нежную кожу вокруг глаз и губ. «Парень сломался слишком быстро», — сказал Мендес, прежде чем выбрать Саиду.

— Прости, я не хотел, — всхлипывает он.

— Я знаю, — говорю ему, сжимая руку в ответ.

Его целый глаз блестит от слёз.

— Почему ты ничего не сказала?

Я качаю головой. Потому что мы уже потеряли слишком много. Потому что никто не смог бы вытерпеть пытки и не выдать самые страшные секреты. Если секретов нет, то уже придумали бы. Люди готовы сказать что угодно, лишь бы прекратить боль. Но я не говорю ему этого. Мне нужно, чтобы он не падал духом.

— Потому что ты нужен нам живым. И мы оба знаем, что Марго надрала бы тебе задницу.

Мы оба смеёмся и плачем. Я должна его смешить, потому что если я не дам ему причину жить дальше, он умрёт.

— Спасибо, — говорит он.

Я разжимаю его пальцы и выбегаю из зала. Несколько юных шепчущих бегут по коридору, и я направляю их внутрь.

— Забаррикадируйте дверь!

Крики доносятся снизу, с внутреннего двора. Бежать до лестницы слишком долго, поэтому я забираюсь на подоконник, делаю глубокий вдох и прыгаю. Хватаюсь за ближайшую ветку дерева. Меч падает на пол, но я раскачиваюсь и падаю с кувырком. Я не рассчитала своё приземление и оказываюсь лицом-к-лицу с солдатом. Его тёмные глаза сужаются при виде меня, меч готов убивать.

Кровь вытекает из его рта, когда Марго расправляется с ним одним ударом сзади.

Я выдыхаю. Говорю ей «спасибо» и хватаюсь за руку, которую она протягивает.

Пот стекает по её лбу, порез пересекает скулу.

— Не благодари. Их здесь слишком много.

— Могу себе представить. А где Саида?

— Она не может сражаться из-за рук.

— Ей и не нужны руки, чтобы сражаться.

Глаза Марго загораются пониманием. Впервые наши мысли сходятся. Вместе мы пересекаем поляну, направляясь по ту сторону монастыря. Дюжина вооружённых солдат преследует нас. Там есть маленькая часовня, и когда мы приближаемся, её двери распахиваются, впуская нас, и захлопываются сразу за нами.

Здесь Саида и десятки других мориа оказывают помощь раненым и забирают оружие и металлы у мёртвых.

— Нам нужно заставить как можно больше солдат отступить. Саида, собери всех персуари, — говорю я. — Организуем

отвлекающий манёвр.

— Их слишком много.

— Ненадолго. Металлы от леди Нурии всё ещё при тебе? Марго...

— Я знаю, что делать. Янес, Грегорио, Амина! — Марго созывает иллюзьянари. Снимает с рук кольца, кроме одного, и Янес, Грегорио и Амина надевают их. Для юных моряков иметь драгоценные металлы — роскошь. Я вижу, как они призывают свои силы, и радужные оболочки их глаз становятся ярче, пронзительнее.

С коварной усмешкой Марго ведёт свою малую группу обратно на поляну и подносит пальцы ко рту, чтобы засвистеть. Иллюзьянари разбегаются, повторяя жесты Марго, выводя пасы в воздухе, который рябит вокруг них, как вода, в которую бросают гальку.

Шесть солдат в фиолетовом наступают, и Марго постукивает ногой в нетерпении, выжидая, когда они сомкнут ряды. Как гром среди ясного неба, раздаётся вой вокруг нас. Четыре пятнистые рыси размером с волков обнажают клыки и роют когтями воздух. Их шерсть блестит на солнце, и они загоняют оставшихся солдат в центр поляны.

Мой желудок сжимается от действия мощной магии иллюзьянари, но трюк срывается. Они отделяют солдат короля от остальных.

— Отступайте, — говорю я.

Половина из них обнажают мечи.

Саида и три её персуари выходят на траву. Она закрывает глаза, поднимает ладони, остальные делают так же. Находясь так близко друг к другу, они создают поток с цветными волнами. Они заплетаются в воздухе, как ленты, устремляясь к солдатам короля, в их глаза, уши, носы. Саида всегда пыталась вытащить хорошее в людях, и те, кто не обнажал меч, падают на колени. Я вспоминаю стражника из Эсмеральдас, которого Дез заставил бросить оружие. Часть солдат отступает. Некоторые бегут.

— Отступайте! — опять кричу оставшимся солдатам.

Но они не слушаются.

— Будем сражаться, — говорит Марго, вынимая свой короткий меч. За ней повторяет её отряд.

Свирепость металла, кулаки в крови, костяшки торчат из-под кожи, кожа на губах трескается. Меня трясёт от жестокости, засевшей внутри. Вливаюсь в этот поток ярости, как моя магия врывается в чужой разум. Я встаю над упавшей солдаткой — её ресницы дрожат от

страха, когда мои пальцы тянутся к её вискам — и понимаю, что эта злость, рано или поздно, меня погубит.

В моей голове какофония голосов — Мендес, Лозар, Дез и бесчисленное множество других, чьих имён я даже не знаю.

Меня не оставляет тревога, когда я отпускаю солдатку.

Она моргает, осматривается вокруг. Она выжила.

Но победа за нами.

***

Мы собираем тела мёртвых — своих и чужих — на внутреннем дворе. Выжившие шепчущие орут в агонии. Женщина-мориа рыдает — в её руках маленький мальчик, которого она кладёт к остальным.

— Ждём ваших указаний, командир, — обращается к Марго персуарси по имени Виктор.

На мгновение голубые глаза Марго смотрят на меня. Я вижу, как она выпрямляется, убирает руки за спину, как делал Дез, когда сталкивался с невыполнимой задачей, словно пытаюсь взять своё тело под контроль, чтобы оставаться неподвижным.

— Ты, — указывает она на женщину, которую я отпустила. Солдатка падает на колени.

— Расскажи своему королю, что здесь случилось. Передай ему, что нас не подавить. Ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Шепчущие живы и едины — вместе мы гром, предвещающий бурю. Всё ясно?

Она отрывисто кивает, по её лицу текут слёзы, когда она смотрит на трёх солдат, отказавшихся сдаться. Речи не идёт о пощаде. Не тогда, когда наша численность перевешивает.

Марго разворачивается к троице, молчащие из-за кляпов. Часть меня хочет это прекратить. Мы должны быть лучше, чем наши враги. Но я видела слишком много боли. Слишком много смерти. Не мы начали это насилие, но мы его завершим.

— Жизнь за жизнь, — командует Марго. — Ваш король должен нам тысячи.

Я закрываю глаза и слышу, как лезвие разрезает плоть, и ещё, и ещё.

Когда звуки стихают, я вижу ряд мёртвых солдат, лежащих на зелёной траве.

Вдалеке я вижу фиолетовое пятно — солдатка, которую отпустила Марго, бежит на юг, обратно в столицу, чтобы доставить наше

сообщение.

Проходит немало времени, пока мы стоим в полной тишине. Нас два десятка людей, шатающихся по полю ужаса как призраки. Даже ветер не воет в горах.

Ко мне подбегает девчонка, тянет за рукав и её плач пронзает мне сердце.

— Скорее! Там Иллан!

***

Иллан лежит под ивой, рядом с камнем с именем Деза. Старейшина жив, слава Матери всего сущего, но меж его рёбер торчит кинжал, пальцами он пытается остановить кровотечение. Молодой солдат лежит рядом лицом вниз с трещиной на макушке. Голова серебряной лисы отвалилась с трости.

— Нет! — всё моё тело содрогается от плача, когда я падаю на колени рядом с ним, прижимая ладонь к его ране.

Я знаю, что должна сказать ему больше. Я обязана ему жизнь. Я обязана ему...

— Рената. Я должен показать тебе, перед тем как меня не станет... — Иллан берёт меня за руку и кладёт на своё сердце, пытающееся биться.

Я помню его лицо восемь лет назад, его глаза горели непокорностью. Надеждой. Он сам вынес меня из дворца, хотя я кричала и отбивалась на его руках, потому что не хотела никуда идти, я тогда ещё не понимала, что он меня спасает. Он навсегда перевернул мою жизнь.

— Саида! — кричу я, хотя уже окружена остальными. — Де...

Его застревает на языке. Это так неправильно, что его здесь нет, что он не рядом со своим отцом.

— Пожалуйста, — шепчет Иллан. Из его горла выходит какой-то булькающий звук. Кровь заливает его грудь, его горло. Он тянет мою окровавленную ладонь к своему лбу, и когда мои пальцы касаются его кожи, я понимаю, чего он от меня хочет.

Слёзы рекой текут по моим щекам, кончики пальцев светятся и я пускаю магию, чтобы забрать воспоминание, которое он предлагает.

Королева Пенелопа передумает. Он понимает это по тому, как она мечется по читальному залу. Её золотые волосы в свете солнца

похожи на ореол святых. Люк под ковром всё ещё открыт, и пыль оттуда липнет к его волосам и одежде.

— Ваше Величество, — начинает он, но она перебивает.

— Нет, не надо меня успокаивать, — говорит она, пронзая его своими голубыми глазами.

— Я просто хотел напомнить вам, что только так можно покончить с кровопролитием. У короля должен быть один наследник. Наследник, на которого он сможет положиться, которого сумеет воспитать так, как считает нужным. Тот, кто, по его мнению, примет его наследие. Но ты будешь здесь, с принцем, оберегая его сердце. Наш будущий король должен иметь доброе сердце.

Королева Пенелопа делает глубокий вдох. Она дочь древних королей, её род неразрывно связан с этой землёй. Она поднимает золотой венец и надевает на свою царственную голову.

— Я обещала отцу покончить с этой войной.

— Мы встретимся у реки на закате, — Иллан берёт её за руки, а потом спускается обратно по тайной лестнице.

***

— Что, если мальчик не придёт? — спрашивает Селеста. Одетая как простая служанка, шпионка крутит на пальце своё медное кольцо — единственное, что выдаёт её нервозность.

— Придёт. Ты мастерски овладела искусством обращать эмоции в цвета. Ни один ребёнок не устоит.

Селеста кивает и направляется в лес, где златовласый принц сидит на берегу реки. Ему не больше четырёх, но его детство закончится сегодня. Принц бросает камешки в воду, рядом с ним рыдает младенец.

— Тсс, тата́ скоро вернётся, — говорит принц. Второй мальчик пытается уползти.

— Здравствуйте, дети, — обращается к ним Селеста.

Принц Каспиан, присматривавший за малышом, поднимает глаза на неё.

— Кто вы?

— Я колдунья, — Селеста играет пальцами в воздухе. Она внушает мальчику ощущение сказки, чудес вокруг него, голубая и зелёная дымка закручиваются вокруг. — Самая могущественная на земле.

Глаза принца распахиваются.

— А меня научите?

Селеста кивает.

— Но ты знаешь, как король относится к магии. Ни одна живая душа не должна знать. Договорились?

Кастриан делает шаг вперёд, протягивая ладошку.

— Погодите. Я должен присматривать за братом, пока мама не вернулась.

Селеста оглядывается и замечает королеву, наблюдающую издали, спрятавшись среди многовековых дубов. Глубокая печаль написана на её лице.

— С мальчиком ничего не случится, пока он в корзине. Или ты не хочешь научиться?

Принц сомневается, но любопытство побеждает, и он следует за Селестой в гущу леса, ловя цветные ленты в воздухе. Его маленькие пальчики пытаются ухватить их, но не получается. Она использует его наивность и веру в чудеса, околдовывая его, чтобы он никуда не делся.

Теперь черёд Иллана. Он бежит ко второму мальчику, берёт его на руки, бросает люльку в реку и мчится обратно в лес, прижимая младенца к груди.

Он останавливается на секунду, оглядываясь на берег. Плач королевы разрывает воздух, искренний и душераздирающий, оттого что она никогда больше не увидит своего второго сына. Покрывала уносит течением. Селеста растворяется в лесу. Принц видит страдания матери и начинает рыдать сам.

— За что?! — вновь и вновь кричит королева. Принц никогда не узнает, что вопросы был обращён не к нему.

Иллан не может дальше смотреть, зная, сколько боли он причинил, хоть и понимает необходимость отчаянных мер. Он разбил сердце королевы, вырвал половину и унёс в лес, не оглядываясь.

Когда я отстраняюсь, Иллан уже не дышит. Глаза смотрят в небо, рот слегка приоткрыт, струйка крови стекает из уголка губ.

— Иллан, — зову я и трясую его тело. Мои пальцы, влажные от крови, всё ещё дрожат от воспоминания, которое он мне показал.

— Его больше нет, Рен, — шепчет Саида рядом со мной.

Знаю. И всё же, не могу сдвинуться с места. Никто не может.

Меня парализует скорбь, ни слова на языке, только растерянность. Принц Кастиан не убивал своего брата. Иллан забрал его. Куда? Зачем? Я понимаю, что из этого следует, но не могу принять правду. Я думаю о воспоминании, украденном в саду, — о тайной встрече Иллана и королевы Пенелопы. Иллан говорил, что это позволит спасти жизни обоих. От кого? Короля? Иллан сказал, что королю нужна причина доверять принцу, нужен кто-то, кого можно воспитать по своему образу и подобию. И разве не лучше всего создать такого же тирана из мальчика, убившего собственного брата?

Меня одолевают ошеломление, отвращение, печаль. Я просто хочу убежать как можно дальше, но я не смогу сбежать от того, что внутри меня. Правда, которую я не готова признать.

Я вспоминаю, что вокруг меня стоят шепчущие. Они и не подозревают о том, чему я стала свидетельницей. Они оплакивают старейшину, лидера мятежа. И я встаю, вместе мы молча сооружаем гигантскую пирамиду, чтобы сжечь мёртвых. Несколько мориа постарше — те, кто делает это уже далеко не первый раз, — поют старинные погребальные песни, их голосам вторит эхо внутреннего двора. Мне знакомы эти песни, они звучат в моих воспоминаниях. Задумываюсь над тем, пела ли их когда-нибудь при мне моя мать.

С приходом ночи мы завершаем церемонию, и Марго подходит ко мне с факелом в руке. Она бросает его в могильную яму, и мы вдыхаем запахи дыма и масла.

— Медлить нельзя, — говорю я. — Мы должны отправиться как можно скорее.

— Я знаю, — отвечает Марго. — Ведомые Госпожой...

— ...мы идём вперёд.

Глава 29

Мы отправляемся в дорогу под покровом темноты. Марго и я возвращаемся к повозке и проверяем, что дорога пуста. Остался только один старейшина и три дюжины шепчущих, большинство из которых ещё слишком юны, чтобы сражаться. Но всё же мы преодолели двухдневный путь за сутки и, с удачей на нашей стороне, мы прибываем в портовый городок Сол-и-Перла около полуночи. Здесь очень мало королевских стражников, зато много торговцев, толпящихся на ночном рынке, освещаемом большими масляными

лампами, да и подвыпившие мужчины и женщины слоняются из одной таверны в другую.

Пока Саида отправляется за покупками в гавань, Марго и я разведываем обстановку. Остальные ждут в нашей похищенной повозке. В доме на берегу моря стоит кромешная тьма — ни одного огонька внутри. Морской бриз успокаивает, на набережной ни души. Дом, по большей части, пуст, в нём скромные комнаты, минимум мебели. Есть погреб с мешками риса и банками засоленной рыбы. Что ж, думаю, мы справимся.

— Пойду схожу за остальными, — говорит Марго.

— Постой, — жду, когда повернётся ко мне. — Ты была права.

— Сейчас не время для этого, Рен.

— Одну минуту, это важно. Я хочу сказать, что ты была права. Когда говорила, что я сама виновата в своём одиночестве. Это было пустым звуком, пока Мендес не наговорил всех этих вещей.

— Тебе стоит выкинуть его из головы и сердца, — напоминает она мне.

— И всё же он навсегда останется здесь, — я прижимаю палец к виску.

Марго вздыхает. Ветер взлохмачивает её распущенные золотые пряди.

— Ты уже справлялась с этим в прошлом. Сможешь и теперь.

Она оставляет меня одну. Я вдыхаю запах моря, готовясь. Я радуюсь передышке, пока воспоминания Мендеса наполняют мой разум. Закрывая глаза, я вижу свои руки робари, и как судья Мендес обматывает их тканью. Это никогда не было отцовским прикосновением. Его заботливые руки были под властью страха, как у человека, который рискует потерять слишком многое.

***

Один за другим, выжившие шепчущие заполняют заброшенный дом. Единственной из старейшин выжила Филипа, и она назначила Марго, Саиду и персуари по имени Томас на самые высокие позиции. У каждого было задание: организовать постели, приготовить еду, проверить оружие, подготовить всё к скорому уходу в чрезвычайной ситуации.

Саида и Томас ещё пока не вернулись со своего задания — обменять рубины на проезд на корабле. Я запираюсь в умывальной. У

меня ломит всё тело, даже там, где я не думала, что оно может болеть. Я снимаю одежду и умываюсь, меняю повязки на ранах. Чудесный подарок леди Нурии испорчен окончательно, но я пытаюсь спасти как можно больше платиновых звёзд и проволоки. Скручиваю несколько нитей в два браслета, закручиваю остальное и складываю в кожаный мешочек, привязанный к поясу. Закончив с этим, я заплетаю волосы в простую косу сзади. Что бы сказал Лео, если бы увидел, как я надеваю штаны для верховой езды и тунику из мешковины, к тому же дырявую? «Хм, по крайней мере, они чистые»?

Я зачерпываю больше воды ладонями, пытаюсь вымыть грязь из-под ногтей, как вдруг у меня что-то звенит в ушах — воспоминание вырывается из памяти. Голос Мендеса звучит отчётливо, как колокол. Туманное воспоминание о нём, стоящем на берегу моря, проясняется, готовое к тому, чтобы быть увиденным.

Судья Мендес поднимается на самый верх башни и, вдыхая солёный воздух, ждёт, пока стражники откроют перед ним дверь. Он врывается внутрь, взволнованный тем, что может испытать новую игрушку.

Хилый мужчина с кожей цвета пепла раскачивается вперёд-назад в углу камеры. Тускло мерцающие вены просвечивают под кожей на его лице и груди.

— Себриан, подойди сюда, — приказывает судья Мендес.

Тот не отвечает. Судья Мендес иного и не ожидал.

— Введите её.

Стражники волокут Люсию, во рту у неё кляп, но она продолжает сопротивляться зубами и ногтями, пока её толкают в темницу.

Судья Мендес пытается ещё раз.

— Себриан, у меня для тебя подарок. Её первую надо вылечить.

Себриан прекращает раскачиваться, но не обращает внимания на людей вокруг. Судья Мендес подходит к девушке и вынимает кляп из её рта.

Она трясётся от холода, спрашивая:

— Что вы сделали со мной?

— Используй свою магию. Загляни в мой разум. Если ты сможешь сказать, что я задумал, то я отпущу тебя.

Взгляд Люсии мечется по комнате, меняя направление так же часто, как она дышит. Судья Мендес протягивает руку, его тонкие пальцы похожие на сухие осенние ветки.

— Если же ты откажешься, то останешься узницей Соледада до конца своих дней.

Он смотрит, как Люсия оценивает варианты, чётко понимая, что здесь есть ловушка. Он держит лицо бесстрастным, не желая пугать её раньше времени.

Она хватает его за руку и закрывает глаза. Он чувствует действие её мерзкой магии.

Себриан вскидывает голову. Его глаза светятся серебром, и жуткая улыбка расплывается на лице.

Люсия хватается ртом воздух и отскакивает назад, выпуская руку Мендеса.

— Ты не посмеешь! Отпустите меня!

Он делает шаг назад, как и стражники.

— Обещания нужно держать.

Люсия бежит к двери, но Себриан настигает её там с нечеловеческой скоростью. Она не успевает вскрикнуть, когда он нависает над ней, сжимая руками её шею. Её тело содрогается, все краски уходят за секунду: кожа становится почти прозрачной, новые вены, пульсирующие со слабым свечением, начинают проявляться, вырисовывая реки по рукам, по ногам...

Судья Мендес впечатлён прогрессом.

Дверь темницы распаивается.

— Прекратите.

Судья Мендес поворачивает лицо к вошедшему. Избалованный принц.

Глаза принца Кастиана сверкают бешенством. Он указывает пальцем на Мендеса.

— Я приказываю тебе прекратить это немедленно.

Судья Мендес вспыхивает раздражением к принцу, вечной занозе в его боку. Медленно поворачиваясь, никуда не спеша, он взмахивает рукой своему творению.

— Достаточно, Себриан, а то совсем её иссушишь. Помни, ты не можешь контролировать магию без носителя. Не будем повторять то, что случилось с другими.

Касиан пересекает камеру, подходя к Мендесу. Себриан выхватывает что-то из-под одежды, его остриё направлено в плечо принца.

Я не могу пошевелиться. Люсия была жива? Как она восстановилась? Внезапно я понимаю. Новой вентари была Люсия, а я даже не обратила внимания на неё.

— Нет... — говорю я. И повторяю снова и снова, потому что это не может быть правдой.

Я выхожу из умывальной и хватаю плащ. Выбегаю из переполненного дома во внутренний дворик. Здесь, в порту, всюду пахнет морем, и я вдыхаю глубоко, словно этот воздух может очистить меня изнутри.

Тревожная мысль вызвана воспоминанием. Касиан остановил эксперимент. У Касиана была рана в плече на балу — тот человек ударил его. Вот почему Касиан обвёл Соледад на карте в своих покоях. И по этой же причине Мендеса и Касиана не было во дворце перед фестивалем. Они оба были там. Но что за игру ведёт принц?

Оружия не было в деревянной шкатулке, которую я нашла в скрытой комнате принца Касиана. И это не альман из хранилища.

«Ты даже не пытаешься замечать то, что находится прямо у тебя под носом», — всплывают его слова в моей голове.

Я смотрю на свои руки. Воспоминание о том, как Мендес лечил руки в шрамах, было не обо мне, а о том человеке... Этом Себриане.

Потому что это вообще не вещь.

Оружие — это человек.

Робари, как я. Живой, ходячий альман. Я думаю о том, что он сделал с Люсией. Высосал её силу, как воспоминание, причём дважды. Сияние вокруг него было похоже на свечение альмана. Каким-то образом Правосудие использовало альман, чтобы изменить магию робари.

Меня сейчас стошнит.

Я подхожу к забору, из меня выходит всё съеденное за сегодня, оставляя только привкус кислоты и желчи. Иду к колодцу, нащупываю в темноте ведро с водой и пью, пытаюсь избавиться от этой сухости во рту. Я должна рассказать Марго и старейшине Филипе.

Но переступив порог дома, я понимаю, что не могу. Если они узнают, что Правосудие может превратить похитителей воспоминаний

в похитителей магии, они только убедятся в своей правоте по поводу угрозы, исходящей от меня.

«Ты родилась орудием», — сказал мне Мендес.

Я не хотела слышать этих слов, потому что он был прав. Это всё, чем я когда-либо буду для всех. Для родителей. Для друзей и соседей. Для Деза.

Я смотрю на дом и людей, предвкушающих начало новой жизни. Корабль, который позволит им оправиться от прошлого. Я не могу отнять эту надежду. Есть кое-что, в чём я хороша даже больше, чем в краже воспоминаний или причинении вреда тем, кого я люблю... Я чертовски хороша в одиночестве.

Накидываю капюшон, обхожу дом и иду дальше по узкой улочке, ведущей к набережной.

— И куда это ты собралась? — спрашивает Саида, появляясь из ниоткуда, как воспоминания из Серости. Её глаза чёрные, как два уголька, а улыбка сходит с лица, когда она понимает, что я задумала.

— Как долго ты тут была?

— Не то, чтобы очень. Несмотря на раны, я чувствую твои мучения, Рен. Эти металлы, которые дала нам Нурия, придают нам сил, — Саида показывает предплечья, завёрнутые в чистую марлю и лён.

— Это хорошо. Ты как?

— Лучше, после того как Филипа дала мне болеутоляющее, — отвечает она. — Тебе стоит знать, что мы нашли судно. Оно отправляется через два дня.

Я поворачиваюсь к убежищу. Огни не зажигают ярко, чтобы не привлекать внимания.

— Иди в дом, скажи им.

— Зачем ты это делаешь, Рен? — она пытается взять меня за руку, но я не даюсь.

— Не используй свой дар на мне.

Она вздрагивает и опускает руки.

— Я не использую! Я просто переживаю за тебя.

— Ты не понимаешь, что происходит.

— Так скажи мне! Рен, я доверяю тебе свою жизнь. Ты мне почти как сестра, и как бы я ни пыталась быть рядом с тобой, ты всё время меня отталкиваешь.

Мои глаза щиплет от соли и злости.

— Ты не поймёшь.

— Дай мне шанс.

Я мотаю головой и сильнее надвигаю капюшон.

— Твоя магия позволяет тебе понять чувства других и успокоить их. Или подтолкнуть к действиям. Она не стирает жизни людей. Она не забирает, не лишает, не разрушает.

— Ты ошибаешься. Я тоже могу причинять боль, — возражает она. — Не забывай это. Мы сами решаем, как применять наш дар. Этому нас учили. Так же как люди без магии могут убивать мечом, ядом или голыми руками, если понадобится. Я видела, как ты забирала воспоминания, терзавшие людей, и после этого они могли спать спокойно. Не понимаешь? Только ты решаешь, кем быть. Ты можешь забрать себе чужую боль. И забирая, ты оставляешь что-то хорошее.

— Вот только пустышки перевешивают всё то хорошее, что я совершила. Ты не видела то, что видела я... Я пыталась затолкать всё в самые тёмные уголки сознания, но от этого невозможно сбежать. Я не вижу сны. Я не могу вспомнить лицо Деза, не вытащив заодно ещё какое-нибудь воспоминание. В моей голове столько чужих прошлых, что я не могу иметь собственного. Мне нельзя иметь собственное!

Она подходит ко мне, а я больше не могу противиться её сочувствию, её теплу, которое люблю и ненавижу одновременно. Она снимает с меня капюшон, и морской бриз освежает вспотевшую кожу.

— Ты была ребёнком, Рен. Ты не сделала ничего плохого. Это вина проклятых шепчущих. Мы должны были заботиться о тебе лучше, должны были быть добрее к тебе, — она глубоко вздыхает, чтобы усмирить злость. — Кто ты сейчас?

— Солдат, — ответ вырывается сам собой. Как будто это то, что я должна сказать.

— Да, но не только. Ты больше не ребёнок. Не давай миру диктовать, кто ты есть. Ты та, кто всегда хотела себя проявить. Превзойти всех. Показать, что ты можешь вынести свою ношу. Ты та, кто спасла меня от человека, который пытал бы меня дни напролёт. Ты была готова поменяться со мной местами. Почему ты не видишь, кто ты на самом деле?

— Потому что... — слова застревают на языке. Теперь я вижу. Яснее, чем когда-либо до этого. Я не знаю, дело ли в свежем воздухе

или магии, действующей от одного присутствия Саиды. Но я вижу себя. Не как одного человека, но как сотню, тысячи изломов, как зеркало с множеством трещин, идущих от центра, в котором я не могу разглядеть целую картинку. — Потому что я украла больше воспоминаний, чем создала сама. Потому что я прожила сотни украденных жизней, и боюсь жить своей.

Кто такая Рената Конвида?

— Я не знаю, кто я, Саида. На самом деле. Это всё как будто настоящая я попала в ловушку из трагедий других людей. И есть только один путь освободиться.

Она касается ладонью моего лица и в это мгновения, я так рада, что не успела уйти далеко.

— Тогда, может, прежде чем делать что-либо ещё, тебе стоит освободить её.

— Что ты имеешь в виду?

— Я могу помочь тебе попытаться ещё раз, — она протягивает мне руку.

Когда я беру её ладонь, тепло её магии распространяется по моей коже, и мои собственные воспоминания наводняют разум, такие яркие и красочные, и удушье, которое я всегда чувствовала, исчезло. Страхи, чувство вина, крошечная тьма, наконец-то, дают трещину, пропуская воздух, чтобы можно было дышать. Я хочу расплакаться от облегчения.

И так осторожно я продвигаюсь вперёд, и первым воспоминанием, пришедшим мне на ум, стал вечер, когда я уснула на руках отца перед камином.

Жар огня сразу вызывает следующее воспоминание. «Со временем, все горящие деревни начинают пахнуть одинаково», — мелькает мысль. Я слышу вопли леонессцев — люди короля поджигают их дома, пытаюсь выкурить мориа из их пристанищ на улицы, чтобы отловить всех. Мои лёгкие сжимаются.

— Сосредоточься, — шепчет Саида и посылает ещё одну волну своей магии через меня.

Я закрываю глаза, но мои мысли смешались в кучу. Я вижу тысячи незнакомцев. Я прохожу сотни путей по земле и по воде.

— Рен, — её голос как тихий шелест, как поцелуй в висок.

Моя голова разрывается, будто я пробиваюсь слишком глубоко, просверливаю череп, чтобы пробраться в самую суть своего разума.

Помню, как была шестилетней девочкой, новенькой во дворце. Верховный судья Мендес давал мне стеллиты, как золотые монеты, каждый раз, когда я пересказывала ему «истории». Истории, которые я видела, забирая воспоминания пленённых моря, узников, пугавших меня своими красными заплаканными глазами. Но я знала, знала, что за каждым воспоминанием последует награда.

Воспоминание меняется. Теперь я в своём любимом месте во дворце — в той самой библиотеке. Здесь стоит кушетка у такого высокого окна, каких я прежде не видала. Там, вдалеке, где, я знаю, находится мой дом, начался пожар, поглощающий всё вокруг.

Эти воспоминания определяют, кто я такая. Они делают меня той, кто я есть.

«Ты родилась убийственно серьёзной», — лицо Деза всплывает в моей памяти. Его медовые глаза смотрят на мои губы, как всегда. Нет, я не родилась серьёзной. Такой я стала.

Воспоминания теперь сменяются быстрее. Во дворце был длинный синий коридор. Я слонялась по нему, когда судья Мендес оказывался слишком занят, а няня засыпала в моей комнате. Большие статуи украшали залы, более просторные, чем все те дома, в которых мне случалось бывать до этого. Здесь находился кабинет, а в нём мальчик, чья одежда была грязная от выполняемой работы. Он всегда сидел один, баловался с игральными костями. Бросал их на пол, а потом они исчезали. Он накрывал место ладонями, и они вновь там появлялись. Это была простейшая магия. Так я впервые оказалась рядом с другим ребёнком-моря, который был не из моей семьи. Я даже не знала, сколько бывает видов магии.

Спустя время мальчик пропал, как и многие другие. Пока однажды не пришли шепчущие, и больше меня там не было.

Даже сейчас я слышу стук игральные кубиков, крутящихся по полу, эхом повторяющийся в моих мыслях. Просто игра воображения. Всё это было игрой, разве нет? Легко. Просто. Нечестно.

Я вижу девочку, разворачивающую конфеты в библиотеке, глядя на огонь, который убил её родителей. Я вижу девочку и хочу схватить её и рассказать всё то, что она не могла тогда знать. Что её учили неправильным вещам, что не было никого, чтобы защитить её.

Когда я открываю глаза, мы с Саидой окружены белым светом. Белым, как глаза того робари, которого они обратили в оружие против нас. И я понимаю: неважно, что они подумают обо мне, я должна рассказать им всё, что я знаю об этом оружии, и о том, что они сделали с Себрианом.

— Спасибо, — говорю Саиде, заглядывая в её ласковые глаза. — Мне нужно кое-что сделать.

Рука об руку мы идём обратно в дом и созываем собрание в главной комнате. Шепчущие вновь толпятся вокруг меня. Марго и старейшина Филипп внимательно смотрят на меня.

Я говорю им всё то, что знаю сама. Как они проводили эксперименты на мориа вроде Люсии и что она, вероятно, потеряна. Об оружии, о том робари и о том, что Верховный судья сделал с ним.

— Мы должны забрать Себриана. Не знаю, можно ли обратить изменения в нём, но по крайней мере, мы можем забрать его подальше от нового главы Правосудия, кем бы он ни был. Увести из-под носа их драгоценное оружие, пока они не научились создавать больше таких, как Себриан. Перед нападением Иллан сказал мне, что на миссию были добровольцы. Я прошу вас сейчас довериться мне.

Старейшина Филиппа поднимает руку, чтобы я замолчала, и все мои надежды, что они послушают, испаряются.

— Ты молодец, Рената.

Я наклоняюсь, потому что не уверена, что правильно её расслышала. Филиппа никогда не улыбается, но её рот насмешливо изогнулся.

— Спасибо.

— Благодаря тебе мы можем спасти шепчущих. Ты готова к тому, что предстоит тебе в будущем?

С тех пор как я осознала своё прошлое и свою ответственность за содеянное, я искала возможности исправить то, что натворила. Дез говорил, что я одна из них и что никто не думает обо мне иначе. Но он ошибался. Вот как на самом деле я могу искупить прошлое.

— Готова.

Филиппа смотрит на Марго, затем снова на меня.

— Сегодня ты возглавишь отряд из трёх шепчущих, чтобы вернуть нам эту несчастную душу, прежде чем король сможет

причинить больше вред. Мы должны спасти его. Амина, Томас, вы отправитесь с Ренатой.

— Я не подведу вас, — говорю, взяв Филипу за руку. Она морщится, но не вырывает.

Её глаза холодны, и я пытаюсь убедить себя, что дело во всём произошедшем за последние дни. В том, что мы потеряли. Она щурит глаза на меня.

— Уж постарайся.

Глава 30

Мы обыскиваем дом, чтобы найти вещи, в которых мы будем похожи на знать. Я надеваю простое платье-тунику поверх штанов и кожаные сапоги. Как только мы готовы, мы вчетвером садимся в повозку рода Тресорос и едем по скалистой тропе вдоль восточного побережья Сол-и-Перлы.

Я и Марго разместились с одной стороны, Амина — напротив, Томас управляет лошадьми. Странно вновь чувствовать себя частью отряда, хотя это и не та группа шепчущих, к которой я привыкла. Я отодвигаю шторку, чтобы посмотреть, как вдалеке вырисовываются очертания Соледада. Он построен в старом мориа-стиле — всюду стрельчатые арки с большими крылатыми тварями, размещённые вдоль крыш. Соледад расположен высоко на холме, у подножия которого бурлящее, беспокойное море разбивается о крутые скалы.

— А вы знали, что первое задокументированное упоминание ангелов было в Песне о Госпоже теней? — замечает Амина. Как ученица старейшины Октавио она прочитала все возможные тексты об истории мориа и Пуэрто-Леонеса. По крайней мере, из того, что не было сожжено королём. — Около столетия назад дед короля Фернандо поменял их на демонов и превратил ангелов в этих пухлых существ, похожих на детей, которых судьи так любят изображать на потолке.

Марго тянется через меня и задёргивает шторку.

— Хватит. Это наша первая миссия как единого отряда. Нам нужно сохранять спокойствие.

— Мы спокойны, — говорит Амина, то распуская волосы, то завязывая в хвост. — Насколько это возможно, при том, что мы собираемся ворваться в тюрьму, из которой ещё никто не сбегал.

Я не могу найти себе покоя и мну собственное платье.

— Давайте ещё раз пройдёмся по плану.

— Томас останется ждать в повозке, — говорит Амина. — Пока мы с Марго расчищаем путь к южному входу.

— Я беру на себя северную сторону, — добавляю я.

— Мы встречаемся в центре внутреннего двора. Там, как сказал Габриэль, есть винтовая лестница, которая ведёт к двери с металлическим солнцем, где судьи держат самых опасных заключённых. Всё просто, — заканчивает Амина.

Взгляд Марго мог бы превратить Амину в камень. Я хорошо знаю Марго и вижу, что она хочет напомнить юной иллюзьянари, что она не была на стольких миссиях, как мы, и что она не видела, как самые простейшие из планов могут пойти наперекосяк. Но сейчас неподходящее время, и как бы ни храбрилась Марго, она так же вспотела от волнения, как и мы.

— *Я не подведу вас.*

— *Уж постарайся.*

Целые сутки мы ехали до Соледада.

Я выглядываю из окошка. Для тюрьмы здесь как-то не так много стражников, как я ожидала. Их всё ещё больше, чем нас, но мы же не простые солдаты. Мы мориа.

Томас останавливает повозку на краю дороги, за двумя другими. Одна из них выглядит так, будто прибыла из дворца. Я думаю о том, назначили ли они уже кого-то на место Верховного судьи? И что же сделали с пустышкой-Мендесом?

— Спорим, ты бы сейчас хотела остаться здесь? — говорит Марго Амине, чья оливковая кожа позеленела, пока мы проверяем своё оружие.

Её молчание не вселяет уверенности, но это наш отряд, и мы нам нужно действовать. Мы выходим из повозки и разделяемся.

Марго хватается меня за руку, когда Амина уходит на несколько шагов вперёд.

— Увидимся на той стороне, Рен.

Мыжимаем друг другу рук. Дезу не нравилось обниматься и говорить что-либо на прощание, но сейчас всё ощущается по-другому. Она чувствует то же, что и я.

Я оцениваю высоту стены, ищу каменные выступы. Приподнимаюсь, чтобы заглянуть. Там только один стражник. Он даже не замечает, что возвышаюсь над ним, пока не становится слишком поздно. Я прыгаю, приземляясь на его плечи, прибавая его к земле своим весом. Я роюсь в его воспоминаниях, ищу планировку тюрьмы.

В солнечный день в порте Сол-и-Перлы шум и суета. Чайки вьются над пляжем, желая найти остатки чего-нибудь съедобного. Он любит этот город. Любит то, что здесь всегда есть на что посмотреть, не то, что на его нынешнем посту в Соледаде, где из всех развлечений — слушать вопли заключённых. Но их легко не замечать, когда ветер начинает завывать сильнее. Его сослуживцы машут ему с причала.

Это его единственный выходной в этом месяце, и он решает ни в чём себе не отказывать. Он платит десять медных либби за партию свежей корвины, чтобы принести домой жене и сыну. Он перебрасывает связку рыбы за плечо и шагает к причалу, чтобы посмотреть, как корабли уходят в море.

Местные суеверные женщины часто приходят с корзинами, набитыми гвоздиками. Они отрывают лепестки и бросают их на палубы кораблей, отправляющихся в плавание. Буйство красок заставляет его остановиться и присмотреться к последнему судну. Мужчины и женщины на палубе тянут руки вверх, словно пытаясь поймать утренний ветер, несущий корабли в море.

Я разрываю связь, сбитый с толку стражник падает на пол. Я прокручиваю это воспоминание в голове раз за разом. У меня осталось десять минут, до того как зазвонит колокол в башне наверху. Мне нужно попасть во внутренний двор, но я замерла в шоке от одной детали из воспоминания, которая не значила ничего для стражника и значила всё для меня.

Там, на палубе того корабля, сверкающего в утреннем солнце, среди лепестков гвоздик на ветру, стоял человек, которого я бы узнала где угодно.

Дез.

Такой же, как когда я видела его в последний раз. Красивый, полный жизни, как всегда. Только одно изменилось — у него не было левого уха.

Это невозможно.

Должно быть, это какое-то старое воспоминание, когда он ещё был жив.

Потому что я видела его мёртвым.... Я видела, как по эшафоту катилась его голова и остановилась прямо передо мной. Я видела кровь, стекающую с клинка принца, и злые голубые глаза Кастиана, пока он выступал с эшафота. Так непохожие на те, с которыми он явился на бал на Фестивале Солнца. Воспоминание о его руках, запятнанных кровью Деза, на мне вызывает волну ненависти в моём теле.

Но всё же увидеть лицо Деза, несколько секунд назад, в воспоминании, это как нож в сердце. На меня вновь нахлынула скорбь. Всё это время у меня даже не было толком времени остановиться и прочувствовать утрату. Не по-настоящему. Не так глубоко. Понимание, что он никогда больше не будет со мной, что я никогда не смогу его обнять или поцеловать, или рассказать ему о своих чувствах. Мой защитник, мой соучастник, мой лучший друг.

Нет, я не могу. Пока нет. Не сейчас.

Счёт времени идёт на минуты. Я стряхиваю с себя оцепенение и утаскиваю стражника за угол. Я связываю его, вставляю кляп в рот, но продолжаю думать о его воспоминании о порте Сол-и-Перлы, где сейчас все остальные шепчущие надеются отправиться в Лузо. Я не могу остановить поток вопросов в своей голове. Когда последний раз Дез был на миссии с кораблями? Была поездка в Дофинику, где он провёл четыре месяца. Он вернулся с неровной бородкой — его первой настоящей растительностью на лице. Он попытался поцеловать меня, но она выглядела такой колючей, что я отклонилась. Это было три года назад.

Я смотрю на лицо человека из воспоминания снова и снова. Медово-карие глаза и длинная тёмная борода. Это мог быть кто угодно. Но потом он затягивал верёвки на правом борту, и я могла отчётливо его разглядеть, вплоть до шрамов на открытых руках. Я знаю эти шрамы, я проводила пальцами по каждому из них. Но Дез выглядел иначе. У него не было уха. Как это возможно, если только это не случилось недавно?

Я шлёпаю себя по щеке. Наверное, это побочный эффект магии Саиды. Искажённое восприятие, которое заставляет копаться в чувствах, которые мне нужно взять под контроль.

— *Я не подведу вас.*

— *Уж постарайся.*

Часы показывают, что осталось пять минут. Я бегу вдоль здания, ведомая лунным светом и тусклым светом газовых ламп. Я слышу вопль со стороны внутреннего двора тюрьмы. Моё сердце бешено бьётся, я мчусь, переживая за Марго и остальных.

Добегая до двора, я сразу понимаю, что это был не крик и не плач, а просто завывания ветра. Теперь я понимаю, почему это место называется Соледад — «*одиночество*», — оно может заставить тебя поверить, что ты здесь совсем один с бескрайними холмами с одной стороны и холодным, тёмным морем — с другой.

Я издаю краткий свист. Дез использовал воробьиный свист как сигнал, и он как-то закрепился. Эстебан приходил в бешенство, потому что не мог свернуть язык или правильно поставить губы, что сделать звук потише.

«Так, хватит», — говорю себе. — «Сосредоточься. Сосредоточься на том, что здесь и сейчас».

Пока я стою здесь одна, я задаюсь вопросом, мог ли быть тот крик всё же не от ветра. Вдруг это была Марго или, может быть, Амина, которая впервые на такой миссии. В крайнем случае, Томас ждёт в повозке, готовый увезти нас, когда мы заберём робари.

Когда часы пробивают время, я понимаю, что что-то пошло не так. Они должны быть здесь. Я слышу резкий свист, какой получается с пальцами, он не похож на наш, воробьиный. Я разворачиваюсь, чтобы найти источник звука, и понимаю, что стою здесь не одна.

Я окружена дюжиной стражников.

Теперь колокола извещают не только о времени, но и поднимают тревогу.

Тогда я замечаю их. Марго и Амина крадутся в тени. Дверь с металлическим солнцем открывается, и прежде чем зайти, Марго оборачивается, глядя мне прямо в глаза. Никакой реакции.

— *Я не подведу вас.*

— *Уж постарайся.*

Филипа никогда мне не доверяла.

Марго никогда мне не доверяла.

Я не осознавала, насколько прикипела к Марго до этой самой секунды, когда боль от её предательства разрывает меня на куски.

Я не сопротивляюсь, пока стражники тащат меня в тюрьму. Теперь я понимаю, что на самом деле обо мне думают шепчущие, и какая роль в этой миссии была мне уготована всё это время... Приманка.

Глава 31

Из окна тускло освещённого помещения, где они меня заперли, открывается вид на море. Это могла быть учебная аудитория в те времена, когда здесь был Меморийский университет. Сейчас это пустая комната, где только стол с оружием и шестью лампами, только одна из которых горит, и шкаф в углу. Дождь стучит в двойное стекло окна, гремящее на ветру. Со мной только один стражник и судья Алессандро.

— Ни в коем случае не причиняй ей вреда, — говорит он, шмыгая носом. Под его глазами залегли большие тёмные круги. Он замечает мои браслеты. Слава Госпоже, я спрятала мешочек с остальным металлом. — Сними платину. Всю, что найдёте. Она нам нужна в наилучшем виде к сегодняшнему представлению. Врежешь принцу Кастиану, нет?

Я вскидываю голову, холодный ужас закручивается в моём желудке.

— Кастиан здесь?

Алессандро сминает пергаментный свиток и бросает в меня.

— Для тебя — лорд-командующий!

— Сию минуту, ваша честь, — говорит стражник, стоящий у двери уже наготове с мечом.

Ваша честь? Так обращались только к Мендесу. Видимо, они нашли его пустышку и уже повысили Алессандро до Верховного судьи. Я слышу звук его шагов по каменному полу, пока он идёт ко мне.

— Я так и знал, что тебе нельзя доверять. Сотни раз я повторял Мендесу, что тебя надо сослать сюда немедленно, — он такой же самонадеянный, как Мендес. Надеюсь, его это также погубит. — Жаль, что с ним всё закончилось так. Но даже я бы не подумал, что ты будешь так глупа, чтобы самой сюда отправиться.

Они не поймали ни Марго, ни Амину. Меня наполняет горечь. Я даже подумываю выдать их Правосудию, но этот порыв проходит, сменяясь болью в душе, которую я давно не чувствовала. Они предали меня. Бросили. И всё же я не могу поступить с ними так же.

— Ты недооцениваешь меня, — говорю. Мой равнодушный тон, похоже, его беспокоит. Дез так часто делал, и это всегда срабатывало — его враги начинали действовать необдуманно. — Не переживай, ты такой не первый.

— Слышу от твари, сбегавшей из дворца только для того, чтобы вновь быть притащенной туда обратно. В этот раз милосердия не жди.

Милосердие. Слово эхом повторяется в моей голове, как капли воды в пустой камере. Я наступаю на горло накатившим чувствам и вынуждаю себя быть той, кого он ожидает увидеть.

Мой рот изгибается в усмешке.

— Так, значит, вы нашли подарочек, который я оставила напоследок? Я бы завернула Мендеса в прекрасное дофиникийское кружево для короля Фернандо, но, увы, спешила.

Венка на его шее дёргается.

— Полагаю, мне стоит тебя поблагодарить, теперь я Верховный королевский судья.

— Мои поздравления, — отвечаю смешком на его надменность. Он отходит от окна и шагает ко мне. Чувствуется неуверенность в его попытке держать дистанцию, в его тяжёлом дыхании.

— Что смешного? — спрашивает он.

— Да просто вспомнилось, что я увидела в памяти Мендеса о твоей жене.

Его глаза навывкате, кулак взлетает в воздух.

— Заткнись!

— Кастиан был в тех воспоминаниях, но, думаю, тебе это и так известно. Интересно, как долго ты протянешь на своём посту до того, как принц решит избавиться от тебя и вернуть себе свою королеву.

Алессандро кривит губы, и его кулак прилетает в меня. Я чувствую кровь на языке, там где внутренняя поверхность губы ударилась о зубы. Сплёвываю на пол. Хотела на его обувь, но промазала.

— Посмотрим, как ты засмеёшься, когда окажешься на этом столе. Ты станешь самым настоящим монстром. Мы уже обратили одного

робари в своё подчинение. Принц Кастиан вознаградит меня, когда я представлю тебя ему. Он жаждет получить нового монстра. Разве можно придумать что-нибудь лучше в дар кронпринцу, чем тварь, которая пыталась его убить?

Я смеюсь. Он не знает. Никто не знает, что Кастиан пытался помешать экспериментам Правосудия. Никто, кроме Мендеса, Себриана, а теперь ещё и меня. Мой рот наполняется горечью при мысли, что Кастиан — тот, кого я ненавижу больше всего на свете, — может быть моим единственным спасением.

— Я высосу каждое воспоминание из-под твоего черепа, — спокойно говорю я. — И когда люди будут смотреть на тебя, то будут видеть пустое место, чем ты, собственно, и являешься.

— Будет сложновато сделать это в оковах.

Я пытаюсь призвать свою силу, но она не откликается так, как это было в темнице. Я словно пытаюсь приподнять кирпичную стену силой мысли. Завитки на руках загораются, но распыляются, как искры пламени на ветру.

Алессандро смеётся над моими попытками. Вдруг кто-то яростно стучит в дверь. Стражник открывает дверь, из коридора доносится какой-то шум. Сумели ли Марго и Амина найти робари, пока я была заперта тут? Какой же душой я была, когда думала, что старейшина мне доверяет. Если я стану одной из этих существ, они придут за мной? Чтобы покончить со мной? Они хотя бы смогут увидеть разницу между монстром, за которого они меня принимают, и тем, в кого меня собирается превратить Алессандро?

«Только ты решаешь, кем быть», — сказала Саида, но она не права. Все по-прежнему решают за меня. И в какой-то момент, я больше не смогу с ними спорить.

Я пытаюсь прислушаться к тому, что происходит в коридоре.

— Его забрали, Ваша честь, — женский голос в панике.

— Что значит «забрали»? Как можно было забрать принца?! — вопит Алессандро.

— Видимо, она была не одна, — говорит другой стражник.

Пощёчина.

— Идиоты. Сами будете объясняться перед королём. Я не возьму на себя ответственность за отвратную организацию безопасности своим предшественником.

Дверь с грохотом захлопывается, цилиндрический замок возвращается на место. Я бью кулаками в её крепкую деревянную поверхность, как вдруг что-то склизкое и холодное касается моего плеча.

Я оборачиваюсь с кулаком наготове и замираю, ошеломлённая, когда вижу, кто передо мной. Где же он прятался?

Он закрывает ладонями глаза, его кожа пепельная, потрескавшаяся от сухости, а на сгибе локтей красноватая. Его волосы чёрные — единственное, что выбивается из его неестественного вида. Словно всё, что обостряет его способности, в то же время уничтожает его изнутри.

Робари, который крадёт магию вместо воспоминаний.

Оружие.

Будущее, которое мне предстоит.

— Ты, — вырывается у меня, мой голос звучит сокрушённо.

— Я, — громко отвечает. То, как он говорит, напоминает мне звуки, слышимые из морской раковины, когда подносишь её к уху.

— Ты был здесь всё это время? — я осматриваю комнату. Дверь стенового шкафа раскачивается на петлях.

— Этот новый судья не знает о моих тайниках.

Он садится на пол недалеко от окна и смотрит на море. От его неподвижности у меня мурашки по коже.

— Но я узнал обо всех потайных дверях здесь, — продолжает он. — И ты узнаешь.

Я иду к окну и соскальзываю по стене на пол. Не удивительно, что заключённые здесь сходят с ума. Никак не сбежать. Стражники с одной стороны, море — с другой. Закрывая глаза, я вспоминаю взгляд Марго, когда мы пожимали руки и прощались, хотя никогда прежде этого не делали. Она уже знала, что собирается предать меня.

«Ты слаба, Рената», — сказала она мне в темнице. — «Вот почему я тебя ненавидела».

Какая же ты дура, Рен.

Себриан сидит рядом со мной. От него веет холодом, как будто это уже часть его. Я тоже стану такой холодной? Я провожу по венам, заметных под кожей моих рук. Не такие тёмные, как у него, не такие жуткие, как у Люсии.

Я слышу ржание лошадей и стук удаляющихся копыт. Должно быть, они отправили нескольких стражников за шепчущими. К убежищу Нурии, где все оставшиеся мятежники будут оставаться до завтра, пока не отправится корабль. Вновь звонят колокола — уже прошёл час, как меня поймали.

Мне больно от предательства Марго, но Саида ведь всё ещё в том убежище. Я думаю о новичках, юных моряков, которым нет места в политике и решениях совета. Они не заслуживают попасть в плен. Они не заслуживают той участи, которая постигла меня.

Мне нужно отсюда выбираться.

— Ты Себриан, да? — заставляю себя подняться.

Что-то в моём движении привлекает его внимание, потому что робари отрывает взгляд от морского пейзажа и переводит на меня.

— Да, думаю, это моё имя.

Я прислоняюсь к окну. В море шторм, ветер воет. Дёргаю плечами.

— Отсюда есть выход? Потайная дверь?

— Никто не покидает это место, девочка, — он понижает голос. — И уж точно не ты и не я. Они бросили тебя здесь, ведь так? Меня тоже когда-то бросили.

«Они бросили тебя здесь, Рен», — шепчет внутренний голос. Я хотела заслужить прощение Филиппы не меньше, чем Иллана. Или Марго. Я тоже бросала людей. Но я никогда не переставала думать, как мне простить саму себя.

Зачем теперь рисковать собственной жизнью, чтобы спасти их? Они мне не друзья. Моя семья давно мертва. Но это ведь не правда? Дез был моей семьёй. Иллан. Лео — я обещала ему, что мы встретимся вновь. Саида... Ох, Саида. Знала ли она? Может, она тоже обманывала меня.

— Не все, — говорю вслух. Саида не могла. Я отказываюсь в это верить, как бы наивно это ни звучало.

Но Саида одна такая. Решение бросить меня было принято старейшиной... и Марго. Я думала, что если бы я смогла отомстить за Деза и уничтожить оружие, тогда бы... что? О чём я думала? Глубоко внутри я знаю: что бы я ни сделала, мнение шепчущих обо мне не изменится.

Всю жизнь я борюсь с этим ощущением, тяжким грузом лежащем на моём сердце. Что, если это не на сердце? Что, если всё в моей голове? Каждое украденное воспоминание, как камень, давит на меня, прижимает к земле, погребает заживо. Всегда было слишком много голосов, забивших мою голову, они кричат, когтями рвутся на свободу. Что будет, если я перестану сопротивляться? Что будет, если все эти воспоминания просто... исчезнут?

Я смотрю в серебряные глаза передо мной, как жидкий альман. Но когда я смотрю на Себриана, я вижу в нём своё будущее. Мне не выбраться отсюда. Никто никогда не сбегал из Соледада. Но один выход у меня всё же есть.

— Забери мою магию.

Он вскидывает голову. Наблюдает за мной, как будто я вылезла из-под камня. Букашка, которую легко раздавить.

— Почему ты просишь об этом?

Потому что я не хочу стать такой, как ты. Потому что если ты превратишь меня в пустышку, я больше не буду орудием ни в чьих руках. Потому что даже если получится сбежать, мне некуда пойти.

Я думаю об улыбке Лео и колыбельной Саиды. О Дезе, целующем меня в ночи. О Давиде, показывающей знаками: «Доброе сердце. Спаси нас всех». Я себя-то спасти не могу, что уж говорить обо всех. Закрываю глаза, горячие слёзы текут по моим щекам.

— Потому что я не хочу больше это чувствовать.

Он дёргается, мышечный спазм как у висельника. Это проходит через мгновение, и вот он уже снова обращает внимание на меня, кивает, смотрит голодным взглядом.

Я протягиваю руку и пытаюсь сдержать дрожь, когда его холодная, влажная кожа касается моей. Боль пронзает мои виски, сердце бешено бьётся. Я видела смерть в разных её проявлениях, но никогда бы не подумала, что так закончится моя история. Я вспоминаю Лозара в моих руках, как участился его пульс. Вспоминаю Мендеса, шепчущего моё имя. Мне некого звать — все, кого я люблю, покинули меня.

Поэтому я молча делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Холод, исходящий от Себриана, пронзает меня до костей. Я чувствую покалывание его магии на своей руке, как искры света медленно пробегают по моей коже. Я жду боли, но она так и не приходит. Напротив, сила движется в обратном направлении. Последнее

воспоминание Себриана врывается в моё сознание, ярче, чем любое из моих собственных, словно я читаю альман.

Принц возвращается посреди ночи. Он не в духе. Себриан задаётся вопросом, расстроен ли он ещё из-за его нападения. Но принц сидит в комнате и читает старые бумаги, словно пытаюсь найти новые ответы на невысказанные вопросы. Погружаясь в сон, Себриан замечает мерцание металла. Он не слышит ни звука, но игральные кости прокручиваются по столу и исчезают. Когда принц открывает ладонь, кубики вновь выпадают из неё. Шестёрки. Когда Себриан просыпается, Кастиана уже там нет.

Себриан кричит. Отталкивает меня и болезненно вырывается из моего разума.

— Что ты сделала со мной?

Я втягиваю воздух, всё ещё во власти воспоминания. Нет. Я не верю. Не могу поверить.

— Прочь из моей головы! — ору на Себриана.

Серость заполняет мой разум, и я ныряю в давнее прошлое, пытаюсь вспомнить лицо мальчика, но вижу только тень. Я закрываю глаза, концентрируюсь и, не обращая внимание на удушье, погружаюсь в прошлое, глубже, чем когда-либо до этого... В моё собственное прошлое.

Шепчущие подождли столицу.

Дверь распахивается, и чьи-то шаги пересекают комнату. Я слышу, как зажигается спичка, сера горит, и за дымом проявляется лицо.

Мальчик.

Тот самый, который показывал мне магические трюки. По секрету.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он. На его щеке синяк, бровь пересекает глубокий порез.

— Что с тобой? — я тычу пальцем в его порез.

— Ничего. Пустяки, — говорит он твёрдо. — Я вытащу тебя.

Он берёт меня за руку и тянет за собой. Я упираюсь.

— Куда мы идём? Что происходит?

Он глубоко вдыхает, между бровями возникает знакомая складка.

— Мориа восстали. Здесь тебе небезопасно. Пожалуйста, Нати. Тебе нужно идти.

— Я не хочу никуда идти. Там огонь снаружи. Я останусь здесь с тобой.

— Не плачь, Нати. С тобой всё будет хорошо, — он вытаскивает маленький ключ из кармана.

— Нет! — я вырываю руку. — Судья Мендес говорит, мне нельзя...

— Ты не можешь покинуть дворец с перчатками для робари.

— Я хочу остаться, — всхлипываю я, пока он расстёгивает мои перчатки. — Не прогоняй меня. Я помогу...

Он сжимает мои плечи. Его лицо расплывается перед глазами, я моргаю, чтобы смахнуть слёзы.

— Тебе не стоит быть здесь. Никогда не стоило. Ты не знаешь моего отца.

Я позволяю ему провести меня через тёмную комнату, в его руке свеча, а на боку висит небольшой кинжал. Он откидывает гобелен, мой любимый — с братьями-пиратами Паласьо на их корабле. Там, один из камней чуть темнее остальных, и когда он давит на него пальцев, книжная полка отодвигается в сторону.

Секретная комната.

Я резко вдыхаю и делаю шаг назад.

— Идём, Нати. У нас мало времени. Ты мне веришь? — его лицо кажется золотым в свете огня.

Я хватаю его за руку, потому что рядом с ним чувствую себя в безопасности.

— Верю, Кас.

Я бросаюсь к подоконнику, сжимая его для равновесия, потому что у меня земля ушла из-под ног.

«Верю, Кас».

Эти слова вновь и вновь повторяются в моей голове. Его имя — Кастиан — на моём языке. Кастиан-ребёнок. Кастиан, мой друг.

Кастиан спас меня в тот день.

Нет.

Это неправильно. Какое-то искажение. Это не моё воспоминание. Не могло такого быть. Я бы не затолкала его в самый дальний угол своей памяти. Это невозможно. Он Бешеный Лев. Братоубийца. Он сотня ругательств, которыми бы я его назвала. Гнусный, презренный убийца Деза.

Это просто не может быть правдой. Что-то не так с моими воспоминаниями.

— Ты что-то натворил, — поворачиваюсь к мертвенно-бледному Себриану. — Исправь сейчас же.

Той мальчик из моих воспоминаний... Это должен был быть Дез. Это Дез нашёл меня во время нападения. Это Дез помог мне вскарабкаться на лошадь и похитил меня из дворца. Это был Дез. Только Дез.

Я дёргаю себя за волосы. Я всегда избегала мыслей о той ночи, потому что знала, что они разорвут меня изнутри. Ночь, когда тысячи людей сгорели. Всё это началось из-за меня. Я пересказала Мендесу информацию о местонахождении лагеря шепчущих из воспоминаний пленников, и той ночью Мендес воспользовался ей. Затем нападение шепчущих на дворец. Бесчисленные смерти невинных. Всё это из-за меня.

Но Дез был за пределами дворца с Илланом, куда Кастиан пойти не мог.

Я прижимаюсь лбом к полу. Моя память, видимо, искажена. Смешала их вместе. Где одно воспоминание кончилось, там другое началось.

Наверняка.

Я вспоминаю то, как Кастиан смотрел на меня, когда мы танцевали. Меня всю трясёт, я скольжу по стене на пол, ноги больше не держат. А каждая мысль как удар под дых. Секретная комната, которая так манила меня, зацепившая моё сердце и воспоминания. Кастиан, который назвал меня по имени, пока мы дрались. Нати. Так называл меня отец. Это имя я могла сказать только тому, кому полностью доверяла. Даже Дез не знал.

Дез был мальчиком, спасшим меня.

Или Кастиан?

Или оба?

Правда жила внутри меня всё это время, погребённая в пепле прошлого, в пепле после пожара этой самой кошмарной из ночей. Воспоминание Себриана о Кастиане. Великолепная иллюзия.

Кастиан — мориа.

Иллюзионари.

— Я вновь чувствую твою магию, — говорит робари и тянется рукой ко мне. Голод написан на его лице. — Клянусь, она божественна на вкус.

— Нет! Стой! Я передумала, — я отползаю назад так резко, что ударяюсь об стену с окном. Оно гремит.

Себриан кидается на меня, но я уклоняюсь в сторону. Он врезается в оконные стёкла, ломая деревянную раму пополам. У него льётся кровь из пореза на плече, просачивается сквозь одежду. Я хочу помочь ему, но он бьёт по моей руке.

— Это всё из-за тебя!

Почему все винят меня в том, что мне неподвластно?

Себриан срывает окно с петель. Пять длинных металлических прутьев отделяют его от внешнего мира. Морской ветер врывается в комнату, Себриан подставляет ему лицо, словно вспоминая ощущение дождя и ветра на своей коже. Он смотрит на свою руку, будто внезапно пугаясь собственной силы. Он сжимает железную решётку, его руки побелели от напряжения. И в следующую секунду он отламывает прутья.

Дождь льёт на пол. Сверкает молния, и Себриан закрывает ладонями лицо. Но через мгновение он смотрит на меня своими глазами, сверкающими серебром как та молния. Зловещая улыбка искривляет его черты, и затем он выбрасывается из окна.

— Нет! — кричу я, испугавшись, что он разбился насмерть. Я высовываю голову из окна, но вижу, что он приземлился в полуприседе на вершину узкого холма. Невероятная ловкость. Что бы они тут с ним не сотворили, у него нечеловеческая сила и скорость. Он несётся со всех ног в темноте, вдыхая воздух, словно он чувствует магию, зовущую его. Что, если он засёк и теперь преследует шепчущих?

Я ругаюсь под нос, понимая, что окно — это моё единственное спасение. Но я знаю, что если прыгну, то я не приземлюсь на узкую тропинку между тюрьмой и обрывом. В какую сторону я бы ни посмотрела, там эти крылатые твари на стенах тюрьмы, расположенные как ступени.

«Ангелы», — напоминаю себе, ухватившись за правильное слово. — «Это ангелы».

Я делаю пару глубоких вдохов, набираясь смелости. Один скользкий камень, один сильный порыв ветра, и я упаду с холма в

море.

Я хватаюсь за ближайшее каменное существо, перекидывая ногу через окно. Схватила, шагнула, схватила, шагнула, схватила, шагнула. В один момент старинное здание подводит меня — камень трескается под ногами, и я пошатываюсь. Чуть было не полетела. Но следующий мой шаг твёрд, и вскоре я оказываюсь на земле. Падаю на колени, уткнувшись лбом в грязь, тяжело дыша, радуясь устойчивости земли, как задыхающийся — глотку воздуха.

Я бегу вокруг тюрьмы к месту с лошадьми и повозками. В такой шторм изнеженный судья носа снаружи не покажет. Мои пальцы окоченели от холода, но я распрягаю коней. Оглобли с грохотом падают на землю. В это время гремит гром, заглушая звук, и я седлаю коня. Я несусь в ночь, пока мои мысли стремительно крутятся по кругу.

Принц Кастиан был тем мальчиком, что помог мне сбежать из дворца.

Принц Кастиан — мориа.

Принц Кастиан... схвачен шепчущими.

Он один из нас.

Я прищипываю коня. Мне нужно добраться до убежища до того, как совет приговорит его, до того, как Марго с ним что-нибудь сделает без суда и следствия. У меня слишком много вопросов, и только он может дать мне ответы.

Я молюсь успеть спасти его вовремя, моего главного врага.

Моего давнего друга.

Глава 32

Я стискиваю стучащие зубы, мчась по грязной от дождя дороге, ведущей назад в Сол-и-Перлу.

— Пожалуйста, только живи, — шепчу в бурю, преследующую меня.

Когда земля сменяется деревянным настилом набережной, а ливень — густым туманом, я понимаю, что уже близко. Никакая погода не заставит жителей этой цитадели остаться дома. «Что такое пара капель для моряков», — сказал бы Дез. Моё сердце замирает на секунду в растерянности. Как мог мальчик, который вывел меня из дворца, быть тем же человеком, что убил Деза? Но ведь... есть ещё

воспоминание, украденное у стражника. Дез был на корабле. Воспоминания не могут быть изменены. Но никогда в жизни Дез не терял часть уха. Мне нужны ответы.

Я боюсь, что если остановлюсь, то развалюсь на сотни осколков, и ничего из этого уже не будет иметь значения. Ни шепчущие, ни робари, ни эта нескончаемая война. Ничего.

Я натягиваю поводья, переходя на рысь вокруг дома герцога Ариа. Спрыгиваю с коня и привязываю его к столбу рядом с изогнутой деревянной конструкцией, предназначенной для хранения зерна. Под светлеющим предрассветным небом я подхожу к ступенькам чёрного входа.

Мои ноги подкашиваются с каждым шагом. «Я помню тебя», — звучит в моей голове его голос, хотела бы я его выскрести оттуда. Я хочу вытрясти из него все ответы, как зрелые фрукты с дерева. Но сначала мне надо попасть внутрь.

Я заглядываю в одно из окон, но занавески закрыты. Моё сердце бьётся быстрее, когда я захожу в дом, придерживаясь стен. Шум из кабинета заглушает тяжёлые шаги моих сапог, пока я поднимаюсь по лестнице. Голос Марго становится всё громче, пока Амина пытается что-то ей объяснить. Я поворачиваюсь, чтобы пойти дальше по следам грязи, но останавливаюсь, услышав своё имя. Половицы скрипят под моим весом.

— Я никогда не соглашалась бросить её, — говорит Саида. Её голос спокоен, но я слышу, что её выдержка подходит к концу.

— Рената понимала риски, — отвечает Филипа.

— Мы не можем рисковать жизнями остальных, спасая её, — добавляет Марго.

Они всё-таки сговорились. То, что Саида не участвовала в этом, приносит мне небольшое облегчение. Но больше всего меня удивляет голос Эстебана.

— Она рисковала всем, чтобы вернуться к нам.

Я слышу шаги, мечущиеся по комнате, Марго громче всех — как осиное гнездо в моих ушах.

— Может быть, — говорит Марго, — но мы не можем знать, как далеко простирается её верность. Теперь, когда мы знаем, что робари используются в качестве оружия, всё изменилось. Эта чужая нам

магия. А она будет сочувствовать тому существу — нынешнему оружию. Рен уже потеряна для нас.

Я вспоминаю о времени, когда мы сидели в одной камере. Перемирие, похоже, уже закончилось.

— Или вы просто передали Правосудию новую робари для пыток, — язвит Саида.

— Я разделяю мнение Марго, — говорит Филипа, и все замолкают при звуке её властного голоса. — Теперь принц у нас. Это может быть наш шанс пересмотреть договор.

В кабинете наступает мёртвая тишина, пока кто-то не прочищает горло.

— А что с Потрошителем? — спрашивает Амина.

— Это так вы его теперь называете? — ворчит Эстебан.

— Себриан — робари — должен умереть, — говорит Филипа.

— Нет! — одновременно выкрикивают Саида, Эстебан и ещё кто-то. — Мы станем ничем не лучше судей!

— Прости, Саида, — мягко говорит Саида.

Я услышала достаточно.

Поднимаюсь по лестнице, надеясь, что ещё не слишком поздно. Разумеется, не поздно. Они же понимают, что принц Кастиан ценнее живым. Да и в любом случае, принц, которого я знаю, не дался бы без боя.

«Как трогательно», — звучит голос в моей голове, удивительно похожий на Деза. — «Принц, которого ты знаешь? Ты уже его защищаешь».

Я толкаю первую дверь, но комната пустая, а мебель накрыта белым льном. Передвигаюсь ко второй комнате и нахожу нескольких юных моря, крепко спящих. Оставляю дверь приоткрытой, чтобы не разбудить, закрывая. Осталась только одна дверь, и я уже готова к тому, что там увижу.

«Идём, Нати. У нас мало времени. Ты веришь мне?» — сказал он тогда.

Мы были детьми. Оба до смерти напуганные. Но всё же он спас меня в тот день... Освободил.

Вихрь странных эмоций поднимается во мне. Чувство утраты по мальчику, которого я знала. Злость на человека, которым он стал.

Когда дверь открывается и я захожу внутрь, оба чувства накрывают меня.

Кастиан привязан к креслу, рот закрыт кляпом, волосы, заляпанные кровью и потом, свисают у висков. Он всё ещё в той же одежде, в которой был на Фестивале Солнца. Он издаёт гортанный звук, когда видит меня, и показывает глазами на свои ноги. Ноги? Сапоги!

Я приподнимаю его штанину и чувствую лезвие, вложенное в ножны там. Он откидывает голову, обнажая горло, с облегчением. Он рад видеть меня, и от этого мне только хуже.

— Хвала Госпоже, они были слишком уставшими, чтобы обыскать тебя, да? — я прижимаю лезвие к его горлу, глядя Кастиану в глаза. Теперь я вижу его. Мальчика в кабинете, с которым мы шептались по секрету, который играл с парой кубиков.

И вот его уже нет.

Он ничего не говорит, даже не пытается закричать через кляп. Просто наблюдает за мной. Не хочу, чтобы он так делал. Но я знаю, что если мне нужны ответы об Иллане, Дезе и оружии, мне нужно его освободить.

Дрожащими пальцами я разрезаю верёвки, удерживающие Кастиана в кресле. Он трёт запястья и смотрит на меня, невероятно поражённый, пока поднимается на ноги. Его щека дёргается — я догадываюсь, что он подыскивает слова, чтобы отблагодарить меня, но не находит нужных.

— Ты спасла меня, — недоверчиво говорит он. — Зачем?

— Я так понимаю, ты первым спас меня.

Он заглядывает в мои глаза, снова хмурия лоб.

— Ты вспомнила?

— Да.

— Прекрасно. Нам надо идти, — Кастиан выхватывает обратно свой нож, пересекает комнату и открывает окно. Перекинув одну ногу, он протягивает мне ладонь. Не думала, что мне когда-нибудь захочется — или понадобится — принять эту руку помощи.

Я колеблюсь, разрываюсь между ненавистью и желанием узнать правду. Он читает это по моему лицу.

— Прожить ещё один день со мной или умереть от их рук. Твой выбор.

— Не такой уж это и выбор, — бормочу я.

«Выбери то, что вернёт тебя ко мне». Этот выбор вернёт?

Я следую за ним.

За принцем, чья дружба сделала жизнь во дворце не такой одинокой для девочки-мориа. За принцем, которого я ненавидела полжизни.

На полпути из окна я слышу, как она тихо зовёт меня по имени. Я бы узнала этот голос где угодно.

— Рен.

Я не могу не оглянуться, продолжая побег, и то, что я вижу, я не забуду никогда: лицо Саиды, когда я выбираю предательство.

Глава 33

Мы бежим под дождём по пустым улицам, пока не отрываемся от погони. Марго отлично умеет выслеживать, но у нас есть два преимущества: ливень и стражники, ищущие робари и похищенного принца.

Я следую за Кастианом на некотором расстоянии. Хочу, чтобы он ответил на мои вопросы. Хочу понять, как он всё это сделал. Как я попала сюда?

Каждый раз, когда я пыталась доказать свою верность шепчушим, у меня ничего не выходило. Для них я всегда буду предательницей-робари. Ну и прекрасно. Пусть так думаю. В своём сердце я знаю, что я за человек. Не знаю только, что за человек ведёт меня за собой.

— Стой, — я тяну его за окровавленную сорочку, и Кастиан разворачивается со злой складкой на лбу. Как я могла забыть? — Я не могу нестись за тобой, как потерявшаяся собака. Куда мы бежим?

— Ещё немного осталось.

— До чего именно ещё немного?

Он подходит ближе, упирая руки в бёдра. С его волос всё ещё стекает запёкшаяся кровь, которую он пытался смыть, зачерпнув солёной воды из моря. Он выглядит как настоящий Кровавый Принц, о котором я столько слышала. Но кто он на самом деле?

— До тайного места, — отвечает он.

Я уже устала от тайных мест и прыжков из окон. Устала бежать. Делаю глубокий вдох, сдерживая злость.

— Мне нужно оружие.

Принц, ни слова не говоря, передаёт мне свой единственный кинжал. Он спрыгивает с набережной на песок, где берег становится скалистым, и ведёт нас к высоким, тёмным пещерам. Цитадель едва видно на горизонте. Только сейчас весь ужас от того, что я натворила, сменяется паникой. Я осталась одна с принцем Кастианом. Я выбрала его.

Отлив воды оставляет дорожку из ракушек, сломанных кораллов и груды камней, ведущую вглубь пещеры.

Мне не стоит идти туда за ним. Это может быть какой-то коварный план. Вновь пленить меня. Превратить в робари, воруящую магию. В ещё одно оружие. В потрошителя. Я напоминаю себе, что я уже потеряла всё, что только можно было, и следую за ним в пещеру.

— Кто ты? — спрашиваю, как только мы оказываемся внутри. — У тебя было полдня на подумать, что ты можешь сказать, и я клянусь, если ты попытаешься солгать...

— То ты пережжешь мне глотку? — в его глазах читается вызов.

— Да, — но даже я слышу, как нетвёрдо это прозвучало.

Он вздыхает, так устало, что моё измученное тело повторяет за ним. Он тянется вверх, пытаюсь нащупать что-то на стене пещеры, и достаёт тёмный камень. Он выхватывает свой кинжал с моего пояса. Прежде, чем я успеваю возмутиться, он бьёт сталью по кремню, пока от искр не загорается факел, вбитый в стену. В этот раз я не подсакиваю от внезапного появления огня. Он возвращает мне кинжал и идёт дальше в пещеру, не дожидаясь меня.

Мы бредём по туннелю в тишине, только вода плещется под нашими ногами и огонь трещит в его руке.

Когда мы добираемся до места, дышать становится немного легче. Пещера здесь расширяется вокруг водоёма с переливающейся разными цветами водой, по краю которой образовались крупные острые сталагмиты, как будто мы находимся в пасти гигантской акулы.

Кастиан, наконец-то, останавливается в ровном углублении пещеры, где есть койка, оружие и ящики с едой. Я даже не знаю, что во мне сильнее — голод или усталость.

— Присаживайся, — говорит он. — Я останусь на полу.

Я не спорю. Стягиваю с себя украденный дуплет, тело ноет даже от незначительного движения. Сажусь на койку, прислоняясь к стене. Кастиан опускается на пол рядом со мной. Это даже хуже, чем

Серость. Хуже, чем непрошенные воспоминания, потому что я не в чьей-то чуждой жизни. Я очень даже здесь и в то же время нет.

Он передаёт мне яблоко и бурдюк. Я жадно глотаю воду. Хорошо, что у него есть второй для себя, потому что я не смогла бы оторваться и поделиться.

— Полегче, а то плохо станет.

— Я всю жизнь провела на солнце, — говорю, вытирая рот обратной стороной ладони. — Я умею пить воду.

Он пожимает плечами.

— Спасибо, что пришла за мной.

— Кастиан, — начинаю я. — Кастиан. Ты, правда, Кастиан?

Он убирает волосы с лица, и выглядит теперь моложе. Обычный парень, который изо всех сил пытается выглядеть жестоким мужчиной.

— Я Кастиан, сын Фернандо Справедливого, принц Андалусии, Главнокомандующий пятью флотами, законный наследник королевства Пуэрто-Леонеса, — он отворачивается, избегая моего взгляда, и делает глоток. — И я иллюзионари.

— Ты помнил меня. С того времени, когда мы были детьми.

Я думаю о мальчике, который просил меня покинуть дворец. Это воспоминается сменяется другим — принцем, которого я встретила в лесу, а потом на эшафоте перед толпой своих людей. Я всё ещё помню, как желчь стояла у меня во рту, пока я бежала со всех ног, прыгая с крыши на крышу.

«Опоздала, я слишком опоздала», — я дышу быстро и часто, мои руки сжаты в кулаки, изо всех сил стараюсь держаться и не трястись.

— Ты убил Деза? — эти слова душат меня.

Его губы дёргаются в грустной улыбке, но она быстро исчезает. Его глаз распухает сильнее, чем было, и темнеет. Теперь сложно встретиться с ним взглядом, не испытывая сочувствия.

— Тебе, наверное, будет больно это услышать, ведь каждую нашу встречу больше всего на свете ты хотела покончить со мной, но я никогда никого не убивал.

Я либо слишком устала, чтобы осознать его слова, или он пользуется моей усталостью, чтобы наплести лжи.

— Что?

— Если точнее, я никогда не убивал невинных, даже если они мориа.

Я мотаю головой.

— Нет. Я же видела. Видела тебя своими собственными...

Он прислоняется головой к стене позади нас.

— Я иллюзионари, Нати.

— Не называй меня так, — шепчу.

— Я создаю иллюзии. Как Марго создала тот дым.

— Твоя магия не может быть так сильна, — возражаю, потому что не могу в это поверить. Просто не могу. Но я ведь видела в своих недавно всплывших воспоминаниях. Разговор с принцем в памяти Мендеса потерял краски, потому что тот говорил с иллюзией Кастиана. И Себриан видел, как игральные кости исчезали и появлялись, прямо как когда мы были детьми.

И всё же это странно слышать из его уст. Даже страннее, чем поверить, что он говорит правду.

Теперь он по-настоящему улыбается ровными зубами и лукавыми глазами.

— Из чего же сделана моя корона?

— Золото, — металл-катализатор, усиливающий иллюзионари. — Это был ты на Фестивале Солнца. Когда мне стало плохо. И потом, когда я побежала к Дезу. А я думала на Марго оба раза.

Он запускает пальцы в волосы.

— Это было глупо с моей стороны. Мне нужно было пойти за тобой, поэтому я создал иллюзию самого себя, стоящего в углу в одиночестве. Я делал это больше раз, чем стоило бы гордиться.

Я наклоняюсь вперёд, почти нависая над ним за ответом.

— Ты убил Деза?

— Признаю, — говорит Кастиан, вставая, хотя я замечаю, как он прижимает руку к боку, пока идёт, прихрамывая, к синему водоёму, — это была самая непростая иллюзия в моей жизни. Дез был... то есть он всё ещё лидер шепчущих, и король с Правосудием хотели почувствовать себя победителями. Мне пришлось использовать ещё и золотую рукоять меча. Легче, когда иллюзия основана на реальности. Так получается надёжнее. Мне даже пришлось отрезать ухо Деза, чтобы обмануть тысячи свидетелей.

Воспоминание стражника нахлынуло, как тяжёлая, холодная волна. Дез стоит на носу корабля, без левого уха. Слезы застилают мои

глаза. Боль, которую я не думала, что могу почувствовать, разъедает моё сердце, лишает дыхания.

— Дез жив?

— Да.

Одно слово эхом повторяется в пещере. Я слышу его снова и снова, и всё ещё оно не звучит как правда.

Дез жив.

Моё восприятие похоже на пламя из искры — резкая вспышка бурной радости, неопишуемого восторга. Если Дез был жив, почему он не пытался меня найти? Если он жив, почему я не чувствовала его? Чем больше вопросов я задаю себе, тем меньше моё счастье. Пламя затухает.

Я падаю на колени. Каждый шаг к Кастиану как прогулка по битому стеклу. Он снимает свою сорочку, шипит, когда ткань прилипает к его разорванной окровавленной коже. Как он может сказать мне такие вещи, а потом просто пойти промывать свои раны? Как он может смотреть, как я, пошатываясь, иду за ним, словно это не он перевернул весь мой мир несколько раз за один оборот солнца?

Моё имя застывает на губах, когда я ударяю его. Он не ожидал этого, но хватает меня за талию и прыгает со мной в воду. Я отбиваюсь от него. Запаниковав и попытавшись вдохнуть, я набрала полный рот солёной воды. Я нащупываю ногами опору в мягком светлом песке, и затем выныриваю на поверхность, кашляя так сильно, что моё горло горит.

Уровень воды достигает моей талии, когда я встаю и поворачиваюсь к нему лицом.

— Ты просто прикидывался, пока твоё королевство страдает? Ты разбил мне... Ты сломал меня.

— Прости, — говорит он, вздрагивая, когда касается порезов на рёбрах и на плече. — Мне пришлось. Ты не понимаешь.

— Так заставь меня понять.

Вода стекает по нашим лицам. В этом освещении его глаза отражают ярко-синий цвет озера. Он наклоняется ко мне, его дыхание тёплое и сладкое, как перезревшее яблоко.

— Я всё объясню... Если ты перестанешь на меня нападать.

Соль жжёт внутренние уголки моих глаз. Я вскидываю подбородок.

— Я должна была дать Марго убить тебя.

Он вздрагивает. От моих слов, от боли или от всего сразу — я не уверена.

— Ты не думаешь так на самом деле.

Я начинаю дрожать, когда вода вокруг нас становится холодной. Он прав. Не думаю. Но хотела бы так думать.

— Избавься от этих тряпок, пока не замёрзла насмерть, — говорит он и выбирается из воды на пути к своей самодельной комнате.

Меня бесит, что он прав. Он хватает голубую сорочку, расшитую ярко-зелёными узорами в виде ивовых веток, и швыряет в меня. Затем он разжигает огонь, пока я переодеваюсь. Я обхватываю себя руками, потому что сорочка прикрывает только бёдра. Сажусь на край койки и протягиваю ладони к костру.

Кастиан поднимает взгляд и на этот раз отходит подальше.

— Я продолжу отвечать на твои вопросы, Нати. Но держи свои руки при себе.

— Я постараюсь сдерживаться, если ты не будешь называть меня так, — я дожидаюсь его недовольного кивка и продолжаю. — Как так вышло, что твой отец не знает о твоей силе?

Кастиан греет руки у костра, разворачивая их то одной стороной, то другой, а потом сжимает в кулаки.

— После того, как моя мать обвинила меня в том, что я утопил своего брата, меня передали нянькам. Давида была единственная, кто знал, и она предостерегала меня никому об это не рассказывать. Я понял почему, когда стал старше. Поэтому она всё ещё заботится обо мне и находится под моей защитой.

Воспоминание выскальзывает ко мне, утратив все краски, но я всё ещё вижу, как Иллан забрал младенца из корзины. Хотела бы я избавиться от этой волны сочувствия, поднявшейся в моей груди.

— Ты не пытался утопить его.

— Откуда знаешь? — от его голоса мне становится так грустно, хотя я не хочу этого чувствовать.

— Иллан показал мне воспоминание перед смертью.

Кастиан изгибает бровь. Его ноздри раздуваются, будто он пытается дышать глубже, чтобы усмирить гнев.

— Вот как? Значит, ты знаешь, что его обман обеспечил мне безопасность и благосклонность отца. Ну, Селеста и моя мать тоже сыграли свою роль. Их ложь заложила основы репутации Братоубийцы. Такого же жестокого и безжалостного, как отец. Моя мать, кажется, пыталась рассказать мне правду перед своей смертью, но я не решился пойти к ней.

Я вспоминаю женщину, мучимую собственным решением. Портрет в его покоях. Он всё ещё любит её, даже после всего того, во что она заставила его поверить.

Мои мысли переходят к деревянной шкатулке, которую он показал Дезу в воспоминании Лозара. От которой Дез отпрянул с таким отвращением, что я была уверена, там оружие. Но потом я нашла шкатулку в скрытой комнате Кастиана. В ней был только портрет двух мальчиков.

Двух братьев.

К. и А.

Кастиан и Андрес.

«Андрес?» — «Не говори никому».

— Ты не утопил своего брата, — медленно говорю я. В этих словах есть что-то опасное, как будто если произвести их вслух, это станет началом конца. — Потому что Иллан забрал его. Вырастил как своего собственного.

Слова царапают моё горло.

Дез, мой любимый Дез. Сын Иллана.

Хотя нет, не сын. Иллан только вырастил его. Дез был похищен, как и я.

— Где сейчас Дез? Что ты с ним сделал?

— Он не так давно отправился на корабле в Лузо.

Я мотаю головой.

— Он бы не уехал. Он бы вернулся к шепчущим.

Ко мне.

Но я видела его. В воспоминании того стражника, я видела, как Дез стоит на носу корабля, покидающего королевство.

— Зачем бы он уехал? — мой разум заикнулся на этой мысли, на боли от неё.

Кастиан смотрит на угасающий огонь. Должно быть, уже наступила ночь, потому что в пещеру проникает холод, который я не

чувствовала раньше. Кастиан находит нож, тот, что я достала в доме герцога. Играет с ним, словно может вырезать новую правду, новые слова для нас.

— Андрес сбежал, потому что боялся.

«Андрес?» — «Не говори никому».

— Забери свои слова обратно, — я тянусь к нему, но он прижимает остриё клинка к моему горлу.

— Поверь мне. Если бы я мог сделать так, чтобы он остался, я бы это сделал.

— Ты не знаешь его, — бесит, что мой голос на грани истерики и что Кастиан так близко.

Мы замираем так на долгое время, никто из нас не готов отступить, но его рука затекает, и я больше не могу смотреть на него. Давление клинка исчезает, и он возвращается к костру, чтобы поддерживать огонь.

Я жива, но чувствую себя проигравшей. Впервые я так далеко от шепчущих, Мендеса, короля, но эта неопределённость, которую принёс с собой Кастиан, — не то, что я хотела. А что бы я хотела? Свободу от своего прошлого. Королевство без кровопролития. Деза.

Когда Иллан забрал Деза, чтобы вырастить как собственного сына, думал ли он, что этот мальчик сбежит, узнав правду о своём происхождении?

— Я не знаю своего брата, но ты знаешь. Мне нужна твоя помощь, — Кастиан приглаживает свои золотые волосы. Я не знаю, как к нему теперь относиться. Оказывается, дружба и вражда могут уживаться в одном сердце. — Есть одна вещь, которая может закончить эту войну, и я верю, что Дез отправился за ней.

— Что за вещь?

— Клинок памяти.

Из меня вырывается смешок.

— Дез не верит в сказки.

— Я многого не знаю о брате, но хотел бы узнать.

Опять это слово. Брат. Я всё ещё не до конца в это верю.

— Хочет он того или нет, Дезу понадобится наша помощь. Если он увидит меня, то сбежит. Но если ты будешь со мной...

— Я не дам тебе использовать меня, чтобы подобраться к нему.

Кастиан кивает.

— Я и не прошу тебя об этом. Убедить Деза вернуться и занять своё законное место во дворце — это то, что я должен сделать сам. Но если бы мы могли найти способ остановить войну и принести мир в Пуэрто-Леонес... Если бы мы могли залечить хотя бы часть ран этого мира, истекающего кровью... Я хочу знать, Рената, ты бы помогла мне?

Я смотрю на руку, которую он мне протягивает. Я так долго ненавидела этого принца, который сейчас мне говорит, что Дез жив, что они братья, что он помнит меня, хотя я хотела бы забыть.

Я ошиблась. Он не дал мне ответов, только ещё больше вопросов. Я не та девочка, которой он помог сбежать из дворца. Судьба снова свела нас вместе в худшем из путей, но вот мы здесь.

— Мы пойдём за Дезом и за клинком, — говорю я, поднимая взгляд на его лицо. — И в конце всего этого, твой отец умрёт.

Его глаза, синие как море, сверкают решительностью:

— Только если я буду тем, кто пронзит мечом его сердце.

Я пожимаю протянутую руку Кастиана.

Заметки

[

←1

]

Персуари (Persuári, англ. Persuade) — убеждать.